

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVII

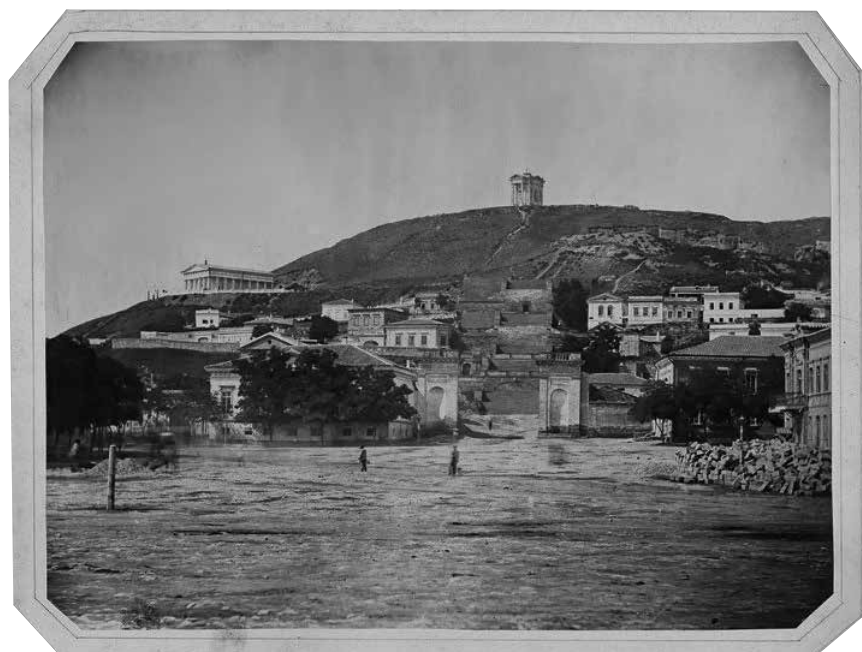
XXVII БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

*К 200-летию
Керченского музея древностей*

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Государственный Эрмитаж
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
Московский государственный академический
художественный институт имени В. И. Сурикова
при Российской академии художеств
Институт археологии Российской академии наук
Институт археологии Крыма Российской академии наук
Благотворительный фонд «Деметра»

XXVII БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

К 200-летию Керченского музея древностей

Сборник статей:
материалы научной конференции

«Индрик»
Москва 2026

УДК 902/904
ББК 63.4

Редакторы-составители
Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева

Научный редактор
А. А. Масленников

Редактор
А. В. Меньшиков

**XXVII Боспорские чтения. Северное Причерноморье
в эпоху античности и средневековья.** Археология. История. Искусство.
К 200-летию Керченского музея древностей: Сборник статей: материалы
научной конференции / Ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. –
М.: Индрик, 2026. – 368 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-782-9

Издание осуществлено при поддержке Благотворительного фонда «Деметра»

На первой странице обложки и титульном листе:
два скифских воина, стреляющих из лука, –
нашивная аппликация из кургана Куль-Оба, золото, IV в. до н. э. ГЭ.

На авантитуле: вид горы Митридат от Предтеченской площади
(слева на горе – здание музея в виде дорического храма, возведенное в 1835 г.
по проекту архитектора Г. И. Торичелли). Фото: Е. Кирьяков, 1860-е гг. ГМИ СПб
Инв.№-XII961ф.

ISBN 978-5-91674-782-9

© Авторы, 2026
© Издательство «Индрик», 2026

Вместо предисловия

*Двухвековой разговор с древностями, о древностях – и не только...
Этот год посвящен Керченскому музею с его непростой историей
и великой миссией – собирать, сохранять, соединять времена и эпохи.
Он заслужил этот триумф. Музей ввел новую связь между произведени-
ями искусства и археологии, оживил исторические свидетельства, изме-
няя пространство прошлого, создаваемое нашим воображением.*

*Все археологические пути Северного Причерноморья проходят
через Керченский музей, и во всех своих формах ныне масштабный Вос-
точно-Крымский историко-культурный музей-заповедник сохраняет
не только памятники, но и плоды наших творческих усилий, нашу работу,
которая, как оказывается, не так уж и далека от современности...*

Оргкомитет конференции

*На фото: в Лapidарии ВКИКМЗ (г. Керчь) – А. М. Бутягин, начальник
Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа,
передает найденную статую в музейное собрание. 2018 г.
(источник: канал «Музеи Керчи» в MAX, 17 марта 2026 г.)*

*К 200-летию
Керченского музея древностей*

Сборник статей:
материалы научной конференции

Л. Х. Алиева
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ВУЛКАНА У РИМСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ТАВРИКИ

Религиозная жизнь римской армии представляла собой сложный синтез официального культа, локальных верований и личной веры солдат. В римских провинциях военные гарнизоны выступали проводниками имперской культуры, включая религиозные практики. Территория Таврики в I–III вв. н. э., где дислоцировались подразделения Мёзийской армии, предоставляет материал для изучения механизмов интеграции и сохранения идентичности в инородной среде.

В римской традиции Вулкан – древний италийский бог огня и кузнечного ремесла – осмыслялся как податель сакрального вооружения. Цицерон использует выражение «вулканово вооружение» (*Volcaniis armis*) как метафору воинской доблести (*fortitudo*): «*nudus es, da iugulum: sin tectus Volcaniis armis, id est, fortitudine, resiste*» – «если ты беззащитен, подставь горло; если же ты укрыт вулкановым вооружением, то есть мужеством, – сопротивляйся» (Cicero *Tusc.* II.34).

Металл, обработанный огнем Вулкана, приобретал не только физическую, но и метафизическую защитную функцию.

Главный праздник – Вулканалии (23 августа) – включал обряды заместительной жертвы (Varro *Rust.* I. 1, 4–6; Энциклопедический словарь, 1892. С. 444) и входил в цикл августовских праздников защиты урожая (*Schmidt*, 2001. S. 346). Показательно, что Октавиан Август в 20 г. до н. э. организовал игры в честь Вулкана (*Ludi Volcanalici*) для ознаменования возврата легионных штандартов от парфян (*Kempiński*, 2001. S. 459). Император Домициан учредил новый алтарь богу на Квиринале (*Schmidt*, 2001. S. 347),

а Клавдий II Готский помещал изображения Вулкана на монетах, подчеркивая связь с божественным покровителем (Куликова, 2024. С. 252).

Хотя культ Вулкана не принадлежал к числу наиболее популярных в армии (Там же. С. 21), боги, связанные с оружием, ремеслами и защитой, играли важную роль в религиозном сознании военнослужащих (Соловьянов, 2007. С. 218). В военной среде Вулкан почитался в двух аспектах: профессионально-символическом – как патрон ремесленников (*fabri*), оружейников и инженеров (Davies, 1989), и охранительном – как божество двойственной стихии огня, способное защитить от опасности (Woodard, 2014. Р. 185–188; Штаерман, 1987. С. 218).

Проблема выявления культа в Таврике связана со сложностью интерпретации материала, поскольку Вулкан мог изображаться как в классическом облике кузнеца, так и в образе бога разрушительного пламени. В отличие от «фракийского всадника» со стабильной иконографией (Крыкин, 1993. С. 90–95; Goseva, Oppermann, 1979. Р. 15–20), идентификация Вулкана требует особого подхода.

Наиболее значимым свидетельством является находка из Кадыковского городища (Балаклава), где в римском военном лагере II – первой трети III в. н. э. обнаружено святилище с алтарями, посвященными Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану (Зубарь, 2005. С. 70). Надпись на алтаре гласит:

«[–] Volkano / [–] Antonius Proclus / [–] leg(ionis) XI Cl(audiae) / [–] v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)» – «Вулкану. Антоний Прокл, центурион XI Клавдиева легиона, выполнил обет охотно и заслуженно» (Сарновский, Савеля, 2000. С. 97).

Памятник датируется II – началом III в. н. э. Стратиграфически алтарь Вулкана зафиксирован в более позднем горизонте, чем постамент статуи Геркулеса середины II в. н. э. (Зубар и др., 1997. С. 72–74), что согласуется с выводами о более позднем появлении в регионе военнослужащих XI Клавдиева легиона (Зубарь, 1994. С. 50–53). Формула *votum solvit libens merito* указывает на исполнение индивидуального обета, данного богу в связи с военной опасностью или завершением службы.

Анализ латинских надписей из Херсонеса и окрестностей показывает, что почитание Вулкана могло быть связано с деятельностью военных коллегий (Зубар и др., 1997. С. 68), которые часто избирали божественных покровителей (Колосовская, 1985. С. 192–195). Надписи из дунайских провинций, откуда комплектовались гарнизоны Таврики, фиксируют коллективные посвящения Вулкану, что позволяет предполагать перенос этих практик в Крым.

Святилище на мысе Ай-Тодор (Харакс), где стояли флотские и сухопутные подразделения, демонстрирует высокую степень религиозного синкретизма (Ростовцев, 1911. С. 20–28; Блаватский, 1951. С. 158). Хотя прямых посвящений Вулкану там не найдено, сама структура святилища создавала контекст, в котором культ мог существовать. Вотивные таблички с Сакской пересыпи, интерпретированные С. Б. Ланцовым (Ланцов, 1999. С. 100–105), будучи металлическими изделиями, технологически связаны с обработкой огнем, что придает дополнительное значение покровительству бога-кузнеца самому акту творения вотива.

Почитание Вулкана определялось комплексом факторов: профессиональной релевантностью для военных ремесленников, символической связью с вооружением и доблестью, апотропеической функцией защиты от огня, институционализацией через коллегии и конкретными условиями службы на опасном пограничье. Длительное пребывание в инородной среде создавало угрозу размывания идентичности, и почитание архаичных италийских божеств позволяло поддерживать символическую связь с Римом. В отличие от популярных восточных культов, Вулкан имел подчеркнуто италийское происхождение.

Таким образом, культ Вулкана занимал периферийное, но устойчивое положение в религиозной жизни римских военнослужащих в Таврике. Находка алтаря из Кадыковского городища является уникальным, но не единственным свидетельством, показывающим, что религиозная жизнь римских гарнизонов в Северном Причерноморье представляла собой сложный многокомпонентный феномен, не сводившийся к доминирующим культам.

Список литературы

- Блаватский В. Д.** Харакс. Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 19. С. 156–158.
- Зубар В. М., Савеля О. Я., Сарновский Т.** Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 67–88.
- Зубарь В. М.** Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. 180 с.
- Зубарь В. М.** Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стилос, 2005. 188 с.
- Колосовская Ю. К.** Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 167–256.
- Крыкин С. М.** Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. 180 с.
- Куликова Ю. В.** В поисках религиозной идентичности: характерные черты религиозной жизни Римской империи накануне реформы императора Аврелиана // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. С. 249–265.
- Ланцов С. Б.** Две votivные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // ХС. 1999. Вып. 10. С. 98–106.
- Ростовцев М. И.** Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
- Сарновский Т., Савеля О. Я.** Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. 120 с.
- Соловьянов Н. И.** Римское религиозное сознание и его отражение в пантеоне армии в I–III вв. Красноярск, 2007. 312 с.
- Штаерман Е. М.** Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука, 1987. 320 с. Энциклопедический словарь. Т. VII: Волапюк – Выговские / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-Лит. И. А. Ефрона, 1892. 482 с.
- Davies R. W.** The Daily Life of the Roman Soldier under the // Davies R. W. Service in the Roman Army. Edinburgh, 1989. P. 33–68.
- Goceva Zl., Oppermann M.** Monumenta Orae Ponti Euxini Bulgariae // Corpus Cultus Equitis Thracii (CCET). Leiden: Brill, 1979. Vol. I. P. 9–25.
- Kempiński A.** Encyklopedia mitologii ludów indoeuropejskich. Warszawa: Iskry, 2001. 546 S.
- Schmidt J.** Vulcanus // Der Neue Pauly: Enzyklopädie der Antike: in 16 Bd. Weimar: J. B. Metzler, 2001. Bd. 12/2. S. 346–347.
- Woodard R. D.** Myth, Ritual, and the Warrior in Roman and Indo-European Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 304 p.

М. М. Ахмадеева, О. Ю. Соколова, Н. Ю. Новоселова
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВИНОДЕЛИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО НИМФЕЯ

За более чем 80-летнюю историю археологического изучения античного Нимфея получены данные о почти тысячелетней жизни города: о жилой застройке, об оборонительной системе, исследованы участки святилищ, общественных зданий (Соколова, 2017). Были обнаружены и производственные комплексы, в том числе винодельческие.

Первые опыты разведения винограда на Боспоре исследователи относят к VI–V вв. до н. э., о чем свидетельствуют находки садово-виноградского ножа в Патрее в слое VI в. до н. э., косточек винограда – в Мирмекии в слое V в. до н. э. и Фанагории в слоях V–IV вв. до н. э. (Винокуров, 1999. С. 5), а также изображение виноградной лозы на реверсе монет, чеканенных в Нимфее в последней четверти V в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 163; Шелов, 1956. С. 30). Распространение культа Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. рассматривалось как свидетельство большой роли виноделия в этот период (Блаватский, 1953. С. 87; Кругликова, 1975. С. 188–189).

Первые монолитные переносные давильни с простой системой стока и сбора сусла (тип М I-1а по классификации Н. И. Винокурова (Винокуров, 2007. С. 417)) появляются в Нимфее уже в IV в. до н. э. (Грач, 1979; Винокуров, 2007. С. 125, рис. 83, 1; С. 417), а фрагменты аналогичных тарапанов были найдены и в слоях эллинистического и римского времени.

В 1985–1987 гг. на южном склоне нимфейского плато открыты остатки двух виноделен (Нмф-4; Нмф-5), датирующихся III–II вв. до н. э. и рассчитанных на единовременную выжимку нескольких тысяч литров виноградного сусла и многолетнюю эксплуатацию, что позволяет говорить о товарном характере производства вина в Нимфее в эллинистическое время (Соколова, 1988; 1990; Винокуров, 2007. С. 128–130, рис. 91, 1–2; 92, 1–2). Важной

технической деталью одной из виноделен (Нмф-5) является каменная гиря от пресса, которая находилась в специальном углублении, расположенном ниже уровня давяльной площадки. Для второй винодельни (Нмф-4) следует отметить появление со временем второй давяльной площадки. Белый цвет раствора, покрывавшего стены и дно давяльных площадок и цистерн, свидетельствует об их возведении еще в III в. до н. э., позднее в слоях раствора появляется примесь толченой керамики, придающая ему розоватый цвет. По классификации Н. И. Винокурова обе винодельни относятся к типу стандартных композитных виноделен с одним резервуаром и простой системой стока и сбора сусла – К1-1 (Винокуров, 2007. С. 128–130, 424).

В 1954 г. в восточной части нимфейского плато открыта винодельня (Нмф-1), датируемая II–III вв. н. э., состоявшая из одного помещения, в восточной части которого располагались три давяльные площадки и два резервуара для сусла (Гайдукевич, 1958. С. 438–439, прим. 1; Винокуров, 2007. С. 424). По своей конструкции эта винодельня соответствует стандартным композитным винодельням с двумя резервуарами и сложной системой стока и сбора сусла – К1-2 (Винокуров, 1999. С. 34, 120; 2007. С. 424). Винодельни этого типа получили широкое распространение на Боспоре в первых веках новой эры (Винокуров, 2007. С. 136), что подтверждается находками из заполнения цистерн винодельни Нмф-1 (Соколова, 2002).

В 2021 г. во время археологических изысканий в западной части города были обнаружены три давяльные площадки, покрытые качественным известковым раствором с добавлением цемента. Доследование объекта, предпринятое в 2025 г., позволило выявить винодельческий комплекс, состоящий из четырех давяльных площадок и двух принимающих емкостей – цистерн, а также установить два строительных периода винодельни¹ (рис. 1–2).

На первом этапе функционирования винодельни Нмф-6 состояла из двух смежных давяльных площадок (№ 3 и № 4) и двух цистерн (№ 1 и № 2).

Площадка № 3 прямоугольной, слегка неправильной формы, ориентирована длинной стороной по линии север – юг с небольшим смещением к востоку. Площадка № 3 сохранилась полностью: длина ее по западному краю составляет 2,6 м, по восточному – 2,9 м, ширина – 2 м. Площадь ее около 5,5 кв. м. Вдоль границ площадки сохранились нижние части вертикальных бортиков, представляющих собой несколько слоев известково-цементного раствора, покрывавшего несохранившиеся стены

или бортики, ограничивавшие давяльную площадку. На поверхности площадки № 3 зафиксировано до 5 слоев цементной обмазки, в вертикальных бортиках – от 3 до 8 слоев. Обмазка светло-серого с розоватым оттенком цвета, верхние слои хрупкие, толщиной 0,5 см, нижние – насколько можно судить по небольшим участкам – несколько более плотные. Поверхность площадки имеет уклон в южном направлении порядка 2°, южная ее часть расположена ниже северной на 0,1 м. Самая нижняя точка площадки находится непосредственно перед сливом, устроенным в ее юго-западном углу и ведущим в цистерну № 2. Для слива использована перевернутая лаконская черепица, установленная в основании площадки.

Площадка № 4, от которой сохранилась лишь небольшая северная часть, примыкает к площадке № 3 с юга. Ширина ее аналогична соседней и составляет 2 м, сохранившаяся длина – до 1,1 м. У северо-восточного и северо-западного углов площадки зафиксированы завалы фрагментов цементного раствора, вероятно, представляющие собой остатки обмазки ограждающих ее периметр конструкций. Основанием служит хорошо обработанная известняковая плита, на которой зафиксированы желобки и рельефные подтеки, неясного пока назначения. На поверхности плиты местами сохранился слой плотного светлого известкового раствора, отличающийся от цементной обмазки поверхности площадок. Слив с площадки № 4, расположенный в северо-западном ее углу, вел в цистерну № 1. Оформлен в виде хорошо обработанного каменного желоба, вмонтированного в основание площадки при помощи плотного светлого известкового раствора, формирующего плавный переход от поверхности площадки к руслу слива.

Цистерна № 1 примыкает с запада к площадке № 4 и связана с последней конструктивно. Это сооружение сохранилось полностью: цистерна правильной прямоугольной формы размерами 1,4 × 1 м, глубина ее – 1,1 м. В северо-западной части дно цистерны имеет круглое в плане углубление для отстоя осадка, здесь ее глубина достигает 1,4 м. Общий объем резервуара около 1,8 м³. Поверхность цистерны покрыта многочисленными слоями известково-цементного раствора; всего удалось зафиксировать до десяти слоев обмазки. Покрытие цистерны отличается от раствора, использованного для давяльных площадок: внутри резервуара обмазка более плотная, более насыщенного красного цвета, в ее составе заметно значительное количество включений песка. В восточной стене цистерны № 1, чуть южнее слива с площадки № 4, в толще слоев обмазки расположен паз шириной 0,1 м, прослеживающийся до дна цистерны и далее, ниже уровня дна на 0,2 м. Возможно, паз был устроен для установки какой-то опорной конструкции

¹ В продолжение нумерации винодельческих комплексов Боспора, данной Н. И. Винокуровым, открытый комплекс получил наименование Нмф-6 для первого строительного периода и Нмф-7 – для второго.

или балки, которую верхние слои обмазки когда-то перекрывали. Цистерна была заполнена большим количеством крупных камней. Скорее всего, камни принадлежали конструкции, расположенной непосредственно над цистерной № 1, и рухнули внутрь в результате разрушения, после чего цистерна не используется, а рядом (и частично ее перекрывая) сооружается площадка № 1 следующего строительного периода.

Цистерна № 2 прилегает к цистерне № 1 с севера и к площадке № 3 с запада. Удалось открыть лишь южную часть цистерны, поскольку она в значительной мере перекрыта более поздней площадкой № 2. Ширина цистерны № 2 аналогична ширине соседней цистерны № 1 и составляет 1,4 м, выявленная длина – до 0,6 м. Заполнение практически не выбиралось, чтобы обеспечить сохранность перекрывающей ее площадки № 3. Однако предварительно можно сказать, что характер конструкции и заполнения аналогичны цистерне № 1.

На следующем этапе к западу от давяльных площадок № 3 и № 4 и частично прямо над цистернами № 1 и № 2 сооружаются давяльные площадки № 1 и № 2 винодельни Нмф-7 второго строительного периода.

Площадка № 1 пристроена с запада к площадке № 4 плотную, практически без какого-либо зазора. Площадка прямоугольной, слегка неправильной формы, южная ее граница неровная и имеет небольшой изгиб. Сооружение сохранилось почти полностью, лишь небольшой участок юго-восточного угла поврежден. Длина площадки у северного края составляет 3,1 м, у южного – 3,35 м. Ширина площадки у западного края 1,4 м, у восточного – 1,65 м. Длинной стороной площадка ориентирована по линии запад – восток с небольшим смещением к югу. Площадь конструкции составляет 5 кв. м. Поверхность площадки имеет небольшой уклон в западном направлении, составляющий всего 0,05 м. Нижняя ее точка расположена в северо-западном углу, здесь разница высот достигает 0,1 м. Возможно, здесь находился пока еще не открытый слив с площадки и принимающая цистерна. Северная граница давяльной площадки в западной ее части образована поставленными орфостатно тремя хорошо обработанными известняковыми плитами, на поверхности которых сохранилось как минимум шесть слоев цемяночной обмазки. По южной границе сохранились остатки вертикального бортика и восемь слоев его цемяночной обмазки. Северо-восточная часть площадки № 1 перекрывает более раннюю цистерну № 1 на 0,2 м, на этом участке поверхность площадки значительно просела внутрь цистерны. Основанием площадки служит крупная выровненная плита, на поверхности которой сохранилось до восьми слоев цемяночной обмазки.

Площадка № 2 расположена на 1,7 м севернее синхронной ей площадки № 1 и пристроена в 0,4 м к западу от более ранней площадки № 3. Западная часть ее повреждена, сохранившаяся длина около 2,3 м. Ширина площадки у западного ее края составляет 1,6 м, в восточной же части она увеличивается до 1,9 м вследствие проседания и сползания поверхности площадки внутрь более ранней цистерны № 2. Площадка № 2 перекрывает цистерну № 2 как минимум на половину ее площади, если предположить, что обе цистерны одинаковы по размерам. Площадь сооружения составляла не менее 4,2 кв. м. Северная граница площадки сохранила вертикальный бортик, в котором насчитывается до шести слоев обмазки. Восточная граница сохранилась полностью, но при этом отсутствует вертикальный бортик. Здесь хорошо различимы как минимум двенадцать слоев цемяночной обмазки. Поверхность площадки имеет небольшой уклон в западном направлении, достигающий 0,07 м, и, вероятнее всего, слив располагался в юго-западном ее углу, у самой нижней точки (не считая участка поздней деформации). Основанием площадки № 2 служат крупные плиты – одна из них видна в южном борту площадки, нависшем над цистерной № 2. На этом участке одна из плит основания просела в заполнение цистерны, а поверхность площадки как будто «вытекла» за ее пределы (рис. 3).

Таким образом, открытый комплекс Нмф-6/Нмф-7 принадлежит к типу композитных виноделен с двумя резервуарами К1-2 по классификации Н. И. Винокурова (Винокуров, 1999; 2007. С. 136–137). По крайней мере, это справедливо для первого периода функционирования комплекса. Цистерны второго строительного периода пока не открыты, и классифицировать сооружение этого этапа пока нельзя. К сожалению, в слое над давяльными площадками и в заполнении цистерны № 1 практически отсутствовали какие-либо датирующие находки. Предварительно определить время окончания использования винодельни Нмф-6/Нмф-7 можно на основании стратиграфии участка: напластования северной полы зольника, расположенного к югу от комплекса, частично перекрывают площадку № 1. Находки из зольника позволяют отнести его к первым векам н. э., соответственно, к моменту начала формирования зольной насыпи, вероятно, около рубежа эр, винодельня второго строительного периода уже не функционировала. То есть время ее функционирования можно предварительно отнести к позднеэллинистической эпохе. Этой дате не противоречит и сам тип винодельческого комплекса К1-2, начало становления которого на Боспоре приходится на рубеж II–I вв. до н. э. (Винокуров, 2007. С. 136).

Материалы, полученные в результате исследований Нимфея, позволяют нам говорить о непрерывном развитии виноградарства и виноделия в городе, начиная с V в. до н. э. по III в. н. э. Если на начальном этапе развития это были, по имеющимся данным, переносные винодельни, рассчитанные только на внутреннее потребление, то уже с конца III в. до н. э. появляются стационарные комплексы, предназначенные для товарного производства вина.

Список литературы

Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: изд-во АН СССР, 1953. 208 с.

Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М.: МГПУ, 1999. 191 с.

Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь: АДФ-Украина, 2007. 456 с. (БИ Suppl.; 3)

Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. Т. II. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. С. 352–458. (МИА; № 85).

Грач Н. Л. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979. С. 93–103.

Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1951. 254 с. (МИА; № 16).

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Соколова О. Ю. Новые винодельческие комплексы эллинистического времени из Нимфея // Проблемы античной культуры: тез. докл. крымской научн. конф. Симферополь, 1988. С. 218–220.

Соколова О. Ю. Винодельни эллинистического времени из Нимфея // Septièmes Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture Thrace. Resumes. Plovdiv, 1990. S. 18.

Соколова О. Ю. О развитии виноградарства и виноделия в Нимфее // Дионис – Вакх – Бахус в культуре народов мира: научн. сб. Вып. 1. Симферополь, 2002. С. 40–46.

Соколова О. Ю. 75 лет Нимфейской экспедиции // Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных научных конференций, посвященных 50-летию Березанской археологической экспедиции, 75-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и 85-летию со дня рождения Н. Л. Грач. СПб.: изд-во ГЭ, 2017. С. 119–128. (Труды ГЭ; т. LXXXVIII).

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: изд-во АН СССР, 1956. 222 с. (Причерноморье в античную эпоху; вып. 9).

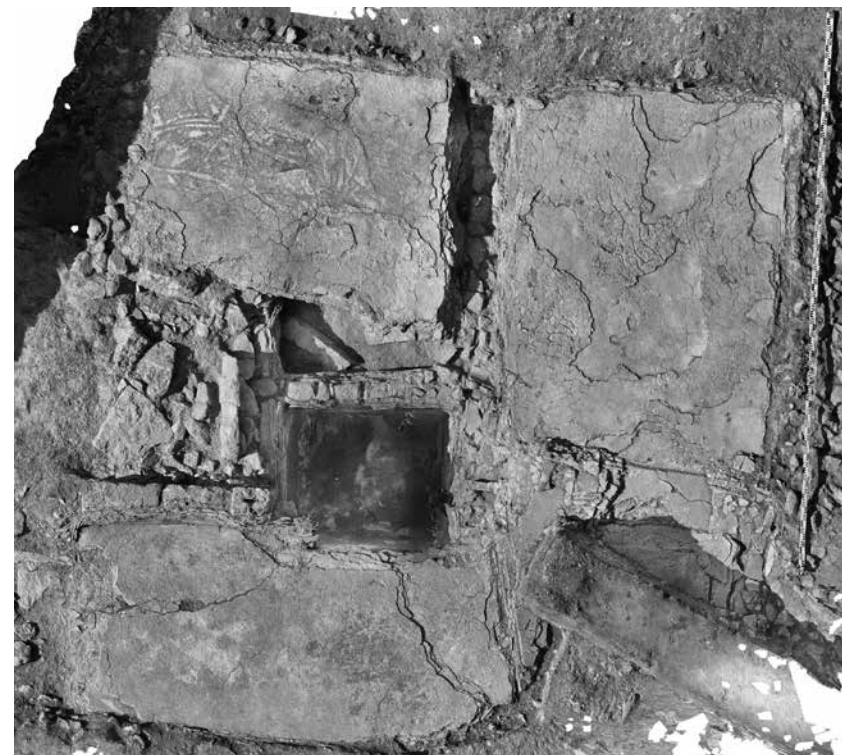

Рис. 1. Винодельческий комплекс Нмф-6/Нмф-7. Ортофотоплан

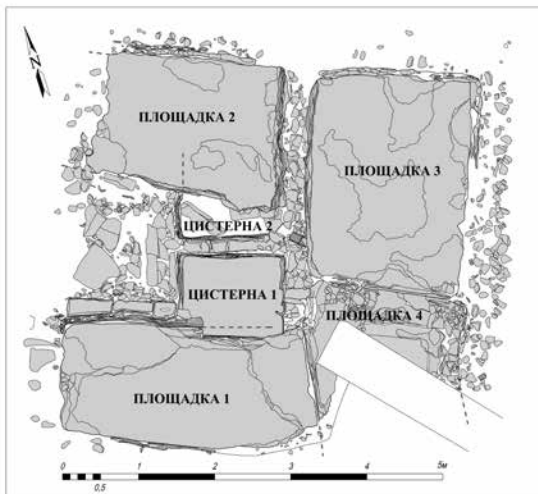

Рис. 2. Винодельческий комплекс Нмф-6/Нмф-7. Общий план

Рис. 3. Винодельческий комплекс Нмф-6/Нмф-7. Давильная площадка № 2, цистерна № 2. Вид с юга

Д. В. Бейлин
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь
И. В. Рукавишников
Институт археологии РАН, г. Москва

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ МИРМЕКИЯ (К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ Г. КЕРЧЬ)

Территория между Карантинным мысом, на котором находится городище Мирмекий, и следующим к востоку от него мысом Змеиный, где расположено еще одно древнее городище Гераклий (?)¹, в археологическом плане до сих пор является слабоизученной. Расстояние между двумя вдающимися в Керченский пролив скалистыми мысами по прямой составляет немногим более 2 км. Береговая линия обрывиста и подвержена абразионным процессам. Между береговым обрывом с юга и современной улицей Войкова с севера расположен Приморский парк им. Войкова² (рис. 1, 1). Восточнее парка, в 0,5 км западнее Змеиного мыса, расположен еще один скалистый мыс, у которого в начале XX в. был построен причал Брянского металлургического завода³. Побережье между этими двумя мысами в XIX – начале XX в. носило название Змеиного залива.

Первыми археологическими разведками этого района можно считать пешую прогулку П. Дюбрюкса и И. П. Бларамберга от Еникальского маяка к Мирмекию, которая состоялась в июне 1827 г. Причиной «прогулки»

¹ Согласно Страбону, город Гераклий расположен в Европейской части Боспора вблизи Мирмекия (Strabo XI. 2, 6).

² Парк был разбит в 30-е гг. прошлого столетия.

³ С 1927 г. – Керченский металлургический завод им. П. Л. Войкова. 24 марта 1992 г. приказом Фонда госимущества АР Крым многопрофильное предприятие «Керченский металлургический завод им. П. Л. Войкова» было переименовано в комбинат. В марте 2017 г. преобразован в ГУП РК «Керченский металлургический завод».

отчасти стало желание И. П. Бларамберга установить местоположение Гераклия, упомянутого Страбоном (*Дюбрюкс*, 2010. С. 276).

В 20–30-х гг. XIX в 1,6–2,1 км к северо-востоку от городища Мирмекий были раскопаны как минимум три крупных курганных насыпи⁴, что отражено на карте 1835 г. топографа 2-го класса Литвиненко⁵ (рис. 1, 2).

В 1850 г. за Новым Карантином лекарем Арпой раскопано 73 могилы (*Ашик*, 1850. Письмо IV; 1851).

В 1891 г. А. А. Бобринский проводит раскопки небольшого кургана около т. н. Змеиной бухты⁶, насыпь которого содержала 21 впускное погребение в простых грунтовых и подбойных могилах, перекрытых и заложённых известняковыми плитами. В отличие от центрального погребения, над которым возведен курган, впускным могилам уделено основное внимание. Обнаруженный здесь погребальный инвентарь может быть датирован второй половиной I – началом II в. н. э. (ОАК, 1893. С. 43–47, 150–154).

После раскопок кургана и участка могильника на западной оконечности Змеиного залива А. А. Бобринский продолжил исследования на самом Змеином мысу, вскрыв, вероятно, золистые культурные напластования городища, которые принял за кремационные площадки. Помимо археологического материала первых веков нашей эры, обнаружены фрагменты чернолаковых сосудов IV в. до н. э. (ОАК, 1893. С. 47), что в целом не противоречит общей хронологии культурных напластований городища (*Кастанаян*, 1972; *Бейлин*, 2006).

Помимо работ на некрополе Мирмекия, в 1884 г. Ф. И. Гросс провел разведочные раскопки в полутора верстах (1,6–1,8 км) к северо-востоку от городища «на плоской возвышенности близ дороги на Еникале», что привело к открытию ранее неизвестного обширного некрополя. Исследованные могильные ямы были высечены в скалистом материке и перекрыты двумя-тремя известняковыми плитами, содержали как коллективные погребения, так и одиночные, отмечены и кремации. Судя по общему

⁴Вероятно, насыпи раскопаны А. Б. Ашиком, но в силу того, что первые исследователи курганов Боспора (П. Дюбрюкс, И. П. Бларамберг, А. Б. Ашик, Д. В. Карейша) не придавали особого значения точным топографическим привязкам мест своих археологических работ, установить авторство раскопок проблематично. Невыясненными остаются вопросы, связанные с самим процессом проведения раскопок, находками и архитектурой погребальных комплексов.

⁵«Топографическая карта окрестностей города Керчи снятая 1835 года (с означением на онной древних курганов, из коих разрытыя для отыскивания древностей показаны красной краскою, а неразрытыя черною). Снимал и чертил Топограф 2-ого класса Литвиненко. Лист 6».

⁶Район современного Змеиного мыса в Керчи.

описанию погребального инвентаря, найденного в 36 исследованных гробницах, некрополь содержал участки разновременных погребений (ОАК, 1891. LXXXIX–XC)⁷.

В 1898–1999 гг. К. Е. Думберг проводил эпизодические раскопки, связанные с участками строительства на территории Брянского металлургического завода (ОАК, 1901. С. 19–20; *Думберг*, 1901. С. 80–81), что следует воспринимать как продолжение раскопок некрополя, начатых Ф. И. Гроссом в 1884 г. Здесь стоит отметить и факт обнаружения двух рядом расположенных кладов монет, найденных при земляных работах на участке Брянского металлургического завода (ОАК, 1900. С. 72–73)⁸.

В 1903 г. между Мирмекием и металлургическим заводом В. В. Шкорпилом раскопано 46 погребений: вырубленных в скале и перекрытых как известняковыми плитами, так и досками (8 детских и 37 взрослых), а также один каменный склеп. Среди погребального инвентаря отмечались чернолаковые краснофигурные сосуды, лекифы с сетчатым орнаментом, украшения из меди и серебра (спиралевидные подвески), бронзовые зеркала, бронзовые и железные перстни, железные орудия труда, меч, кинжал, бусы, сосуды «финикийского стекла» (ОАК, 1906. 52–54; *Шкорпил*, 1905. С. 70–76).

В 20–30-х гг. XX в. развернулись масштабные работы по возведению новых производственных цехов Керченского металлургического комбината, а также довольно разветвленной сети транспортных коммуникаций. Возводятся корпуса агломерационной фабрики. К западу и северо-западу от металлургического завода строится рабочий поселок, который к началу 1940 г. насчитывал 237 домов⁹, клуб инженерно-технических работников, больница, поликлиника, гостиница, баня, школа, Дом пионеров, техникум, Дом культуры. К северо-западу от поселка Капканы продолжают формироваться шлаковые отвалы. Конечно же, все эти масштабные стройки не могли

⁷В погребениях найдены светильники с рельефными щитками, серебряные и бронзовые кольца, серьги и перстни (два золотых перстня, один с резьбой на гранате – изображением мужской головы, другой с вертящимся на оси ониксом без резьбы), спиралевидные подвески, ожерелья из бус, чернолаковые простые и расписные сосуды, амфоры, железные наконечники копий и ножи, бронзовые фибулы, стеклянные сосуды и «...множество медных боспорских монет.» (ОАК, 1891. С. LXXXIX–XC).

⁸Точное местоположение кладов установить невозможно. Первый клад состоял из 203 медных монет, а из второго клада, после разграбления рабочими, сохранилась 271 медная монета. Оба клада можно считать одновременными и в целом датировать первой половиной I в. до н. э. Большинство монет представлено пантикапейскими монетами – 336 шт., Амис – 62 шт., Горгиппия – 40 шт., Фанагория – 32 шт., Синопа – 2 шт., Комана – 1 шт., Амастрида – 1 шт.

⁹Жилой фонд КМЗ им. П. Л. Войкова перед войной составлял 55 тысяч кв. м.

сопровождаться археологическими наблюдениями и раскопками, и хотя нельзя исключать возможных отдельных археологических работ, однако информации о проведении таковых нет.

В послевоенные годы восстанавливались и расширялись производственные площади металлургического завода, отстраивался жилищный фонд, объекты соцкультбыта и здравоохранения, прокладывались новые коммуникации. За основными земляными работами сотрудниками Керченского историко-археологического музея велись наблюдения, фиксировался археологический материал, доследовались разрушенные археологические комплексы¹⁰.

Порфмийский отряд Боспорской экспедиции ЛОИА под руководством Е. Г. Кастанаян в 1971 г. провел небольшие работы на месте оползня у вершины Змеиного мыса, где были открыты остатки оборонительной башни и стены I в. до н. э. – I в. н. э. (*Кастанаян*, 1972; 1976. С. 117).

В 1972 г. сотрудниками КИАМ Е. А. Молевым и Н. В. Молевой исследовалось несколько погребений некрополя античного времени в районе завода им. Войкова, разрушенных при земляных работах. Обнаружены остатки каменного перекрытия могил, фрагменты амфор, обломки чернолаковых сосудов, отдельные бусы, медная монета конца I в. до н. э., три терракотовые статуэтки. Среди найденного материала присутствовали и золотые украшения: две бляшки в виде человеческих фигурок, три пластинки и две серьги из тонкой проволоки. Исследователи датировали некрополь IV – концом I в. до н. э. (*Молев, Молева*, 1973. С. 314–315).

В 1997–1998 гг. археологической экспедицией Керченского историко-археологического музея под руководством О. П. Бабич проводились раскопки городища, расположенного на Змеином мысу, где раскоп Е. Г. Кастанаян был расчищен и продолжен в южном и западном направлении. В течение двух полевых сезонов на юго-западном склоне Змеиного мыса был открыт участок жилой застройки, расчищены остатки оборонительной башни и примыкающий к ней с юга фрагмент западной оборонительной стены (*Бейлин*, 2006).

В 2025 г. в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» на территории Приморского парка им. Войкова строительными организациями под контролем Администрации муниципального образования городской округ Керчь проводились масштабные линейные

земляные работы. Линии траншей опоясали весь периметр территории парка, что в отдельных местах позволило проследить стратиграфию напластований грунта на глубину от 0,6 м до 1,2 м. Общая же площадь благоустройства, согласно опубликованным данным, составляет более 100 тысяч кв. м¹¹. Помимо прочего, установлено два фонтана с системами водоснабжения и водоотведения. Общая площадь благоустройства составляет более 100 тысяч кв. м.

При осмотре бортов траншей коммуникаций и котлована под сооружение фонтана фиксировался культурный слой в виде золистых напластований, насыщенный обломками амфор, столовой и строительной керамики IV–III вв. до н. э. В некоторых местах центральной и северной частей парка в отвалах грунта насыщенность археологического материала составляла более 25 фрагментов на 1 кв. м, а местами плотные слои керамического боя мощностью до 0,3 м прослеживались в бортах траншеи на длину до 4–6 м¹² (рис. 1, 3).

Так, в бортах котлована, вырытого немногим южнее арки центрального входа для устройства фонтана, культурные слои в виде золистого грунта, насыщенного археологическим материалом IV–III вв. до н. э., прослеживались с глубины 0,3 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность культурного слоя достигала 1 м. Восточнее этого котлована в траншеях коммуникаций культурный слой прослеживался с глубины 0,4 м от дневной поверхности. На отвалах грунта, выбранного из траншей, фиксировались фрагменты амфор средиземноморских и южнопонтийских центров производства, среди которых преобладала транспортная тара о. Хиос, о. Фасос и Гераклеи Понтийской. Столовая керамика была представлена обломками красноглиняных и сероглиняных мисок и кувшинов, немногочисленными фрагментами аттических чернолаковых сосудов. У северного забора парка траншея разрезала стену постройки, в кладке которой отчетливо просматривались хорошо обработанные блоки желтого известняка (рис. 2, 1).

Следует отметить, что наиболее выраженный культурный слой, насыщенный археологическим материалом, в основном фиксировался в северной части парка в районе центральной арки и вдоль

¹¹ Работы реализованы в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Инфраструктура для жизни». Кроме того, в парке установлены два игровых комплекса и два фонтана, смонтированы системы водоснабжения и водоотведения (<https://mzhkh.rk.gov.ru/articles/09123412-9d2b-4cbc-b026-47ccd4ece414>).

¹² В 15 м к юго-западу от западных ворот Политехнического колледжа.

¹⁰ Краткая информация об охранных работах сотрудников Керченского историко-археологического музея отражена в «Летописи охранных раскопок КИАМ» (НА КИКЗ. Оп. № 2. Ед. хр. 420).

западной границы территории Керченского политехнического колледжа (рис. 1, 3; 2, 1). Отдельные фрагменты керамики обнаружены в траншеях у здания Керченского профессионального лицея сферы обслуживания (бывш. ПТУ № 5).

Очерчивая примерные прослеженные границы распространения культурного слоя, можно предполагать, что здесь располагалась одна из т. н. загородных усадеб городища Мирмекий, входившая в его ближайшую округу¹³. Площадь жилищно-хозяйственной территории усадьбы возможно определить лишь условно. Основанием для этого служат зафиксированный культурный слой и массовые находки археологического материала. Так, в направлении юго-запад – северо-восток территория усадьбы (?) прослеживается на 230 м, а с запада на восток – минимум на 60 м.

В юго-западной части парка в траншеях также выявлены признаки культурного слоя в виде золистого и суглинистого грунта, насыщенного обломками амфор средиземноморских и южнопонтийских центров производства (рис. 1, 1: 2; 2, 2). Немногочисленны и фрагменты столовой посуды, в том числе чернолаковой. Находки керамики в западной части парка зафиксированы лишь локальными пятнами – ввиду того, что специальных археологических исследований на этой территории не проводилось, а строительные работы в момент осмотра здесь носили преимущественно характер нивелировок (рис. 1, 1: 3; 2, 3). Глубина траншей, прокопанных под коммуникации, на этом участке не превышала 0,4–0,5 м. Однако необходимо отметить и факт наличия археологического материала на территории больничного городка.

В южной, приморской части парка траншеей с запада на восток была прорезана плитовая могила II в. н. э. (рис. 1, 1: 4; 2, 4). В отвале присутствовали мелкие фрагменты костей скелета человека, стенки краснолакового сосуда, несколько стенок и профилированная ручка светлоглиняной южнопонтийской амфоры II в. н. э.¹⁴

Таким образом, на территории Приморского парка им. П. Л. Войкова, в его северной части, и на территории воинского мемориала зафиксированы культурные напластования и остатки каменных построек, которые можно интерпретировать как жилищно-хозяйственный комплекс (усадьбу) ближайшей округи городища Мирмекий. Площадь этого комплекса составляет

не менее 1,6 га. В южной, приморской части парка располагается участок некрополя или его локальные пятна с погребениями II в. н. э. Вероятно, еще одна усадьба (?) занимает территорию западной и юго-западной частей парка, а также юго-восточную часть больничного городка.

Как отмечалось выше, авторами проводился лишь визуальный осмотр траншей¹⁵, стратиграфии их профилей и подъемного археологического материала¹⁶. Подобные случаи еще раз заставляют нас обратить пристальное внимание на проводимые земляные работы в городе Керчь. Результаты наблюдений и даже небольших по объему спасательных археологических исследований дают ценнейшую информацию о топографии античных городов, границах их разновременных некрополей и структуре сельскохозяйственной округи.

Список литературы

Ашик А. Б. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса: тип. А. Брауна, 1850. 181 с.

Ашик А. Б. О древних статуях, найденных в последнее время в Керчи // ЖМВД. 1851. № 10. С. 297–308.

Бейлин Д. В. К топографии античных памятников северной части г. Керчи // БИ. 2006. Вып. XI. С. 298–308.

Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–93.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2-х т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. Т. 1: Тексты. СПб.: Коло. 2010. 728 с.

¹⁵ По результатам осмотра авторами доклада был составлен Акт осмотра и направлен в Министерство культуры Республики Крым. Археологические обследования территории Приморского парка им. П. Л. Войкова осуществляли сотрудники ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», однако признаков культурного слоя, а также наличия археологического материала в период проведения земляных работ выявлено не было. Работы продолжились, что повлекло дальнейшее разрушение объекта археологии. Лишь по окончании их подрядчиками, согласно опубликованному на портале Министерства культуры Крыма документу: «Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела “Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного наследия в границах земельного участка, подлежащего воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, работ по использованию лесов и иных работ, по объекту: “Благоустройство (капитальный ремонт) общественной территории парк им. Войкова города Керчи Республики Крым” (кадастровый номер 90:19:010113:26421)», ООО «КРЦАИ» был установлен факт наличия признаков культурного слоя на площади 8089,25 кв. м.

¹⁶ Помимо визуального осмотра вырытых траншей проводилась фотофиксация. Археологический материал также фотографировался на месте обнаружения.

¹³ Расстояние между восточной оборонительной стеной Мирмекия и зафиксированной нами усадьбой составляет порядка 760 м (азимут 65,94 °).

¹⁴ Амфора типа «С» II в. н. э. по Д. Б. Шелову (Шелов, 1978).

Кастанаян Е. Г. Работы порфмийского отряда боспорской экспедиции // АО 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 334–335.

Кастанаян Е. Г. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1971–1974 гг. // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 116–118.

Молев А. Е., Молева Н. В. Археологические находки в Керчи // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 314–315.

ОАК за 1882–1888 г. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1891. СССXXIV, 133 с.

ОАК за 1891 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1893. 188 с.

ОАК за 1898 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901. 191 с.

ОАК за 1897 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1900. 191 с.: ил.

ОАК за 1903 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1906. 245 с.: ил.: 7 табл.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 1978. Вып. 150. С. 16–21.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 году (с 39 рис.) // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1–76.

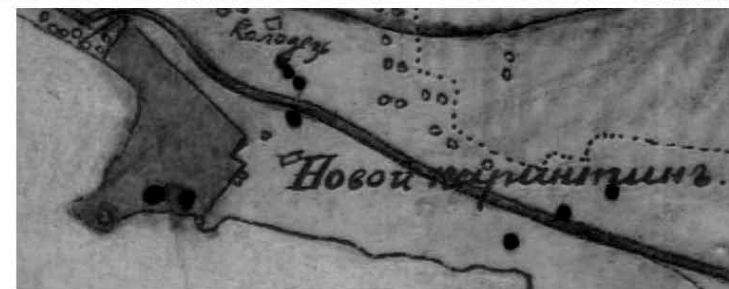

Рис. 1. 1 – фрагмент топографической карты 1970 г. с указанием местоположения выявленных археологических объектов; 2 – фрагмент карты 1835 г. топографа 2-го класса Литвиненко с указанием местоположения раскопанных к 1835 г. курганов; 3 – фрагменты амфор на отвалах траншеи у Политехнического колледжа

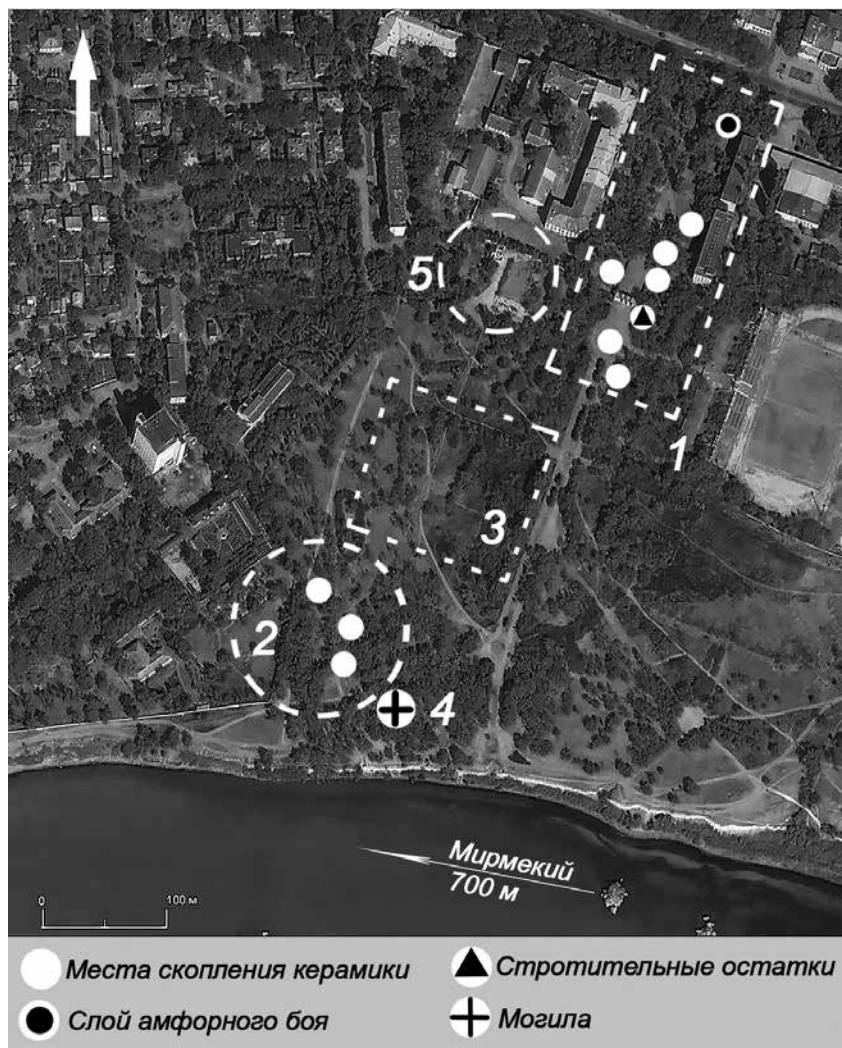

Рис. 2. Спутниковый снимок с обозначением археологических объектов и мест фиксации археологического материала: 1 – усадьба (?) «Приморский парк 1»; 2 – скопление керамики (усадьба (?) «Приморский парк 2»); 3 – территория обнаружения керамики; 4 – разрушенное погребение II в. н. э.; 5 – места обнаружения костей скелета человека со следами окислов бронзы, фрагментов чернолаковых сосудов и амфор (участок некрополя)

А. П. Бехтер
Институт истории РАН, г. Санкт-Петербург

ОСТРАКОНЫ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИЙСКОГО ДИКАСТЕРИЯ В 1963–1964 ГГ.

Среди материалов из раскопок, производившихся Е. И. Леви и А. Н. Карасевым на территории Ольвии, которые были переданы для работы Ю. Г. Виноградову¹, насчитывается около пятидесяти остраконов. По способу исполнения надписи распадаются на две группы: граффити и выполненные черной краской дипинти. Крайне плохую сохранность последних, делающую большую часть остраконов неинформативной, отмечали уже находчики; ясно, что с тех пор ситуация только ухудшилась. Помимо этого, многие остраконы повреждены, уцелели лишь фрагменты надписи. Поэтому мы представляем пока наиболее информативные и сохранные предметы. В настоящее время они пребывают на временном хранении в ИИМК РАН, ожидая передачи в Государственный Эрмитаж. Поскольку эти артефакты не находятся на балансе какого-либо учреждения, указываем их номера полевой описи.

Все остраконы были найдены на раскопе Е₃ в 1963–1964 гг. Обнаруженные в южной части участка Е₃ предметы (бронзовые псефы и, предположительно, их глиняные аналоги), связанные с судопроизводством, позволили предположить наличие тут некоего строения, предположительно дикастерия. Эта постройка существовала с начала III по середину II в. до н. э. на месте более раннего здания суда, относящегося к IV в. до н. э. (Карасев, 1972; Леви, 1985. С. 92–95; Крыжицкий, 1985. С. 120–121). Судя по палеографии и археологическому контексту, надписи можно суммарно датировать раннеэллинистическим временем: вторая половина IV – первая половина III в. до н. э.

¹ Описание истории коллекции см.: Бехтер, Ильина, 2020. С. 907–909.

I. Три остракона из амфорных стенок содержат списки имен.

Пол. № О-63.2395+О-63.2396 (рис. 1).

Βατίκων Δημο[---]

[Τ?]ιμοχάρ<η>ς

Κόνω[ν] Ὁρχα[---]

Αρτεμιδῶρος?

Ἐπικράτ[ης]

2. .ΙΜΟΧΑΡΣ остракон

Батикон, сын Демо[---], Тимохар, Конон, сын Орха[ма], Артемидор, Эпикрат.

Почерк заметно различается (можно отметить, к примеру, форму мю в стк. 2 и 4). Есть ощущение, что писали разные люди по одной строке.

Пол. № О-63.3088 (рис. 2).

<Αν>τιγένης

Ἰκέσιος

Κτησίππτος

Φιλόφρων

Λε[---]ων

1. ΝΑΤΙΓΕΝΗΣ остракон

Антиген, Гикесий, Ктесипп, Филофрон, Ле[---]он.

Полевой номер утрачен (рис. 3).

Αρτεμιδῶρ[ος]

Βάτων

Πεδιεύς

Ἰκεσιος

Φιλοκλῆς

Артемидор, Батон, Педией, Гикесий, Филокл.

Как и в случае с первым остраконом, имена были нанесены на черепок разной рукой: сигма в стк. 3–4 лунарная, хоть и варьирующаяся по форме, а в стк. 5 – ангулярная.

Имя Артемидор фиксируется в первом и третьем документе, Гикесий – во втором и третьем; можно с высокой степенью уверенности предположить, что это одни и те же персонажи.

Имена Конон, Гикесий, Артемидор и Педией представлены в дискуссионном списке имен IOSPE I² 201 Б 4²; впрочем, если считать следующее за именем Конона ΟΡΧΑ началом патронимика, то перед нами разные персонажи, так как в IOSPE I² 201 начало патронимика читается как Βα[---]. Имя Αρτεμιδῶρος в период конца IV – III в. до н. э. фиксируется в Ольвии в целом ряде документов как официального характера (IOSPE I² 132₄, HO 83₁₀), так и частного (IGDOP 104, 105). Распространенность ЛИ и отсутствие патронимика не позволяют провести точную идентификацию.

Имена Βατίκων, Βάτων и Ἰκέσιος засвидетельствованы также в происходящих из Ольвии заклитиях на свинцовых пластинах (Тохтасьев, 2006. С. 299–303; Dana et al., 2022. Р. 88). Хронологическая близость является основанием предположить, что перед нами одни и те же лица.

При этом имена Τιμοχάρης, Ὁρχαμος (единственно возможное восстановление), Αντιγένης (ΝΑΤΙΓΕΝΗΣ – явное искажение в результате простой механической ошибки), Κτησίππτος, Φιλόφρων и Φιλοκλῆς в Ольвии встречаются впервые.

Надо отметить, что на одном из остраконов с дипинто (О-64.2080) хорошо читается ПЕД, что, скорее всего, следует интерпретировать как часть имени Педией.

II. Три остракона с одиночными мужскими именами были найдены совместно; местонахождение одного из них с граффито Διογένης (О-63.3145) в настоящее время неизвестно. На двух других вырезаны имена Διοσκορίδης (О-63.3144) и Περικλ(ῆς) (О-63.3146). С нашими персонажами можно связать упоминаемых в эпиграфических памятниках III в. до н. э. Диогена, отца Гефестодора (HO 26), и Диоскорида, сына Гефестикона (IGDOP 84). А вот для имени Перикл наш пример первый в Северном Причерноморье.

Еще в одном фрагментированном граффито восстанавливается имя [Π]οσιδε[ος] (О-63.2501). Посидей в Ольвии III в. до н. э. известен из почетного декрета IOSPE I² 77. На одном из хорошо сохранившихся дипинто читаем Ποσιδεος | Κοίραν[ος?] (О-64.2085). Второе имя, конечная часть которого не уцелела, может быть также понято как патронимик: Посидей, сын Койрана. Имя Κοίρανος в Ольвии зафиксировано также впервые.

III. Очень интересный объект представляет собой остракон под полевым номером О-63.2937 (рис. 4). Вверху вырезано имя Νικηράτ(ης), подчеркнутое тремя горизонтальными линиями, а ниже – Εἰπικράτ(ης). Эпикрат,

² Об истории исследования документа см.: Николаев, 2014. С. 13–22; о проблемах датировки: Бехтер, 2025. С. 48–50.

сын Никерата, присутствует в двух ольвийских надписях конца IV в. до н. э. (IOSPE I² 190, 191). В IOSPE I² 201 фиксируются Аристон, сын Никерата, из IOSPE I² 190, видимо, брат Эпикрата, и сам Никерат (Б 30). Имя Эпикрат мы находим в судебном наговоре IV–III вв. до н. э. (IGDOP 108). Среди поврежденных дипинти встречаются такие, которые могут быть восстановлены как Никерат: Νικ[ηράτος] (O-64.2137; O-64.2140) и Эпикрат: [Ε]πικ[ράτης] (O-64.2077).

IV. Еще одна группа остраконов содержит граффити с личными именами в сокращении: Πρόμα[χος?] (O-64.2061) и Θαρσ[ής?] (O-64.2063). Восстановления обусловлены наличием данных имен в ольвийском ономастиконе, однако их носители жили в другие временные периоды и не могут быть отождествлены с нашими персонажами.

Подводя итоги этого краткого обзора, следует, прежде всего, отметить, что эти материалы, хотя и объединены общим археологическим контекстом и содержанием, не являются однородными. Первую группу составляют списки имен, сгруппированных по пять; в двух случаях даны только ЛИ, в первом, видимо, зафиксированы и патронимики. Во вторую группу входят граффити с одиночными мужскими именами, приведенными полностью или в сокращении. Относительно дипинти, несмотря на их крайне плохую сохранность, можно заметить, что все они содержат более одной строки, т. е., скорее всего, перед нами списки имен, содержащих по два или, возможно, даже три ЛИ. Надо также отметить, что пересечений между этими группами очень немного.

Поскольку остраконы никогда не издавались, за исключением двух приведенных для примера изображений (Леви, 1985. Рис. 91, 1–2), мы обращаемся к рукописным заметкам Ю. Г. Виноградова и Н. В. Шебалина. Шебалин изначально предположил, что раз место находки остраконов связано со зданием дикастерия, то они должны иметь отношение к судебному процессу: списки истцов, ответчиков, свидетелей. В пользу связи остраконов с юридическим процессом может, кстати, свидетельствовать и присутствие некоторых зафиксированных на них имен в судебных наговорах на свинце. Ю. Г. Виноградов отверг эту гипотезу, отметив, что списки содержат строго по пять имен, и предположил, что перед нами черновые наброски списков должностных лиц Ольвии (коллегии архонтов и стратегов состояли из пяти человек, плюс шестой главный). Проблема состоит в отсутствии аналогий; кроме того, остается открытым вопрос о назначении других групп остраконов. Видеть в черепках с единичными именами свидетельство остракофории едва ли возможно, так

как к раннеэллинистическому времени этот институт уже перестал существовать. Возможно, следует внимательнее присмотреться к изначальной гипотезе относительно связи остраконов с судебным процессом; отсутствие прямых аналогий может объясняться тем, что такие записи могли вестись на не фиксируемых археологически носителях.

Список литературы

Бехтер А. П. Надпись КБН 27 и проблема появления курсива в боспорской эпиграфике // ЗИИМК. 2025. № 32. С. 45–55.

Бехтер А. П., Ильина Ю. И. Граффити и дипинти из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева: 1. Общественно-владельческие граффити // ВДИ. 2020. № 80 (4). С. 907–924.

Карасев А. Н. Раскопки Ольвийской агоры в 1967–1969 г. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 35–44.

Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование. Киев: Наукова думка, 1985. 191 с.

Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 152 с.

Николаев Н. И. Просопография Ольвии Понтийской V в. до н. э. – I в. н. э. Киев: Олег Филук, 2014. 316 с.

Тохтасьев С. Р. Новые tabellae defixionum из Ольвии // Hyperboreus. 2006. Vol. 6/2. С. 296–316.

Dana D., Dana M., Nikolaev N. I. Raretés onomastiques et recoupements prosopographiques. Réédition d'une defixion opistographe d'Olbia du Pont // ZPE. 2022. Bd. 223. P. 83–92.

Рис. 1. Остракон из раскопок ольвийского дикастерия
(пол. № О-63.2395, О-63.2396)

Рис. 3. Остракон из раскопок ольвийского дикастерия
(пол. № утрачен)

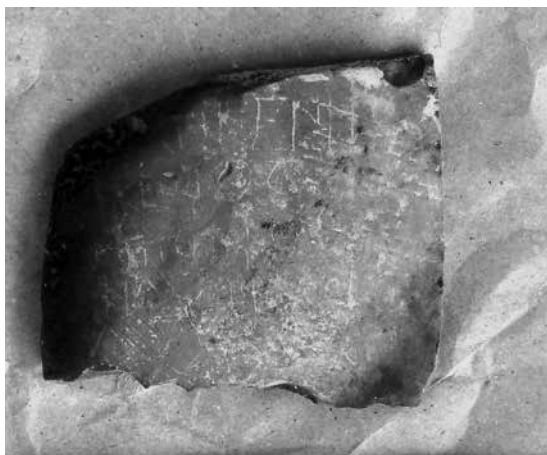

Рис. 2. Остракон из раскопок ольвийского дикастерия
(пол. № О-63.3088)

Рис. 4. Остракон из раскопок ольвийского дикастерия
(пол. № О-63.2937)

А. В. Бонин, С. А. Буравлев, С. А. Ермолин
Институт археологии РАН, г. Москва

УСАДЬБА НА УЧАСТКЕ 111 ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

Строения усадьбы и остатки античных керамических мастерских на участке 111 в 1,5 км к востоку от Херсонеса Таврического, на территории его ближней хоры, были исследованы в 2020 г. сотрудниками ИА РАН при проведении спасательных археологических работ. Прежде об античной застройке здесь ничего не было известно (*Ильяшенко и др.*, 2021).

После фиксации и разборки строительных остатков XIX – начала XX в. были обнаружены основания стен античного времени. Основная постройка состояла из четырех помещений (№№ 2–5). Еще одно строение (помещение 1) было выявлено в 45–50 м к юго-юго-западу от нее. Между строениями прослежены еще две стены (рис. 1, 1).

Помещение 1 – квадратное в плане (2,5 × 2,5 м) (рис. 2, 1). Стены двухфасные, ориентированные по линиям северо-запад – юго-восток, юго-запад – северо-восток. Стены 3 и 4 были сложены впереплет, а стена 4 – пристыкована к стене 2. Между краем стены 2 и стеной 1 существовал промежуток шириной 0,4 м, заложный мелкими камнями. Стена 1 сохранилась не полностью.

Внутри помещения был выявлен пол, маркированный многочисленными фрагментами керамики, черепицы, угольной крошкой. Отметим крупный обломок черепицы у стены 3.

Помещение 2 было расположено в южной части основной постройки (рис. 3, 1), ориентировано запад-северо-запад – восток-юго-восток. Прямоугольное в плане (стены № 8–9, 12–13), оно было размером 6,45 × 4,00 м. Пол – выровненный выход материковой скалы. В стене 12 в 0,62 м от восточного угла зафиксирован проход в соседнее помещение 4 шириной 0,83 м. Он был заложен в ходе одной из перестроек. В процессе расчистки помещения были найдены обломки пифосов, амфор, красноглиняных и лепных

сосудов. Но главное – обнаружен винодельческий комплекс (рис. 3, 2), состоявший из вырубленных в скале давяльной площадки со сливом и небольшой цистерны. Тарапан имел прямоугольную со скругленными углами форму (1,70 × 0,80 м, площадь 1,36 м²) при глубине до 0,05 м. В одной из коротких сторон имелся слив, нависавший над горловиной цистерны. Диаметр ее 0,85 м, глубина 0,72 м, объем 0,409 м³. В заполнении цистерны найдены два плоских необработанных камня, обломки черепицы, а также фрагменты амфор, красноглиняной и лепной посуды.

Вблизи цистерны в скале была вырублена ямка для установки пифоса, диаметром 0,75 м и глубиной 0,55 м.

В северо-восточном углу помещения, в 1 м от входа, также в скале, зафиксированы две параллельные вырубki прямоугольной формы размерами 0,27 × 0,13 м и 0,34 × 0,13 м и глубиной до 0,18 м. Расстояние между ними 0,67 м. Сверху, поперек вырубok, сделано углубление 1,50 м в длину, 0,30 м в ширину и до 3–4 см глубиной. Скорее всего, они предназначались для установки какой-то деревянной конструкции (пресса винодельни?). Монолитные давяльные площадки такой конструкции могли использоваться только с прессовым оборудованием (*Винокуров*, 2007. С. 114–117).

Помещение 3 (стены № 9–12) в центральной части строительного комплекса 2 в плане квадратное (3 × 3 м). В стене 11 в его юго-восточном углу имелся проход в помещение 4 шириной 0,98 м. Его порог был образован четырьмя небольшими необработанными камнями, выложенными в одну линию с восточным фасом стены (со стороны помещения 4).

Пол помещения, по всей видимости, находился на уровне вышеописанного порога (на этом уровне прослежены крупные фрагменты стенок амфор, лежавшие плашмя, а также придонные части двух амфор). Он представлял собой выровненную и террасированную (с перепадом высот до 0,2 м) поверхность материковой скалы.

Помещение 4 площадью 2,9 × 3,2 м было образовано стенами 14 (север), 12 (юг) и 11 (запад). Восточный его угол и восточная стена не сохранились. Пол, по всей видимости, находился на том же уровне, что и в помещении 3. Его подстилал выход скалы, понижавшийся тремя уступами к востоку. Северная стена помещения, очевидно, была пристроена позже (ее основание лежит на культурном слое). В ней находится проход в помещение 5 шириной 0,77 м.

Помещение 5 в северной части строения в плане почти квадратное (4,5 × 6,4 м). Образовано стенами 9 и 10. Восточная стена не сохранилась;

северная (№ 15) – частично. В западной – помещался вход шириной 0,83 м. Пол, скорее всего, лежал на уровне выхода скалы, прослеженной в южном углу помещения.

Находки из помещений и сопутствовавшего культурного слоя достаточно многочисленны (11637 ед.). Подавляющее большинство — фрагменты амфор (6130 ед.) и красноглиняной столовой керамики (4280 ед.). Толсто-стенная посуда представлена 43 фрагментами пифосов херсонесского производства, одним — синопской глины, 61 фрагментом лутериев херсонесской глины, а также пятью и двумя обломками лутериев производства Синопы и Гераклеи соответственно. 75 фрагментов — сероглиняная столовая посуда, 273 — лепная. Чернотаковая керамика представлена 191 обломком канфаров, мисок, тарелок и рыбных блюд. Упомянем два фрагмента красноглиняных светильников.

Строительные материалы — 173 куса черепицы херсонесского производства, 14 — синопской глины и 5 — гераклейской. Найдено 15 фрагментов железных изделий, 54 — цветного металла (главным образом, гвозди и их обломки) а также 11 каменных изделий и их обломков. Костей животных и раковин морских моллюсков найдено 289 экз.

Из коллекционных находок укажем 20 амфорных клейм (19 херсонесских, одно синопское), 13 медных херсонесских монет, 8 бронзовых гвоздей (часть из них, возможно, более позднего времени), бронзовые рыболовный крючок, браслет, две иглы, свинцовый разновес, два фрагмента доньев чернотаковых тарелок с граффити, два пирамидальных керамических грузила, каменное ядро, два каменных терочника, а также терочник из ручки херсонесской амфоры, каменный оселок и обломок кремневого ножа (рис. 4).

Из 13 монет удалось определить 7. Одна — из слоя близ строений, датируется I–II вв. н. э., остальные, совокупно, — второй половиной IV в. до н. э., причем одна монета из помещения 1 — 330–320 гг. до н. э. Амфорные клейма относятся к последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. Не противоречат указанным датам и находки обломков амфор Херсонеса, Синопы, Гераклеи, Книды, Менды, Пепарета, частей принадлежали таре херсонесского производства. Обломки тары Менды, Пепарета, Коса и Колхиды единичны. Общая их датировка: вторая половина IV — III в. до н. э.

Таким образом, были исследованы строительные остатки хозяйственных и, возможно, жилых помещений. Четкая разбивка на местности, качественная кладка стен, винодельня, находки фрагментов античной черепицы, тарной и столовой керамики — все это позволяет предположить,

что перед нами усадьба ближней хоры Херсонеса последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э.

При этом явно имели место некие перестройки, а наиболее ранним являлся блок помещений с винодельней. Ко второму строительному периоду относятся помещения 1 и стены № 5 и 6 — кладка их менее тщательна, ориентация стен другая, а основания лежат на культурном слое. Неясно назначение стены 7, которая хотя и была возведена на скале, но направление, характер кладки (рис. 2, 2) отличаются как от ранних (№ 8–13), так и более поздних (№ 1–6) стен. Это позволяет предположить, что мы имеем дело с фрагментом ограды.

Скромные размеры тарапана и цистерны не предполагали товарного производства и свидетельствуют о том, что вино, скорее всего, изготовлялось для нужд обитателей усадьбы, которые, помимо виноделия, занимались ткачеством и рыболовством, о чем говорят находки пирамидальных грузил и рыболовного крючка. Весьма примечателен и обломок кремневого ножа.

Список литературы

Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 456 с. (БИ Suppl.; 3).

Ильяшенко С. М., Волошинов А. А., Буравлев С. А. Новая керамическая мастерская эллинистического времени на хоре Херсонеса Таврического // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. Севастополь: Антиквар, 2021. С. 127–137.

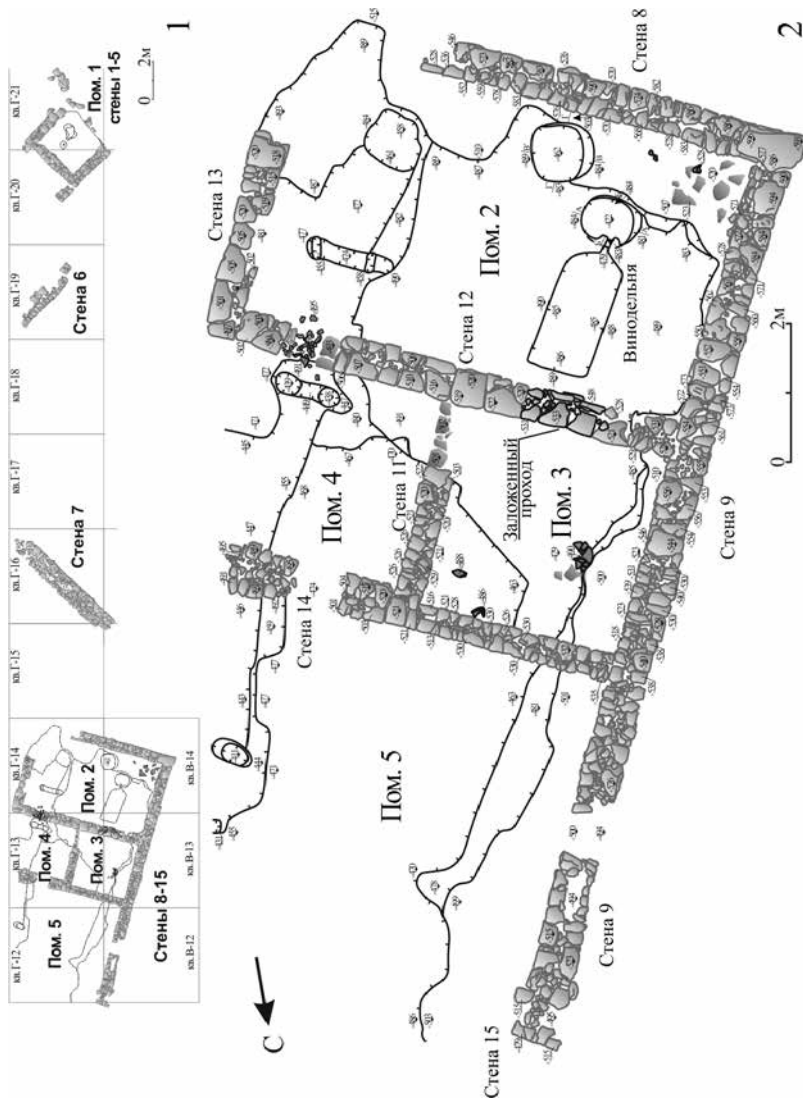

Рис. 1. 1 – общий план строительных остатков; 2 – план помещений 2–5

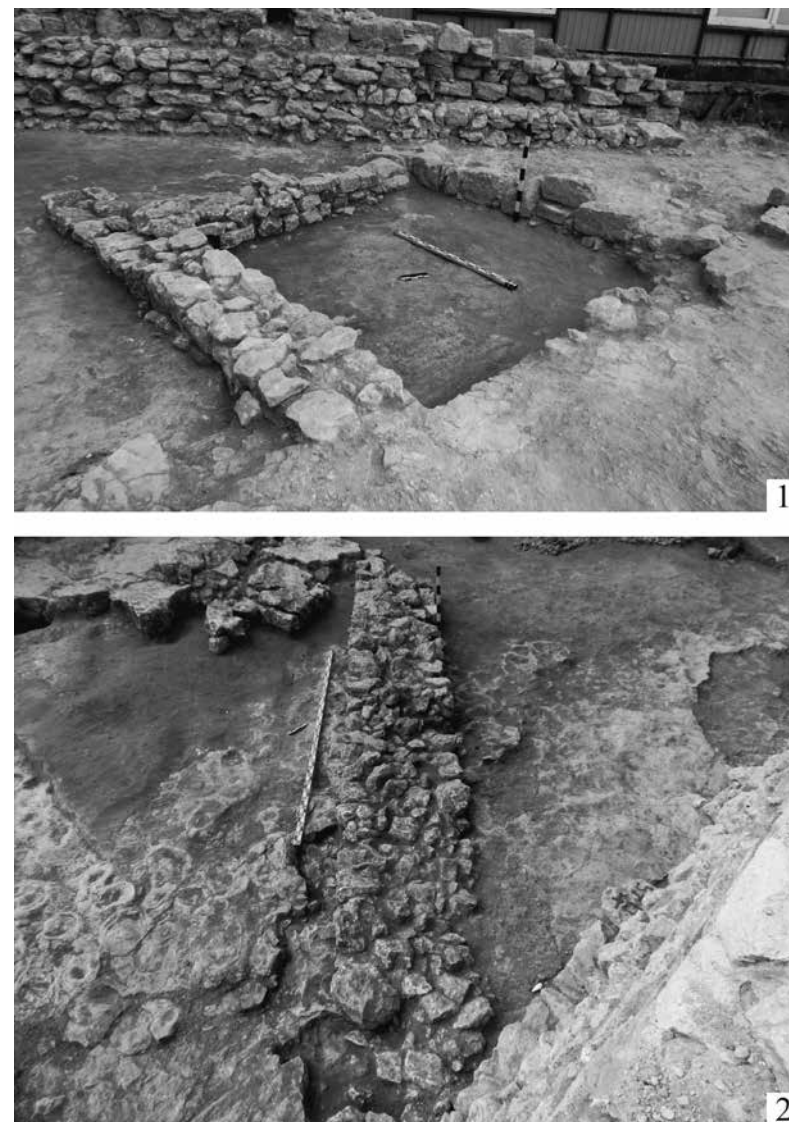

Рис. 2. 1 – помещение 1, зачистка на уровне пола, вид с запада;
2 – стена 7, вид с юго-востока

Рис. 3. 1 – помещения 2–5 на уровне скалы, вид с юга;
2 – помещение 2 на уровне скалы, вид с юго-запада

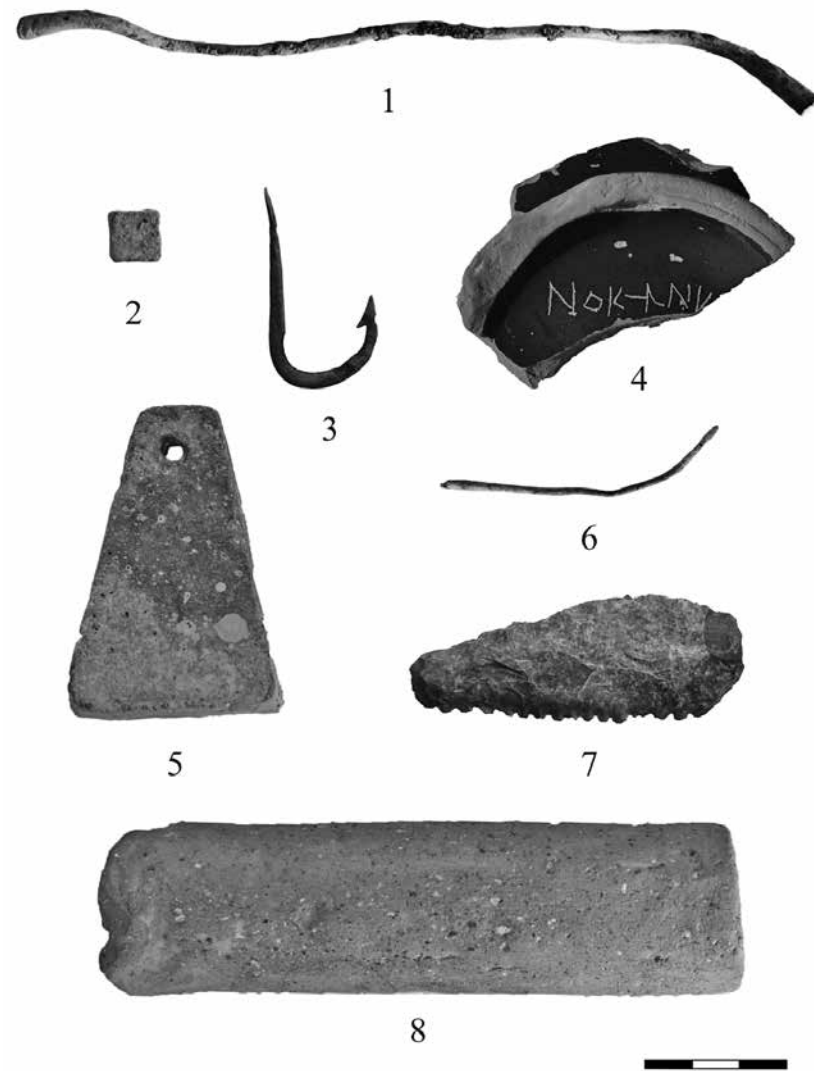

Рис. 4. Находки: 1 – бронзовый браслет; 2 – свинцовый разновес; 3 – бронзовый рыболовный крючок; 4 – фрагмент донца чернолаковой тарелки с граффити; 5 – керамическое пирамидальное грузило; 6 – бронзовая игла; 7 – фрагмент кремневого ножа; 8 – терочник, изготовленный из ручки херсонесской амфоры

Н. В. Быковская, Н. Л. Кучеревская
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

К ВОПРОСУ О СПАСЕНИИ СКЛЕПА ДЕМЕТРЫ

Склеп Деметры – объект постоянного внимания исследователей. С момента его открытия в 1895 г. предпринимались и попытки спасения уникальных росписей погребальной камеры склепа, составляющих наибольшую ценность в историко-культурном и художественном отношении (рис. 1).

Первое замечание о начале разрушений росписи содержится в статье М. И. Ростовцева (1906), где он отмечает отслоения красочного слоя на композиции с изображением Плутона. В 1914 г. зафиксированы повышенная влажность и засоленность штукатурного слоя, повлекшие на некоторых участках выпучивание грунта, отпадение штукатурки и шелушение красочного слоя.

Следующие тревожные сигналы о негативных изменениях красок росписей прозвучали в 1926 г. на Первой всесоюзной археологической конференции, посвященной 100-летию Керченского музея. Тогда было предложено демонтировать фрески и экспонировать их в музее, но эта инициатива не получила поддержки. Участниками конференции были выработаны рекомендации к постоянному мониторингу температуры и влажности внутри погребального сооружения (Зинько, 2007. С. 152).

В 1927 г. комиссией в составе Н. Э. Грабаря, Ю. Ю. Марти и Б. Н. Засыпкина отмечено угрожающее состояние сохранности фрески, тогда же были выполнены первые консервационные мероприятия (НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 178. Л. 18, 42). В 1938 г. влажность воздуха в склепе достигла 100 %. Увеличилось количество осыпей и отпаждений штукатурки, отложений накипей солей на поверхности стен, усилились шелушение красочного слоя и локальные отслоения грунта на стенах. Было выполнено повторное укрепление штукатурки и красочного слоя с применением казеина (НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 178. Л. 18), сотрудникам Керченского

музея было рекомендовано проводить регулярные наблюдения за состоянием росписей и уровнем влажности в склепе (Зинько, 2007. С. 155).

С тех пор Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (правопреемник Керченского музея древностей) является инициатором и организатором мероприятий, направленных на сохранение этого уникального памятника.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. были выполнены реставрационно-спасательные работы на фреске Е. А. Домбровской (Иванова, 1961. С. 49; НА ВКИКМЗ. Ед. хр. 299. Т. 1. Кн. 5. С. 94–95). В 1946–1947 гг. работниками музея предпринимались неудачные попытки осушить кладку (Отчет..., 2020. С. 42). Дальнейшее активное строительство жилья в окрестностях памятника и увеличение водоснабжения привели к изменению гидрогеологических условий и нарушению естественного дренажа склепа (Дорофиенко, Иваненко, 1987. С. 99–100). В 1950 г. под руководством В. Н. Славянова были выполнены гидрогеологические исследования, которые не учли при разработке проекта консервации склепа 1958 г. (Зинько, 2020) по окружению склепа обводной галереей (НА ВКИКМЗ. Ед. хр. 301. Т. 1. Кн. 6. С. 24). Уровень влажности не удавалось понизить, разрушение стенописи прогрессировало (НА ВКИКМЗ. Ед. хр. 299. Т. 1. Кн. 5. С. 40).

В 1969 г. памятник был поставлен на государственный учет. С 1971 по 1980 г. УкрГИИИИТИЗ Госстроя УССР вел изыскания с целью осушения склепа, поскольку влажность в камере составляла 94–100 %. Был сделан вывод о необходимости снижения уровня грунтовых вод с помощью дренажа на 2,5–3,0 м (НА КГИКЗ. Оп. 7. Ед. хр. 269. С. 7). В 1987 г. был принят «План первоочередных работ по выведению склепа Деметры из аварийного состояния». Было решено осушить его с помощью кольцевого дренажа, устроенного в прилегающей зоне (Зинько, 2007. С. 157), система построена летом этого же года СУ-24 треста «Керчметаллургстрой», вода из склепа была отведена. Проект был воплощен частично: еще две ветки кольцевого дренажа не достроены, не устроен отвод атмосферных поверхностных сточных вод, осталась неблагоустроенной прилегающая территория.

В 1989 г. склеп Деметры был включен в комплексную программу изучения и сохранения некрополя Пантикапея по инициативе Э. В. Яковенко (Яковенко, 1989. С. 45). УСНРПИ «Укрпроектреставрация» рекомендовала для стабилизации ТВР удалить уложенные над склепом железобетонные плиты и удалить из камеры влажный грунт, заменив его слоем цемьянки. Для подтверждения правильности предлагаемой концепции нужно было исследовать динамику ТВР в течение как минимум года.

Мониторинг ТВР осуществлялся с 1980-х гг. сотрудниками отдела охраны памятников Керченского заповедника. В 1990–1991 гг. наблюдения проводились с периодичностью два раза в неделю, замеры делались и фиксировались на улице, в домике, дромосе, склепе, галерее воздушного дренажа (НА ВКИКМЗ. Ед. хр. 299. Т. 1. Кн. 5. С. 81–84).

В 1995 и 1997 гг. выполнен ряд научно-исследовательских работ по изучению и реставрации живописи склепа сотрудниками научно-исследовательской фирмы «Оберег» (Киев). Их финансировал Благотворительный фонд «Деметра», специально учрежденный В. Д. Письменным для спасения памятника (Зинько, 2007. С. 151–154).

В 2005 г. в склепе проводились работы по программе ЮНЕСКО. Были установлены герметичные двери в дромосе, выполнены работы по снижению влажности, прочистке дренажной и вентиляционной систем, обработке металлических конструкций в обводной галерее, очистке и биологической обработке поверхности камня стен обводной галереи и дромоса, утилизации деревянных конструкций.

В ходе обследований состояния стеной живописи склепа Деметры в 2017 и 2018 гг. ведущими реставраторами Эрмитажа Е. П. Степановой и М. Б. Жервэ, ГОСНИИР – Н. А. Ковалевой, Восточно-Крымского музея-заповедника – Н. Л. Кучеревской определено аварийное состояние росписей, требующее срочных противоаварийных (консервационных) мероприятий (рис. 2).

По ходатайству музея-заповедника в план научно-исследовательской работы ГОСНИИР была включена тема «Исследование причин и разработка программы устранения аварийной ситуации в античных склепах г. Керчь, (Республика Крым)», запланированная на три года (2018–2020). Отчет по теме содержит в том числе выводы микологических исследований Н. Л. Ребриковой, проанализировавшей мировой опыт консервации настенной живописи погребальных склепов *in situ* со сходным ТВР (Отчет..., 2020. С. 63–74). Выводы и рекомендации, содержащиеся в отчете ГОСНИИР, свидетельствуют о недостаточности данных о прогрессирующем ухудшении состояния красочного слоя. Указано на необходимость не только ежегодного мониторинга ТВР, но и наблюдения за состоянием участков живописи, фотофиксации и проведения фотосъемки в ультрафиолетовом диапазоне.

В 2018 г. выполнено подробное исследование материальных компонентов живописи с целью устранения признаков аварийного характера живописи – либо принятия решения о необходимости ее «повторной»

консервации (рис. 3). По результатам осмотра памятника выявлено, что влажность стен и воздуха в погребальной камере и обводных коридорах повышенная. Тем не менее следы затопления отсутствуют, из чего сделан вывод, что дренажная система справляется со своими функциями. Обследование и очистка дренажных колодцев проводится сотрудниками Восточно-Крымского музея-заповедника регулярно, что исключает возможность подтопления склепа ливневыми водами. При визуальном осмотре фресковой живописи новых утрат и осыпаний красочного слоя не выявлено.

По инициативе Восточно-Крымского музея-заповедника 15 мая 2019 г. в ГОСНИИР состоялось рабочее совещание по разработке первоочередных мероприятий по спасению объекта культурного наследия федерального значения «Античный каменный склеп – “Склеп Деметры” I в. н. э.». В совещании, помимо представителей ВКИКМЗ, приняли участие ведущие специалисты в области реставрации живописи – директор ГОСНИИР Д. Б. Антонов, специалисты-климатологи и микобиологи, представители Департамента музеев Министерства культуры РФ (Д. М. Шелепин), Министерства экономического развития РФ (К. А. Мусихин, Ж. С. Арефьева), Института археологии РАН (А. А. Масленников), Государственного комитета по охране культурного наследия РК (А. В. Жаворонков), а также научный консультант, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории искусств Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова Е. А. Савостина. Участниками совещания выработан алгоритм действий по спасению склепа Деметры.

Совместные усилия позволили определить степень признаков аварийного состояния живописи, ограждающих конструкций, их взаимозависимости. По рекомендации ведущих климатологов ГОСНИИР музеем-заповедником на средства фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды» приобретено специализированное оборудование для организации удаленного мониторинга ТВР. Оборудование, установленное в 2019 г. в погребальной камере и дромосе склепа, к 2025 г. отработало свой ресурс и в 2026 г. заменено на новое, приобретенное на средства музея-заповедника. В перспективе – определение режима обеспечения условий сохранности и алгоритма постоянного мониторинга сохранности памятника с целью разработки и реализации проекта консервации стеной живописи склепа Деметры.

Одним из важнейших достижений считаем пресечение руководством музея-заповедника проводимых вблизи охранной зоны склепа Деметры работ по строительству, прокладке водопровода и канализации. В немалой степени этой мере способствовало устройство нового ограждения земельного участка, на котором находится памятник.

В результате аномальных ливней в 2020 г. произошли подтопления объектов культурного наследия города Керчи. Тревогу внушало состояние склепа Деметры, в погребальной камере которого поднялся уровень грунтовых вод. На протяжении трех лет Восточно-Крымский музей-заповедник работал с ведущими специалистами по реставрации архитектурных памятников над разработкой и согласованием проектов по реализации первоочередных спасательных работ. По настоянию руководства музейного учреждения составитель проекта ООО «Кирамет» включил в качестве обязательной меры организацию системы мониторинга температурно-влажностного режима воздуха и конструкций склепа – до начала производства любых работ – как ремонтно-реставрационных, так и консервационных по укреплению живописи, осознавая необходимость использования мониторинга на каждом этапе производства работ (Научно-проектная документация..., 2023). Проект по спасению склепа Деметры прошел экспертизу, однако средства на его реализацию до сих пор не выделены. И снова только авторитетное заключение профессионалов, активные действия музея-заповедника и общественности смогут подвигнуть властные структуры к принятию мер по спасению памятника.

Список литературы

Дорофиев И. П., Иваненко В. Д. К вопросу реставрации склепа Деметры в Керчи // Проблемы исследований и реставрации монументальной и станковой живописи. М., 1987. С. 96–108.

Зинько Е. А. Этапы сохранения склепа Деметры // БИ. 2007. Вып. XVII. С. 151–161.

Зинько Е. А. Некоторые страницы истории склепа 1895 г. (Склеп «Деметры») // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь; Керчь, 2020. С. 126–135.

Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев: изд-во АН УССР, 1961. 150 с.

Научно-проектная документация по объекту «Ремонтно-реставрационные работы на объекте культурного наследия федерального значения «Античный каменный склеп – “Склеп Деметры”, IX–IV вв. до н. э.» по адресу: Республика Крым, г. Керчь, ул. Братьев Перепелицы, д. 21 (первоочередные противоаварийные и консервационные мероприятия)». Т. 1.2.3. Симферополь, 2023. 44 л.

Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование причин и разработка программы устранения аварийной ситуации в античных склепах г. Керчь (Республика Крым)». М., 2020. 172 с.

Ростовцев М. И. Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи // ЖМНП. 1906. Отд. V. С. 211–231.

Яковенко Э. В. К истории исследования боспорских расписных склепов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 45–46.

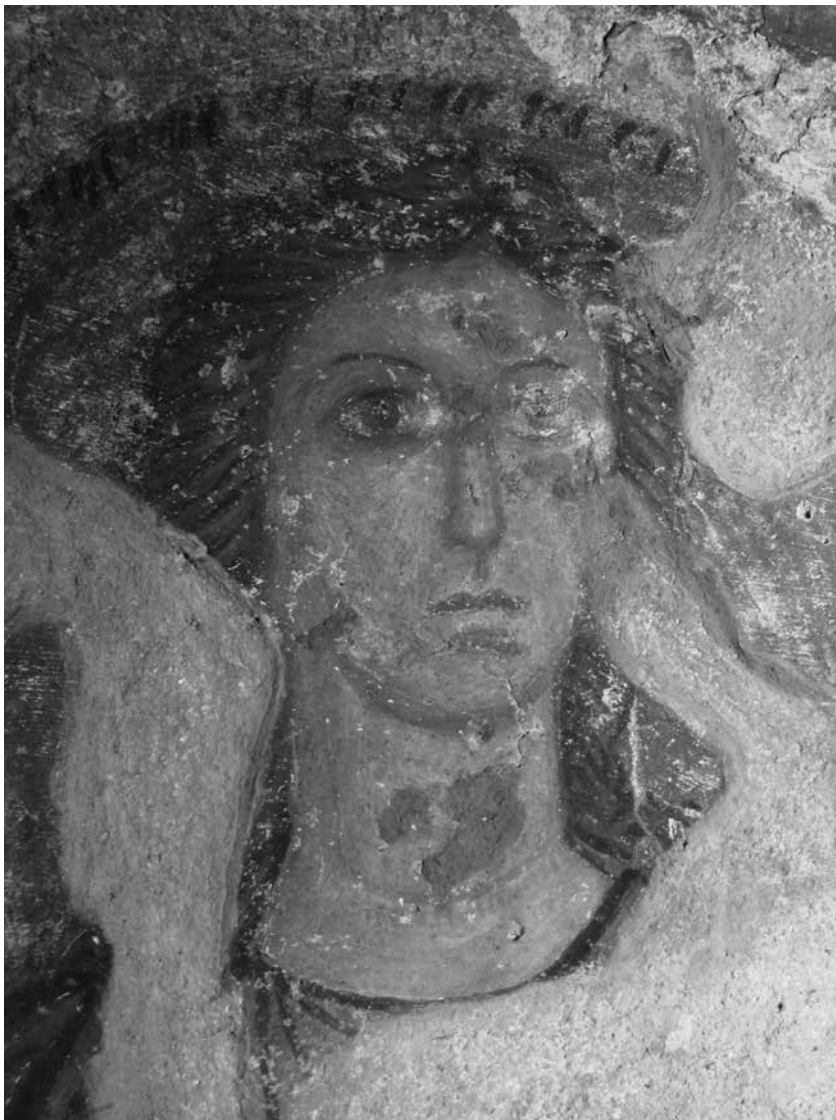

Рис. 1. Изображение лика Деметры на своде погребальной камеры склепа.
Фото Н. Л. Кучеревской, 2018 г.

Рис. 2. Обследование стеновой живописи реставраторами Эрмитажа, ГОСНИИР, ВКИКМЗ.
Фото Н. Л. Кучеревской, 2018 г.

Рис. 3. Измерение параметров ТВР конструкций склепа сотрудником ГОСНИИР
Н. Ю. Пинтелиным. Фото Н. Л. Кучеровской, 2019 г.

В. В. Вахонеев

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

С. Л. Соловьев

Государственный Эрмитаж;

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В IV–III ВВ. ДО Н. Э.

Проблема сакрализации пригородных территорий занимает важное место в современных исследованиях ритуальной топографии античного полиса. Пространство за пределами городских стен традиционно воспринималось как зона погребений, сельскохозяйственных и опасных производств. Однако новейшие подходы показывают, что такие участки представляли собой сложные и динамичные ландшафты, где пересекались религиозные, мемориальные и общественные практики (*Polignac*, 1995; *Alcock, Osborne*, 1994). В этом контексте особый интерес вызывает южный пригород Херсонеса Таврического, территория, которая уже в раннеэллинистический период приобрела выраженный сакральный характер.

Несмотря на длительную историю изучения данного района, до последнего времени он не рассматривался как целостное сакральное пространство. Масштабные археологические исследования 2021–2023 гг., охватившие около 8,5 га и выявившие свыше полутора тысяч объектов, позволили по-новому оценить структуру этой зоны и проследить процессы формирования ее сакрального статуса.

Южный пригород располагался непосредственно перед главными городскими воротами, занимая стратегически важный участок перехода от урбанизированного пространства полиса к сельской территории. Подобные пограничные зоны в греческом мире нередко наделялись

особой символикой, становясь местом концентрации культовых сооружений и объектов коллективной памяти.

Уже в IV в. до н. э. на участке у городских ворот был сформирован ансамбль монументальных построек культового характера, включавший героон, храм в антах, священный источник (нимфей), а также огороженную мощеную площадку, вероятно, выполнявшую общественно-ритуальные функции. Пространственная концентрация этих сооружений свидетельствует о целенаправленной сакрализации пригородной территории.

Центральным элементом ансамбля являлся героон – монументальное сооружение ордерной архитектуры, совмещавшее функции усыпальницы и мемориального храма. Его архитектурное решение, предполагающее закрытую погребальную камеру и верхнюю часть в форме наиска, сближает памятник с героическими мавзолеями Малой Азии. Особое значение имеет обнаруженный тут рельеф с изображением амазономехии, датируемый около 350–300 гг. до н. э. Стилиевые особенности композиции, динамика фигур, диагональная структура сцены и внимание к деталям вооружения находят параллели в малоазийской пластике, в частности во фризах Мавзолея в Галикарнасе (Трофимова, 2023. С. 85).

Иконография рельефа позволяет рассматривать его как средство героизации умершего. Сцена битвы грека с амазонкой, широко распространенная в эллинистической надгробной скульптуре, выступала универсальной метафорой доблести и социального превосходства. Тем самым героон являлся символом не только городской элиты, стремившейся закрепить свой статус посредством монументальных форм публичной репрезентации.

Появление подобного памятника, вероятно, связано с политическим и экономическим подъемом Херсонеса на рубеже IV–III вв. до н. э., когда в полисе усиливаются процессы социальной стратификации и формируется группа граждан, обладавших ресурсами для заказа дорогостоящих мемориальных сооружений (Трофимова, 2023. С. 83). В этом смысле героон следует рассматривать не только как культовый объект, но и как важный маркер трансформации общественной структуры.

Непосредственно рядом с ним располагался небольшой храм в антах, ориентированный фасадом к дороге, ведущей в город. Его классическая планировка указывает на принадлежность к традиционному типу греческих святилищ. Хотя посвящение храма на данный момент остается неизвестным, его расположение вблизи героона позволяет предполагать связь с героическим культом или с божествами, покровительствовавшими переходным состояниям между жизнью и смертью.

Дополнял сакральный ансамбль нимфей – сооружение, обусловленное естественным источником воды. Культ водных божеств был органичной частью греческой религиозной практики, а священные источники часто размещались у ворот города, выполняя одновременно утилитарные и ритуальные функции. Вероятно, нимфей херсонесского пригорода служил местом очищения и возлияний, символически маркируя переход в защищенное пространство полиса.

К западу от храма был выявлен огороженный участок площадью около 380 кв. м, представлявший собой мощеную площадку, ограниченную капитальными стенами. Его планировка позволяет интерпретировать этот объект как особо организованное пространство, предназначенное для коллективных действий – возможно, собраний, ритуальных церемоний или даже гимнастических практик.

Непосредственно на этом участке спустя некоторое время возводятся фундаменты протяженного общественного здания, первоначально трактованного как теменос (Аветиков, Вахонеев, 2024. С. 82–83, рис. 1; Соловьева и др., 2024. С. 17, 21, рис. 6). Однако ориентация стен параллельно храму и героону, а также общая структура комплекса позволяют предположить, что речь может идти о гимнасии, существование которого в Херсонесе зафиксировано эпиграфически с III в. до н. э. (Зубарь и др., 2005. С. 128, 479–580; Соломонник, 1967. С. 73; 1973. С. 102–103). Подобная интерпретация согласуется с общеэллинистической традицией размещения гимнасиев за городской чертой, вблизи священных рощ и источников воды. Известные примеры, в частности афинские Академия и Ликей, демонстрируют устойчивую связь между физическим воспитанием и героическими культами.

Выбор места для такого комплекса был обусловлен не только символическими, но и природными факторами. Участок находился в тальвеговой зоне Херсонесской балки, где фиксируется мощный водоносный горизонт и известна система многочисленных колодцев (Глазунов и др., 2023; Вахонеев и др., 2023). Наличие воды и, естественно, более прохладный микроклимат отвечали требованиям, предъявлявшимся к размещению гимнасиев в греческом мире.

Таким образом, уже к началу эллинистического периода перед городскими воротами сформировался целостный ансамбль, объединявший мемориальные, религиозные и общественные функции. Его пространственная организация была подчинена главной дороге в город, служившей важной частью всего комплекса. Концентрация наиболее статусных сооружений

в непосредственной близости от ворот отражает стремление городской элиты периода подъема полиса включить собственную память в символическое пространство входа в город.

Подобная модель сакрализации пригородной зоны находит многочисленные параллели в античном мире. Почитание героизированных основателей и выдающихся граждан было характерно для многих греческих городов, однако размещение их гробниц вне городских стен особенно типично для малоазийской традиции, где монументальные мавзолеи часто формировали выразительные пригородные ландшафты. По архитектурным и иконографическим особенностям херсонесский героон обнаруживает сходство с памятниками Ликий, включая монумент Нерейд в Ксанфе.

Размещение храма и нимфея у городских ворот также соответствует общеэллинической практике. Внегородские святилища нередко маркировали ключевые точки коммуникаций и служили своего рода сакральными «порогами», обеспечивая божественную защиту путникам и самому городу.

Следует подчеркнуть, что сакральный характер южного пригорода не был кратковременным явлением. Напротив, сформированный в раннеэллинистическую эпоху, этот ландшафт оказал долговременное влияние на развитие данной территории. В дальнейшем здесь активно обустраивается городской некрополь, планировка которого во многом наследует раннюю структуру (Вахонеев, 2025. С. 154). Подобная преемственность подтверждает устойчивость сакральной семантики пространства.

В целом формирование священного ландшафта южного пригорода следует рассматривать как результат осознанной градостроительной политики, направленной на символическое освоение предместья. Созданный ансамбль не только оформлял вход в город, но и интегрировал коллективную память, культовую практику и общественную жизнь в единую пространственную систему.

Список литературы

Аветиков А. А., Вахонеев В. В. Археологические исследования на раскопе 4 // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 15 (охранная археология). СПб.: Невская типография, 2024. С. 82–87.

Вахонеев В. В. Особенности планировки некрополя Херсонеса Таврического в I–III вв. н. э. (по материалам раскопок южного пригорода) // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Красноярск: СибФУ, 2025. С. 153–155.

Вахонеев В. В., Глазунов В. В., Букатов А. А., Панченко В. В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в античный и средневековый период (по материалам раскопок южного пригорода Херсонеса в 2021–2023 гг.) // БФ: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 436–440.

Глазунов В. В., Букатов А. А., Вахонеев В. В., Ефимова Н. Н., Панченко В. В. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований // МАИЭТ. 2023. Вып. XVIII. С. 24–43.

Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Русяева М. В. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине III в. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев: Академперіодика, 2005. 628 с.

Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В. Краткие итоги археологических раскопок южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН. Вып. 15 (охранная археология). СПб.: Невская типография, 2024. С. 17–28.

Соломонник Э. И. Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе // ВДИ. 1967. № 1. С. 69–78.

Соломонник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. Киев: Наукова думка, 1973. 283 с.

Трофимова А. А. Амазономахия «мавзолея» в Херсонесе. Об историческом и мифологическом в искусстве раннего эллинизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2023. Т. 13. С. 76–88.

Alcock S. E., Osborne R. Introduction // Placing the Gods: Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxford, 1994. P. 11.

Polignac F. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 187 p.

А. А. Вахонеева

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь;
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

БРОНЗОВЫЙ АМУЛЕТ-ЗМЕЕВИК ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Раскопки Южного пригорода Херсонеса Таврического, проведенные в 2021–2023 гг., существенно расширили представления о структуре и функционировании внегородского пространства византийского Херсона. В отличие от собственно городской территории, традиционно изучаемой более интенсивно, предместья долгое время оставались менее исследованными, несмотря на их важную роль в формировании социально-экономического и культурного ландшафта города (Вахонеева, 2025).

Материалы Южного пригорода демонстрируют высокую степень насыщенности разновременными объектами – от многочисленных античных погребальных комплексов до средневековых хозяйственных и жилых объектов (Соловьева и др., 2024. С. 17).

В 2021 г. на раскопе 4 был исследован средневековый колодец (объект 11). В заполнении верхней части присутствовали находки амфор классов 16, 24 и 27 по ХК-95. Среди других находок особенно интересен бронзовый амулет-змеевик, представленный круглой пластинкой с ушком для подвешивания¹ (Костромичев, 2022. С. 22, рис. 4).

Херсонесский змеевик имеет характерную для ранних образцов форму – круглый плоский медальон диаметром 4,2 см (рис. 1). Согласно археологическому контексту, он может датироваться X–XI вв. На лицевой стороне (аверсе) амулета изображена голова в анфас с пятью исходящими из нее змеями, между которыми расположены разные символы. Этот мотив восходит к античному образу головы

Горгоны Медузы, традиционно выполнявшему апотропеическую функцию (отврат зла) (Барabanов, 2003. С. 339–340), хотя композиция змеевиков не является прямым заимствованием классического горгонейона (Николаева, Чернецов, 1991. С. 34).

По окружности аверса нанесена надпись:

[Υ]στερα, Μηχαήλ, Γαβριήλ, Ορουήλ, Ραφαή(λ), ἄγιος.

Первое слово сохранилось частично из-за припаянного ушка, но его можно восстановить как [Υ]στερα. Далее упомянуты имена четырех архангелов: Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил. Присутствие архангельских имен подчеркивает христианский характер амулета и его связь с христианской молитвенной традицией. Написание слов соответствует средневизантийскому периоду. Последнее слово связано с упомянутыми именами и переводится как «святой».

На оборотной стороне (реверсе) медальона размещена надпись в четыре строки:

[---]ο
ῥστερα
ὡς λέον
βρουχή.

Это – магическое заклинание о «чреве» (матке), принадлежащее к категории так называемых *hystera*-формул. Подобные тексты адресованы женской утробе (ῥστερα – *hystera*), которую представляли одушевленным независимым существом, способным «блуждать» по телу и причинять страдания. Как правило, такая формула начинается с заклинательного обращения к матке, описывая ее болезненные проявления и призывая усмириться. В данном случае осторожно можно предположить прочтение первого слова как τικρό, т.е. «горькое» или «жестокое». Таким образом перевод фразы может выглядеть следующим образом: «Жестокая (горькая) матка ревет, как лев».

Херсонесский змеевик принадлежит к числу наиболее ранних известных амулетов данного типа. Исследования показывают, что первые змеевики появляются в византийском мире около X в. уже в сформированном виде. Древнейшие экземпляры представляют собой именно круглые металлические подвески, на одной стороне которых изображена человеческая голова со змеями (обычно 5–7 змей), а на другой нанесена *hystera*-формула; при этом никакой иной христианской сцены (креста, святого и пр.) на этих образцах нет.

Функционально ранние змеевики, по всей видимости, служили в первую очередь для лечения «женских недугов» – порч, бесплодия, болезней и болей, связанных с утробой. Об этом прямо говорит обращение заклинания к матке, а также тот факт, что на задней стороне изображался демон болезни

¹ Автор благодарит начальника Античной комплексной экспедиции ИИМК РАН С. Л. Соловьеву за возможность публикации материалов экспедиции. Находка была передана на хранение в фонды ГИАМЗ «Херсонес Таврический», № к. о. ХТ-21-Р-4/428-1.

матки – в греческой терминологии собственно *Hystera*, а в древнерусских текстах ее называли «дъна» (то есть *дно*, низ живота). Иконография змей, окружающих голову, символизирует именно этот недуг: змеевидное шевеление, спазмы и «укус» матки причиняют страдание женщине.

В XI в. византийские змеевики претерпевают определенную эволюцию. Постепенно на одной из сторон этих медальонов появляется полноценный христианский образ – чаще всего сцена со святым верхом на коне, поражающим копьем женовидного демона (*Переседов*, 2004. С. 111). Такие змеевики можно считать переходным типом: с одной стороны, на них еще присутствует *hystera*-формула (часто все так же отдельным текстом на обороте), с другой – уже введен христианский персонаж, визуально противостоящий змеиному образу. Примечательно, что число змей на «змеиных» сторонах возрастает до 6–8 и более, а сами змеи иногда приобретают черты драконов или даже изображаются схематично, как изогнутые лучи. Одновременно магический текст начинает переходить с оборота на лицевую сторону – его помещают по краю вокруг змеи или вокруг святого.

К XII в. складывается классический тип змеевика, распространенный на Руси: на одной стороне – православный святой или сцена (например, Архангел Михаил, Богородица «Знамение», целители Козьма и Дамиан, Георгий и др.), на другой – «гнездо» из 6–12 змей вокруг головы или женской фигуры. При этом *hystera*-формула зачастую кратко вписана вдоль края змеиных спиралей, а на стороне святого обычно есть круговая молитва.

Таким образом, змеевики бытовали и в Византии, и на Руси, демонстрируя как преемственность формы и функций, так и локальные особенности. Для византийских ранних образцов характерны греческие надписи и отсутствие явных церковных изображений, в то время как древнерусские экземпляры XII–XIV вв. чаще совмещали наглядный христианский образ на лицевой стороне и несколько упрощенную змеино-текстовую композицию на обороте. Тем не менее по конструкции (круглая подвеска), по функции (амулет-оберег) и по основному магическому замыслу (борьба с демоном болезни) все эти находки относятся к одному классу.

Византия X–XI вв. знала множество полулегальных магических оберегов – от филактриев с молитвами до камей с изображениями святых и изречениями. Змеевики вписываются в этот контекст как специфический вид амулетов «от маточных болезней». Владелец змеевика считал его своего рода религиозной реликвией, помогающей от напастей, хотя, по сути, амулет оставался магическим. Магический статус, впрочем, легко устанавливается при научном анализе: расшифровка *hystera*-формулы однозначно указывает на суеверный заговор, не совпадающий ни с одной канонической молитвой.

Культурно змеевики можно охарактеризовать как продукт народного христианства, в котором продолжали жить архаические представления о персонифицированных болезнях и магическая медицина. Их бытование охватывает широкие слои общества: змеевики изготавливали как из недорогого металла (бронзы, свинца) для простых людей, так и из серебра, золота и драгоценных камней для знати. При этом содержание заговора на дорогих и дешевых экземплярах одинаковое. Это говорит о повсеместной популярности этих амулетов и об относительной независимости веры в них от официальной церковной иерархии.

Таким образом, бронзовый амулет-змеевик X–XI вв., найденный в колодце предместья Херсона, представляет собой яркий пример византийского магического предмета, дошедшего до нас в археологическом контексте. Это свидетельствует о распространенности подобных предметов в городском быту византийского Херсона. Эпиграфическая часть (заклятье о матке) подтверждает принадлежность находки к группе *hystera*-амулетов, предназначенных для охраны женского здоровья и отгона болезнетворного демона (*Барабанов*, 2003. С. 346–347). Этот артефакт расширяет наши представления о контактах Византии и Руси, куда подобные амулеты могли попадать через Херсон, а затем воспроизводиться местными мастерами.

Список литературы

- Барабанов Н. Д.** К истории византийских народных верований. Истера // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 322–347.
- Вахонеева А. А.** «Предмесье как зеркало города»: археология южного пригорода Херсонеса и византийская урбанистика Причерноморья (к постановке научной задачи) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IX Международной науч. конф. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2025. С. 82–86.
- Костромичев Д. А.** Изделия из цветного металла и кости // Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического. Севастополь: ГИАМЗХТ, 2022. С. 20–22.
- Николаева Т. В., Чернецов А. В.** Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 128 с.
- Переседов И. Г.** Об амулетах-змеевиках и их связи с нательными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории: материалы науч. конф., посвящ. памяти А. В. Банк. СПб.: изд-во ГЭ, 2004. С. 108–121.
- Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В.** Краткие итоги археологических раскопок южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. Вып. 15. СПб., 2024. С. 17–28.

Рис. 1. Бронзовый амулет-змеевик

М. Ю. Вахтина

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА КАСТАНЯЯН И ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА ПОРФМИЙ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ¹

С течением времени мы все больше начинаем ценить наших старших коллег, с которыми доводилось встречаться и работать в молодые годы и которые, к сожалению, сейчас уже покинули нас. К таким людям принадлежала и Елизавета Григорьевна Кастанаян (1910–1991). В этом году исполнилось 35 лет, как ее нет с нами. Основные вехи ее жизненного пути освещены в очерке Ю. А. Виноградова (2008), здесь же хочется остановиться на фактах ее биографии, связанных с раскопками античного городища Порфмий в Восточном Крыму. Елизавета Григорьевна очень любила «свой» памятник, была ему предана. По сравнению со многими «малыми» городами, входившими в состав древнего Боспорского государства, к раскопкам которых приступили еще в дореволюционное время, первые исследования Порфмий начались сравнительно недавно, в 1953 г. До этого Е. Г. Кастанаян уже достаточно долго трудилась на раскопках памятников Европейского Боспора, имела богатый опыт полевых исследований.

Елизавета Григорьевна Кастанаян поступила на службу в ГАИМК в 1932 г. В 1933 г. была создана Керченская (будущая Боспорская) экспедиция, объединившая ученых ГАИМК, МО ГАИМК и ГМИИ (Виноградов, 2013. С. 169–170). В 1935 г. во главе экспедиции встал В. Ф. Гайдукевич, до этого бывший начальником Мирмекийского отряда и успешно проводивший раскопки в 1934 г. (Виноградов, 2005. С. 325). Елизавета Григорьевна, преданная

¹ Работа велась в рамках выполнения ПФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

соратница Виктора Францевича, работала под его руководством в составе Керченской экспедиции до начала Великой Отечественной войны.

После окончания войны Боспорская экспедиция возобновила свою деятельность, пережив в послевоенные десятилетия период наивысшего расцвета, когда широко велись исследования городов, поселений и некрополей, организовывались археологические разведки. Елизавета Григорьевна была деятельной участницей этих исследований.

В 1949 г. Е. Г. Кастанаян участвовала в небольших раскопках на городище Парфений, памятнике, располагающемся недалеко от Порфмий (их разделяет расстояние около 2 км). Экспедиция также проводила разведки и сбор подъемного материала, прежде всего на «зольнике» Парфения. Позже результаты этих работ были обобщены в статье «Археологическая разведка на городище Парфений», вышедшей в 85 томе «Материалов и исследований по археологии СССР» (Кастанаян, 1958). В том же томе были изданы статьи В. Ф. Гайдукевича, посвященные раскопкам Илурата, Мирмекия, Тиритаки, Нимфея и других памятников в 1948–1953 гг. В подстраничной ссылке к предисловию (С. 7) отмечено, что «в изучении этого р-на (имеется в виду район к северо-востоку от Керчи. – М. В.) существенную помощь экспедиции оказывал местный инженер-путеец В. В. Веселов, сделавший ряд ценных наблюдений в результате систематически проводившегося им надзора за земляными строительными работами и тщательного сбора подъемного материала». В. В. Веселов был также известным краеведом и археологом-любителем. Он проводил систематические обследования памятников в окрестностях города, делал зарисовки и фотографии, вел дневники (Веселов, 2005). Именно он первым отождествил руины городища на западной окраине пос. Жуковка с Порфмием, о чем 21 мая 1950 г. сделал запись в дневнике, а позже опубликовал результаты своих наблюдений (Веселов, 1952). В личном архиве Е. Г. Кастанаян сохранилось три небольших схематических чертежа, сделанных его рукой. На одном из них, датированном сентябрем 1950 г., изображены оборонительные стены древнего Порфмий и дан его предположительный план (рис. 1).

В 1953 г. Боспорская экспедиция впервые провела раскопки на городище. Вероятно, их необходимость диктовалась тем, что в это время в районе Керченского пролива были начаты работы, связанные со строительством порта Крым и паромной переправы. Был образован отдельный отряд, работой которого руководила Е. Г. Кастанаян. До этого она участвовала в раскопках и разведках у с. Осовины, в Нимфее, поселениях у Темир-Горы и аула Аджимушкай. Поэтому работы в Порфмий были начаты лишь

1 августа. О процессе и результатах этого первого года раскопок можно судить по сводному отчету В. Ф. Гайдукевича о работах Боспорской экспедиции, дневникам Е. Г. Кастанаян (в трех тетрадях, всего – около 90 стр.), составленным ею описям материала, а также полевым фотографиям, хранящимся в Научном архиве ИИМК РАН. Первая запись гласит: «Работа началась в 7-30. На раскопе Кастанаян и 11 человек» (Кастанаян, 1953. Дневник 1. С. 1). Закончились раскопки 25 сентября. «Было раскопано 25 кв. размерами 5 × 5 м, общей площадью 625 кв. Культурный слой на отдельных участках был исследован до материка, на глубину 3,10 м. Была открыта крепостная стена на протяжении 30 м. Высота стены – 2,25 м, ширина стен – 2,40–2,50 м. Это – северная стена городища. К югу от крепостной стены раскрыты жилые кварталы с прямоугольными улицами. Крепостные стены построены в конце III в. до н. э. В III в. к крепостной стене были пристроены жилые дома. <...> В результате раскопок 1953 г. установлено, что никаких признаков существования на холме, где расположено городище, догреческого, доколониционного поселения нет. Первые греческие поселенцы появились там во второй половине или в конце VI в. до н. э. Созданное ими поселение просуществовало непрерывно почти до середины I в. до н. э., когда жизнь в поселении прекратилась, и оно было заброшено» (Там же. Дневник 3. С. 80–86). Таким образом, в первый же полевой сезон на памятнике был выявлен целый ряд интереснейших объектов (рис. 3–4), позволивших сделать выводы об облике поселения, определить время его существования.

Новизна и ценность результатов первого года раскопок представлялись очевидными. Казалось бы, их необходимо продолжать. Но, по непонятным причинам, этого не произошло. Возможно, опасность разрушения строительными работами более не угрожала памятнику, или же экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича ставила перед собой иные масштабные задачи. Не исключено, что продолжать эти работы в качестве полноправного руководителя Елизавете Григорьевне помешало отсутствие у нее ученой степени (она оформила соискательство и утвердила тему кандидатской диссертации лишь весной того же года); сейчас о причинах того, почему работы на Порфмий долгое время не возобновлялись, остается только гадать. Возможно, помешали и какие-то личные переплетения взаимоотношений².

² Станным представляется и то, что в МИА № 85, посвященном итогам работ Боспорской экспедиции в 1946–1953 гг., где достаточно много места уделено самым разным памятникам и материалам, о раскопках Порфмий лишь кратко упоминается в предисловии (МИА. 1958. № 85. С. 6–7).

Меж тем Е. Г. Кастанаян продолжала работу в Боспорской экспедиции. В 1954 г. она приняла участие в раскопках Илурата, некрополя Пантикапея, керченских катакомб, руководила раскопками Загородной усадьбы. В 1955 г. снова работала в Илурате, а в 1956 г., когда для раскопок Мирмекия был образован совместный советско-польский отряд, работала в его составе. В 1957 г. она также приняла участие в раскопках Китея, а в следующем году снова исследовала Илурат, где руководила работами на раскопе, вела дневник, составляла описи материалов.

В 1959–1960 гг. Е. Г. Кастанаян приняла участие в раскопках, организованных Тиранским Государственным университетом (Албания), ведущим исследования Аполлонии Иллирийской. В 1960 г. она вернулась на Боспор и участвовала в раскопках Тиритаки, Мирмекия, Илурата и Нимфея.

В 1961 г. в составе Кобяковской экспедиции под руководством С. И. Капошиной она руководила Богаевским отрядом и вела раскопки кургана 14 (Красный курган) в Богаевском районе Ростовской области. С 1962 г. она возглавляла Новочеркасский отряд Кобяковской экспедиции, продолжая исследования курганов. Но через несколько лет вернулась в Крым и в 1965 г. участвовала в раскопках кургана Кара-Оба. На одной из фотографий, сохранившихся в личном архиве Елизаветы Григорьевны, она запечатлена с В. Ф. Гайдукевичем и известной советской писательницей М. С. Шагинян на вершине этого кургана (рис. 2)³.

И наконец, в 1968 г., через пятнадцать лет, Порфмийский отряд возобновил свою работу. Начальником его официально стала А. И. Болтунова. В состав отряда, кроме нее и Е. Г. Кастанаян, вошли В. П. Яйленко (м. н. с.) и студенты истфака ЛГУ (в их числе – А. И. Айбабин). Картина, которую после столь долгого перерыва застали исследователи, была поистине удручающей. Из отчета А. И. Болтуновой и Е. Г. Кастанаян: «За время пятнадцатилетнего перерыва вскрытые в 1953 г. остатки внутри городских стен были почти полностью разобраны окрестными жителями на строительный камень, а раскоп заплыл землей» (Болтунова, 1968. С. 1). Задача работ 1968 г. была достаточно скромной: «Восстановить сетку квадратов и на небольшом участке исследовать слои, лежащие ниже горизонта эллинистического города». Раскопки велись на 3 квадратах 5 × 5 м. В результате были открыты остатки жилищ архаического и раннеклассического времени (причем был сделан ряд интереснейших наблюдений – например, зафиксированы следы

гибели помещения с сырцовыми стенами в результате пожара), несколько ям IV в. до н. э. с выразительным амфорным материалом.

Однако после завершения этих работ исследования городища опять были прерваны – и продолжены в 1971 г., когда, наконец-то, Елизавета Григорьевна вернулась на памятник в качестве начальника отряда. Далее она руководила ежегодными раскопками Порфмия до 1985 г. Она последовательно и планомерно изучала верхний горизонт, связанный с финальной эпохой существования греческого поселения. Под ее руководством были раскрыты оборонительные сооружения, жилые дома и планировка «нового Порфмия» – города второй половины III – середины I в. до н. э., составлен план жилой застройки этого времени (Кастанаян, 1971; 1972; 1975; 1983). Е. Г. Кастанаян показала, что «новый Порфмий» возник после кардинальной перестройки и перепланировки более раннего поселения, это новое поселение она называла его «клерухией» – военным поселением. Она стремилась к тому, чтобы максимально полно реконструировать жизнь населения этой небольшой по своим размерам крепости. Ею были сделаны выводы о количестве жителей, их занятиях, хозяйственном укладе. Была собрана большая и интересная коллекция материалов, основная масса которых хранится в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Благодаря исследованиям Елизаветы Григорьевны, Порфмий по сей день остается наиболее полно изученной позднеэллинистической крепостью Европейского Боспора.

В ходе последних полевых сезонов Е. Г. Кастанаян приступила к изучению строительных остатков, связанных с начальным периодом существования города. Экспедиция под ее руководством начала исследования в восточной части памятника, на раскопе Г. Одновременно велись раскопки в западной части города, где доследовались комплексы позднеэллинистического времени. Вот как исследовательница писала о результатах этих исследований в своем последнем отчете: «Отряд ставил перед собой две цели. Первой являлось расширение площади раскопок Старого города, существовавшего во второй половине VI в. до н. э. по первую половину III в. до н. э.» (Кастанаян, 1984. С. 1). Далее следовало описание открытых архаических объектов – оснований стен и водостока, обнаруженных в восточной части поселения. «Вещественные находки, сопутствующие раскрытию архаических строительных остатков, – писала Елизавета Григорьевна, – состояли из фрагментов хиосских пухлогорлых амфор второй половины VI в. до н. э., чернолаковой и чернофигурной аттической керамики, а также архаических сосудов из Хиоса и Коринфа. Все эти находки

³Благодарю Ю. А. Виноградова за уточнение места, где было сделано фото, и определение третьей участницы группы.

не выходят за хронологические рамки VI в. до н. э.» (Там же. С. 3). Нет никаких сомнений в том, что и древнейший горизонт памятника был бы ею изучен столь же тщательно и планомерно.

В последние годы своей жизни Е. Г. Кастанаян начала готовить работы, посвященные отдельным группам материалов – расписной керамике, клеймам, терракотам. В ее архиве – неоконченный очерк истории Порфмий. К сожалению, эти работы не были завершены. Но полноценные, высокопрофессиональные основы для дальнейшего исследования памятника и создания обобщающих работ, характеризующих позднеэллинистический период его существования, ею, безусловно, заложены.

Список литературы

Болтунова А. И. Отчет о работе Порфмийского отряда Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР в 1968 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. 1968 г. Д. 100.

Веселов В. В. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмий) // Археология и история Боспора / отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Симферополь: Крымиздат, 1952. Т. 1. С. 227–237.

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005. 264 с. (ДБ Suppl.; 2).

Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 321–328.

Виноградов Ю. А. Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 51–64.

Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Кастанаян Е. Г. Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. № 85. С. 254–265.

Кастанаян Е. Г. Дневники раскопок гор. Порфмий с зарисовками и описями находок №№ 1–3 // Гайдукевич В. Ф. Боспорская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР в 1953 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1953 г. Д. 42–44.

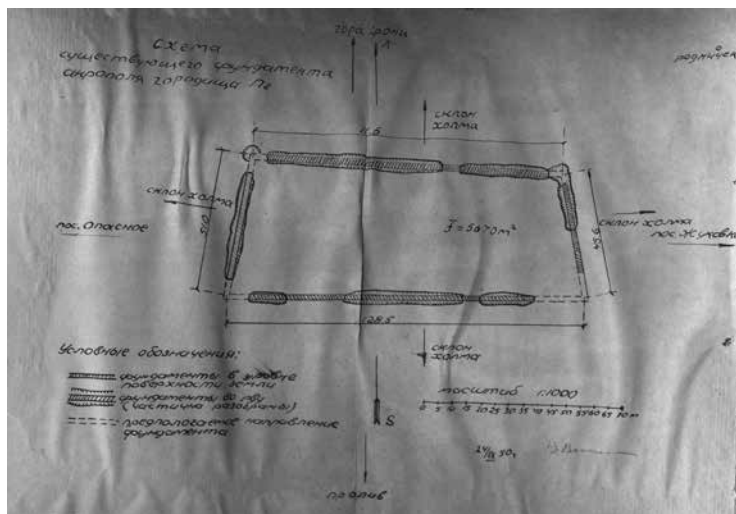
Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмий // Археологические исследования на Украине в 1968 году: информационные сообщения / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1971. С. 187–191.

Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмий в 1968 г. КСИА. 1972. Вып. 130. С. 77–82.

Кастанаян Е. Г. Итоги раскопок Порфмий эллинистической эпохи // Новейшие открытия советских археологов: тезисы докладов конференции. Ч. II. Киев, 1975. С. 103–104.

Кастанаян Е. Г. Порфмий // Études et Travaux. 1983. Vol. XIII. P. 161–168.

Кастанаян Е. Г. Отчет о работах Порфмийского отряда Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР за 1984 год // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1984 г. Д. 113. 15 с.

Н. И. Винокуров

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ РАСЧЛЕНЕННОГО КОНЯ ВОСТОЧНЕЕ АЛТАРЯ ХРАМА ЗЕВСА ГЕНАРХА И СОТЕРА – НОВЫЙ РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ХТОНИЧЕСКИМ БОГАМ III–IV ВВ. Н. Э. НА ЮЖНОМ ТЕМЕНОСЕ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН

В 2023–2025 гг. на южном теменосе городища Артезиан в позднеантичных ямах в непосредственной близости от руин храма Зевса Генарха и Сотера были обнаружены многочисленные обломки беломраморных плит облицовки алтарей, архитектурные детали дорического и ионического ордеров из мрамора и известняка, фрагменты беломраморной статуи Зевса: части торса, рук, постамента, завалы облицовочной агломератовой штукатурки, поверхность которой окрашена в бордовые цвета, а также сбросы цемяночной облицовки, фрагменты намеренно разбитых на мелкие части терракотовых фигурок, светильников и фемиеатриев и других votivных предметов. Все они тяготели к героону с захоронением в подбойной гробнице убитого вождя второй половины III – начала IV в. н. э.

По-видимому, с этим объектом связан и новый ритуальный комплекс, раскопанный в 2025 г. в трех метрах восточнее фундамента алтаря Зевса Генарха и Сотера (рис. 1–2). На небольшом пространстве площадью около 20 кв. м, между бортом раскопа II и фундаментом восточного алтаря обнаружены жертвенные ямы 862 и 863, в устье северной, 862, совершено жертвоприношение коня, мясо которого участники церемонии съели во время жертвенной трапезы. Кости скелета животного – длинные, ребра, тазовые со следами кухонной разделки – оказались компактно сброшенными неподалеку к северо-востоку в соседние ямы. Его череп, препарированный изощренным способом, был использован вместе с нижними частями ног, похоже,

вместе со шкурой, в специальной жертвенной композиции, больше напоминающей геометрическую инсталляцию (рис. 2–4).

Позднеантичные жертвенные ямы 862 и 863, синхронные по времени бытования, открыты при расчистке жилого яруса III–IV вв.¹ Они имели плитовые горловины, грушевидную форму, впущены в материковый грунт, верх их засыпан сходным пепельно-серым рыхлым грунтом, мало отличающимся от верхнего яруса заполнения оборонительного рва. Горловины ям разрушены землетрясением второй половины III в. н. э. и до засыпки какое-то время оставались под открытым небом; перекрыты зольным слоем запустения мощностью до 0,24 м².

Южная яма 863 сохранила явные следы жертвенных действий. В северной части ямы в зольном грунте на глубине 1,15 от верха ямы расчищена горизонтально лежавшая половина округлой плиты крышки ямы, примыкавшая к борту, перекрывавшая кусок храмовой штукатурки Зевса Генарха и Сотера с красно-бурым гематитовым покрытием и граффити в виде однострочной надписи «МН АПОТ» или «МН АΡΙΟΤ/Π». Лицевой красной гематитовой поверхностью штукатурка с граффити обращена вниз³.

Вторая половина крышки ямы расчищена ниже, в придонном слое. Она уложена горизонтально под противоположным, южным бортом ямы. Поверх плиты находился вниз лицом небольшой фрагмент штукатурки с граффити в виде глубоко прочерченной полосы и остатков буквы (Α?). Плита закрывала другие жертвенные подношения: фрагмент беломраморной скульптуры Зевса Генарха и Сотера со складками одеяния и следами красно-багровой краски в сопровождении нескольких средних и мелких обломков штукатурки, также обращенных вниз лицом. На лицевой поверхности штукатурки сохранились остатки граффити – следы отдельных, едва угадываемых букв («Κ», «Ο» и др. ?)⁴.

¹ На близком уровне располагались и ямы 771 и 772, раскопанные ранее между ними и жертвенником. Их зольная засыпка также содержала votivные жертвенные подношения. Они прорезаны в придонной части ямами 862 и 863, которые появились, когда те уже были засыпаны.

² На отметках –4,20–4,44.

³ Размер 80 × 60 мм, высота букв 4–5 мм, ширина 5–10 мм.

⁴ Куски штукатурки состыковать между собой не получилось. Скорее всего, граффити появились на штукатурке в период бытования храма Зевса Генарха и Сотера, а в яме оказались во вторичном использовании. Значимым для участников жертвоприношения было применение в поминальном ритуале красноокрашенной штукатурки (символа жизни, крови?) и обращение надписей вниз лицом как особого заклинания подземным богам. Подобные магические манипуляции с ранними храмовыми надписями, как и с обломками скульптуры Зевса, да и деталями храма Зевса Генарха и Сотера, – характерное явление на южном теменосе.

В северо-восточной яме 862 присутствовали свои жертвенные маркеры. В качестве плиты горловины использована нижняя часть антропоморфного надгробия из бело-серого известняка⁵, уложенная шипом к устью ямы четко по линии юго-запад – северо-восток. Данное направление является сакрально приоритетным, наиболее типичным для позднеантичных ритуальных комплексов южного теменоса. Вторичное использование надгробий в жертвенных ямах и святилищах – характерная и устоявшаяся обрядовая черта на объектах южного теменоса. Иной практический смысл в них вряд ли стоит видеть. Специально выносить из разоренных гробниц некрополя надгробные памятники, чтобы использовать их в качестве обычного строительного материала, незачем. Тем более – за сотни метров от городища, где предостаточно первоклассного вторичного строительного материала.

В зольной засыпи ямы обнаружено значительное количество находок, среди которых были и отдельные ритуальные предметы (части терракотовых фигурок, фишки, гончарные лощила, граффити), некоторые из них (намеренно?) повреждены. В общей массе находок такие маловыразительные предметы обратили бы на себя мало внимания, если бы не жертвоприношение коня, совершенное в корытообразном углублении горловины ямы 862 (рис. 2–4).

Для этой цели в западине над устьем ямы 862, верх которой заполнен чистой пепельно-серой золой⁶, было подготовлено под жертвоприношение углубление в виде корытообразной в разрезе ямки. В плане она близка к овалу, ее покатые борта едва угадывались в зольном грунте. Длина – до 1,20 м, глубина 0,50–0,70 м; ориентирована по оси юг – север. Дно ямки было заполнено забутовкой в виде платформы из мелкого камня, черепков стенок античных амфор на пластичной серо-желтой глине, толщиной до 0,30 м⁷. На ее выровненную поверхность, служившую импровизированным алтарным столом, во время жертвенного ритуала в особом порядке, со строгим соблюдением сторон света, положили разрубленный череп взрослого жеребца и нижние части ног, сохранивших природное сочленение от копыт до коленных суставов (рис. 3–4).

В северной части ямы помещена разрубленная на части и вновь сложенная голова, в центре – состыкованные в виде трапеции передние ноги,

в южной части – задние ноги жертвы. Они плотно примыкали друг другу по линии север – юг. Получается, что сама жертва (монада) разделена на три группы (триады), в соответствии с выбранным ритуалом. Черепная коробка и нижняя челюсть, в свою очередь, раздроблены на две части (две священные двойки), что соответствует двум парам ног.

Череп жеребца был разрублен продольно⁸, надвое, на неравные фрагменты, на большей из них осталась затылочная часть, где *in situ* уцелели атлант и два шейных позвонка, развернутые ко дну ямы. Длинные его части на платформе углубления были уложены друг на друга в противоположных направлениях, на юг и на север, на боковые стороны, глазами вверх⁹.

Судя по расположению костей в жертвоприношении, в северной половине ямы положили сначала правую часть черепа, узкой частью на юг, зубами на запад. В южной половине ямы разместили на одном с ней уровне задние ноги лошади, копытами на запад, в сторону страны мертвых. Одна из задних ног частично перекрывала кости черепа.

Передние ноги по центру платформы сложены иным образом: подобием трапеции, состыковываясь последовательно друг за другом. Получившаяся фигура могла символически представлять и тамгу, и замкнутый бесконечный «круг» жизни или солнце. Внутреннее пространство, размером 0,16 × 0,19 м, оконтуренное костями передних ног, было занято каким-то особым жертвенным подношением (частью туши животного, идолом, корзиной или деревянной чашей с подношением), истлевшим без следа.

Поверх нижней правой половины черепа коня водружена почти без зазоров его левая половина, развернутая передней частью на север, зубами на запад¹⁰.

Венчала всю жертвенную композицию нижняя челюсть коня, разрубленная продольно, как и верх черепа, надвое. Ее части, сложенные вместе по линии юг – север, находились выше остальных частей черепа, примыкая к ним с запада. Они были в перевернутом положении зубами вниз, при этом направлены в разные стороны, на юг и на север, дублируя противоположные направления ориентировки разрубленных костей черепной коробки.

⁵ Возможно, таким образом было удобнее извлечь мозг.

⁶ Кости имели желто-коричневый цвет, растрескались от просадок грунта, но в целом были хорошей сохранности, благодаря большому количеству золы в засыпи углубления.

¹⁰ В таком положении было хорошо заметно, что верхний клык с левой стороны челюсти лошади был прижизненно обломан наполовину. Впрочем, и с другой стороны клык был сломан аналогичным образом. Скорее всего, повреждения клыков – результат длительного и грубого воздействия металлических грызл удила на челюсти животного.

Возможно, кости ног и голова коня были перекрыты шкурой либо завернуты в нее, что потребовало с восточной стороны придавить ее края семью бутовыми камнями средних и мелких размеров (0,20 × 0,12 × 0,07 м, 0,38 × 0,52 × 0,09 м, 0,25 × 0,07 × 0,09 м). Они прослежены по краю ямы. Подобные камни использовались в нижней части ямы при устройстве алтарной площадки.

Ритуальный смысл жертвы отчасти понятен: части туши коня принесены вместо целого. В манипуляциях с костями черепа отчетливо просматривается и хтонический культ отрубленной головы как символа возрождения всего сущего. Не очень ясен мотив с ориентировкой частей черепа и расположением их в противоположных направлениях по отношению друг к другу. Впрочем, любое переворачивание/оборачивание в представлении древних было важным ритуальным действием, когда требовалось поменять сущность жертвенного подношения. В интерпретации всей композиции представляется важным учитывать положение глазниц, направленных вверх, в мир небесных сил, а также ритуальную повторяемость противопоставления частей черепа, призванную усилить воздействие с помощью жертвы на хтонические силы.

Числовое сочетание двух частей черепа, уложенных вместе (сохранение монады, но в магически измененном виде), и четырех ног (попарно, но иначе) вполне укладывается в сакральные ритуальные схемы. Семь камней сверху и три камня внизу, возможно, дополняют значимые для соблюдения церемонии магические цифры. Но нельзя исключать и случайные совпадения.

Вся жертва черепа и костей коня в яме засыпана серой чистой золой, без заметных включений и находок, если не считать отдельные, попавшие обычным образом (?) стенки античных амфор.

Точная датировка жертвоприношения проблематична. По стратиграфическим данным, событие состоялось, скорее всего, в позднеантичное время. Расположение жертвы на 3,00 м к востоку от восточного алтаря храма Зевса Генарха и Сотера, близко к его средней линии, показательно для понимания важности этого направления при проведении обрядовой церемонии. Дно ямки с хтоническим жертвенным приношением лошади по глубине залегания было близко к уровню верха квадров фундамента алтаря; насколько это случайно или нет, сказать сложно. Но совершенно точно, что жертва была принесена тогда, когда алтарь продолжал считаться важным сакральным местом. Точное заключение по датировке последует после рассмотрения всех обстоятельств нового неординарного жертвенного комплекса.

Впрочем, стратиграфические условия и хронология найденных находок позволяют предварительно отнести новый ритуальный объект к концу III – началу IV в. н. э. и включить его в состав поминально-жертвенного комплекса героона погибшего вождя 2023 г. Вполне возможно, что жертвоприношение могло состояться сразу после засыпи ям 862 и 863.

Находки из ямы 862 вполне согласно могут свидетельствовать о возможном жертвенном характере данного объекта. По крайней мере, в пользу этого предположения говорят следующие маркеры:

- 1) западина устья ямы 862 использована для совершения жертвенного хтонического захоронения части жеребца в шкуре с расчлененными головой и ногами;
- 2) наличие в устье ямы в повторном использовании надгробия с шипом, уложенным в соответствии с юго-западной сакральной ориентировкой;
- 3) использование трех ножек амфор (фаллических символов?);
- 4) присутствие ритуально разбитых лепного светильника-подочки и, возможно, лепной крышки и нескольких жертвенных краснолаковых чаш;
- 5) наличие обломка терракотовой фигурки;
- 6) использование четырех игровых фишек (= 1 монада + священная триада), трех граффити.

На основании датировки находок из заполнения данных ям можно с известной долей уверенности говорить, что их засыпка произошла не позднее начала IV в. н. э. Территория участка, как и всего античного городища, окончательно запустела к V в. н. э. Только в период VIII–X вв., с приходом носителей так называемой «салтово-маяцкой культуры», здесь вновь возобновляется жизнь.

Итак, на теменосе городища Артезиан обнаружены необычные находки, свидетельствующие о высоком статусе поселения. Здесь размещались не только царская резиденция, военный контингент царских наемников, но и важный культовый центр, возможно, связанный с почитанием обожествленного боспорского правителя.

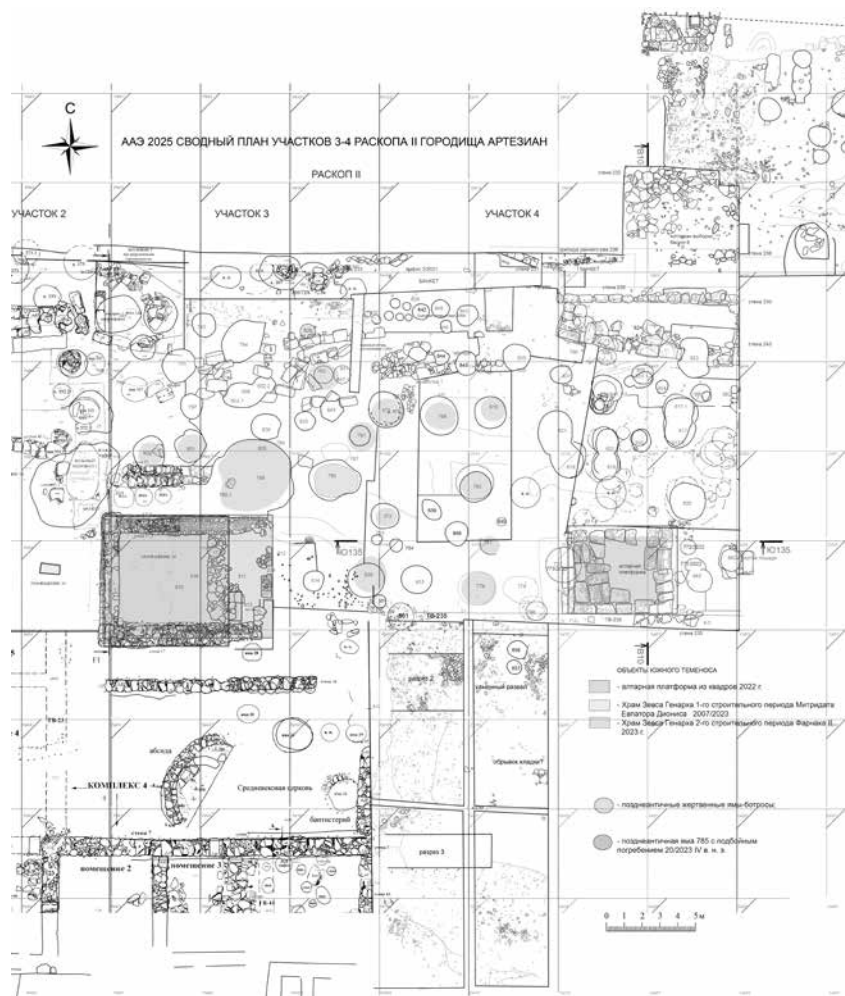

Рис. 1. План участков 3–4 раскопа II 2007/2025 гг. Нижний ярус. Сводный план раскопа II после работ 2025 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК

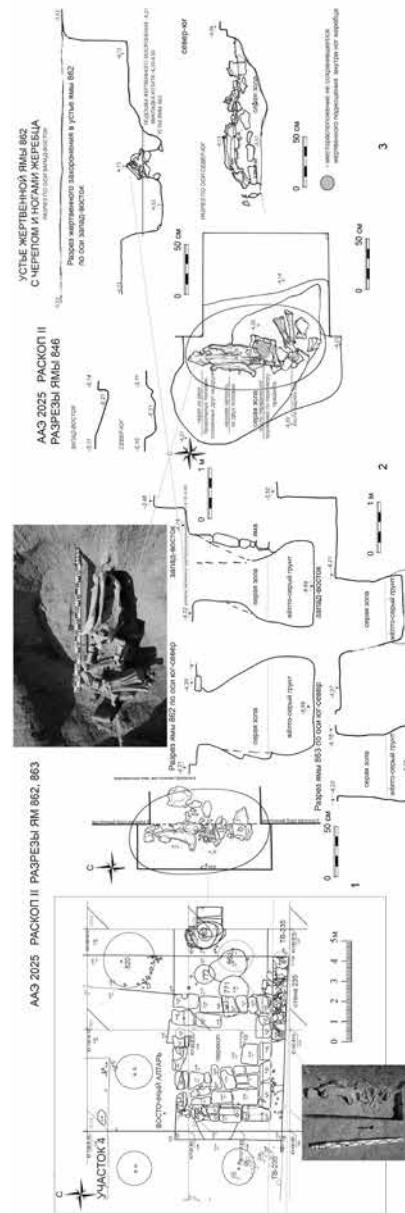

Рис. 2. 1 – выкадровка из плана участка; 2 – разрез и планы позднеантичных ям 862, 863 верхнего горизонта 4 заполнения оборонительного рва в разрезе 1 юг–север; 3 – разрез и план жертвоприношения черепа и ног жеребца в устье ямы 862 на участке 4 раскопа II. Городище Артезиан. Ленинский район РК

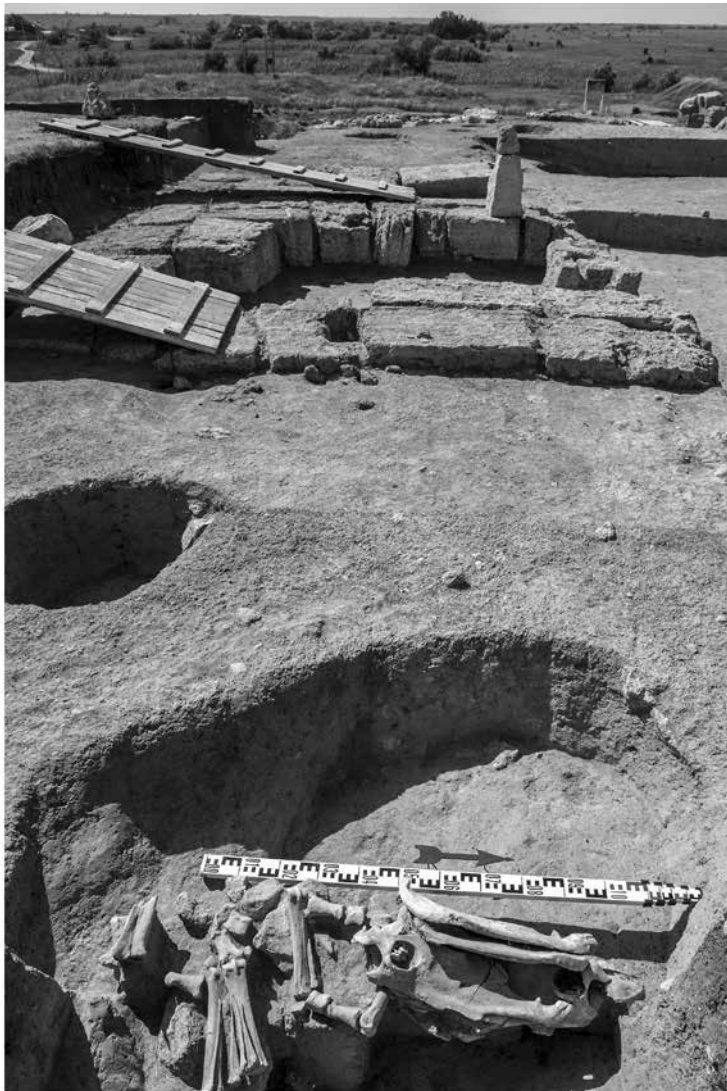

Рис. 3. Жертвоприношение жеребца восточнее фундамента восточного алтаря храма Зевса Генарха и Сотера в зольных напластованиях заполнения рва, поверх позднеантичной ямы 862 на участке 4 раскопа II в процессе расчистки. Вид с востока. Городище Артезиан. Ленинский район РК

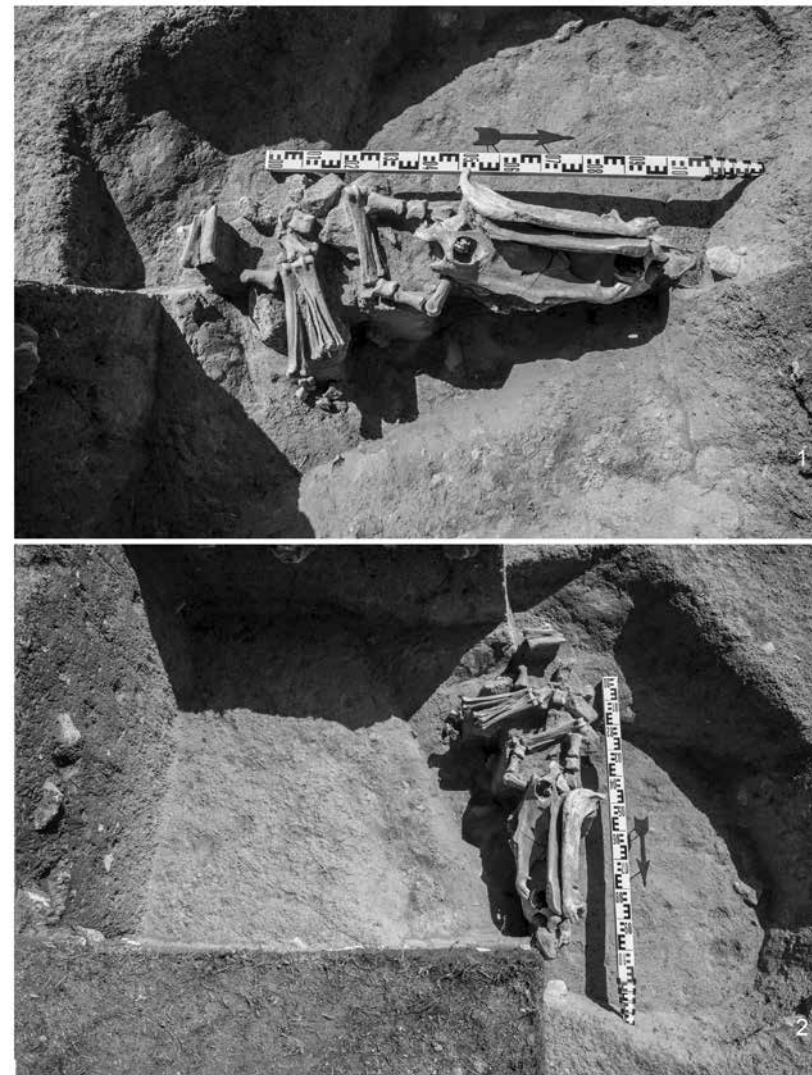

Рис. 4. Жертвоприношение жеребца восточнее фундамента восточного алтаря храма Зевса Генарха и Сотера в зольных напластованиях заполнения рва, поверх позднеантичной ямы 862 на участке 4 раскопа II после расчистки. Вид с востока (1) и севера (2). Городище Артезиан. Ленинский район РК

А. А. Внуков

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, г. Тула

НАХОДКИ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В КИЗИЯРСКОЙ БАЛКЕ И СООБЩЕНИЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА О ВОССТАНИИ ВИТИМИРА

Полиэтничность гуннских племенных объединений и гомогенность в культуре варварской элиты гуннского этапа эпохи переселения народов, безусловно, осложняют выделение племенных центров номадов. Однако ряд памятников, особенно те, которые не были ограблены или имеют богатый материал, достаточно хорошо коррелируются с сообщениями позднеантичных и раннесредневековых авторов.

В этой связи надо отметить важность для исследования истории варварских объединений Северного Причерноморья захоронений на городище Беляус и его некрополе, случайных находок (возможно, разграбленного погребения) в Кизиярской балке (г. Мелитополь), обнаруженных в 1948 г. (Засецкая, 1984; 1994. С. 166–167, табл. 7), а также погребения в пещере «Колдуна» на Каменной Могиле, обнаруженного в 1973 г. (Михайлов, 1993).

Последние, как мы считали прежде, могут маркировать движение какой-то ранней волны родственных гуннам племен в начале второй половины IV в. (Ярцев и др., 2023). Отметим и то, что М. М. Казанский также отнес мелитопольские погребения, вместе с захоронениями в Новофилипповке, в Арпаше и в Зугло (Будапешт), к ранним гуннским памятникам (Казанский, 2010).

Действительно, основная часть перечисленных захоронений демонстрирует связь их носителей с кочевниками Южного Урала, Сибири и сармато-аланского круга. В захоронении медника в Новофилипповке

и в погребении в пещере «Колдуна» отсутствуют предметы, выполненные в полихромном стиле. Тем не менее контекст этих могил позволяет связать их именно с гуннами. К примеру, ингумация в гробу в пещере «Колдуна», несмотря на отсутствие богатого погребального инвентаря, указывает на принадлежность умершего к культу почитания гор, распространенному на Кавказе и Алтае (Михайлов, 1993; Токарев, 1982. С. 109).

В Новофилипповке и Кизиярской балке среди предметов погребального инвентаря исследователями были выявлены бронзовые зеркала (Михайлов, 1977. С. 74–78; Засецкая, 1994. С. 166), распространение которых связывается с носителями сарматской культуры (Кононов, 2017. С. 261). При этом зеркало, относящееся к мелитопольской находке, украшено узором, состоящим из двух знаков-тамг, имеющих кангюйское происхождение и хорошо известных в Северном Причерноморье со II в. н. э. (Яценко, Рогожинский, 2021. С. 742; Ярцев и др., 2023).

Прежде находки из Кизиярской балки мы отождествили с племенем алпидзуров, которое, судя по всему, появилось в регионе в начале 360-х гг., в период правления императора Юлиана Отступника, – тогда как М. М. Казанский отнес находки в Кизиярской балке к восточной «акацирской» группе памятников кочевников гуннского времени (Казанский, Мاستыкова, 2009. С. 120, 124). По мнению И. П. Засецкой, дата мелитопольского комплекса не выходит за пределы V в., а наличие в нем вещей, восходящих к образцам II–III вв., скорее указывает на первую половину V в. (Засецкая, 1984. С. 77).

Стоит согласиться с мнением исследователей относительно такого положения дел. Действительно, отдельные вещи из этого комплекса имеют параллели среди находок хут. Верхне-Яблочное (диадема), Марфовского «клада» (полуовальные пластинки из литого золота), VIII и IX погребений у с. Новогригорьевки (прямоугольные накладки со вставками граната и разделенные штампованным орнаментом, чешуйчатые золотые накладки от седла), впускных погребений склепа № 635 позднескифского могильника Усть-Альма и кургана у с. Калинино (бронзовый котелок, останки конской сбруи, украшенные штампованным орнаментом). К тому же по стилистическим и техническим атрибутам случайные находки из Верхне-Яблочного близки Марфовскому «кладу», который, в свою очередь, уже по находкам боспорского импорта синхронен с гуннским погребением № 2 античного городища Беляус. Так, к примеру, в обоих захоронениях были обнаружены чаши типа I-E (Дашевская, 2014. С. 89–90; Засецкая, 2008. С. 25–26; Застрожная, Шаров, 2017), орнаментированные группами

из десяти мелких капель и расположенными между ними крупными овальными каплями синего стекла. Эти чаши датируются исследователями концом IV – первой половиной V в. (Засецкая, 2008. С. 25).

Ко всему этому добавим наше наблюдение, которое можно отнести к числу косвенных доказательств датировки мелитопольского захоронения не позднее 70-х – 80-х гг. IV в. Оно основано на анализе инвентаря из гуннского погребения в склепе № 1 городища Беляус. Подчеркнем, что это погребение было выполнено теми же номадами, которые оказались в Северо-Западном Крыму на рубеже IV–V вв. и активно взаимодействовали с позднеантичными центрами указанного времени. В данном погребении среди вещей полихромного стиля у правого колена погребенного мальчика 14 лет лежала золотая обкладка от деревянной фигурки лошади (Дашевская, 2014. С. 76–77, 269, табл. 160, 4), близкая обкладка известна в захоронении воина на поселении Кзыл-Кайнар-тобе в Казахстане (Мерциев, 1970. С. 89, рис. 7, 10; с. 91). Последнее захоронение можно отнести к захоронениям в склепе/гробе, т. к. оно было выполнено внутри одного из сохранившихся помещений храмового сооружения. Видимо, кочевники рассматривали руины храма как склеп. Напомним, что подобные впускные погребения кочевников в Европе на сегодняшний день зафиксированы только на памятниках восточной «акацирской» группы (Казанский, 2022).

Погребение в Кзыл-Кайнар-тобе принадлежало воину. С правой стороны скелета на уровне бедер лежал предмет из золотой фольги, похожий на переднюю часть фигурки лошади. По мнению М. С. Мерциева, наличие подобной фигурки в погребении воина связано с погребальным ритуалом (захоронение с конем), но относится ко времени, когда, сообразно эволюции в религиозных представлениях, конь был заменен его изображением (Мерциев, 1970. С. 91). Не исключено, что подобные представления могли появиться лишь на рубеже IV–V вв. или в первой половине V в. Напротив, в Кизиярской балке подобного обряда не зафиксировано – либо вследствие разграбления комплекса, либо изначального отсутствия признака этой традиции. Такое положение дел позволяет нам утверждать, что погребение было совершено ранее V в., когда гунны еще не проникли в Крым и окончательно не утвердились в Северном Причерноморье.

Возвращаясь к анализу находок Кизиярской балки, следует сказать, что, кроме сарматского зеркала, из числа найденного инвентаря исследователями были опубликованы вещи, относящиеся к этому

предположительному комплексу, которые демонстрируют связь погребенного с алано-сарматской знатью и с военными столкновениями варваров в конце 70-х – начале 80-х гг. IV в.

Речь в данном случае идет о наличии котелка типа «Дебелът». Подобные котелки были распространены в римское время и хорошо известны в сарматских погребениях с клинковым вооружением. Находки котелков в мужских воинских захоронениях объясняются исследователями, с одной стороны, спецификой экипировки профессиональных воинов, с другой – как знак статуса командира воинского подразделения (Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 105).

Нам доподлинно не известно, кто был ингумирован в Кизиярской балке. М. А. Тиханова и И. Т. Черняков отмечали, что у исследователей нет достаточных оснований считать, что найденные статусные вещи, в том числе и диадема, связаны с мужским погребением. Полагать, что все находки принадлежат одному погребению, по меньшей мере неосторожно (Тиханова, Черняков, 1970. С. 126). Напротив, И. П. Засецкая не исключает, что погребенный был мужчиной, а сами находки происходят из единого погребального комплекса (Засецкая, 1984. С. 70; 1994. С. 166).

Конечно, без анализа антропологического материала о половой принадлежности погребенного судить сложно. Однако можно с некоторой долей вероятности, используя контекст погребений из Калинино и Усть-Альма, предположить, что погребенный был воином. Однако следует отметить, что ряд аспектов не позволяет нам исключать вероятность того, что в Мелитополе была погребена женщина или же здесь имелось парное захоронение. Подобная практика – погребение с двумя индивидами в одной могиле – известна в восточной группе. К примеру, можно отметить захоронение на некрополе городища Беляус: в 1999 г. здесь обнаружена могила, в которой были погребены два представителя гуннского племени – мальчик (6–7 лет) и девочка (9–10 лет). Инвентарь погребения был представлен вещами конца IV – первой половины V в. (Дашевская, 2014. С. 91–92).

Отнести мелитопольские находки исключительно к женскому погребению позволяет наличие сарматского зеркала, а также сведения античных авторов и их археологические подтверждения о женщинах-воительницах, не уступавших мужчинам в силе и боевых подвигах (Яценко, 2018б).

Помимо этого, изображения древних женщин-воительниц фиксируются и в искусстве ранних кочевников Западного Казахстана. Речь идет о серии статуй женщин-воинов, обнаруженных на северном краю плато Устюрт.

У раннесредневековых тюрков воительницы также известны в фольклорных сюжетах (Яценко, 2018а). Дополнительно к этому отметим, что в эпических сказаниях центральноазиатских номадов, а конкретно – в цикле легенд о Гесере зафиксирован персонаж, не уступающий в силе центральному герою, который представлен в образе его второй жены-богатырши, дочери драконова царя Аджу-Мерген-хатун. В сказаниях имеются сведения о ее ратных подвигах, а также подчеркивается, что она «была мастерицей стрелять из лука» (Гесериада, 1935. С. 163).

По мнению С. А. Яценко, знатная женщина в среде кочевников могла стать воином вынужденно: как мать наследника и регентша после смерти супруга-правителя, реже – как мстительница за гибель родственников-мужчин (Яценко, 2018а. С. 159). Так или иначе, но данный тезис хорошо согласуется с контекстом событий начала второго этапа эпохи Великого переселения народов в Северо-Понтийской степи.

Относительно гуннов нам доподлинно известно, что женщины принимали участие в управлении племенной конфедерацией. Для примера, можно вспомнить жену Бледы, которая управляла одним из селений (Prisc. fr. 8), или вдову вождя савир Валаха – Боарикс/Боа, – которая некоторое время находилась в статусе регента при ее малолетних сыновьях (Mal. Chron. XVIII, 13). Примечательно и то, что Боарикс принимала непосредственное участие в походах, а в одном из сражений, если верить Феофану Исповеднику, убила самостоятельно в равном бою гуннского вождя Глону (Theoth. Chron. 520).

Всему нижесказанному не противоречит и наличие среди мелитопольских находок берцовой кости с застрявшим в ней железным трехлопастным наконечником стрелы гуннского типа. Данный артефакт позволяет связать рассматриваемые находки с воинским погребением, а также дать близкую к точной дату, когда погиб(-ла) мелитопольский(-ая) всадник(-ца).

Бесспорно, рассмотренные нами атрибуты указывают на какое-то военное столкновение в Северном Причерноморье, конкретно между гунно-аланскими кланами, в период их экспансии на запад. Относительная отдаленность этих находок от городища хут. Недвиговка позволяет нам отвергнуть версию, связанную с подчинением гуннами алан-танаитов.

В контексте рассматриваемых находок вспоминается другое сообщение Аммиана Марцеллина, сюжет которого акцентируется на сопротивлении готского царя Витимира аланам после 376 г. Согласно данному тексту, готский царь в этой борьбе опирался на «другое племя гуннов,

которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия» (Амт. Marc. XXXI. 3, 3).

Нам представляется, что данный рассказ хорошо объясняет гибель погребенного/погребенной в Кизиярской балке.

Можно даже констатировать, что в Кизиярской балке был захоронен представитель военного отряда Витимира, скорее всего гунн, который был в числе нанятых номадов, либо это был представитель/представительница аланской знати, заключивший/заключившая союз с гуннами в середине IV в.

Безусловно, это могли быть и алпидзуры, но предпочтительно видеть в погребенном всаднике, если исходить из контекста будущих событий, кочевника, тесно связанного с аланами Северного Кавказа. Данному тезису не противоречат материалы городищ Брут и Беслан и их могильников, которые не пострадали в ходе гуннского продвижения на запад. Напротив, памятники демонстрируют тесную политическую связь аланов с представителями гуннской элиты в течение всего пятого столетия (Габеев, 2011; 2014).

В письменных источниках, находящихся в нашем распоряжении, также засвидетельствованы союзные отношения представителей гуннских и аланских кланов. К примеру, известно, что кавказские гунны и аланы в 360-е гг. совместно участвовали в кампании армянского полководца Васака против сасанидского Ирана (Фавс. Буз. IV. 25). К тому же часть приазовских алан была включена в состав гуннского войска в начале 370-х гг. Немного позже североприазовские гунны совершили набег в Закавказье. Не исключено, что это были акациры, которые утвердились в районе античного Танаиса именно в данный период.

Таким образом, мелитопольские находки хорошо маркируют характер взаимодействия гуннов с кочевым населением южнорусских степей в период их продвижения на запад. Поэтому данное захоронение целесообразнее исключить из числа памятников алпидзуров и следует связывать с аланской или гуннской аристократией, которая участвовала в военно-политических событиях в Северо-Понтийской степи в конце 370-х гг.

Список литературы

- Габуев Т. А.** Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 43. С. 58–63.
- Габуев Т. А.** «Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан) // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 84–94.
- Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане искоренителе десяти зол в десяти странах света / пер., вступ. ст. и комм. С. А. Козина. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1935. 245 с.
- Дашевская О. Д.** Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 283 с.
- Засецкая И. П.** Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 68–77.
- Засецкая И. П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: АО «Эллипс», 1994. 221 с.
- Засецкая И. П.** Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. 2008. Вып. XX. 222 с.
- Застрожная Е. Г., Шаров О. В.** «Марфовский клад» 1925 г. (публикация архивных материалов) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 4. С. 395–410.
- Казанский М. М.** Гуннские погребения в античных склепах и свидетельство Аммиана Марцеллина // БЧ. 2022. Вып. XXIII. С. 129–135.
- Казанский М. М.** Ранние погребения гуннов в Северном Причерноморье и на Среднем Дунае // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 119–127.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В.** «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. ст. СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
- Кононов В. Ю.** Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияния) // БЧ. 2017. Вып. XVIII. С. 259–265.
- Кривошеев М. В., Лукпанова Я. А.** Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 5 (35). С. 98–111.
- Мерциев М. С.** Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана: сб. ст. Алма-Ата, 1970. С. 79–92.

- Михайлов Б. Д.** Поховання мідника гунського часу в Північному Приазов'ї // Археологія. 1977. № 24. С. 74–82.
- Михайлов Б. Д.** Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 109–111, 357–358.
- Тиханова М. А., Черняков И. Т.** Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье // СА. 1970. № 3. С. 117–127.
- Токарев С. А.** О культе гор и его месте в истории религии // СЭ. 1982. № 3. С. 107–113.
- Ярцев С. В., Шушунова Е. В., Внуков А. А.** Сообщение Аммиана Марцеллина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном-Причерноморье во время правления императора Юлиана // БЧ. 2023. Вып. XXIV. С. 448–460.
- Яценко С. А.** Женщины-воительницы в искусстве ранних кочевников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018а. № 1 (11). С. 153–161.
- Яценко С. А.** Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (к анализу планиграфии и уточнению статуса) // Сходознавство. 2018б. № 82. С. 47–84.
- Яценко С. А., Рогожинский А. Е.** Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // МАИАСП. 2021. № 13. С. 733–767.

В. А. Горончаровский

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАНТИКАПЕЙСКОГО СКЛЕПА ЮЛИЯ КАЛЛИСФЕНА (К ДИСКУССИИ О ДАТИРОВКЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА)¹

Одно из самых интересных археологических открытий 1894 г. в Керчи было сделано на северном склоне горы Митридат, в усадьбе Абдул-Керима, где случайно был обнаружен тщательно отделанный каменный склеп размерами 4 × 4 аршина (более 8 кв. м) и без каких-либо признаков курганной насыпи. Согласно рапорту директора Керченского музея К. Е. Думберга, в квадратной камере склепа, перекрытой плитами, стояли два каменных саркофага, в которых находились открытые кипарисовые гробы с мужским и женским погребениями, ориентированными на восток (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 47). Предметы погребального инвентаря размещались как в саркофагах, так и в расположенных по четырем сторонам от них нишах. Все они поступили в Императорскую археологическую комиссию, а затем были переданы в Эрмитаж. Предварительно этот комплекс был датирован серединой II в. н. э. (ОАК, 1896. С. 44). Позднее Л. А. Мацулевич, проанализировав всю имеющуюся информацию об открытии 1894 г., счел возможным отнести захоронения в склепе к началу II в. н. э. (Мацулевич, 1941. С. 79).

Не так давно появилась тенденция к омоложению этого погребального комплекса до середины – второй половины II в. н. э., хотя, как отмечают сами сторонники этой идеи, «возникает сильное противоречие

между датами различных типов погребального инвентаря: стеклянные сосуды второй половины I в. н. э., вероятно, были оставлены от прежних погребений, а новый владелец был подхоронен в склеп с двумя наборами конской упряжи, с оружием – мечом и кинжалом и большим щитом, украшенным “германским” умбоном с шипом» (Шаров, 2022. С. 23; см. также: Шаров, Чореф, 2015). Одним из главных аргументов в данном случае является датировка железного с бронзовой рельефной обкладкой умбона парадного щита, но он, с учетом ряда сопоставимых находок, скорее всего, был изготовлен в первой половине I в. н. э. и спустя несколько десятилетий подвергся ремонту (Масякин, 2018. С. 300–302). Не исключено, что щит относится к разряду римских военных наград (*dona militaria*), которые получали офицеры вспомогательной кавалерии (Там же. С. 303).

В этой связи определенный интерес представляет датировка других бронзовых изделий римского производства из этого комплекса, которые ранее не привлекали внимания исследователей. Из северной ниши близ мужского погребения происходит бронзовый бальзамарий с крышкой и дугообразной ручкой (рис. 1, 1). Горло его сужается посередине, плечики выделены, тулово округлое с рельефным декором на низком поддоне. Этот небольшой (около 11 см высотой) сосудик в своем роде уникален, поскольку не имеет аналогий среди бальзамариев первых веков н. э. при известной близости к варианту Типа IIb по классификации К. Браун (Braun, 2001. Р. 5). Стоит упомянуть, что сходные по форме и размерам сосуды, копирующие металлические изделия эпохи позднего латена, производились в мастерских Южной Галлии (Fouet, 1970. Р. 20, fig. 6, G; Braun, 2001. Р. 23, abb. 38). В отношении формы сосуда бальзамарий из склепа Каллисфена близок к ситутам типа Бокер, которые, по-видимому, производились в Северной Италии и датируются LT D2 (ок. 70–25 гг. до н. э.) (Boube, 1991. Р. 19–20, fig. 12).

Другая уникальная для Северного Причерноморья находка – бронзовое зеркало диаметром 12,7 см, положенное в ногах погребенной в саркофаге женщины (рис. 1, 2). На его крышке в рельефе изображены три Грации. Всего известно 11 таких зеркал (Milleker, 1988. Р. 69, 71–74, fig. 1–11). География их находок при наличии провенанса (5 экз.) достаточно широка: помимо Керчи, это Малая Азия, Южная Германия (Ингольштадт) и Северная Африка (Карфаген) (Willers, 1986. № 1–3, 36–38; Milleker, 1988. Р. 81; Трейстер, 1991. С. 95). Соответственно, связь с какой-либо локальной мастерской трудно установить.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

Тонкая бронзовая пластина эрмитажного зеркала с изображением трех Граций имеет следы позолоты. Ее внешний край слегка приподнят, образуя выпуклую полосу шириной около 1 см. Фигуры Граций расположены на одной плоскости, обозначенной прямой линией. Две показаны анфас, центральная с частичной драпировкой – сзади. Каждая Грация держит одну руку на плече другой, все головы показаны в профиль. В свободных руках крайних фигур стебли пшеницы. Слева от них кратер с волютообразными ручками, справа – одноручный сосуд вытянутой формы.

Сама композиция из трех обнаженных Граций, несомненно, восходит к позднеэллинистической скульптурной группе (Havelock, 1981. P. 268, tabl. XIX), но мотив драпировки нижней части центральной фигуры появляется не ранее конца I в. н. э. Большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать такие зеркала началом правления династии Антонинов (Milleker, 1988. P. 70). Сделанные наблюдения свидетельствуют, скорее, в пользу соответствия датировок наборов стеклянной посуды и самих погребений. Тем более, что шрифт надписи на *tabula ansata* с посвятительной надписью парафилагафу Юлию Каллисфену обнаруживает ближайшие аналогии в боспорских эпитафиях конца I – первой половины II в. н. э. (Габелко и др., 2006. С. 334, прим. 1).

Список литературы

Габелко О. Л., Завойкина Л. В., Шавырина Т. Г. «Стела Омсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 334–344.

Масякин В. В. Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь; Симферополь: ИП Литвиненко Е.А., 2018. С. 299–308.

Мацулевич Л. А. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Вып. VII. С. 61–80.

ОАК за 1894 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1896. 171 с.

Трейстер М. Ю. Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. 1991. № 1. С. 90–103.

Шаров О. В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н. э.). М.: ИА РАН, 2022. 304 с.

Шаров О. В., Чореф М. М. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4. С. 357–375.

Braun C. Römische Bronzebalsamarien mit Reliefdekor, Oxford: Hadrian Books, 2001. 188 s. (BAR International Series; bd. 917).

Boube C. Les situles de type Beaucaire // La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Dijon, 1991. P. 19–21.

Fouet G. Vases gaulois de la région toulousaine // Gallia. 1970. Vol. XXVIII. P. 11–33.

Havelock C. M. Hellenistic Art: the Art of the Classical World from the death of Alexander the Great to the Battle of Actium. New York: Norton, 1981. 283 p.

Milleker E. J. The Three Graces on a Roman Relief Mirror // The Metropolitan Museum of Art Journal. 1988. Vol. 23. P. 69–81.

Willers D. Vom Etruskischen zum Römischen: Noch einmal zu einem Spiegelrelief in Malibu // The J. Paul Getty Museum Journal. 1986. Vol. 14. P. 21–36.

1

2

Рис. 1. Склеп Юлия Каллисфена:
1 – бальзамарий из мужского погребения;
2 – зеркало с изображением трех Граций
из женского погребения

А. Ю. Елизарова

Феодосийский музей древностей, г. Феодосия

Т. Н. Смекалова, С. К. Фридрихсон, А. С. Деваев

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

МЕТАЛЛ АКВАМАНИЛА ИЗ ФЕОДОСИЙСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ¹

Целью данной работы являлось получение новой информации для определения датировки и происхождения редкого экспоната из собрания Феодосийского музея древностей – средневекового водолея (акваманила). Акваманил (от лат. *aquaemanalis*, *aqua* – вода и *manus* – рука) – антропоморфный или зооморфный сосуд для омовения рук, применявшийся в сакральных и светских целях в Европе в период с XII по XVI в. (Mende, 2008).

Был проведен рентгенофлуоресцентный анализ состава сплава этого необычного сосуда в нескольких точках на его поверхности (рис. 1). Исследуемый литой сосуд представляет собой полую внутри скульптурную группу охотника на коне, на крупе которого стоит небольшой зверь, а на плече в низком рельефе изображен заяц. Размер акваманила: высота 20,5 см, длина 22,5 см. Он был случайно найден в 1984 г. в районе д. Холодовка Судакского района Республики Крым (Елизарова, 2023. С. 74).

Проведенные измерения показали, что акваманил отлит из высокооловянной бронзы с содержанием олова от 17,33 до 25,53 % (рис. 1, точки 3, 4, 7, 9), однако химический состав сплава на поверхности сосуда неоднороден. На ограниченной области в нижней части груди лошади имеются следы другого сплава, содержащего небольшое количество цинка, в среднем 2,85 %, и пониженное по сравнению с остальной частью сосуда количество олова,

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Минобрнауки РФ, государственное задание FZEG-2025-0001 «Этнические трансформации в Крыму и Таврических степях в Средние века и Новое время».

в среднем 13,14 % (рис. 1, точки 1, 2, 5, 8). Свинца в сплаве изделия почти нет (от 0,47 до 0,89 %).

К настоящему времени известно по крайней мере шесть сосудов, являющихся наиболее близкими аналогиями исследуемому «охотничьему» акваманилу (рис. 2). Позади всадника, на длинной спине лошади, стоит охотничье животное; остановимся подробнее на его определении. По мнению О. Фальке и Э. Мейера, это гепард, который, однако, имеет голову, похожую на собачью (*Falke, Meyer, 1935. S. 50*). Охота с дрессированным гепардом, зародившаяся на Востоке, утвердилась в Италии по крайней мере со времен императора Фридриха II (1220–1250), который использовал для этой цели сарацинский персонал (*Buquet, 2020. P. 24–26*). Длинноногий, а следовательно, похожий на собаку гепард (*Cynailurus jubatus*) занимал свое место на лошади позади всадника и участвовал в охоте на крупных животных, как это можно увидеть на знаменитых фресках Беноццо Гоццолли в Капелле дворца Палаццо Риккарди. Однако в Германии, по эту сторону Альп, экзотическое животное было неправильно понято и изображалось на «охотничьих» акваманилах как собака.

Группа «охотничьих» акваманилов, по мнению Э. С. Степаненко, относится к Магдебургу или магдебургскому кругу начала XIII в. В качестве основных аргументов, помимо анализа исторического и торгово-экономического контекста, он приводит значительное сходство в изображении лиц, фигур, одежды у группы водолеев (рис. 2, 1–5) с магдебургскими предметами художественного литья (*Степаненко, 2024. С. 521, 523–525*). В связи с этим всю группу «охотничьих» акваманилов, к которой по стилистическим признакам тяготеет и исследуемый водолей из собрания Феодосийского музея древностей, вероятно, следует отнести к Магдебургу или магдебургскому кругу.

Состав сплава акваманилов изучался в основном О. Вернером в Федеральном институте испытаний материалов (*Bundesanstalt für Materialprüfung*) в Берлине, в связи с обширной программой исследования средневековых художественных бронзовых изделий. Среди исследованных 65 акваманилов не обнаружено «чисто» медных изделий. Десять из проанализированных водолеев, которые датируются XIII–XIV вв., изготовлены из «бронзы», которая, по О. Вернеру, может содержать небольшое количество цинка, в среднем до 3,4 %, свинца 5,6 %, олова 7,9 % (*Werner, 1982. S. 106, 107, Tab. IV. D I*).

Остальные акваманилы, составляющие подавляющее большинство (85 % от всех исследованных), изготовлены из латуни, причем содержание

цинка в латунных акваманилах меняется с течением времени. Для XI–XIII вв. количество цинка в латуни в среднем составляет 11,7 %, свинца 2,8 %, олова 3,2 % (*Ibid. S. 115, Tab. IV. D 7*). В XIV–XV вв. доля цинка в сплаве водолеев заметно увеличивается и становится в среднем 16,4 %, при этом среднее содержание свинца (3,9 %) и олова (2,7 %) остается примерно прежним (*Ibid. S. 119, Tab. IV. D 8*).

В таблице 1 собраны имеющиеся сведения о составе сплавов четырех «охотничьих» акваманилов из выделенной нами ранее группы (рис. 2, 1–4). Три водолея проанализированы О. Вернером (*Ibid. S. 115, Taf. IV. D 7*), а данные по составу сплава акваманила из собрания Государственного Эрмитажа были нам любезно предоставлены С. В. Хавриным, за что мы приносим ему искреннюю благодарность.

**Таблица 1. Состав сплава «охотничьих» акваманилов
конца XII – начала XIII в., в мас. %.**

№ п/п	Ссылка на рисунок	Место хранения	№ анализа (по: Werner, 1982. S. 115, Taf. IV. D 7)	Cu	Zn	Pb	Sn	Fe	Ni	Sb
1	Рис. 2, 1	Государственный исторический музей, Стокгольм, инв. № 8722:869	8722:869	80,7	17,0	0,92	0,08		0,02	0,09
2	Рис. 2, 2	Государственный Эрмитаж, инв. № Ф-89			8,0–9,0	0,3–0,9	3,0–4,0	0,5–1,0		
3	Рис. 2, 3	Венгерский национальный музей, инв. № 1885.99	U 4	Осн.	9,2	3,5	2,2			0,16
4	Рис. 2, 4	Там же, инв. № 1909.76	U 5	Осн.	13,2	8,1	0,28		0,07	0,37

Как видно из табл. 1, «охотничьи» акваманилы, стилистически схожие с исследуемым водолеем из Феодосийского музея древностей, все отлиты из латуни с содержанием цинка от 8 до 17 %. Олово и свинец имеются не всегда, а если присутствуют, то в небольших количествах.

Сравнение с данными, полученными для материала феодосийского водолея, сделанного из высокооловянной бронзы, приводит к выводу о значительном отличии состава его сплава как от аналогичных «охотничьих» акваманилов (табл. 1), так и вообще от сплавов водолеев других форм. Объяснить этот диссонанс можно, вероятно, только предположением, что феодосийский сосуд является позднейшей копией акваманилов в виде охотника-всадника.

В XIX в. в немецких землях, переживавших подъем национального самосознания, возникает повышенный интерес к искусству Средневековья, что подтолкнуло мастеров к копированию оригиналов декоративно-прикладного искусства, в том числе и акваманилов, которые могли служить в качестве церковной утвари, декоративных предметов или учебного материала в художественных школах (*Барекян*, 2014. С. 195). О. Вернер уделил особое внимание материалу новоделов в сравнении с оригиналами и пришел к выводу, что копии XIX в., как правило, имеют повышенное содержание цинка, от 27 до 33 %, что совершенно не характерно для оригинальных водолеев (*Werner*, 1982. S. 113, Tab. IV. D 5).

Вернемся к составу сплава феодосийского акваманила. Это, как уже упоминалось, двухкомпонентная высокооловянная бронза без содержания цинка. Цинк присутствует только в ограниченной области на поверхности водолея внизу груди лошади в количестве нескольких процентов. Возможно, здесь находилась небольшая декоративная вставка-инкрустация из латуни. В целом сплав феодосийского акваманила не характерен ни для оригинальных средневековых водолеев, ни для копий XIX в., которые отлиты из цинк содержащих сплавов. Нам известен только один водолей в виде сидящей собаки из Метрополитен-Музея (инв. № 1975.1.1410), состав сплава которого – также двойная оловянная бронза (олова 8 %). Этот водолей-лев вызывает у исследователей сомнение в дате изготовления, в его паспорте под знаком вопроса значится: «Северная Германия, Любек? 1230? Начало XIX в.?». Некоторые стилистические моменты, а также нехарактерный оловянный сплав в сочетании с необычным приемом – золочением поверхности, приводят к выводу, что перед нами реплика XIX в. Вероятно, можно предположить, что и феодосийский акваманил, отлитый из высокооловянной бронзы, следует признать копией, хотя и не очень точной, сделанной, возможно, в Германии, в XIX в. В качестве прототипа мог служить средневековый оригинал, вероятно, один из тех, что представлены на рис. 2, 1–5.

Дальнейшие, более детальные исследования технологии изготовления, элементного состава по всей поверхности изделия, а также поиски более близких параллелей для этого «охотничьего» акваманила позволят более точно определить происхождение и возраст этого удивительного экспоната.

Список литературы

Барекян К. Ш. Средневековый акваманил: оригинал и копия. Новый взгляд на атрибуцию акваманилов из коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 4 / отв. ред.: А. В. Захарова, С. В. Мальцева. СПб.: НП-Принт, 2014. С. 194–203.

Елизарова А. Ю. Бронзовый акваманил из собрания Феодосийского музея древностей // Труды VII Всероссийской научно-практической конференции «Крым: наука, культура, политика». Феодосия: Феодосийский музей древностей, 2023. С. 73–76.

Лапковская Э. А. Прикладное искусство Средних веков в Государственном Эрмитаже: изделия из металла: альбом. М.: Искусство, 1971. 96 с.

Степаненко Э. С. К вопросу о локализации происхождения акваманила из коллекции Государственного Эрмитажа // Месмахеровские чтения – 2024: материалы междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост.: А. С. Ергина и др. СПб.: Государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, 2024. С. 519–526.

Buquet T. Hunting with Cheetahs at European Courts: From the Origins to the End of a Fashion // *Animals and Courts: Europe, c. 1200–1800* / eds.: M. Hengerer, N. Weber. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2020. P. 17–42.

Falke O., Meyer E. Romanische Leuchter und Gefäße, Gießgefäße der Gotik. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1935. 228 S.

Mende U. Aquamanilien im Umkreis des Hildesheimer Dom-Taufbeckens // *Bild und Bestie. Hildesheimer Bronzen der Stauferzeit: Katalog zur Ausstellung* / hrsg. M. Brandt. Regensburg: Schnell & Steiner, 2008. S. 193–208.

Werner O. Analysen mittelalterlicher Bronzen und Messinge // *Berliner Beiträge zur Archäometrie*. 1982. Vol. 7. S. 35–174.

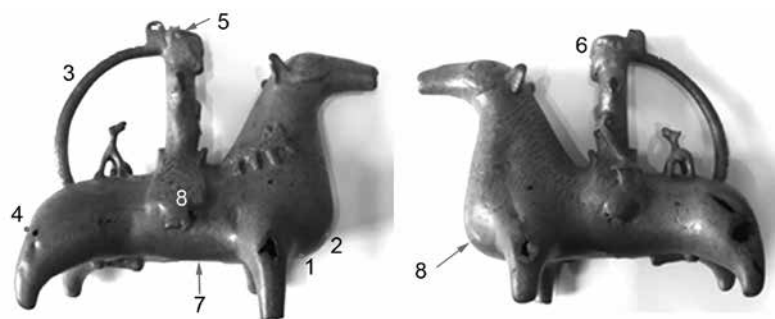

Рис. 1. Акваманил из собрания Феодосийского музея древностей. Номерами показаны точки, в которых проводились измерения состава сплава. Фотографии А. Ю. Елизаровой

Рис. 2. Группа акваманилов в виде охотников-всадников, конец XII – начало XIII в.:

1 – Государственный исторический музей, Стокгольм, инв. № 8722:869. Высота 27,7 см, длина 23 см (по: *Falke, Meyer, 1935. S. 107, Taf. 127, Abb. 292*). Археологическая находка из Сконе; 2 – Государственный Эрмитаж, инв. № Ф-89. Высота 27 см (по: *Лапковская, 1971. С. 41*); 3 – Венгерский национальный музей, Будапешт, инв. № 1885.99. Высота 28,5 см, длина 25 см (по: *Falke, Meyer, 1935. S. 107, Taf. 127, Abb. 291*). Вместе с акваманилом № 4 происходит из раскопок в Бекешском округе на востоке Венгрии; 4 – Венгерский национальный музей, Будапешт, инв. № 1909.76. Высота 27,7 см, длина 23 см (по: *Falke, Meyer, 1935. S. 107, Taf. 127, Abb. 293*). См. № 3; 5 – Национальный музей, Копенгаген, инв. № 1885.99. Высота 32 см, длина 31 см (по: *Falke, Meyer, 1935. S. 107, Taf. 125, Abb. 289*); 6 – Музей декоративно-прикладного искусства, Берлин, инв. № 192 732. Высота 26 см, длина 31 см (по: *Falke, Meyer, 1935. S. 107, Taf. 128, Abb. 294*)

Н. В. Ефремов

Независимый исследователь, г. Штральзунд (Германия)

А. Б. Колесников

Институт археологии РАН, г. Москва

Е. В. Болонкина

Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА МЕНДЫ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

absque omni expectione

semper aliquid haeret

Менда (Μένδη, Μένδαι, Μένδα, Mendis: Paus. X. 27; Polyae. II. 1, 21; Liv. XXXI. 45) в архаический период Μίνδη (Head, 1911. P. 210; Lenk, 1931. Sp. 777) – колония Эритреи на Эвбее (Thuc. IV. 123, 1), основана предположительно в VIII или даже IX в.¹ на западном побережье полуострова Паллена (совр. Кассандра), на его западном ответвлении – полуострове Халкидика вблизи современной Каландры (Lauffer, 1989. S. 421; Zahmt, 1971. S. 200; 2003. Sp. 1224; Flensted-Jensen, 1999. P. 221 f.; Psoma, 2001, passim).

В V в. Менда являлась важнейшим членом аттическо-делосского морского союза, но отпала от него в период Пелопоннесской войны в 423 г., что привело к осаде афинянами и захвату полиса (Thuc. IV. 121, 2; 123; 129, 1). В первой половине IV в. Менда успешно сопротивлялась экспансии Халкидской лиги (Syll.³, Nr. 135; IG IV², 2, 94 lb: 26; Zahmt, 1971. S. 202), сохранив свою автономию вплоть до покорения македонским царем Филиппом II. Упадок наступил после основания Кассандрии в 316 г. (Diod. XIX. 52, 2), куда вместе с частью халкидян были переселены ее жители. В 199 г. Менда упоминается в последний раз, как порт (Mendaeus maritimus vicus) Кассандрии (Liv. XXXI. 45, 14; Zahmt, 1971. S. 203).

¹Здесь и далее все даты до Р. Х.

Удобное географическое положение и наличие ресурсов в хинтерланде способствовали развитию ее торговли. Предполагается, что наряду со знаменитым вином полис вывозил также пшеницу и лес (Regling, 1924. S. 8; Zahmt, 1971. S. 201). Но особый вклад в его экономический расцвет с VI в. внес экспорт вина в Средиземноморье и за его пределы, в частности в Северное Причерноморье (Demosth. XXXV. 52; Брашинский, 1962). Именно на этот период приходится начало серебряного монетного чекана по эвбейскому стандарту (Regling, 1924. S. 11 ff.; Head, 1911. P. 211; Gaebler, 1935. S. 72 ff.; Knoblauch, 1998). Находки отдельных монет Менды прослеживаются от Тарента – до Сирии и Египта (Noe, 1926. Nr. 55, 143, 273, 362, 1052, 1178). Около середины V в. намечилось сокращение монетных выпусков (Robinson, 1949. P. 333–335). После 423 г. эмитировались только тетроболы (Noe, 1926. P. 52 f.), а с конца V в. произошел переход на финикийский стандарт, принятый в Халкидике с началом чекана меди (Regling, 1924. S. 32 ff.; Gaebler, 1935. S. 77 f.).

Вино Менды принадлежало к числу наиболее ценимых сортов. Его многократно упоминает Афиней, называя «нежно-чистым» (Athen. I. 53 (29d-f)) и приводя при этом пассаж из Гермиппа (Fr. 82 Kock): «Мочатся боги мендейским, блаженствуя в мягких постелях». Оно числилось среди крепких напитков (IV. 4 (129d), 27 (146e), VIII. 67 (364)), но не вызывало похмелья (I. 56 (31a)). В перечне дорогих вин Поллюкса (VI. 16) «мендейское» фигурирует как «благородное вино» (οἶνος... ἄριτος). Кроме того, оно широко применялось в медицинских целях (Hippocr. VII. 201; 207; 209, 213; 229 (Littre)). Это был белый сорт, что стало инновацией при господстве темных вин (Salviat, 1990. P. 470).

Амфорная тара Менды, выделенная в середине XX в. (Grace, 1949. P. 182, 186, pl. 20.1; 1953. P. 106 f., Nr. 161 f.; Брашинский, 1976; 1984. С. 34 сл.), с тех пор неоднократно рассматривалась, прежде всего, в работах Монахова (2003. С. 88–95, 289–296, Табл. 59–66; Монахов, Кузнецова, 2022. С. 152, рис. 4; С. 156, рис. 6) Он вычленил три типа сосудов с отдельными вариантами, датируемых им от первой трети V до третьей четверти IV в. (Монахов, 2003. С. 89–95. Ср. Lawall, 1998. P. 18 f., 21; Garland, 2004). Вместе с тем даже «типично мендейские» амфоры на рюмкообразной ножке (тип «Портичелло») фабриковались в различных центрах (Lawall, 2004. P. 248 f.), а «мендейское» вино могло также производиться в разных центрах Халкидики (Papadopoulos, Paspalas, 1999. P. 174–178), что в частности косвенно подтверждал Афиней (XI. 28 (784c)).

Клеймение амфор в Менде началось в V в., о чем свидетельствуют оттиски с одновременным монетным типом полиса (рис. 1, 1–2), и практиковалось эпизодически, очевидно, до последних десятилетий IV в.

В настоящее время можно выделить следующие типы клейм.

I. Анэпиграфные (рис. 2, 1–11; *Badoud*, 2013. P. 100, fig. 9).

Ia. Монетный тип: Дионис на осле (рис. 2, 1–2; *Badoud*, 2013. P. 97, fig. 2).

II. Сокращения до двух букв (только энглифические) (рис. 3, 12–13).

III. Одиночные буквы рельефные и энглифические (рис. 4, 14–25; *Badoud*, 2013. P. 102, fig. 14).

IV. Монограммы и лигатуры (рис. 3, 26–27; *Badoud*, 2013. P. 102, fig. 15).

V. Эмблема + надпись (*Badoud*, 2013. P. 101 f., fig. 12 f.). Очевидно, наиболее поздняя группа.

Данное разделение условно и не опирается на хронологические показатели, хотя как раз последнее не исключено. Отдельные буквы или их сочетания напоминают цифры (?).

Из настоящей выборки исключены клейма т. н. «Группы Пармениска» III–II вв., ранее относимые к продукции Менды (*Garlan*, 2004. P. 146 f.). Они, по всей вероятности, происходят из Кассандрии (*Badoud*, 2013. P. 92–95, 103), когда в состав нового полиса были включены не только виноградники Менды, но и know-how винодельческой традиции последней.

Список литературы

Брашинский И. Б. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V–IV вв. до н. э. (по амфорным клеймам) // НЭ. 1962. Т. III. С. 45–48.

Брашинский И. Б. Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира / ред.: Н. И. Сокольский, И. Б. Брашинский и др. М.: Наука, 1976. С. 67–74.

Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; изд-во Саратовск. ун-та, 2003. 352 с.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии // Археологические вести. 2022. Вып. 35. С. 145–158.

Badoud N. Timbres amphoriques de Mende et de Cassandreia // *Patabs III* / eds.: D. P. Buzoianu, V. Lungu. Constanța, 2013. P. 89–103.

Flensted-Jensen P. Mende, a City-State in Northern Greece // *C&M*. 1999. Vol. 50. P. 221–226.

Gaebler H. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands Vol. III.2: Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia. Berlin: Georg Reimer, 1935. VIII, 234 S., 40 Taf.

Garlan Y. Η προέλευση της «ομάδας Παρμενίσκου» από τη Μένδη // *AEMΘ*. 2004. T. 18. P. 141–148.

Grace V. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // *Hesperia*. 1949. Suppl. VIII. P. 175–189, pl. 19–20.

Grace V. Wine Jars // *Boulter C. G.* Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. 1953. Vol. 22. P. 101–110.

Head B. V. *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1911. LXXXVIII, 964 p., V tab.

Knoblauch A.-M. Myth and Message in Northern Greece. Interpreting the Classical Coins of Mende // *Stephanos. Studies in Honor of Brunhilde Sismondo Ridgway* / eds.: K. J. Hartswick, M. C. Sturggon. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology & Anthropology, 1998. P. 155–162.

Lauffer S. (Hrsg.). *Griechenland. Lexikon der historischen Stätten. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck, 1989. 776 S.

Lawall M. Bolsals, Mendeian amphoras and the date of the Porticello shipwreck // *International Journal of Nautical Archaeology*. 1998. Vol. 27. P. 16–23.

Lawall M. Nothing to do with Mendaian amphoras? *Athenaeus XI.784c* // *Daimonopylai: Essays in Classics and the Classical Tradition Presented to Edmund G. Berry* / eds.: R. B. Egan, M. Joyal. Winnipeg, 2004. P. 241–249.

Lenk B. Mende Nr. 1 // *RE*. 1931. Bd. XV. Sp. 777–779.

Noe S. P. The Mende (Kaliandria) Hoard // *NNM*. 1926. No. 27. 72 p., VIII pl.

Papadopoulos J. K., Paspalas S. A. Mendaian as Chalkidian Wine // *Hesperia*. 1999. Vol. 63. P. 161–188.

Psoma S. Olynthe et les Chalcidiens de Thrace. Étude de numismatique et d'histoire. Stuttgart: Franz Steiner, 2001. 311 p., 22 pl.

Regling K. Mende // *ZfN*. 1924. Bd. 34. S. 7–35.

Robinson E. S. G. The Athenian Currency Decree and the Coinage of the Allies // *Hesperia*. 1949. Suppl. 8. P. 324–340.

Salviat F. Vignes et vins anciens de Maronée à Mendé // *Πόλις και χώρα στην αρχαία Μακεδονία και Θράκη. ΜΝΗΜΗ Δ. ΛΑΖΑΡΙΔΗ*. Thessaloniki, 1990. P. 457–476.

Zahrnt M. Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart: Franz Steiner, 1971. X, 280 S. (Vestigia; Bd. 14).

Zahrnt M. Mende // *DNP*. 2003. Bd. 7. Sp. 1224.

Рис. 1. Тетрадрахма Менды. Ок. 460–423 гг.
(по: *Noe*, 1926. Pl. VII. 62; HGC 3. 1,545)

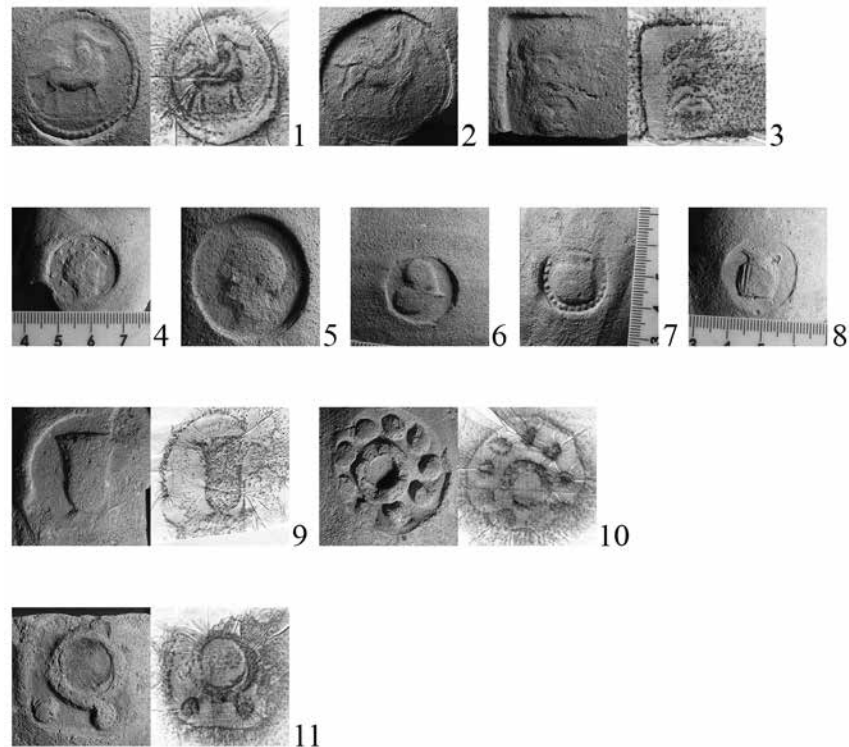

Рис. 2. Анэпиграфные клейма.

1–2 – монетный тип. 1 – КИАМ, КП 85972, ККК 3932; 2 – КИАМ, КП 74905, ККК 12722;
3 – КИАМ, КП 20223, ККК 10115; 4 – КИАМ, КП-79001, ККК 3003; 5 – ВКИКМЗ, КП 199815;
6 – КИАМ, КП 79029, ККК 3031; 7 – КИАМ, КП 79051, ККК 3048; 8 – КИАМ, КП 78995, ККК 2997;
9 – КИАМ, КП 93887, ККК 5738; 10 – КИАМ, КП 85476, ККК 3437;
11 – КИАМ, КП 85475, ККК 3436

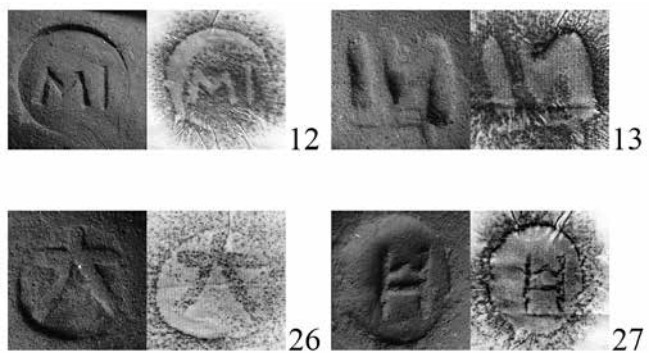

Рис. 3. Сокращения до двух букв:

12 – КИАМ, КП 79312, ККК 3311; 13 – КИАМ, КП 6621, ККК 8856; монограммы и лигатуры:
26 – КИАМ, КП 79312, ККК 7863; 27 – КИАМ, КП 8594, ККК 3903

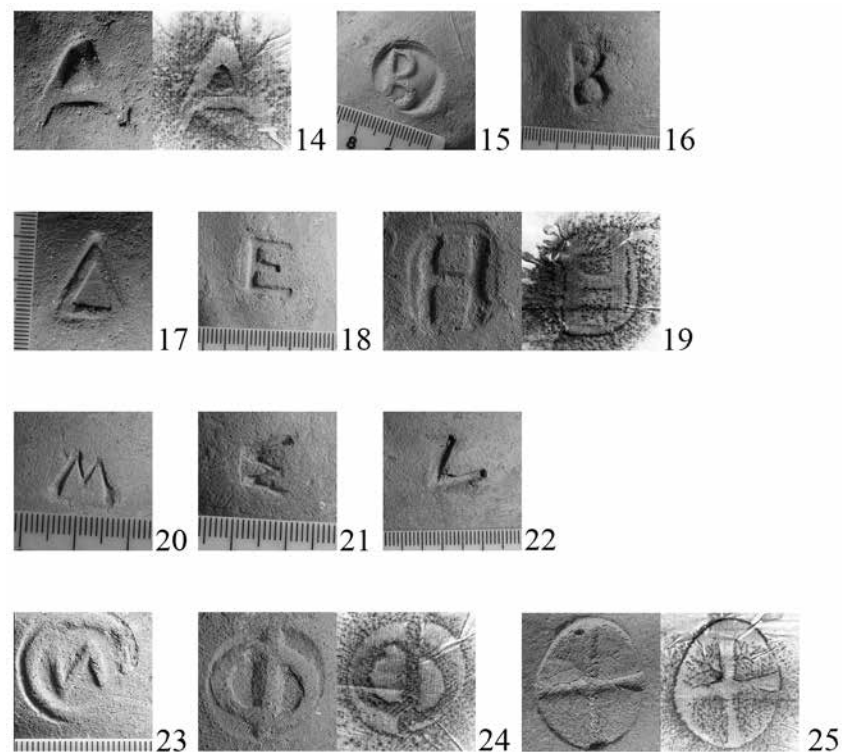

Рис. 4. Одиночные буквы:

14 – КИАМ, КП 79179, ККК 3178; 15 – КИАМ, КП 79186, ККК 3185;
16 – КИАМ, КП 79197, ККК 3196; 17 – КИАМ, КП 79206, ККК 3205;
18 – КИАМ, КП 79215, ККК 3214; 19 – КИКЗ, КП 180816, ККК 25866;
20 – КИАМ, КП 79220, ККК 3219; 21 – КИАМ, КП 79219, ККК 3218;
22 – КИАМ, КП 79217, ККК 3216; 23 – КИАМ, КП 79228, ККК 3227;
24 – КИАМ, КП 103582, ККК 13536; 25 – КИАМ, КП 85769, ККК 3729

Ю. П. Зайцев

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский»,

г. Симферополь

Т. Н. Смекалова, С. К. Фридрихсон

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

БРОНЗОВЫЕ ДЕТАЛИ УБРАНСТВА БОЕВОГО КОНЯ ИЗ КУРГАНА У С. ЧИСТЕНЬКОЕ: РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА СПЛАВА

К настоящему времени на территории Крымского Барбарикума известно всего семь находок предметов конского снаряжения III–I вв. до н. э. (Зайцев, 2025. С. 121). Среди них выделяется уникальное для Северного Причерноморья воинское захоронение в кургане у с. Чистенькое, обнаруженное в 1994 г. в нескольких километрах к югу от г. Симферополя и содержащее выразительный набор вооружения и конской упряжи второй половины III – середины II в. до н. э. (Зайцев, Колтухов, 2005. С. 248; Зайцев, 2005. С. 93; Мордвинцева, 2018. С. 196). С целью получения нового, независимого «параметра» для определения происхождения этих вещей и культурно-исторических связей региона в эллинистическую эпоху был проанализирован состав сплава элементов конской упряжи¹.

Захоронение было детально описано (Зайцев, Колтухов, 2005), поэтому здесь отметим лишь, что оно было впускным в курган эпохи бронзы (погребение № 2) и самым поздним из всех. Во входной яме

перед погребением воина было открыто захоронение коня в полном боевом убранстве. На черепе находились пластинчатый двусоставной бронзовый и железный налобники (рис. 1, 1а, 1б, 2) и бронзовые пластинчатые нащечники с рельефным орнаментом (рис. 1, 3а, 3б). Между челюстей – железные удила с крестообразными насадками-псалиями. Воина сопровождала ажурная железная поясная бляха, лицевая часть которой была покрыта бронзовой пластиной с крюком-выступом (рис. 2).

1. Наиболее показательным предметом из набора конской упряжи является конский налобник сложной формы, сделанный из пластины толщиной около 1 мм (Зайцев, Колтухов, 2005. С. 243–244). Верхняя часть длиной 32 см имела форму «замочной скважины», представляя собой диск диаметром 13 см с прямоугольным выступом шириной 7 см. К верхнему краю диска двумя заклепками прикреплена квадратная маленькая пластинка – крепление несохранившейся петли. По сторонам диска имеются два симметричных небольших выступа с заклепками. Заклепки шли также и вдоль нижнего края прямоугольной части (рис. 1, 1а). Вторая, секировидная часть налобника (21 × 15 см), также из двух частей (рис. 1, 1б), соединенных заклепками, крепилась снизу к первой части. На оборотной стороне обеих пластин сохранились следы кожи или войлока.

Как показал проведенный рентгенофлуоресцентный анализ состава сплава, обе части налобника сделаны из низколегированной оловянной бронзы с содержанием олова от 2 до 10,5 % (в среднем по 22 измерениям – 5,64 %). В бронзе есть следы сурьмы (до 0,16 %). Составные пластинчатые части скреплены между собой заклепками, причем отметим, что заклепки верхней части налобника, за одним исключением, – железные, а нижней – «чисто» медные. Материал заклепок имеет, вероятно, иное рудное происхождение, чем пластин: в нем довольно высокая примесь сурьмы – 0,5–0,73 % и свинца – до 1,4 %. В то же время в сплаве пластин этих элементов в детектируемом количестве не наблюдается. Примеси мышьяка нет ни в сплаве пластин, ни в металле заклепок.

2. Два бронзовых пластинчатых нащечника (32 × 10 см) (рис. 1, 3а, 3б) изготовлены из тонких (менее 1 мм) пластин (Зайцев, Колтухов, 2005. С. 244–245). По краю их имеются отверстия для крепления скобками, найденными под нащечниками. Один из них сохранился лучше; его поверхность разделена на три сектора двойной ячеистой линией и орнаментирована чеканными изображениями. В центральной части представлены две личины, над которыми располагается некая стилизованная фигура. В сохранившемся боковом секторе изображено копытное животное с небольшими

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-10016, <https://rscf.ru/project/25-78-10016/>.

Состав сплава предметов изучался неразрушающим рентгенофлуоресцентным безталонным методом на приборной базе Отдела естественно-научных методов в археологии КФУ им. В. И. Вернадского с помощью спектрометра Mistral M1 (Bruker). Анализ состава сплава проводился в нескольких точечных областях на поверхности изделий, и затем результаты усреднялись. Время измерения в каждой точке – 20 с.

рогами. В боковом секторе другого нащечника представлена извилистая линия (стилизованное изображение реки или змеи?) между полусферическими выпуклостями.

Помочь разобраться во всей композиции помогает пара аналогичных нащечников, найденных в 1908 г. у с. Бабуи (Бабуечь) Бессарабской губернии Кишиневского уезда и поступивших в Государственный исторический музей (Отчет..., 1909. С. 74). Их полное стилистическое и сюжетное единство отметила в свое время В. И. Мордвинцева (*Мордвинцева*, 2001. С. 111), с чем полностью согласились другие исследователи (*Зайцев, Колтухов*, 2005. С. 248; *Симоненко*, 2015. С. 253, рис. 91, 2–5). М. Б. Щукин и В. И. Мордвинцева отмечали также, что изображения на нащечниках близки по стилю целому кругу древностей из Северной Европы, например: сюжетам на пластине знаменитого серебряного котла поздней латенской культуры I в. до н. э., из Гундеструппа (северная Ютландия – Дания) (*Щукин*, 1994. С. 98–99; *Мордвинцева*, 2001. С. 112–113).

Нащечники из Чистенького сделаны из низколегированной оловянной бронзы, в которой олова в среднем по десяти измерениям 5,94 %, с разбросом от 2 до 10 %.

Из такой же бронзы изготовлены и скобы для крепления (олова в среднем по трем измерениям 3,27 %, при разбросе от 2,62 до 5,7 %). То есть состав сплава нащечников практически идентичен материалу налобника из этого же комплекса, что позволяет предположить, что они сделаны одним мастером.

3. Наиболее сложную структуру имеет ажурная биметаллическая поясная бляха трапециевидной формы размером 13 × 9 см и толщиной 0,75 см (рис. 2, 1, 2). Крюк в виде головы стилизованной птицы выдается за пределы рамки. Ажурная железная основа с лицевой стороны покрыта бронзовой накладной пластиной, удерживаемой с помощью восьми заклепок. На пластине представлен сложный сюжет: человеческая фигура с поднятыми вверх руками и два крылатых животных (коня?). Гравировкой проработаны лицо человека, крылья, глаза и ноздри фантастических существ, а также рамка (*Зайцев, Колтухов*, 2005. С. 248, рис. 7, 23).

Накладная пластина и основа бляхи были проанализированы в нескольких точках, показанных на рис. 2, 2. Результаты этих измерений представлены в табл. 1.

Таблица 1.
Состав сплава составных частей поясной бляхи, в мас. %.

№ п/п	№ на рис. 2, 2	Точка измерения	Cu	Sn	Pb	Sb	Fe	Ag
1	1	Железная основа	27,58	0,28	0	0,51	71,47	0,16
2	4	Железная основа	1,12	0,07	0	0,15	98,60	0,06
3	13	Железная основа	0,46	0,11	0	0,24	99,11	0,08
4	2	Накладная пластина	88,80	7,29	0	0,12	3,75	0,05
5	3	Накладная пластина	89,96	7,77	1,39	0,17	0,63	0,06
6	5	Накладная пластина	72,39	3,76	0	0,05	23,80	0
7	7	Накладная пластина	90,49	9,33	0	0,03	0,15	0
8	10	Накладная пластина	93,69	6,00	0	0,05	0,26	0
9	11	Накладная пластина	88,62	10,57	0	0,03	0,78	0
10	12	Накладная пластина	90,16	8,49	0	0,06	1,29	0
11	6	Заклепка	89,17	8,54	1,34	0,12	0,77	0,06
12	8	Заклепка	91,09	6,52	0,33	0,07	1,99	0
13	9	Заклепка	96,58	1,74	0	0,13	1,55	0

Итак, накладка изготовлена из оловянной бронзы с содержанием олова от 6 до 10,57 %, в среднем 8,06 %. В сплаве есть следы сурьмы, до 0,17 %. Заклепки сделаны из такой же оловянной бронзы – а не железа, как предполагалось ранее (*Зайцев, Колтухов*, 2005. С. 246). В целом состав сплава накладки пряжки походит на материал налобника и нащечников.

Прием наложения декоративной пластины из цветного металла на железную основу поясной бляхи, вероятно, восходит к обычаю обтягивать листом драгоценного металла более дешевый бронзовый или железный олов. Например: бронзовая пряжка с изображением сфинкса из погребения 1 кургана 13 могильника у с. Барановка в Астраханской области была обтянута серебряной позолоченной накладкой (*Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1989. С. 58–60, рис. 19). Еще одна подобная пряжка с изображением двух

сражающихся всадников и крюком в виде стилизованной головы человека, поступившая в ГИМ в 1908 г. из Керчи, была сделана из железа и обтянута тонким золотым листом (Отчет..., 1909. С. 70). В случае бляхи из Чистенького оловянная бронза накладки, имеющая светлый оттенок, могла имитировать серебро.

Таким образом, все рассмотренные предметы из захоронения в Чистеньком были сделаны из низколегированной оловянной бронзы (олова не более 10 %) примерно одинакового состава как по рецептурным добавкам, так и по рудным микропримесям. Не исключено, что они сделаны в одном месте. Морфологически сходный пластинчатый налобник, найденный совсем недавно в горном массиве Кубалач (*Зайцев*, 2025. Рис. 4, 5), также демонстрирует качественно близкий сплав (оловянная бронза), но с гораздо более высоким содержанием олова (20 %) (*Зайцев и др.*, 2026). Можно предположить желание мастера или заказчика придать этому налобнику вид серебряного, так как бронза с содержанием олова более 20 % имеет ясный серебристый оттенок, а также обладает высокой твердостью и прекрасно полируется. Как отмечала Т. Б. Барцева, для скифского этапа зафиксировано только два основных рецепта – оловянные и оловянно-свинцовые бронзы (*Барцева*, 1981. С. 89). Комплект из Чистенького и пластинчатый налобник из Кубалача как бы продолжают «классическую» традицию применения оловянных бронз, возникшую в скифскую эпоху.

Список литературы

Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981. 128 с.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья: сб. ст. / отв. ред. К. А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 14–132.

Зайцев Ю. П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 88–94.

Зайцев Ю. П. Предметы конского снаряжения III–II вв. до н. э. из горного массива Кубалач и его окрестностей (Крым) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 8. Сборник научных трудов к 70-летию профессора И. И. Марченко / отв. ред. А. Н. Ткачев. Краснодар, 2025. С. 121–129.

Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // БИ. 2005. Вып. VII. С. 242–249.

Зайцев Ю. П., Смекалова Т. Н., Фридрихсон С. К. Рентгено-флуоресцентный анализ бронзовых деталей убранства боевых коней из горного массива Кубалач и кургана у с. Чистенькое // ПИФК. 2026 (в печати).

Мордвинцева В. И. Декоративные пластины из Бубуча // РА. 2001. № 2. С. 108–114.

Мордвинцева В. И. Политические элиты «варваров» Крыма и их сетевые связи в III–II вв. до н. э. по материалам погребальных памятников элиты // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб., 2018. С. 194–206.

Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1908 г. М.: Синод. тип., 1909. 60 с.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев: Издатель Олег Филюк, 2015. 466 с.

Щукин М. Б. На рубеже Эр. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

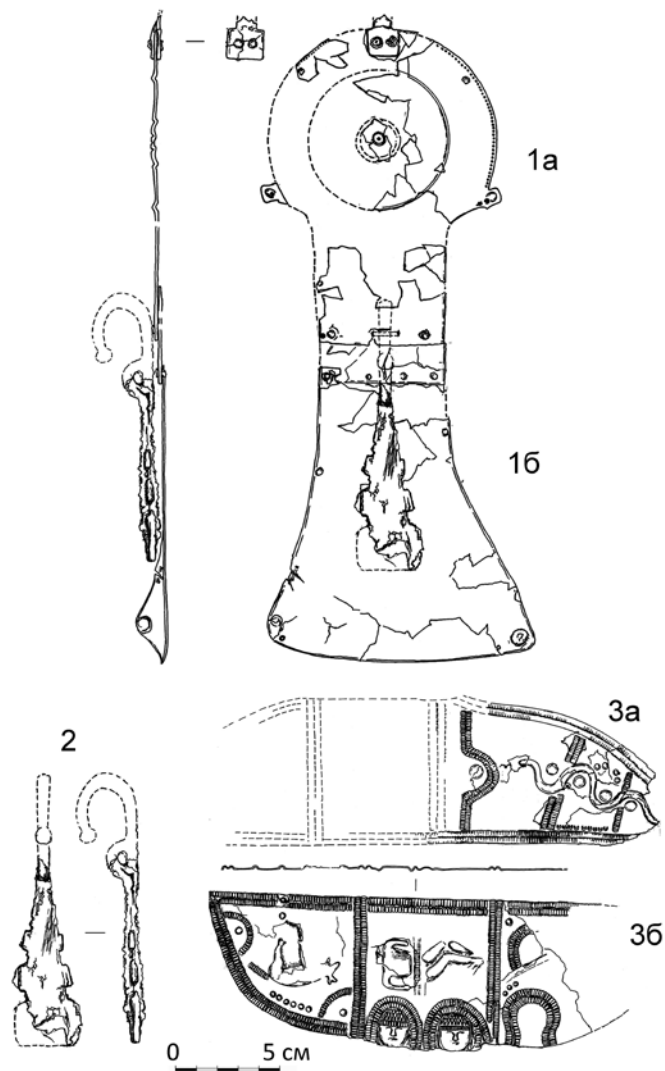

Рис. 1. Предметы из кургана у с. Чистенькое: двусоставной бронзовый пластинчатый налобник (1а, 1б), узкий железный налобник с крюком (2), бронзовые нащечники (3а, 3б) (по: Зайцев, Колтухов, 2005. Рис. 5, 6, 3а, 3б)

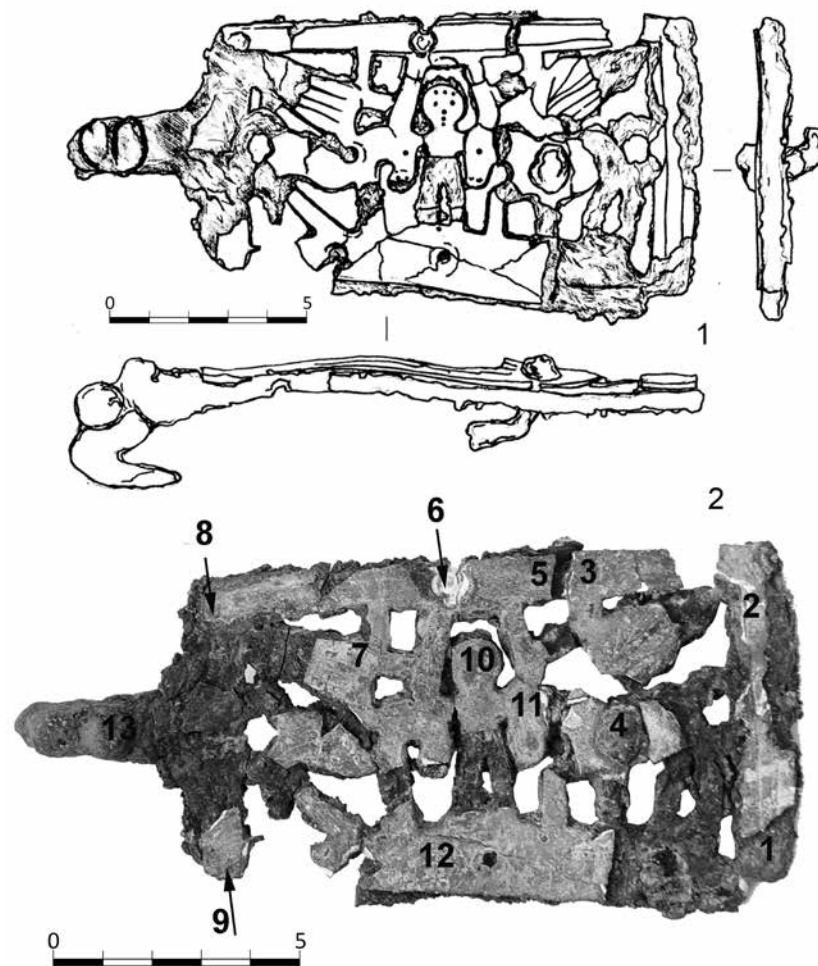

Рис. 2. Ажурная железная поясная бляха с бронзовой накладкой из кургана у с. Чистенькое: 1 – прорисовка (по: Зайцев, Колтухов, 2005. Рис. 7, 23); 2 – фотография. Помечены номера точек измерения состава сплава, данные приведены в табл. 1

В. Г. Зубарев, К. О. Маркова

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, г. Тула

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» (РАСКОПКИ 2005–2025 ГГ.)

Некрополь городища «Белинское» расположен в Восточном Крыму на Керченском полуострове в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района. Площадь некрополя в отмеченных границах составляет 8 га. Исследования могильника проводятся с 2005 г. К настоящему времени в центральной и южной частях некрополя раскопано 29 склепов и 23 грунтовых погребения. Всего за время исследования памятника найдено несколько целых и свыше сотни фрагментированных стеклянных сосудов. Форма сосудов, несмотря на их крайнюю фрагментарность, может быть частично восстановлена на основании многих аналогий.

Стеклянная посуда римского и позднеантичного времени практически всегда присутствовала на некрополе городища «Белинское» в качестве погребального инвентаря, как в одиночных погребениях, так и в семейных склепах. Большинство стеклянных сосудов изготовлены в технике свободного выдувания из тонкого прозрачного бесцветного стекла и представлены бальзамариями.

Бальзамарии. Широкое распространение получили небольшие бальзамарии с усеченно-коническим туловом и высоким цилиндрическим горлом. В середине – второй половине III в. н. э., во время смены ассортимента стеклянной посуды, находки бальзамариев становятся единичными, а в следующем столетии они и вовсе исчезают (Шабанов, 2021. С. 262). Такая же тенденция отмечается в причерноморских античных центрах, что объясняется возросшей варваризацией населения и отходом от античных традиций (Кунина, Сорокина, 1972. С. 171). В подавляющем большинстве

на некрополе бальзамарии были найдены среди костей, а значит, при захоронении находились непосредственно возле или на теле усопшего.

1. Бальзамарии из тонкого прозрачного бесцветного стекла с усеченно-коническим туловом, слегка уплощенным и переходящим в высокое цилиндрическое горло. Края сосудов загнуты внутрь, образовавшиеся венчики отогнуты. Дно у бальзамариев вогнуто (рис. 1, 1, 2, 4–6, 8, 9, 10). Иногда конусовидное тулово имеет рельефный профиль (рис. 1, 1). Относятся они к типу I, 2, вариантам Д–Е и вариантам В–Д по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной – распространенной группе бальзамариев как на Боспоре, так и в крымских предгорьях. Пик их использования приходится на середину II – середину III в. н. э. (Кунина, Сорокина, 1972. С. 161). В большинстве случаев они изготовлены из белого прозрачного стекла с множеством игольчатых пузырьков, но отдельные экземпляры – из голубоватого или светло-оливкового стекла. Бальзамарии этого типа являются продукцией восточно-средиземноморских (сирийских или египетских) мастерских.

Сосуды найдены в могиле № 12 «с заплечиками», вырубленной в скальной породе желтого ракушечника (Зубарев, 2013. Рис. 8, 6). Датируется погребение концом II – началом III в. н. э. В древности, судя по сдвинутому в нишу фрагментам скелета, в могилу проводилось вторичное захоронение. Бальзамарии этого типа обнаружены внутри погребальной камеры склепов № 3, 10, 12. Конструкция склепов включает в себя могильную яму, короткий дромос и погребальную камеру. Все составляющие склепа вырублены в материковой скальной породе желтого ракушечника. Отличительной особенностью склепа № 10 является тщательная отделка стен и сводов дромоса и погребальной камеры светлой штукатуркой, возможно, с последующей росписью (на стенах погребальной камеры местами сохранились остатки красной краски), а также наличие на дальней от дромоса стене камеры, слева от лежанки, отштукатуренного рельефа головы быка (Зубарев, 2019).

2. Бальзамарий из тонкого прозрачного бесцветного стекла с голубоватым оттенком с усеченно-коническим туловом, слегка уплощенным и плавно переходящим в высокое цилиндрическое горло. Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик отогнут. Дно у бальзамарии плоское (рис. 1, 16). Сосуд найден в могиле № 13 «с заплечиками» конца II – начала III в. н. э. (Зубарев, 2013. Рис. 9).

3. Бальзамарий из тонкого прозрачного со слегка голубоватым оттенком стекла с усеченно-коническим туловом, переходящим в цилиндрическое

горло (рис. 1, 17). Край сосуда загнут внутрь, образовавшийся венчик отогнут. Дно у бальзамария вогнуто. Относится к типу I, 2, А–Г по классификации Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной. В Северном Причерноморье наиболее многочисленны и неоднородны. Наиболее ранними авторы считают каплевидные сосуды и относят их к первой половине I в. н. э. Сосуд обнаружен в слое желто-коричневого суглинка в погребальной камере склепа № 29 с вторичным захоронением (вторая половина III – начало IV в. н. э.).

4. Бальзамарии из тонкого прозрачного со слегка голубоватым оттенком стекла неопределенного типа (рис. 1, 3, 7).

5. Донца стеклянных бальзамариев из тонкого прозрачного со слегка голубоватым оттенком стекла (рис. 1, 14, 15). Сосуды обнаружены в слое желто-коричневого суглинка в погребальной камере склепов № 3 и № 12.

Кувшины. Стеклянные кувшины римского времени разнообразны и отражают творческие искания мастеров-стеклодувов Восточного Средиземноморья как в области технических приемов, так и при создании форм. Существовавший в первых веках нашей эры мощный поток экспорта прекращается к III в. – и начинает доминировать продукция местного производства, к которой относятся кувшины низкого качества, изготовленные из интенсивно-зеленого стекла (Мосягина, 2013. С. 92).

1. Кувшин с широким яйцевидным туловом типа I с вогнутым в виде конуса дном из тонкого прозрачного стекла с голубоватым оттенком. Ручка не сохранилась (рис. 1, 13). Подобные кувшины хорошо известны на Боспоре и датируются, как правило, концом I – началом II в. н. э. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 75–76, табл. 57, 58). Сосуд найден в могиле № 12 (Зубарев, 2013. Рис. 5, 14).

2. Кувшин из тонкого прозрачного стекла с туловом овоидной формы на кольцевом поддоне с высоким горлом, заканчивающимся широким раструбом. Плоская ручка кувшина профилирована, изогнута под прямым углом, образует петлю над венчиком. Край сосуда загнут внутрь, образует венчик, оплавленный и отогнутый (рис. 1, 11). Сосуд изготовлен из прозрачного стекла с голубым оттенком, датируется тем же временем, что и кувшин из могилы № 12 (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 64, табл. 61). Сосуд найден в могиле № 13.

3. Венчик с ручкой кувшина из тонкого прозрачного с голубоватым оттенком стекла. Подобные кувшины имели невысокое сферическое тулово, короткое горло, край сосуда загнут внутрь, образует венчик, оплавленный и отогнутый наружу. Ручка неширокая лентовидная, крепится вертикально одним концом к плечу кувшина, другим к горлу (рис. 1, 12). К. Айсингс

относит появление подобной формы кувшинов (но с более высоким горлом) к первой половине I в. н. э. – к формам 14 и 52a (Isings, 1957. P. 69–70). Похожий по форме кувшин, не с таким широким устьем, найден в погребении 46 некрополя Горгиппии в комплексе с бальзамарием второй половины I – первой половины II в. н. э. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 64).

Чаши, блюда.

1. Венчик стеклянной чаши из зеленого стекла (рис. 2, 21). Диаметр 140 мм. По комплексу поминальной тризны, обнаруженной рядом с могильной (входной) ямой склепа № 29, чаша может быть датирована концом IV – первой половиной V в. н. э.

2. Полусферическая чаша на высоком поддоне с оплавленным краем из тонкого прозрачного стекла светло-оливкового цвета (рис. 2, 1). Сосуд обнаружен в слое желто-коричневого суглинка в погребальной камере склепа № 12.

3. Донце стеклянного блюда с сильно отогнутым под углом усеченно-коническим туловом, дном, находящимся на высоком кольцевом поддоне (рис. 2, 8). Сосуд обнаружен в слое желто-коричневого суглинка в погребальной камере склепа № 3.

Стаканы.

1. Стакан цилиндрический с вогнутым дном из бесцветного прозрачного стекла (рис. 2, 6). Датируются преимущественно II в. н. э. В Горгиппии аналогичные стаканы встречены в большом количестве в слое пожара 240 г. в подвалах дома 5 (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 52, табл. 36, 2). Сосуды найдены в могиле № 12 конца II – начала III в. н. э.

2. Стакан-чаша с плоским дном из белого прозрачного стекла (рис. 2, 7). Аналогии этим сосудам имеются среди стекла II–III вв. н. э. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 26, табл. 23, 7). Как и представленные выше сосуды, они найдены в могиле № 12 конца II – начала III в. н. э.

3. Венчики стаканов из прозрачного стекла (рис. 2, 2, 3, 4, 5, 9, 12, 22). Сосуды обнаружены в слое желто-коричневого суглинка в погребальной камере склепа № 3.

В более поздних склепах (склеп № 29), связанных с вторичным использованием более раннего вырубного склепа с коротким дромосом новым населением городища «Белинское», пришедшим сюда не ранее последней четверти IV в. н. э., большую группу составляют сосуды, сделанные из зеленого стекла. Большое число таких сосудов найдено непосредственно на самом городище. Они имели широкий ареал, охватывающий огромную территорию от Восточного Причерноморья до Западного Средиземноморья.

Северопричерноморские находки наиболее полно представлены в работах Н. П. Сорокиной, которая собрала свыше пятидесяти только целых экземпляров (Сорокина, 1971. С. 85).

4. Фрагменты венчиков и донцев стаканов из зеленого стекла типа Сорокина II (рис. 2, 14, 18). Аналогии на других могильниках приводит А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова (Айбабин, Хайрединова, 2017. С. 107).

5. Фрагменты венчиков стаканов из зеленого стекла типа I, вариант В, вид В-а (Засецкая, 2008. Кат. 11 13, табл. II, 1, 2, 4; рис. 4, 4–6) (рис. 2, 16, 23, 24).

6. Фрагменты венчиков стаканов из зеленого стекла типа Сорокина I (Сорокина, 1971. С. 89) (рис. 3. 10, 11, 15, 19), часто встречающиеся в погребениях первой половины V в. н. э. как в Северном Причерноморье, так и в Средиземноморье (Foy, 1995. P. 198–199, pl. 9, 76, 77).

7. Фрагменты стеклянных стаканов из зеленого стекла (рис. 2, 13, 20, 26–29).

В группу стаканов с синими каплями (рис. 2, 11, 17, 25) (в археологической литературе ее еще называют «Nippengläser») традиционно включают многочисленные стаканы или кубки разнообразной формы, на тулово которых при обработке наносили капли и полосы из стекла темно-синего цвета (Шабанов, 2016. С. 166). Сосуды производились в мастерской в Джаламе (Al-Jalama) (Weinberg, Goldstein, 1988. С. 89–93, № 404, 438) и получили широкое распространение в IV – начале V в. н. э. как на территории Римской империи, так и за ее пределами.

Стеклянные сосуды, найденные на некрополе городища «Белинское», составляют около 4 % от всего материала, обнаруженного в погребениях. Большинство изделий из стекла находилось в грунтовых могилах конца II – начала III в. н. э. и в более поздних вторичных захоронениях в склепах конца IV – первой половины V в. н. э. Во многом это объясняется тем, что погребения раннего времени (могилы № 12, № 13) оказались нетронутыми грабителями, и на это время, вероятно, приходится пик импорта стекла на Боспор. К сожалению, остальная часть погребений на южном и центральном участке некрополя уничтожена современными грабителями. С конца III в. н. э. на некрополе исчезает стеклянная посуда. Возобновление притока импорта, но уже из зеленого стекла, мы видим в склепах с конца IV в. Подобные сосуды пользовались большим спросом у населения и использовались в погребальной практике на некрополе вплоть до середины V в. н. э. Подтверждением этому служат обнаруженный в 2025 г. склеп № 29 и расположенная рядом с ним поминальная тризна.

Список литературы

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антикава, 2017. 368 с.

Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгииппии. М.: Интербук бизнес, 2007. 160 с.

Засецкая И. П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. // БИ. 2008. Вып. XX. 224 с.

Зубарев В. Г. Две могилы «с заплечиками» из некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 2013. Т. 17. С. 159–175.

Зубарев В. Г. Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища «Белинское» // ДБ. 2019. Т. 24. С. 274–286.

Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 146–177.

Мосягина А. А. Развитие стекольного дела на Боспоре на примере кувшинов, изготовленных в технике свободного выдувания // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. СПб., 2013. С. 91–96.

Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85–101.

Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды I – первой половины III вв. н. э. из варварских памятников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. VII. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2021. С. 260–275.

Шабанов С. Б. Стеклянный кубок группы Nippengläser из погребального комплекса позднеримского времени могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). 2016. Т. II. С. 166–178.

Foy D. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France méditerranéenne, premier essai de typo-chronologie // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen age. Guiry-en-Vexin: Musée Archéologique Départemental du Val d'Oise, 1995. P. 187–242.

Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta: J. B. Wolters, 1957. 185 p.

Weinberg G. D., Goldstein S. M. The Glass Vessels // Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia: University of Missouri Press, 1988. P. 38–102.

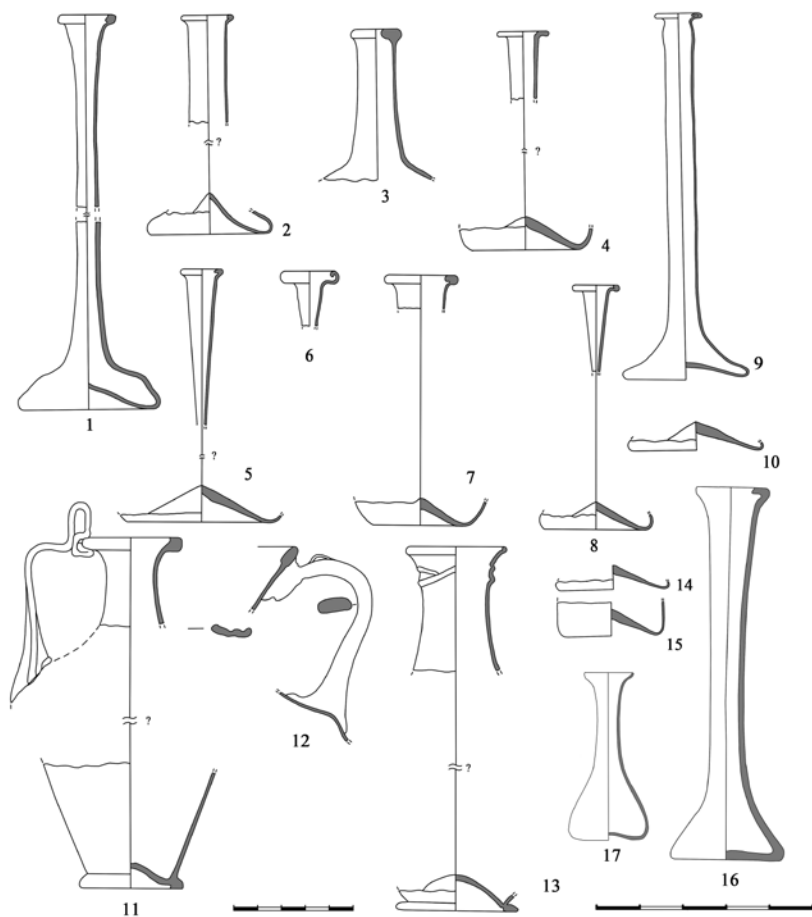

Рис. 1. Стекланные изделия из раскопок городища «Белинское»: бальзамарии и кувшины

Рис. 2. Стекланные изделия из раскопок городища «Белинское»: чаши, блюда, стаканы

А. К. Каспаров, Е. С. Кондрашова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ЛОШАДЕЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ТАМАНИ И ВОСТОЧНОГО КРЫМА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ЯСТРЕБОВСКО-БЕРЕЖНОЕ 1 НА ТАМАНИ И ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

В 2024 г. экспедицией Центра спасательной археологии Института истории материальной культуры РАН проводились масштабные раскопки в окрестностях города Крымск в Абинском районе Краснодарского края.

В числе прочих памятников на достаточно большой площади (около 34 тыс. м²) был исследован некрополь между хуторами Ястребовский и Бережной. Этот памятник являлся многослойным, и наиболее представительные материалы, как вещественные, так и остеологические, поступили из слоев, датируемых I–IV вв. н. э., то есть слоев сарматской эпохи. Столь объемные коллекции этого периода, в первую очередь остеологические, до этого времени из Прикубанья не были известны.

В этих сарматских погребениях, как правило, присутствовали захоронения лошадей или части их скелетов (голова и дистальные части конечностей). Таким образом, было найдено большое количество передних метаподий, поддающихся измерениям.

Измерения производились по схеме В. Айзенманн, опубликованной в 1986 г. (*Eisenmann, Beckouche*, 1986. Р. 117–163). Она же, кстати, утверждает, что передние метаподии лошадей гораздо более диагностичны, чем задние, и потому данное исследование проводилось именно по этим костям. Всего было исследовано 122 передних метаподии лошадей сарматского времени. С каждой кости снималось 12 промеров.

Для сравнения привлекались аналогичные кости лошадей римского времени (I–IV вв. н. э.), обнаруженные на памятниках сопредельной территории – Восточного Крыма. Это делалось для прояснения вопроса о том, имелись ли какие-либо различия в морфологическом типе лошадей обоих этих регионов. Были привлечены передние метаподии, найденные на памятниках Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, Акра, Китей и Тиритака.

Для установления различий в пропорциях метаподий каждый из полученных двенадцати промеров соотносился с первым промером – основной длиной кости – для получения соответствующего индекса. Затем каждый индекс логарифмировался, чтобы разница между ними стала более заметной. Таким образом, каждая кость стала характеризоваться набором из 11 показателей. Потом для каждой коллекции вычислялось среднее значение каждого показателя.

Такие усредненные индексы метаподий лошадей из поселения Ястребовско-Бережное 1 методом простого кластерного анализа сравнивались с таковыми из памятников Восточного Крыма римского времени, а также данными по классическим скифским лошадям Сибири, опубликованными И. Е. Гребневым и С. К. Васильевым в 1994 г. (*Гребнев, Васильев*, 1994). Кластерный анализ основных отобранных материалов, разделенных на три группы по месту находок, показал следующие результаты (рис. 1). Метаподии, обнаруженные при исследовании памятников Ястребовско-Бережное 1 и памятников Восточного Крыма, по своим пропорциям наиболее приближены друг к другу. Однако они всего на сотые доли отличаются от аналогичных костей из памятников Сибири.

К сожалению, восточнокрымский материал, как видим, далеко не такой массовый, как костная коллекция из сарматского памятника. Однако выборки по скифским лошадям Восточной Сибири и с некрополя Ястребовско-Бережное 1 вполне представительны. Видно, что лошади римского времени по обеим сторонам пролива почти идентичны, а вот классические скифские лошади Восточной Сибири отличаются от них, хотя и не очень сильно ($\text{Distance} =$ всего 0,02). Это говорит о том, что лошади из Таманского некрополя достоверно отличаются от лошадей скифов, с которыми те пришли в Причерноморье. Сходство и различие между крымскими лошадьми и лошадьми сарматов видны на другой кладограмме (рис. 2).

Здесь сравниваются усредненные показатели их передних метаподий (если их несколько) с таковыми Ястребовско-Бережного. Лошади сарматского некрополя оказываются ближе всего по своим пропорциям к лошадям

Тиритаки. Лошади из остальных памятников прибрежного Восточного Крыма по своему строению, как видим, довольно разнородны, хотя разница эта, судя по значениям Distance, также весьма невелика.

По своим экстерьерным показателям среди лошадей Ястребовско-Бережного 23,7 % являются, по терминологии А. А. Браунера (*Браунер*, 1916), тонконогими, то есть животными довольно высокого экстерьерного класса, еще 54 лошади (44,2 %) можно отнести к полутонконогим. Это животные почти такого же высокого уровня, но чуть менее грацильного склада. 33 животных (27,1 %) по степени относительной толщины передних метаподий являются средненогими. Это животные с умеренно массивными конечностями, однако, по меркам того времени, тоже весьма неплохого уровня. И наконец, лишь 6 особей (4,9 %) можно отнести к категории полутолстоногих, то есть к животным не очень престижных статей, однако нередко встречавшимся в Причерноморье в античное время.

Среди 12 крымских лошадей 3 – тонконогие, 4 – полутонконогие, 3 – средненогие, 1 – полутолстоногая и 1 – толстоногая; последних среди сарматских лошадей нет вообще. Проценты вычислять в данном случае не имеет смысла, поскольку выборка очень невелика. Однако отметим, что в среднем индекс грацильности у крымских лошадей равен примерно 16 %, а у лошадей сарматов – 15 %. Таким образом, эти лошади в среднем оказываются более тонконогими и, следовательно, более быстроходными и дорогими.

Средняя высота в холке у сарматских лошадей, вычисленная по методике В. О. Витта (*Bumt*, 1952) составляет 135 см. У лошадей Восточного Крыма – примерно столько же: 136 см. Однако среди сарматских лошадей встречаются некоторые экземпляры едва ли не на 10 см выше средних крымских лошадей.

В результате можно заключить, что лошади таманских сарматов римского времени отличались по строению передних метаподий, во-первых, от синхронных им лошадей Восточного Крыма, а во-вторых – от классических скифских лошадей, потомками которых крымские лошади несомненно являлись, хотя эти отличия в пропорциях и были весьма невелики.

В целом лошади сарматов были в среднем более грацильного склада, а некоторые из них были довольно рослыми и, стало быть, по меркам того времени – весьма престижными и дорогими.

Однако не следует забывать, что из Восточного Крыма поступили разрозненные кости, найденные в разное время просто в слоях поселений. А в случае Ястребовско-Бережного – это специально помещенные в могилы,

с несомненно ритуальными целями, скелеты лошадей. Весьма вероятно, что для этих церемониальных погребений отбирались престижные животные, более высокого экстерьерного класса.

Список литературы

Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Импер. об-ва сельского хозяйства Южной России. Одесса: тип. Акц. Юж.-рус. о-ва печ. дела, 1916. Т. 86, № 1. С. 49–186.

Bumt В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С. 163–205.

Гребнев И. Е., Васильев С. К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // *Полосьмак Н. В.* «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 106–111.

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and Discrimination of Metapodials from Pleistocene and Modern *Equus*, Wild and Domestic // *Equids in ancient world.* / eds.: R. H. Meadow, H.-P. Uerpmann. Wiesbaden: Dr. L. Reichert Verlag, 1986. S. 117–163. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients: Reihe A, Naturwissenschaften; 19,1).

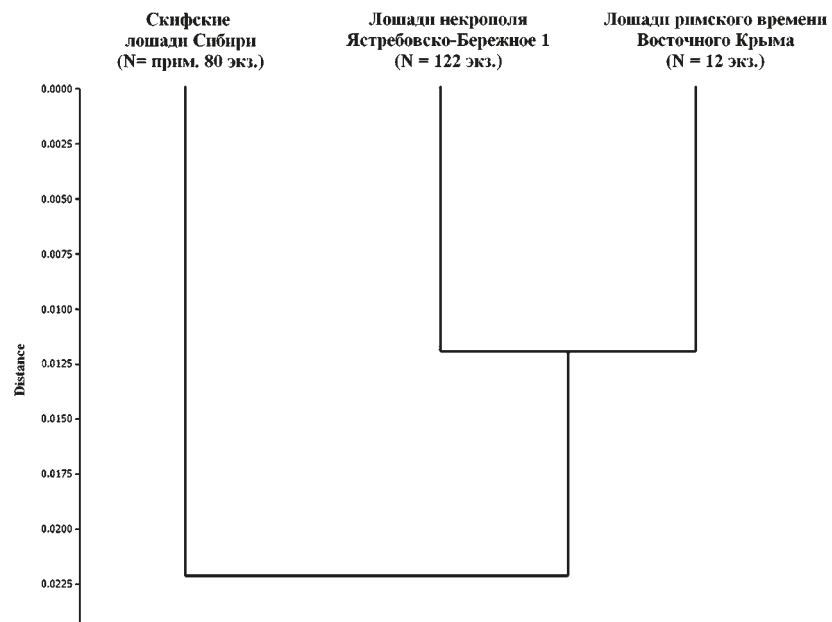

Рис. 1. Степень сходства между пропорциями передних метаподий лошадей Восточного Крыма, сарматских лошадей некрополя Ястребовско-Бережное 1 и классическими лошадьми скифов Восточной Сибири (по: Гребнев, Васильев, 1994)

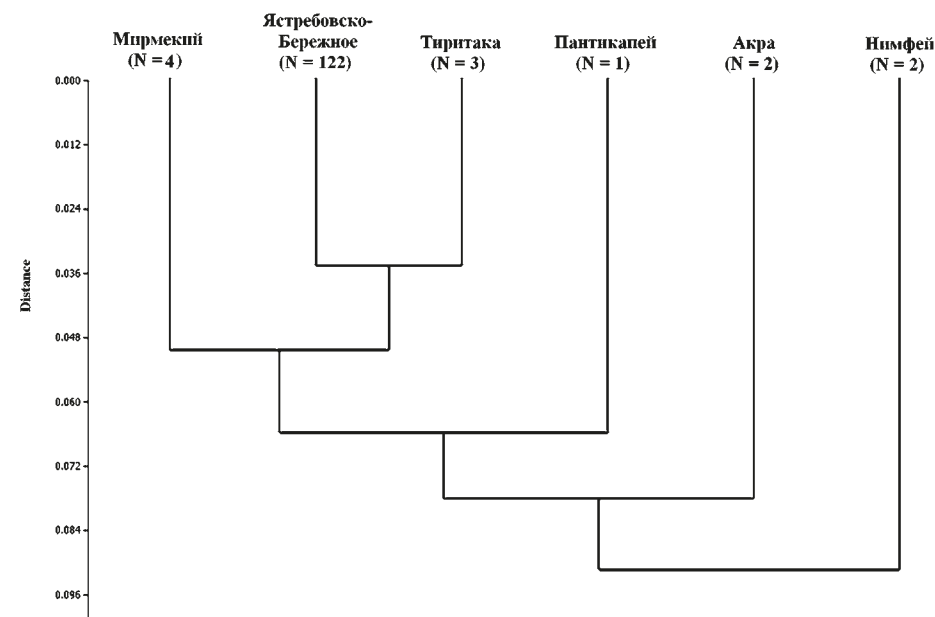

Рис. 2. Степень сходства между пропорциями передних метаподий лошадей из разных памятников Восточного Крыма и сарматских лошадей некрополя Ястребовско-Бережное 1

С. В. Кашаев

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

Н. И. Сударев

Институт археологии РАН, г. Москва

ЧЕРНОФИГУРНЫЕ СОСУДЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2¹

При раскопках некрополя Артющенко-2 в 2003–2024 гг. была получена серия чернолаковой и расписной керамики (Кашаев, 2019. С. 246). В этой работе рассмотрим три чернофигурных сосуда из раскопок данного памятника (рис. 1).

Одной из самых древних находок в коллекции расписной керамики является лекиф из погребения 103 (рис. 1, 2). Он относится к группе Петуха (Cock Group), которая обычно датируется последними десятилетиями VI в. до н. э. – первыми десятилетиями V в. до н. э. или, чаще, – 510–490 гг. до н.э. (Петракова, Букина, 2021. С. 25, 69). Данный тип лекифов впервые был выделен Перси Н. Юром (Ure, 1927. Р. 52–53) по материалам некрополя Рицоны в Беотии. Он отнес их к типу N, который по форме венчика, горла, плечиков и тулова разделил на две группы N1 и N2. Типу N1 соответствует более округлое тулово, венчик формы «g» и часто – ребро при переходе горла в плечи. У типа N2 венчик формы «h», отсутствует ребро и более узкое тулово (Ibid. Р. 52–53, fig. 3). По форме лекиф из погребения 103 ближе к группе N2, при этом венчик ближе к форме «g», что соответствует первой группе. Из материалов некрополя Рицоны данный сосуд ближе всего сосуду из могилы 26, которая датируется около 500 г. до н. э. (Burrows, Ure, 1908.

¹ С. В. Кашаев – исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

Н. И. Сударев – исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Р. 281–287). Одной из отличительных черт этих лекифов является характерное украшение на плече – боевой петух, повернутый обычно вправо, между двумя листами плюща (Kathariou, 2006. Р. 108–116; Pace, 2019. Р. 161–163). Позднее эти лекифы в отдельную группу Петуха выделила Эмили Хаспелс (Haspels, 1936. Р. 67–68), и ее мнение поддержал и развил Дж. Бизли (Beazley, 1956. Р. 466–472). Ему было известно около 120 таких сосудов; в настоящее время в архиве Бизли (BAPD²) их зафиксировано 452.

Отмечается близость этой группы группе Фаниллиса и в особенности – совокупности лекифов, объединенных в группу Гоплита, покидающего дом (Group of Hoplite-leaving-home), которую выделяют в подгруппу Е внутри группы Фаниллиса (Haspels, 1936. Р. 66–67, 205; Beazley, 1956. Р. 464–466; Петракова, Букина, 2021. С. 25, 69). Отмечается, что лекифы группы Петуха датируются в основном чуть более поздним временем (Kurtz, 1975. Р. 118–119). Действительно, сцена прощания с гоплитом довольно частая в группе Петуха (Beazley, 1956. Р. 467–468, № 20–38; Kathariou, 2006. Р. 113), однако внутри нее есть некоторые отличия. Так, большая часть изображений соответствует изображениям группы Гоплита, покидающего дом, группы Фаниллиса. На этих изображениях гоплит, как правило, стоит повернувшись влево, в статичной позе; его щит расположен «в фас» и закрывает большую часть туловища воина. Перед ним – мужчина, сидящий на дифлосе, а по краям с обеих сторон – фигурки стоящих эфебов, как правило, с копьями в руке. Но есть группа лекифов, где воин изображен в движении от сидящей фигуры с головой, повернутой лицом на фигуру сидящего мужчины. Бизли определяет ее как «Warrior setting out», т. е. «Воин, отправляющийся в путь». Судя по имеющимся сосудам из датированных комплексов, такие лекифы должны датироваться около 500 г. до н. э. Наиболее близкие сосуды происходят из коллекций Гамбурга, Майнца, Франкфурта, Глазго, Марселя, Нью-Йорка, Ставангера, Лиона, Копенгагена, Праги, Палермо, Афин (музей Бенаки), есть в некрополях Керамика, Агоры (BAPD 1183, 1264, 4903, 19923, 19311, 9022921, 9022447, 340709, 340707, 340705, 330446³; 330445, 330438, 330430, 21422, 2775; Marangou, 1996. Р. 82, № 118; Kunze-Götte et al., 1999. S. 15, 121. Taf. 9.1 (18.1); 82.1, 5 (473.5); Beazley, 1971. Р. 209; Young, 1951. Р. 97, № 15-2). Практически во всех случаях эти сосуды датируются либо концом VI в. до н. э., либо более точно – около 500 г. до н. э. Видимо, эта дата актуальна и для данного изделия.

² Beazley Archive Pottery Database: <https://www.carc.ox.ac.uk/carc/pottery>

³ <https://art.thewalters.org/object/48.51/>

Следующим по времени изготовления сосудом является миниатюрная ойнохоя, найденная в слое, вне контекста (рис. 1, 1). Практически идентичный сосуд присутствовал в погребении 229 некрополя Волна 1. Оба относятся к серии миниатюрных ойнохой, которые, по определению Дж. Бизли, были «выполнены Мастером Афины или из его мастерской» (by the Athena Painter or from his workshop) (Петракова, Букина, 2021. С. 174; Beazley, 1956. P. 522–524). К мастерам, работавшим в его мастерской, он относит целый ряд художников. К этой же мастерской принадлежали и миниатюрные ойнохой формы 1 класса Копенгаген 68 (The Class of Copenhagen 68), часть из которых была расписана самим этим вазописцем, другая – возможно, также относится к его произведениям (Beazley, 1956. P. 532). Именно среди его работ мы видим наиболее близкие аналогии изображению на данной ойнохое (BAPD 330848; Beazley, 1956. P. 529, № 59; Pottier, 1901. P. 131. Pl. 86. F 354), и в первую очередь сосуд, давший название всему классу Копенгаген 68 (BAPD 330895; Beazley, 1956. P. 532, № 4). Также среди работ, которые Дж. Бизли определил аналогичным образом, можно отметить практически идентичные изображения воинов в кидарисах⁴ (Beazley, 1956. P. 532, № 5, 6; BAPD 6603, 330897, 306811, 330896; Шкорпил, 1904. С. 99, № 141. Рис. 19), а также амазонок⁵ и охотников (юношей с копьем) (Beazley, 1956. P. 532, № 8, 9; BAPD 330899, 330900, 24568; Athens..., 2000. P. 316, № 319; Zannoni, 1876. P. 277, Tav. LXX, 2–3). Время работы Мастера Афины определяется в пределах первой четверти V в. до н. э. (Sapirstein, 2013. P. 495), а работы «группы» и «мастерской» датируют до 460-х гг. до н. э. (Петракова, Букина, 2021. С. 174). Судя по всему, сосуд из некрополя Артющенко-2 выполнен самим этим мастером. Аналогичные изделия часто встречаются в погребальных комплексах (например: в некрополе Афин, Камироса, Фикелуры, Спины, Чертозы (Болонья), Кум, Пантикапея, Волны и т. д.). В хорошо датированных погребениях они присутствуют в могиле 193 некрополя Фикелуры, погребении 24 некрополя Камироса (Jacopi, 1931. P. 97), погребениях 197 (Knigge, 1976. S. 133) и 449 (Athens..., 2000. P. 316, № 319) некрополя Керамика, погребении на проспекте Панепистимиу в Афинах (Ορεψιαδης, 1960. Σ. 28. № 164), погребении

⁴ Этим термином Дж. Бизли называет «варварский» (фракийский, скифский) головной убор. Такое же название является распространенным в современной европейской литературе.

⁵ Е. Поттье определяет изображение воина на ойнохое F354 как «Амазонка или азиатский воин». К этой же группе относятся изображения на ойнохох из Лувра F 355 (BAPD 330898), Афинского Национального музея CC778 (BAPD 351660), Британской школы в Афинах, № E1038 (BAPD 9023134; Smith, 2003. P. 361, № 36) и Британского музея № 1864, 1007.249 (BAPD 330871; https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-249, происходит из могилы 193 некрополя Фикеллура <https://www.britishmuseum.org/collection/term/x333019>).

294 некрополя Коринфа (Blegen et al., 1964. P. 227). Эти захоронения датируются началом второй четверти V в. до н. э., при этом сами сосуды, по мнению авторов публикаций, относятся к более раннему времени⁶. Видимо, исходя из комплекса этих данных, сосуд из некрополя Артющенко-2 следует датировать 480–470 гг. до н. э.

Еще одним произведением с сюжетной росписью является лекиф из погребения 51 (рис. 1, 3). В некрополе Волна 1 встречены один идентичный и четыре практически идентичных лекифа с такой же формой и изображением (погребения 342, 348, 376, 405 и 471). Несмотря на то, что венчик у данного сосуда не сохранился, мы уверенно можем его восстановить как «трубовидный». Форма данного лекифа исходя из формы венчика дословно переводится как «дымоход» (Chimneys). Ее использовало не очень много художников и их мастерских, среди них Хаймон, Мегеры/Белдам и художник Эмпория (Kurtz, 1975. P. 87; Haspels, 1936. P. 137, 165, 178). По типологии, разработанной для некрополя Керамика, этот сосуд относится к группе IV/1 (Knigge, 1976. S. 36–37). Данный лекиф можно уверенно соотнести с произведениями мастерской Хаймона (Haspels, 1936. P. 131–132, 137). Подобные изображения являются типичными для него и его мастерской (Beazley, 1956. P. 539–543, № 1–131 – «manner of the Haimon Painter»). Очень близкий лекиф происходит из собрания Государственного Эрмитажа (Горбунова, 1983. С. 162–167, № 136) и из некрополя Лефкаса (Πλάκου, 2012. Σ. 77–80, Ек. 2, № 943). Этот сюжет, довольно узнаваемый, обычно трактуется как часть свадебной церемонии (Jurriaans-Helle, 2021. P. 93–131; del Corral Corredoira, 2007. P. 111–120). Женщина, восходящая на колесницу, определяется как Ариадна. Фигура, стоящая за лошадьми, – вероятно, Дионис с рогом изобилия. В данном случае его изображение больше напоминает смазанное пятно, но для идентификации мы можем привлечь другие – и, в частности, из некрополя Волна 1. При увеличении изображения на лекифе из погребения 342 видно, что его борода была покрыта краской, а на абсолютно аналогичном лекифе из погребения 376 она еще и доработана гравировкой. На идентичном лекифе из погребения 471 того же некрополя мы видим, что лицо Диониса было окрашено белым цветом и повернуто влево, а в руках у фигуры стоящей напротив него, также за крупами лошадей, – лира. На лекифе из погребения 51 видны остатки белой краски на том же месте, где должно было быть расположено лицо Диониса, и также угадывается в руках второй фигуры лира (подробнее об изображениях на таких сосудах с библиографией

⁶ Athens..., 2000. P. 316, № 319; <https://www.britishmuseum.org/collection/term/x333019>

см. *Δεσποίνη*, 2016. Σ. 119–123; *Πλιάκου*, 2012. Σ. 77–80). Дата данного лекифа 470–450 гг. до н. э. Ей не противоречат и остальные находки из погребения, а также комплексы из некрополя Волна 1.

Как видно из проведенного анализа, представленные сосуды датируются в пределах первой половины V в. до н. э. Этот период является временем самого интенсивного использования указанного некрополя.

Список литературы

Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.: Искусство, 1983. 224 с.

Кашаев С. В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение. 2019. С. 230–254.

Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Каталог. СПб.; Керчь: ООО «Соло-Рич», 2021. 308 с.

Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. Вып. 9. 1904. С. 73–177.

Athens: The City Beneath the City. Antiquities from the Metropolitan Railway Excavations / L. Parlama, N. Chr. Stampolidis (ed.). Athens: N. P. Goulandris Foundation; Museum of Cycladic Art, 2000. 416 p.

Beazley J. D. Attic black-figure vase-painters. Oxford: Clarendon Press, 1956. 851 p.

Beazley J. D. Paralipomena. Oxford, Clarendon Press, 1971. 679 p.

Blegen C., Palmer H., Young R. The North Cemetery. Princeton: ASCSA, 1964. 344 p., 25 figs, 30 pls. (Corinth; vol. 13).

Burrows R. M., Ure P. N. Excavations at Rhitsóna in Boeotia // The Annual of the British School at Athens. 1908. V. 14 (1907/1908). P. 226–318.

del Corral Corredoira P. D. Y Dioniso desposó a la rubia Ariadna: estudio iconográfico de la cerámica ática (575–300 AC). Oxford: BAR Publishing, 2007. 393 p.

Haspels E. C. H. Attic Black-figured Lekythoi. Paris: E. De Boccard. 1936. 417 p., 54 pl.

Jacopi G. Esplorazione archeologica di Camiro I: scavi nelle necropoli camiresi: 1929–1930. Rodi: Ist. storico-archeologico, 1931. (Clara Rhodos; vol. IV). 399 p.

Jurriaans-Helle G. Composition in Athenian Black-figure Vase-painting. The 'Chariot in Profile' Type Scene. Leuven; Paris; Bristol, CT: Peeters, 2021. 333 p. (Babesch Supplementa; vol. 41).

Kathariou K. Cock and Cockfights on Cock Lekythoi // Numismatica e antichità classiche. Lugano: Fondazione Ernesto e Maria Bernareggi-Calati, 2006. P. 105–122. (Quaderni Ticinesivol. XXXV).

Knigge U. Der Südhügel. Berlin: De Gruyter, 1976. 233 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen; Bd. IX).

Kurtz D. C. Athenian white lekythoi. Oxford: Oxford University Press. 1975. 254 p.

Kunze-Götte E., Tancke K, Verneisel K. Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts. München: Hirmer, 1999. 294 S. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen; Bd. VII, 2).

Marangou L. I. Ancient Greek Art: The NP Goulandris Collection. Athens: N.P. Goulandris foundation; Museum of Cycladic art, 1996. 182 p.

Pace A. Immagini di Gela. Le necropoli e il profilo culturale della polis tardo-arcaica. I materiali della collezione e del predio Lauricella. Sesto Fiorentino: All'Insegna del Giglio, 2019. 320 p.

Pottier E. Vases antiques du Louvre. Salles E-G. Le style archaïque a figures noires et a figures rouges, écoles ionienne et attique. Paris: Hachette et cie. 1901. 212 p.

Sapirstein Ph. Painters, potters, and the scale of the Attic vase-painting industry // AJA. Vol. 117. 2013. P. 493–510.

Smith T. J. Black-figure vases in the collection of the British School at Athens // Annual of the British School at Athens. 2003. Vol. 98. P. 347–368.

Ure P. N. Sixth and fifth century pottery from excavations made at Rhitsóna by R. M. Burrows in 1909, and by P. N. Ure and A. D. Ure in 1921 & 1922. London: H. Milford, Oxford University Press, 1927. 111 p.

Young R. S. Sepulturae intra urbem // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1951. Vol. 20. P. 67–134.

Zannoni A. Gli scavi della Certosa di Bologna. Bologna: Regia Tip., 1876. 689 p.

Δεσποίνη Α. Σίνδος II. Το Νεκροταφείο. Ανασκαφικές Έρευνες 1980–1982. Μάσκες και χρυσά ελάσματα, κοσμήματα, μικροαντικείμενα και σπλεγγίδες, είδη σπλισμού. Αθήναι: Ή έν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία, 2016. 430 σ.

Θρεψιαδης Ι. Ανασκαφαι Λεωφορου Πανεπιστημιου // Αρχαιολογικόν Δελτίον. 1960. T. 16, M. B'. Σ. 27–29.

Πλιάκου Γ. Αττικές μελανόμορφες λήκυθοι από το νεκροταφείο της αρχαίας Λευκάδας // στο Ε. Κεφαλίδου, Δ. Τσιαφάκη (επιμ.), Κεραμέως παίδες, Αντίδωρο στον Καθηγητή Μιχάλη Τιβέριο από τους μαθητές του. Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Ανδρίων Επιστημόνων, 2012. Σ. 77–84.

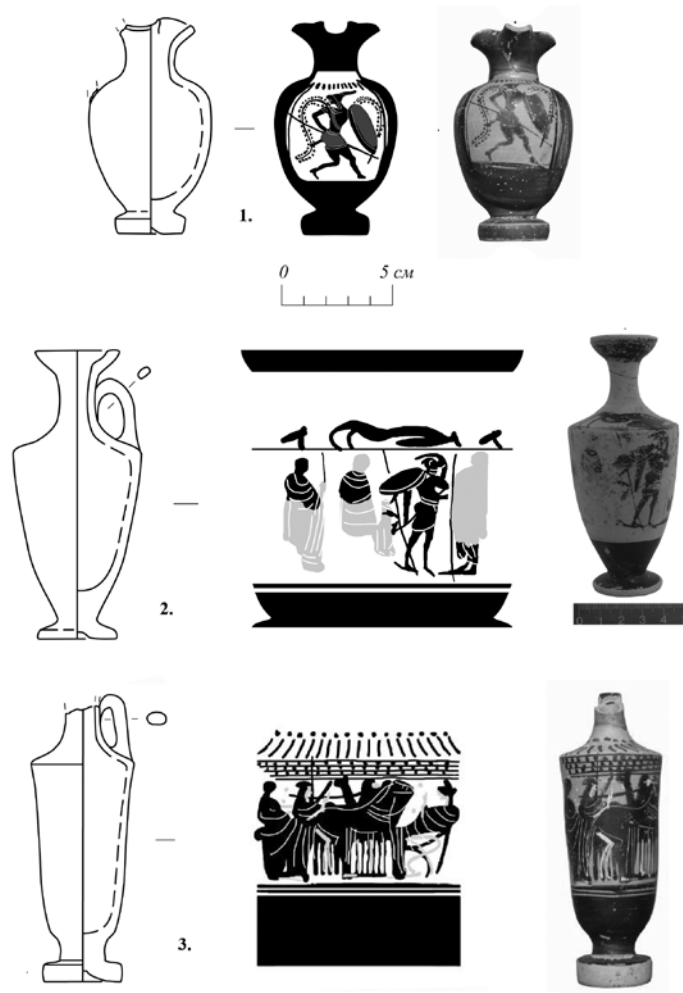

Рис. 1. Чернофигурные сосуды из некрополя Артюшенко-2:
1 – кв. 3-15', слой 2; 2 – погребение 103; 3 – погребение 51

А. Е. Кислый

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ПОВЕРЖЕННЫЕ АНТИЧНЫЕ НАДГРОБИЯ У ПОДНОЖЬЯ МИТРИДАТА. BARBARI ANTE PANTICAPAEUM

В юбилейном сборнике, посвященном столь знаменательной дате, хочется познакомить специалистов с немного забытыми, но действительно оригинальными материалами из раскопок прошлого века в Керчи, обязательно коснуться страниц истории, и радостных, и трудных, ведь это неотъемлемая часть жизни музея-юбиляра, достойного создателя многогранной культуры края *de tenero ungui*, с младых ногтей. Таким образом, первая задача статьи – привлечь специалистов-античников к публикации интереснейших находок из раскопок курганного некрополя Пантикапея (южный склон горы Митридат, совр. Марат I).

В июне 1979 г. начальник отдела капитального строительства объединения «Керчьрыбпром» обратился в дирекцию музея с просьбой раскопать курган на месте будущей стройки у ведомственной гостиницы «Меридиан». До этого он обращался в Москву к своему знакомому археологу, работавшему на полуострове, обращался в Киев. Все отказались проводить раскопки, а киевляне посоветовали связаться с А. А. Щепинским в Симферополе. Щепинский в свою очередь назвал молодого тогда специалиста, заведующего сектором раскопок и реставрации Керченского историко-археологического музея А. Е. Кислого. В результате тогдашний директор музея вызвал меня в кабинет и, знакомя с тем начальником, сказал: «Александр, раскопай курган. Вот наш гость обещает в новом построенном доме квартиру тому, кто освободит территорию. Им надо срочно, за месяц. Сроки истекли в переговорах». У моей семьи тогда не было собственного жилья, но ответил: «Раскопаю, без квартиры, за работу получаю зарплату. Работать придется в две смены. Прошу найти способ оплатить внеурочную работу моей команде» (рис. 1).

Время тогда было особое. Достижения, интересная работа появлялись постоянно. Все увлекало и окрыляло. Не до личных потребностей. До этого музей не имел особого опыта получения средств по перечислению за ново-строечные раскопки. Обходились разносторонней помощью музею, земле-копами из Керченского лечебно-трудового профилактория и т. п. Я начал составлять сметы на раскопки; стали заключать договора. Образцы смет прислали из Института археологии АН УССР (ведомственные инструкции за подписью В. Ф. Генинга). В результате, когда я уезжал в аспирантуру в Киев, на счету музея (бухгалтерия была объединенной для всего Отдела культуры горисполкома, что вызывало определенные трудности) оставалось по 15–20 тыс. советских, тогда полноценных рублей на раскопки: Тиритаки (линия ЛЭП и др.), Мирмекия (пансионат Киевской Картонажной фабрики), участка у Госпитального кургана, участка у Царского кургана, участка на г. Митридат, участка поселения эпохи бронзы Каменка (дорога к Шла-монакопителю завода им. Войкова), поселения Алчак (пансионат Нерюн-гринской ГРЭС). Потом на эти средства проводили исследования коллеги из Москвы и Ленинграда. Но многое осталось неосвоенным. Я раскапывал два сезона поселение эпохи бронзы Алчак, сэкономил для музея значительные перечисленные заказчиком средства. В те годы представитель музея, археолог, вошел (по инициативе В. Н. Глотова, заместителя главного архитектора города) в комиссию Управления главного архитектора города по рассмотрению любых земляных работ в Керчи. Комиссия соби-ралась еженедельно, разрешительных функций представитель не имел. Я дважды выступал инициатором обращения в прокуратуру города в связи с разрушениями на памятниках археологии, в том числе и против руковод-ства завода «Залив» (разрушения на Нимфее). Это был период перехода от старого стиля «дораскапывания» разрушенного строителями к новой системе охраны памятников.

Однако при раскопках кургана «на Марате» нам не выделили ни посто-янных рабочих, ни денег на вторую смену. Мы поставили палатку, дежурили ночами (рис. 2). Причина тому была. Однажды вечером из окна девятиэ-тажного дома, рядом с раскрытым уже курганом, выглянул керчанин, т. н. «счастливчик»: «Эту могилу, пацаны, можете не копать, мы там уже все вытащили».

Все могилы действительно были ограблены. Центральная могила IV в. до н. э. содержала остатки кремации, чернолаковую реберчатую пелику, фрагменты алабастров и др. Место кремации и богатую тризну удалось расчистить в западно-юго-западном секторе кургана. Там были обнаружены

фрагменты краснофигурного расписного аска, киликов, в том числе и рас-писных, красноглиняных и чернолаковых рыбных блюд, солонок, чашечек, мисок, амфор, чернолаковой пелики с росписью в стиле «gnatia», распис-ного оксибафа с фигурами менад, бронзового зеркала, медного перстня с печаткой, железных стригилей, украшений из резной кости и др.

Под курганной насыпью, в основном по кругу, размещались 20 поздних античных погребений. В их закладах и конструкциях присутствовали четыре надгробия, датируемые второй половиной I – II в. н. э. Одно (Стратоклида) было обнаружено в комплекте с разбитым постаментом. На верхней пло-щадке постамента имелись отверстия для крепления ритуальных приноше-ний при помощи гипса. Вполне вероятно, что как стелы, так и более позд-ние погребения отражали бытование разных родовых кладбищ. В целом же этот могильник фиксировал процесс постепенной варваризации куль-туры Боспора.

Эпитафии трех стел были опубликованы в 2006 г. (*Матковская, Тох-тасьев*, 2006), к сожалению, без моего ведома, консультаций и каких-либо благодарностей. Более того, планомерные исследования памятника архео-логии, полученные артефакты низведены до случайных находок, комплекс-ные материалы не только не публикуются, но неправомерно для археологи-ческой науки вовсе не упоминаются. *Barbari ante Panticapaeum*. К примеру, надгробие с постаментом – достаточно редкая находка, и даже если поста-мент утерян при хранении¹, в архиве Заповедника есть отчет о тех раскоп-ках. Более десяти лет надгробие в собранном виде, с постаментом стояло в центре музейного двора по ул. Свердлова. Якобы есть утраты: стерты лица персонажей на надгробии Гераклида (Там же. С. 195). Однако можно посмотреть отчет – лица вовсе не стерты (рис. 3). Таких погрешностей в публикации много.

Авторы профессионально анализируют тексты эпитафий, нахо-дят массу орфографических и иных ошибок. В нижней части надгробия Гераклида, под прощальным словом «НΕΡΕ» написано: «ΗΡΑΔΡΕΙΑΕ» (рис. 4). Комментарий издателей: «Приписка процарапана, по-видимому, посетителем некрополя, которому, наверное, захотелось исправить безо-бидные орфографические ошибки в имени покойного, но попытка эта

¹ Автор статьи благодарен Д. В. Бейлину за помощь в работе в лапидарии Заповедника. Постамент ему найти не удалось. Также выражаю благодарность А. В. Куликову, обрабо-тавшему снимок в программе дополнительного регулирования освещения. Он обратил мое внимание на правку написания «хερε» на «χαιρε». Под «Ε» видна разметка «Α!». О подобном см.: *Матковская, Тохтасьев*, 2006. С. 188. Очевидно, что «ошибки» в эпитафиях могли быть преднамеренными, а не *lapsus calami*, и данное сокращение было согласовано с заказчиком.

имела самые плачевные результаты» (Там же. С. 197). Т. е. издатели полагали, что именно посетитель знал классическое правописание так же хорошо, как и они, но при этом сделал еще больше ошибок, ибо правописания не знал.

Позволю себе, возможно, слишком смелое, но допустимое на этом фоне предположение. Очевидна разность в написании букв. Приписка по стилю написания четко делится на две части. НРАД – более ровный шрифт, выдержанный словно под линейку. И более небрежно процарапаны буквы ΡΕΙΑΕ. Вероятнее всего, в более старательном начертании проявилось уважение к имени покойного, к которому обращается родственник. Это сленг, сокращение имени, в нем использованы первые три литеры и предзавершающая. Сокращение связано с трудностью нанесения букв, но главное, что так могли называть умершего при жизни в бытовом и дружеском общении. Возможно, сказалось созвучие иного имени Ἡρώδης (др.-греч.).

ΡΕΙΑΕ прочитывается как приветствие-прощание, констатация прихода-ухода с течением времени, но также полужаргонного уровня. Древнеиранское и общеиндоевропейское «привет, радуйся» и/или «эй, хей-я, гей» трансформировалось на Боспоре под влиянием греческих обычаев, традиций и схожей лексики. Этимологи отмечают «непрозрачность» этого междометия. Вероятнее всего, вначале древнейшие ностратические междометия-приветствия и слова, обозначающие «приход-уход-истечение», в глоттогенезе тесно взаимодействовали: hei – идти, haju – жизненная сила (индоевр.), ej – прибывать (драведийск.), je(y) – приходить (уральск.), 'j – приходить (сем. хамидск.) и т. д. (Иллич-Свитыч, 1971. С. 33, 142, 150). На этой основе образование междометий новых языков шло в Европе двумя главными путями – через индоиранский и эллино-латинский миры. Учтем: слова приветствия на ностратическом уровне практически не реконструируются. Древнеиндийское gau (бежать, течь), *rai – лить (=lei, индоевр; сравним славянск.) трансформируется в праиранское raik (оставлять, покидать). *Rah, ros – течь (иранск., индоир.), gasa, gahra – мифический поток в конце мира, (др. инд., ведич., Авест.), gam – мир, покой (др. инд.) (Эдельман, 2020. С. 335, 361). В древнегреческом: reia – легко, беззаботно, reivrov – поток, течение, хаίρε/χαίρετε, impreg. к «χαίρω» – радоваться. В хинди сохранилось междометие रे «ре» со значением хей, эй. В древнегреческом – үειαε (привет), в латинском: gaudeo – радоваться, а gaudere refer – передай привет. Также смело было бы предположить, что уже в древнегреческом произошло смысловое слияние (наложение) оклика-междометия и слова приветствия:

үειαε (*raε, *ρω – эй, о) и χαί-ρε – радуйся. Звуки р-л, ү, η, χ легко редуцировались в междометиях при перекрещивании языков, но в скифо-сарматской среде, вернее всего, имелось более четкое озвучивание (*re), так как приветственные слова играли роль не лишь междометий, сохраняя древнейшие смыслы, обозначенные в древнеиндийском, праиранском; соврем. хинди, славянских и германских языках. Таким образом, пиджин Боспора мог получить слово *re(i)αε. Вариант надписи «χε(-)ре» также не случайность, а определенная «закономерность».

Сделанное предположение логично для понимания действий родственника умершего, посетителя некрополя. Он просто на своем, смешанном, языке еще раз выразил чувства. Исследователи уверены, что на Боспоре практически господствовал эллинский язык или его диалекты. Их сравнительно легко изучать и исправлять ошибки местного койне: «История греческого языка на античном Боспоре никогда не вызвала особого интереса у исследователей. <...> В результате, лингвистические работы по боспорским надписям можно пересчитать по пальцам» (Тохтасьев, 2011. С. 679). Гораздо труднее найти возможности проникнуть в хаотичный процесс создания «космо-местного» боспорского языка. Вероятно, родственник Гераклида предоставил нам редкий случай не просто вульгарной приписки, а проявления эллино-местного пиджина.

Керченский музей древностей, как и весь город, отражает сложную историю края. Возможно, не столь эффектную, как где-то, но одну из сложнейших в истории мировой культуры. С самого начала сподвижники этой истории задали очень высокую планку устремлений к настоящей духовности. Можно вполне достоверно утверждать, что древняя история Боспора (а также догреческого, действительно «киммерийского» Протобоспора) сразу же стала интересовать эллинов-первопоселенцев, первых «этнографов», «археологов» и др. (Кислый, 1999). Она же подвигла к исследованиям, опытам по сохранению «антиков» основателей Музея и Города Нового времени. Пожелаем, чтобы в условиях достатка и новых возможностей лучшие традиции сохранились. Μουσείο και Πόλη, το Μουσείο και ο Κόσμος είναι αιώνιοι.

Список литературы

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М.: Наука, 1971. 374 с.

Кислый А. Е. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура на Боспоре // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: сборник докладов конференции. СПб., 1999. С. 102–105.

Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника / ред. Н. В. Галченко и др. Вып. I. Керчь, 2006. С. 179–210.

Тохтасьев С. Р. Греческий язык на Боспоре. Общее и особенное // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Вып. XVI. СПб., 2011. С. 673–682.

Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 6. М.: Наука, 2020. 463 с.

Рис. 1. Некоторые участники экспедиции на Марате I. Сотрудники Керченского историко-археологического музея (сидят, слева направо): третий – А. Е. Кислый, пятый – А. Н. Беньковский, седьмой – В. Н. Холодков, восьмой – А. В. Овчаренко

Рис. 2. Раскопки кургана, 1979 г. Вид сверху. Видно расположение могил по кругу

Рис. 3. Надгробие Гераклида.
Фото после извлечения надгробия из могилы

Рис. 4. Поздняя приписка «ΗΡΑΔΡΕΙΑΕ» на надгробии Гераклида.
В слове «ΧΕΡΕ» за первой слева «Ε» видно «ΑΙ»

А. В. Ковальчук

Институт археологии РАН, г. Москва

ПОДГОТОВКА КАТАЛОГА IOSPE III: РАБОТА Б. Н. ГРАКОВА В КЕРЧЕНСКОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ В 1954 Г.

Из переписки Б. Н. Гракова с женой мы узнаем, что в связи с подготовкой каталога IOSPE III и стремлением включить в него весь известный материал летом 1954 г. ученый предпринимает двухмесячное путешествие по южным музеям России (Ялта, Херсонес, Симферополь, Феодосия, Краснодар), в рамках которого в июле он останавливается в Керчи.

О коллекции Керченского музея, располагающегося по адресу г. Керчь, ул. Свердлова, исследователь пишет следующее: «Материала в Музее очень много. Настолько много, что сказать сейчас, когда кончим здесь, трудно. В музее здесь большой порядок. Клейма разложены по сортам, и отбирать их для фотографирования гораздо легче, чем где бы то ни было. Пересмотреть их нужно около семи тысяч. Около тысячи надо бы сфотографировать» (*Плешивенко*, 2011. С. 298). Обработка этого собрания заняла у Б. Н. Гракова около двух недель, он пробыл в Керчи с 10 по 25 июля 1954 г. (Там же. С. 298–299).

Работа была организована следующим образом. Ученый просматривал коллекцию керамических клейм и отбирал по центрам отдельные наиболее сохранившиеся, интересные и редкие штампы, съемкой которых занимался сопровождающий его в этой поездке фотограф (Там же. С. 297–299). Таким образом, уже изначально фотографировалось около 15 % всего наличного материала. К сожалению, неизвестно, записывал ли Б. Н. Граков легенды клейм в тетрадь или на карточки. Однако у нас сохранилась одна из тетрадей фотосъемки в Керчи, позволяющая отчасти понять, как проходил процесс обработки материала.

Запись велась по катушкам фотосъемки¹, каждая из которых охватывала оттиски одного центра производства. В тетради указывались следующие сведения: дата съемки, номер катушки, номер кадра, инвентарный номер музея, легенда клейма, эмблема. Иногда присутствуют указания на одинаковые штампы и другие особенные характеристики (черепица, направление легенды и т. д.). По тетрадям можно подсчитать, что в июле 1954 г. Б. Н. Граковым было отснято 1364 клейма в фондах Керченского историко-археологического музея.

В составе IOSPE III клейма из Керченского музея, обработанные Б. Н. Граковым, имеют шифр К. Этот инвентарный номер, вероятно, был введен в 1953 г. и связан с именем сотрудника музея В. И. Цехмистренко, который пришел сюда на работу сразу после окончания Московского Университета. Будучи специалистом по керамической эпиграфике, В. И. Цехмистренко проводит систематизацию коллекции керамических оттисков и сортирует их не только по центрам производства, но и по штампам. Клейма, принадлежащие к одному штампу, получают единый номер К, цифра после дробной черты указывает на происхождение находок из одного археологического комплекса, что позволяет установить не только «место находки, но и выделение сопутствующего материала» (*Федосеев*, 1991. С. 386). К сожалению, сейчас эта система шифров заменена номерами ККК (Керчь. Клейменная керамика) и КП (Книга поступлений). Найти в фондах оттиски по старым номерам сложно.

Если обратиться к одной из тетрадей фотосъемки 1954 г. (№ 1 от 11–16.07.1954) и каталогу IOSPE III (Фасос), то, действительно, многие оттиски с одинаковым номером К относятся к единому штампу.

Так, в IOSPE III под № 484–487 указаны четыре клейма из Керчи с легендой Θασί(---)/ Μεσ(σ---)/ краб, рыба/ Παυσ(ανής), все с инвентарным номером K5460 (см. катушку 9 № 23, 25 и катушку 16 № 16). Под номерами IOSPE III № 663–665 указаны три клейма с номером K5671 и легендой Δαμά(στης)/ Θασί(---)/ Ἄμφι(---) кратер с волютами (катушка 10 № 7 и катушка 11 № 8, 11).

Однако есть и большое число расхождений. Создается впечатление, что Б. Н. Граков не знал особенности шифрования керченского материала². Кроме того, по-видимому, не весь материал, отснятый и описанный в музее, вошел в итоговую версию свода.

¹ Местонахождение этих пленок, к сожалению, неизвестно.

² Н. Ф. Федосеев упоминает, что отношения у В. И. Цехмистренко и Б. Н. Гракова «не сложились, хотя он (Граков. – А. К.) всегда с уважением относился к работам В. И. Цехмистренко» (*Федосеев*, 2017. С. 231).

Так, например, указано, что на катушке 11 сняты два клейма под номером K5405 (№ 21 и 28), Граков относит оба к одному штампу с легендой Λαῦετας/ Θα букраний σι/ Περίθυμο(ς), но в свод включает только одно из них (IosPE III № 263). То же происходит с оттисками с легендой Αρισταγὸρ-/ ης черепаха Θά-/ σιος Δαμάστη-/ ς под номером K5454 (катушка 9 № 26 и катушка 11 № 29), только одно из них попадает в каталог под № 939. Это же относится и к клеймам с номерами K5718 (2 экз.) и K5687 (2 экз.), которые упоминаются в каталоге по одному разу (IosPE III № 1365 и № 1176 соответственно).

На катушках 10 № 27 и 16 № 9 записаны два клейма под номером K5423, оба, вероятно, с легендой Βηί-/ ων Θα-/ σι(---) Αρ-/ ιοτ(---) сова; ни одно не найдено в корпусе. То же самое с клеймами K5445 (катушка 11 № 17, катушка 12 № 11) с легендой Μεσ(σ---)/ Θασι(---)/ дельфин, рыба/ Λυσι(κλῆς) (см. IosPE III № 466–471), клейма этого штампа из Керченского музея есть в каталоге, но без указания инвентарного номера и описанные еще Е. М. Придилом.

Подводя итог, можно сказать, что анализ работы Б. Н. Гракова в Керченском музее проливает свет на особенности формирования каталога IosPE III. Мы получаем представление об отборе материала, фотографировании и внесении оттисков в свод.

Список литературы

- Плешивенко А. Г.** (сост.) И жизнь, и слезы, и любовь... Запорожье: ЛІПС, 2011. 368 с.
- Федосеев Н. Ф.** История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // Вопросы эпиграфики. 2012. Вып. VI. С. 377–392.
- Федосеев Н. Ф.** Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.
- Придик Е. М., Граков Б. Н.** Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae III (IosPE III)). 1957 // Научный архив ИА РАН. Р-2. № 2166–2168 (Фасос).

П. В. Кузенков

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Ю. М. Могаричев

*Институт археологии Крыма РАН; Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования, г. Симферополь*

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ВОСПОРСКОЙ ЕПАРХИИ НА ВСЕЛЕНСКИХ И ПОМЕСТНЫХ СОБОРАХ IV–VIII ВВ.¹

Воспорская (Боспорская) епархия, наряду с Херсонской, является древнейшей на Крымском полуострове. При этом в историографии ей уделено на порядок меньше внимания, чем другим церковно-административным единицам эпохи средневековья, функционировавшим в Крыму: Херсонской, Готской, Сугдейской и даже «загадочной» Фульсской епархиям. Отдельные вопросы по церковной истории Боспора IV–VI вв. исследовались в контексте проблемы христианизации этого царства, однако для периода VIII–XIV вв. специальных публикаций о Воспорской епархии почти нет. Во многом это связано с отсутствием специфически «боспорской» агиографии – житийных памятников, связанных именно с античным Пантикапеем или византийским Воспором. Так, большинство работ по ранней истории Херсонской епархии в значительной степени основываются на изучении «Житий епископов Херсонских» и ряда других агиографических произведений; история Готской епархии традиционно рассматривается сквозь призму «Жития св. Иоанна Готского», Сугдейской – «Жития св. Стефана Сурожского»; публикации о Фульсской епархии обычно «строятся» вокруг

¹Ю. М. Могаричев – исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

сообщений памятников Кирилло-Мефодиевского круга². Как пример отметим, что в таком авторитетном церковно-научном издании, как «Православная Энциклопедия», отдельной статьи под названием «Воспорская епархия» (или «Боспорская епархия») нет вовсе. Аспекты церковной истории освещены только в статье «Боспор (Киммерийский)», посвященной этой исторической области (Петрухин, 2003). То же касается и «Оксфордского словаря Византии» (The Oxford Dictionary..., 1991. P. 313).

Здесь мы рассмотрим вопрос о присутствии боспорских иерархов в документах Вселенских и поместных соборов эпохи раннего средневековья.

В списках отцов Первого Никейского собора (325 г.) в самом конце, вслед за епископом «Готии» (Γοτθίας) Феофилом, упоминается епископ «Боспора» (Βοσπόρου) по имени Кадм (в различных версиях это имя подвержено искажениям). При этом в древнейшем греческом списке (у Сократа Схоластика и Феодора Анагноста) епископы Феофил и Кадм, в отличие от прочих иерархов, не имеют титуляции по кафедральному городу, а в других версиях (латинских, сирийских, армянских, арабских, а также в поздних греческих вариантах) они имеют титулы, производные от названия областей (Patrum Nicaenorum..., 1898. S. 70, 56, 117, 141). Заметим, что Херсонес Таврический в древнейшем, систематическом списке участников Никейского собора не представлен, а епископ «Филипп Херсонский», фигурирующий в списках т. н. несистематического вида, является одним из многочисленных фантомных имен, добавленных поздними редакторами с целью довести список отцов Собора до «сакраментального» числа «318» (Лебедев, 1916).

Сообщения о последующих епископах встречаются редко. Так, Созомен пишет, что во время землетрясения в Никомидии в 344 г. вместе с местным епископом Кекропием погиб и не названный по имени епископ «из Боспора» (ἄλλος ἀπὸ Βοσπόρου) (Sozomenus, 1960. IV, 16).

В разгар христологических споров Евдоксий, «епископ Воспора» (ὁ ἐπίσκοπος Βοσπόρου) или «города воспорцев» (τῆς Βοσπορηνῶν πόλεως), присутствовал на осудившем монофизита Евтиха поместном (ἐνδημιούσα) Соборе в Константинополе 448 г. (где подписался 26-м из 53 участников). На Соборе в апреле 449 г., отклонившем апелляцию Евтиха, Евдоксий упоминается 23-м из 28 епископов на первом заседании и 21-м из 35 – на втором, а на «Вселенском» Лже-Соборе в Эфесе в 449 г. он 106-й

из 130 участников. В связи с этим его имя встречается в актах IV Вселенского (Халкидонского) собора 451 г., однако в списках епископов самого Халкидонского собора его подпись по каким-то причинам отсутствует (см.: АСО II.6. 1938. P. 22). При этом он зафиксирован на поместном Соборе в Константинополе в 459 г. (39-й из 73 участников) (PG, 1865. Col. 1619).

Епископ Боспорский Иоанн подписался под решениями поместного (ἐνδημιούσα) Константинопольского собора 518 г. (на 11-м месте среди 42 участников). Любопытно, что на 24-м месте в подписях того же Собора мы встречаем другого Иоанна, епископа Фанагории (ἐπίσκοπος Φαναγορέως) (АСО III. 1965. P. 65–66). По А. В. Гадло (Гадло, 1991. С. 95) и В. Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2012. С. 259), епископская кафедра в Фанагории была создана в начале VI в. при посредничестве Боспорской епархии. Как нам представляется, появление кафедры в Фанагории свидетельствует о некотором ослаблении полномочий боспорского епископа. С большой долей вероятности можно утверждать, что Фанагория, являвшаяся одним из центров Боспорского царства и Азиатского Боспора, с момента образования Боспорской епархии была ее неотъемлемой частью. Выделение земель на азиатском берегу Боспора Киммерийского в отдельную церковную единицу, скорее всего, свидетельствовало или о неспособности боспорских епископов контролировать эту территорию, или о стремлении Константинополя вывести управление христианскими общинами Азиатского Боспора из-под контроля боспорских иерархов. Возможно, на решение вычленить отдельный епископский центр в Фанагории повлияло переселение в данный регион готов-тетракситов (Procop. *De bello goth.* IV, 4). Во всяком случае, очевидно, что Боспорская епархия лишилась значительной части своих прежних приходов.

По-видимому, тот же епископ Иоанн участвовал в заседаниях поместного Собора в Константинополе в мае – июне 536 г., где он именуется то просто «Боспорским» (Βοσπόρου, 13-й из 28 епископов, сидящих справа от патриарха, рядом с Дометианом, «епископом народа зикхов»; 30-й из 93 и 29-й из 76 в постановлениях против Севира и против Анфима), то епископом «митрополии Боспора» (τῆς μητροπόλεως Βοσπόρου, 19-й из 33/32 слева от патриарха, вновь рядом с Дометианом Зикхийским, или 9-й из 18 справа от патриарха) (АСО III. 1965. P. 27, 65, 74, 115, 126, 155, 162, 171, 183). На основании этого титула А. Ю. Виноградов предположил, что к 536 г. Боспорская церковно-административная единица была повышена до статуса митрополии (Виноградов, Коробов, 2018. С. 46). Однако данная гипотеза не находит подтверждения с учетом как всего комплекса

² Обзор историографии см.: Могаричев, Шапошников, 2020. С. 209–211.

документальных свидетельств вышеупомянутого собора, так и иных источников (*Могаричев, Шапошников*, 2020. С. 212–213). В частности, известно, что Верия Сирийская (Алеппо), также названная в актах 536 г. «митрополией», имела в это время церковный статус титулярной архиепископии. Судя по всему, именно таким статусом «автокефальных» (напрямую подчиненных патриарху) архиепископий обладали в VI в. и крымские кафедры. Они не входили в состав какого-либо митрополичьего округа, но и сами не имели подчиненных епископов.

В старом, но авторитетном справочнике по истории церкви Мишеля Лекьена в списке епископов Боспора указан Андрей, представитель которого диакон Давид будто бы подписался под актами VII Вселенского собора в Никее (787 г.): «Δαβίδ ἑλάχιστος διάκονος τῆς ἐν Βοσπόρῳ ἀγιωτάτης ἐκκλησίας, τὸν τόπον ἐπέχων Ἀνδρέου τοῦ ὁσιωτάτου ἐπίσκοπου» (Давид, нижайший диакон святейшей церкви в Воспоре, замещающий Андрея, благочестивейшего епископа) (*Le Quien*, 1740. Col. 1328). Эта информация нашла отражение в ряде последующих работ (*Арсений*, 1880. С. 289; *Бертье-Делагард*, 2011. С. 129; *Fedalto*, 1988. Р. 391; и др.). Однако попытки выявить эту подпись в актах VII Вселенского Собора, в т. ч. по новейшему изданию Э. Ламберца (АСО (2) III. 2008–2016), не дали результата. В процессе наших поисков выяснилось, что приводимая М. Лекьеном (без указания источника) греческая цитата в точности соответствует подписи диакона Давида в Актах другого Вселенского собора, а именно Шестого, проходившего в Константинополе в 680–681 гг. (АСО (2) II/2. 1992. Р. 796). Таким образом, присутствие представителя Воспорской епархии на соборе в Никее (787 г.) является досадной ошибкой (опечаткой?), вкрадшейся в труд великого французского ученого.

На VII Вселенском (2-м Никейском) соборе Воспорский епископ отсутствовал, равно как и Херсонский. При этом там зафиксированы представители «новых» крымских кафедр – Сугдейской и Готской, образованных во второй половине VIII в. Обратим внимание, что обе эти «молодые» кафедры стоят значительно выше тех мест, которые обычно занимали «старые» крымские архиепископии: Херсон и Воспор. На 1-м заседании: 26-е и 56-е места, на 2-м – 30-е и 56-е, на 4-м – 39-е и 41-е, на 7-м – 38-е и 40-е, в подписях под оросом – 36-е и 37-е (АСО (2) III. 2008–2016. Р. 23, 200, 278, 312, 496, 796, 832). Для сравнения: Херсон и Воспор в трех самых ранних notiциях VII–IX вв. стоят в нижней части списка митрополитов и архиепископов: на 57–58-м, 62–63-м и 77–78-м местах (*Notitiae episcopatum...*, 1981. Р. 206, 218, 232).

Сам факт отсутствия архиепископов Херсона и Воспора на VII Вселенском соборе требует объяснения. В. Е. Науменко, а вслед за ним и Н. Н. Болгов предполагают, что во второй половине VIII в. центр Боспорской епископии был на короткое время перенесен в Сугдею (*Болгов*, 2013. С. 10). С этим нельзя согласиться. Ведь центр Херсонской епархии (епископ которой также отсутствовал на этом Соборе) точно не переносился в Готию. Более того, в начале IX в. Епифаний Монах встречался в Воспоре с местным епископом Колимвадием и посетил собор Свв. Апостолов, отметив древность местной христианской общины, основанной апостолом Андреем Первозванным и с тех пор «никогда не принимавшей никакой ереси» (*Виноградов*, 2005. С. 145, 311–312). Ликвидация, хотя бы и временная, столь авторитетной первоапостольской кафедры не представляется вероятной ни при каких обстоятельствах.

Можно предположить, что в конце VIII в., в процессе искоренения иконоборчества, Готия и Сугдаия получили в системе крымских кафедр приоритет над Херсоном и Воспором. Не исключено, что херсонский и боспорский епископы не смогли приехать в Никею из-за погодных условий или по состоянию здоровья. Однако первое не помешало прибытию Стефана из Сугдаии, а в последнем случае они вполне могли прислать своих представителей (как сделал Никита Готский). Версия же, что епископов «старых» крымских епархий не пригласили из-за их иконоборческих симпатий, невероятна, так как почти все участники Собора были замешаны в этой ереси. Наиболее логичным выглядит предположение, что в результате резкой смены церковной политики «старые» епископские кафедры Крыма, Херсонская и Воспорская, «ушли в тень» на фоне возвышения новых – Готии и Сугдеи, «отцы-основатели» которых, Иоанн Готский и Стефан Сурожский, были прославлены как стойкие защитники икон. Возможным отражением данного процесса стал так и не реализованный проект создания Готской (Хазарской) митрополии с центром в Доросе во 2-й половине 30-х – начале 40-х гг. IX в. (*Могаричев*, 2021. С. 370–378). Вероятно, данная реформа церковно-административной структуры Крыма вызвала неприятие архиереев и местных властей в Херсоне и Воспоре. В дальнейшем status quo был восстановлен – и в церковных документах кафедры Готии и Сугдеи уже стоят ниже Херсонской и Боспорской (подр. см.: *Кузенков, Могаричев*, 2025. С. 126–128).

Список литературы

- Арсений.** Летопись церковных событий. СПб.: Славянская печатня, 1880. 854 с.
- Бертье-Делагард А. Л.** Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в тавриде // Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь: Доля, 2011. С. 7–138.
- Болгов Н. Н.** К истории средневекового Боспора // Княжа доба. Львів, 2013. Вип. 7. С. 9–14.
- Виноградов А. Ю.** Греческие предания о св. Апостоле Андрее. Т. 1. СПб.: изд-во СПбГУ, 2005. 351 с.
- Виноградов А. Ю., Коробов М. И.** О времени и обстоятельствах христианизации готов Боспора и Дори // Древности Кубани. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2018. Вып. 23. С. 41–48.
- Гадло А. В.** Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 93–106.
- Кузенков П. В., Могаричев Ю. М.** К вопросу об обстоятельствах появления Готской архиепископии в составе Константинопольского патриархата // Византийский временник. 2025. Т. 109. С. 117–132.
- Лебедев Д. А.** Список епископов Первого Вселенского собора в 318 имен. Пг.: тип. Акад. наук, 1916. 116 с. (Записки Имп. Акад. наук; Т. XIII, № 1).
- Могаричев Ю. М.** К вопросу о времени и обстоятельствах появления проекта «Готская митрополия» (Not. III) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 368–383.
- Могаричев Ю. М., Шапошников А. К.** К истории Боспорской епархии IV–IX вв. // История и археология Крыма. 2020. № 12. С. 209–220.
- Петрухин В. Я.** Боспорское царство // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 103–105.
- Чхаидзе В. Н.** Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
- ACO II. Concilium universale Chalcedonense anno 451. Vol. 6: Indices / ed. E. Schwartz. Berlin: De Gruyter, 1938.
- ACO III. Synodus Constantinopolitana et Hierosolymitana anno 536 / ed. E. Schwartz. Berlin: De Gruyter, 1965.
- ACO (2) II. Concilium Universale Constantinopolitanum Tertium / ed. R. Riedinger. Pars 2. Berlin: De Gruyter, 1992.
- ACO (2) III. Concilium Universale Nicaenum Secundum / ed. E. Lamberz. Berlin; New York: De Gruyter, 2008–2016. Pars 1–3.

Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. I. Patriarchatus Constantinopolitani. Padova: Messaggero, 1988. 652 p.

Le Quien M. Oriens christianus, in quatuor patriarchatus digestus; quo exhibentur ecclesiae, patriarchae, caeterique praesules totius orientis: Opus posthumum. T. II. Tres magnas complectens dioeceses Ponti, Asiae & Thraciae Patriarchatui Constantinopolitano subjectas. Parisiis: ex Typographia regia, 1740. 860 p.

Notitiae episopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / texte critique, introduction et notes par J. Darrouzès. Paris: Institut français d'études byzantines, 1981. 521 p.

Patrum Nicaenorum nomina / ed. H. Gelzer et al. Leipzig, 1898. 266 S.

PG / ed. J.-P. Migne. T. 85. Paris, 1865. 1864 col.

Sozomenus. Kirchengeschichte / ed. J. Bidez, G. C. Hansen. Berlin: Akademie, 1960. LXVII, 525 S.

The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 2232 p.

А. В. Куликов

Независимый исследователь, г. Керчь

«СКИФСКИЕ ЛУКИ» И СТРЕЛЫ ИЗ ТРЕХБРАТНИХ КУРГАНОВ: К 60-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В год двухсотлетнего юбилея Керченского музея древностей нельзя обойти вниманием замечательные достижения наших коллег и старших современников, которых посчастливилось знать лично, – Дмитрия Спиридоновича Кирилина и Светланы Сергеевны Бессоновой, проводивших в 1965–1967 гг. охранно-спасательные раскопки курганный группы Ыч-Оба (Три Брата) на северном берегу Тобечикского соленого озера у деревни Огоньки (Орта-Эли, Ортель). В 2026 г. этим открытиям исполнилось уже 60 лет.

1. Расположение курганов на местности

Группа из трех курганов Ыч-Оба, выстроенных по прямой линии, располагалась на южном отроге невысокого субмеридионального водораздела, господствующего над обширной равниной к северу от Тобечикского соленого озера. Равнина простирается примерно на 10 км от берега Керченского пролива до разветвленной балочной сети у бывшего села Сараймин на западе. Она характеризуется сглаженным холмистым рельефом и сложена хорошо структурированными плодородными почвами. Ее водный режим, в отличие от более северных территорий, примыкающих к Чурубашскому озеру, гораздо более благоприятен, поскольку в геологическом плане подпочвенные слои представлены водопроницаемыми и водоносными породами, которые связаны с железорудными проявлениями. Наклонная равнина северного побережья Тобечикского озера обращена к югу и поэтому надежно защищена от холодных северных ветров,

что особенно важно в осенне-зимнее время года. Большая водосборная территория сформировала сеть крупных и мелких балок, идущих с севера на юг, к побережью Тобечикского озера. Две самые крупные из них расположены у сел Огоньки (Ортель) и Челядиново (Тобечик). В недавнем историческом прошлом Тобечикское озеро, ныне отделенное от моря нешироким песчаным перешейком, периодически имело с ним то временную, то постоянную связь. В эти периоды между морем и озером осуществлялся довольно широкий водообмен, благодаря чему этот мелководный и кормный водоем становился местом нагула и нереста разнообразных морских и полупресноводных рыб. Богатые рыболовные и охотничьи угодья в сочетании с возможностью сбора самосадочной соли на усыхающих летом мелководных участках озера сделали его берега привлекательными для древних охотников и собирателей.

Первые, хотя и немногочисленные следы обитания человека на этой территории фиксируются археологическими сборами каменных орудий эпохи мезолита-неолита. Обширные пастбища и многочисленные водопой для скота привлекали пастушеское население эпохи ранней и средней бронзы. До настоящего времени зрительными доминантами равнины являются курганы древнеямной и катакомбной культур, расположенные по северному водоразделу как поодиночке, так и небольшими группами. Они, вероятно, маркировали границы территории обитания древних племен и служили усыпальницами местных вождей, родовых патриархов и верховных жрецов. В эпоху раннего железного века эти солидные насыпи часто использовались вторично для погребения представителей местного населения, и такая традиция сохранялась вплоть до средневековья. К сожалению, ни одного здешнего крупного кургана методически грамотно раскопано не было, и что скрывается под их многометровыми насыпями, остается загадкой.

Связанные с этими курганами поселения бронзового века тяготели к источникам воды, поэтому их концентрация отмечается в районе крупных обводненных балок, которые, вероятно, имели каскады водонакопительных запруд. Значительное поселение бронзового века (до 3–4 га) расположено к западу от дер. Огоньки, в предустьевой части балки недалеко от побережья озера. Местами оно перекрыто культурными слоями еще более крупного поселения (до 25 га) с античной керамикой V–III вв. до н. э., которое с полным основанием можно считать центром округа и к которому в радиусе до 3–4 км тяготели более мелкие поселки. Еще одним местным центром являлось крупное (около 22 га) поселение у устья балки в районе

села Челядиново (рис. 1). С каждым из них связаны небольшие локальные курганные группы. При этом, что важно отметить, они располагаются не на высотных доминантах рельефа, а на водораздельных склонах средней и нижней части равнины, и явно тяготеют к упомянутым центрам. Аналогичная картина отмечается и для других территорий Восточного Крыма, где поселения эпохи поздней бронзы и раннего железного века располагаются в непосредственной близости от синхронных им курганных групп.

2. Курганные группы «Три Брата»

Трехбратние курганы в целом неплохо сохранили свои насыпи до середины прошлого столетия, хотя были повреждены грабительскими раскопками разного времени¹, а также окопами и капонирами времен Великой Отечественной войны. Размеры насыпей Трехбратних курганов внушительны: у «Младшего» (курган № 1) высота составляла около 4 м при диаметре около 25,5 м, у «Среднего» – 6,7 м при диаметре 43,5 м, у «Старшего» – соответственно 8,6 и 45,6 м (Кирилин, 1968. С. 175). На «Старшем» Трехбратнем кургане располагался геодезический знак (66,6 м в Балтийской системе высот) (рис. 2), что говорит о том, что он хорошо просматривался с других точек геодезической сети района, а значит, господствовал над местностью и в древности. Он располагался крайним к северу в цепочке из трех насыпей, выстроенных в линию с юго-юго-востока на северо-северо-запад.

Еще одна группа из трех курганов (ныне уже значительно распаханных и утративших часть насыпей, но отмеченных на картах начала прошлого века), находилась примерно в 1,2 км южнее, на том же водораздельном склоне, но ближе к берегу Тобечикского озера (рис. 1). На картах высота насыпей отмечена около 2 м, высотная отметка самого крупного кургана составляет 37,5 м. Расположение и «Большой», и «Малой» Трехбратних групп, вероятно, маркировало восточные границы территории, входившей в «куст» древних поселений, связанных с центральным – у с. Огоньки. К северу от этого центра располагалась еще одна группа из трех курганов, как бы образующих дугу, обращенную выпуклостью к поселению.

¹ Л. Ю. Пономарев обратил внимание на упоминание в «Заметках...» Е. Е. Люценко, брата директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко, о кладоискательских предприятиях керченского купца первой гильдии Д. С. Митрова, раскопавшего на купленных им землях на берегу Тобечикского озера при деревне Ортель один из «трех замечательных курганов» (у купца на озере были свои соляные промыслы). Среди находок в гробнице, упомянутых Е. Е. Люценко (Люценко, 2014. С. 623), были отмечены «золотые вещи». Вероятно, разграблению подвергся курган № 1, т. н. «Младший Брат».

Высота насыпей этих курганов (около 2 м) существенно уступала «Большим Трехбратним» и была сопоставима с группой «Малых». Все три группы курганов образовывали полукруглость с радиусом до 2,5 км, центром которой являлось упомянутое древнее поселение у с. Огоньки, а общая площадь заключенной в нее территории составляет около 15 кв. км. Здесь также встречались отдельные курганы высотой до 1,5 м.

Важнейшим зрительным ориентиром, пространственной и высотной доминантой местности, без всякого сомнения, являлись «Большие» Трехбратние курганы. Можно считать большой удачей, что они были раскопаны в соответствии с тогдашней методикой археологической науки с тщательной фиксацией процесса работ и местоположения всех выявленных комплексов и входивших в них вещей. Первое и, на мой взгляд, самое главное, – это то, что все три кургана имели одинаковую конструкцию и возникли приблизительно в одно время: во второй половине – конце IV в. до н. э.² Все три насыпи перекрывают уступчатые каменные склепы, сооруженные на древней дневной поверхности и частично впущенные в материк. Следовательно, **они сооружались по единому замыслу**, как усыпальницы неких значимых особ. Этот факт, установленный раскопками (Кирилин, 1968. С. 188), позволяет связать воедино все три комплекса и делать определенные культурно-исторические выводы.

3. «Скифские черты» погребальных комплексов

В настоящее время принято считать, что представительные местные погребения в каменных уступчатых склепах – это не скифская, а греко-фракийская традиция. Несмотря на преобладание в погребальных комплексах греческих изделий, «скифские», а точнее – «негреческие» черты проявляются в некоторых деталях погребального обряда, как, например, помещение в погребальную камеру «Старшего» Трехбратнего кургана (№ 3) жертвенной пищи (задней части туши животного) (Кирилин, 1968. С. 188). Важно отметить, что во всех насыпях зафиксированы ритуальные площадки, на которых захоронены лошади, как без узды (курган № 3), так и с уздечными бляшками в «скифском зверином стиле». Заслуживает особого внимания факт обнаружения в кургане № 2 в деревянном саркофаге с парным захоронением при женском костяке **лука и колчана со стрелами** (48 бронзовых и 4 костяных) (Бессонова, 1973. С. 274, рис. 6; 2008. С. 67–68). Весьма

² Наиболее точную дату сооружения курганов дают медные пантикапейские монеты, обнаруженные в курганах № 2 и № 3 (Кирилин, 1968. С. 185, прим. 21) с типом «юный сатир–пегас», датированные последними десятилетиями IV в. до н. э.

интересна отмеченная Д. С. Кирилиным находка в «Старшем» кургане (№ 3) под плитами пола уступчатого склепа «**пучка из 5 стрел**» с бронзовыми наконечниками и вставленными в них деревянными палочками (вероятно, насадками-переходниками в сложной конструкции композитных стрел на тростниковой основе), уложенных с ритуальной целью (*Кирилин*, 1968. С. 187, прим. 34). В целом при раскопках Трехбратних курганов была собрана большая (около 180 экз.) коллекция бронзовых трехлопастных и трехгранных «скифских» наконечников стрел. (К сожалению, большая часть этой коллекции остается до настоящего времени не опубликованной.)

4. «Трехбратняя стела» и «скифские луки»

Очевидную переключку с мотивами «скифского» изобразительного искусства несет на себе монументальная «Трехбратняя стела», обнаруженная в насыпи «Старшего» кургана. Несомненно, это произведение греческих мастеров (*Бессонова, Кирилин*, 1977; *Кройц*, 2008. С. 139–140). Д. С. Кирилин, впервые опубликовавший эту стелу, особо отмечал помещенный в поле изображения в верхней ее части, справа от головы богини, «скифский лук» в горите, окрашенный красной краской (*Кирилин*, 1968. С. 188).

Но это не единственный «скифский лук» в горите на стеле. Второй горит пристегнут с левой стороны, «по скифскому обычаю», к боевому поясу всадника, который помещен в центре композиции, но на заднем плане, и обращен лицом к богине, стоящей в повозке, запряженной четверкой лошадей. Обе центральные фигуры обращены друг к другу лицами в трехчетвертном развороте; перспектива заметно искажена и выглядит скорее обратной, чем прямой, что создает дополнительный эффект.

Оба изображения «скифского лука» в горите на «Трехбратней стеле» находят прямые аналогии в изделиях торевтики второй половины IV в. до н. э. и относятся к так называемым «малым сигмовидным лукам», сменившим в V в. до н. э. раннескифские «большие сегментовидные» луки. К сожалению, комплекс лучника Второго Трехбратнего кургана был открыт всего через два года после выхода сводной работы А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964), посвященной вооружению скифов, и, соответственно, в нее не попал, так что наконечники стрел остались не систематизированными. По определению С. С. Бессоновой, все найденные в Трехбратних курганах бронзовые наконечники стрел относятся к «базисному типу» трехлопастных стрел со скрытой втулкой, что вполне соответствует конструкции «малых луков», изображенных на «Трехбратней стеле». С. С. Бессонова предположила, что раскрашенный красной краской лук в горите,

изображенный в верхней части поля «Трехбратней стелы», укреплен на столбе в соответствии с «обрядом выставления оружия» погребенного воина-героя (*Бессонова*, 1984. С. 11).

Лук, обнаруженный при женском захоронении в кургане № 2, был «простой сегментовидной» конструкции, совершенно иной, чем «сигмовидные малые скифские» луки, изображенные на стеле. Его длина в распрямленном виде составляла всего 64,6 см (вероятно, лук был уложен в гробницу со спущенной тетивой), а значит, в снаряженном состоянии он был около 50–55 см. Интересно, что в деревянном колчане (его форму с точностью восстановить не удалось) было уложено более полусотни **«очень коротких стрел»** с древками длиной всего около 35 см. Эти древки, по наблюдению С. С. Бессоновой, были раскрашены в разные цвета.

Отмеченный ею же странный факт (у всех стрел в колчане «наконечники были обломаны», а пучок древков лежал отдельно от них) требует особого объяснения. Столь малая длина стрел могла бы говорить о коротком рабочем ходе тетивы лука и, соответственно, его большой жесткости. Но это противоречит «простой» дуговидной форме лука, не дающей значительной упругости даже при составной конструкции его древа (киботи), склеенной из трех деревянных планок и обмотанных по спирали полосками березовой коры (*Черненко*, 1981. С. 7).

Не исключено, что и в данном случае мы имеем дело с **композитными стрелами**, у которых наконечники были насажены на деревянные палочки-переходники, соединенные срединными вставками из тростника, которые, в свою очередь, крепились к тыльным частям стрел (которые, собственно, и были зафиксированы исследовательницей). В таком случае длина стрел могла составлять 50–55 см, что вполне соответствует размерам стрел, находимых в комплексах второй половины IV в. до н. э. Тщательное изучение луков и стрел из Трехбратних курганов, на мой взгляд, имеет большие исследовательские перспективы и может завершиться полной публикацией этого уникального и, несомненно, эталонного комплекса со стрелковым вооружением второй половины IV в. до н. э.

5. Микроповреждения на «Трехбратней стеле»

Хочется поделиться еще одним интересным наблюдением, сделанным при изучении «Трехбратней стелы» по фотографиям, а впоследствии и в натуре. А именно: поверхность рельефа иссечена характерными неглубокими подтреугольными выщерблинами, **похожими на удары от наконечников стрел или дротиков**. Наиболее сильно пострадало туловище

первого коня, обращенное к зрителю боком, отмечаются повреждения и на туловищах, и ногах других лошадей квадриги. Но такие же выщерблины есть и на фигуре богини, и на фигуре стоящего перед ней всадника. Расположение выщерблин говорит о том, что стрельба по стеле велась в то время, когда она еще стояла на насыпи кургана. Возможно, это демонстрирует некий сакральный обряд осквернения изображенных персонажей вместе с тем «народом», который оставил после себя Трехбратние курганы. Лицо богини было обезображено сильными направленными ударами, а сама стела была повалена и разбита на куски. Отколовшийся верхний правый угол с головой «царя-всадника», также предварительно обезображенной, был унесен, вероятно, в качестве военного трофея. Тот факт, что стела была найдена глубоко под насыпью кургана, может говорить о ее последующем ритуальном захоронении.

Заключение

В завершение я хотел бы отдать дань памяти первоисследователям курганной группы ЫЧ-Оба (Три Брата) Д. С. Кирилина и С. С. Бессоновой и особо указать, что высказанные ими наблюдения и идеи, основанные на фактически инситуальных полевых материалах, сохранили свою актуальность до нашего времени. В частности, на фоне ряда последующих публикаций, признающих курганы Три Брата «памятниками скифской культуры Восточного Крыма», первоначальная идея Д. С. Кирилина о том, что они относятся к **местному оседлому негреческому населению**, подчиненному власти боспорской династии Спартокидов (*Кирилин*, 1968. С. 188), выглядит более убедительной, особенно в свете новых данных, основанных на результатах разведок на Керченском полуострове последних двух десятилетий.

Список литературы

- Бессонова С. С.** Погребение IV в. до н. э. из Трехбратного кургана // Скифские древности. Киев: Наукова думка, 1973. С. 243–252.
- Бессонова С. С.** О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3–21.
- Бессонова С. С.** Погребение № 3 из Среднего Трехбратного кургана // Трехбратные курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. Симферополь; Бонн: Универсум, 2008. С. 61–68.
- Бессонова С. С., Кирилин Д. С.** Надгробный рельеф из Трехбратного кургана // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 128–139.
- Кирилин Д. С.** Трехбратные курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 175–188.
- Кройц П.-А.** Рельеф из Старшего Трехбратного кургана // Трехбратные курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. Симферополь; Бонн: Универсум, 2008. С. 131–140.
- Люценко Е. Е.** Заметки о некоторых местностях на Керченском и Таманском полуостровах. Октябрь 1869 г. / вступ. ст. Н. Ф. Федосеева, комм. К. К. Ковыркина, В. Ф. Санжаровца и Н. Ф. Федосеева // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 4. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 605–631.
- Мелюкова А. И.** Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (САИ; вып. Д1–4). Трехбратные курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму / ред. М. Трейстер. Симферополь; Бонн: Универсум, 2008.
- Черненко Е. В.** Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.

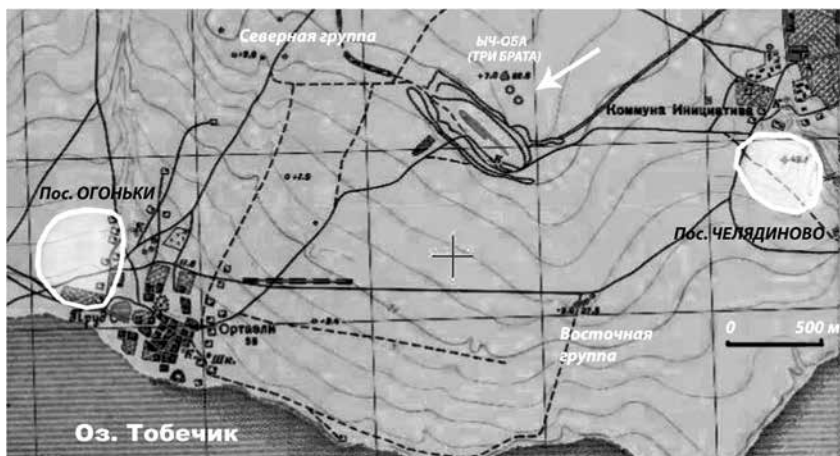

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии на северном берегу Тобечикского озера (военно-топографическая карта 1934 г.)

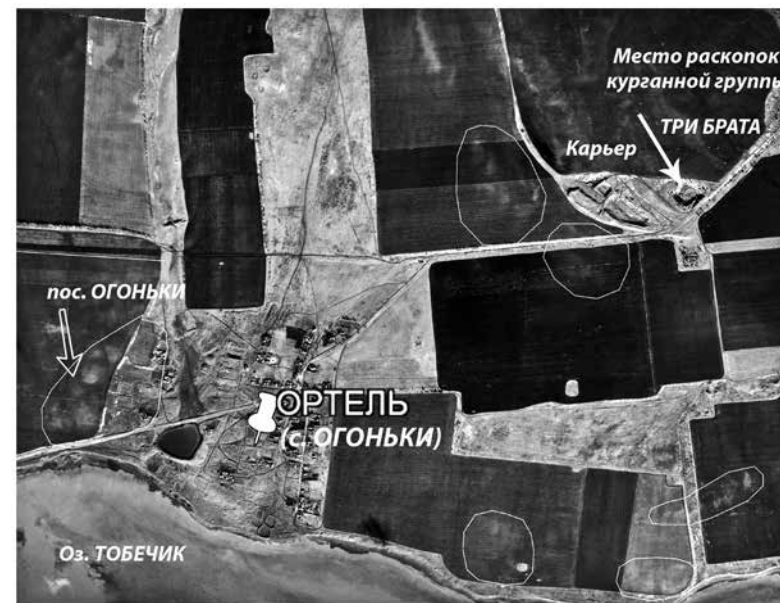

Рис. 3. Место завершенных раскопок курганов Три Брата на космическом снимке Google Earth (2017 г.)

Рис. 2. Старший Трехбратний курган в 1965 г. до начала раскопок (по: Трехбратние курганы..., 2008)

Рис. 4. «Трехбратняя стела»

Н. Л. Кучеревская, Т. В. Умрихина

Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

О СОЗДАНИИ КОМПЛЕКСА «ЛАПИДАРИЙ – МУЗЕЙ КАМЕННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ»

В 2026 г., наряду с юбилейными торжествами Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, правопреемника Керченского музея древностей, отмечает свой небольшой 15-летний юбилей и Музей каменных древностей (Лапидарий). Проект реорганизации Лапидария из фондохранилища в полноценный музейный комплекс реализуется с 2011 г.

Создание музея на основе коллекции лапидарных памятников стало непростым и смелым шагом. Задача казалась непреодолимой. Бывшее разоренное здание кинопроката, непригодное для музея, требовало миллионных проектов и таких же финансовых вложений для его комплексной реорганизации. Поэтому было решено проводить работы по его благоустройству постепенно, поэтапно. В первую очередь были созданы условия для функционирования Лапидария как хранилища, реставрационной базы и экспозиции: замена крыши, возведение ограждения, укрепление фундаментов здания. Осуществление этих работ стало возможным благодаря В. Д. Письменному, основавшему благотворительный фонд «Деметра», а также за счет средств, заработанных музеем-заповедником.

Первая фондовая выставка «Памятники лапидарной коллекции» создана руками сотрудников музейного учреждения. В августе 2011 г. археологи и историки смогли оценить первый экспозиционный зал. Следующим этапом стало создание тематических экспозиций «Пантикапей – столица Боспорского царства» (рис. 1) и «Керчь на перекрестках истории» (рис. 2) (Кучеревская, 2015). С учетом специфики коллекции применен смелый и новаторский подход к устройству подиумов – специально

сконструированных кассет-ячеек для каждого конкретного памятника. Тем самым музей-заповедник осуществил двуединую задачу: создал условия для сохранения памятников и предоставил возможность для полноценной работы исследователей, поскольку подобный принцип экспонирования допускает круговой обзор памятников.

Оформленная по проекту Р. Г. Синенко входная зона в виде античного портика, организация красивого светлого вестибюля и просторных коридоров экспозиционной и служебной зон способствовали созданию имиджа Лапидария как Музея каменных древностей (Кучеревская, 2018. Илл. на с. 10).

Параллельно жизнь и деятельность музея-заповедника требовали создания современных реставрационных лабораторий, поскольку заповедник стал организатором и местом проведения двух реставрационных школ. С 2015 г. ежегодно в Лапидарии Государственный Эрмитаж проводит семинары-практикумы в рамках программы «Эрмитажная школа реставрации» (Мичри, 2018). С 2002 г. по настоящее время функционирует и «Летняя школа реставрации камня» (ранее бывшая международной), организованная для студентов РГГУ (г. Москва) (Кучеревская, 2016а; Летняя школа...). Музейной практикой в разные годы руководили ведущие специалисты России – О. Н. Постникова, Г. Н. Кочеткова, Э. Н. Агеева, Е. И. Антонова, Е. А. Савостина. С 2007 г. руководство школой доверено специалисту нашего музейного учреждения Н. Л. Кучеревской, по результатам аттестации в Министерстве культуры РФ (с 2003 г. – первая категория, после 2016 г. – высшая).

Необходимо отметить, что для обеспечения деятельности Лапидария были выполнены работы по организации видеонаблюдения, газификации и отопления, противопожарной и охранной систем. Проведен ремонт служебных помещений, в частности реставрационных мастерских Лапидария, оснащенных принудительной вентиляцией и современным лабораторным и реставрационным оборудованием; произведена замена всех окон в здании; в рамках комплексного благоустройства внутреннего двора возведено ограждение, выполнены работы по озеленению и оформлению рекреационной территории. Все это стало возможным благодаря деятельности сотрудников музея-заповедника и финансированию создателя Благотворительного фонда «Деметра» В. Д. Письменного. На протяжении многих лет музей-заповедник вкладывал средства в реализацию программы «Музейный комплекс Лапидарий» наряду со спонсорской помощью. Организация новой экспозиции «Гимн вечности» (рис. 3) стала возможной также благодаря поддержке

В. Д. Письменного и Е. А. Савостиной, директора Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды».

Научная концепция экспозиции «Гимн вечности» построена по принципу системного подхода для анализа всех составляющих погребальной культуры на Боспоре в античный период. Главная идея – реконструкция религиозно-мифологической картины представлений боспорских греков о жизни после смерти. На примере конкретных экспонатов – надгробий, жертвенников, погребальных сооружений – воссоздан образ многозначной в своих иконографических канонах и символах античной традиции в погребальном культе населения Боспорского государства.

В экспозиции впервые представлены памятники, ранее не доступные для обозрения. Монументальная стела философа Стратоника, сына Зенона, с двумя рельефами и стихотворной эпитафией, известная по множеству публикаций, требовала реставрации. Только в процессе монтажа экспозиции стала возможна склейка этого колоссальных размеров памятника. Ключевой экспонат – знаменитый рельеф из курганной группы «Три брата» – был отреставрирован в 2000 г. при поддержке В. Д. Письменного. В сюжете рельефного изображения заключена многогранная семантика (темы порога и пути, сакрального брака и идея героизации умершего), раскрывающая главную идею экспозиции. Кроме того, была выполнена научная реконструкция Трехбратнего погребального комплекса. Реплики музейных предметов – украшений из драгоценных металлов, вывезенных в Киев в 1968 г., а также выставленных в античной экспозиции Керченского музея древностей археологических предметов из дерева, керамики и металла – воссозданы специалистами Восточно-Крымского музея-заповедника. Таким образом была воплощена попытка реконструкции на научной основе разрозненного археологического комплекса – уникального объекта, иллюстрирующего представления боспорских греков о жизни после смерти, идее героизации умершего.

Впервые посетители ознакомились с экспонатами, открытыми в ходе спасательных раскопок, предвещающих строительство трассы «Таврида», – рисунками на каменных квадратах со штукатуркой, демонтированных со стен кургана «Госпитальный»; каменным футляром для погребальной гидрии.

Основная идея проекта состояла в том, чтобы презентовать посетителям музея, жителям Керчи и гостям города уникальные памятники художественной культуры Боспора Киммерийского. Экспозиция явилась

еще одним подтверждением высокого статуса археологического наследия Боспорского царства и уникальности Керчи – самого древнего города на территории России.

В рамках подготовки новой стационарной экспозиции «Архитектура Боспора» в 2023 г. выполнен проект «Музейная экспозиция “Архитектура античного Боспора” с применением 3D-технологий». Он реализован при поддержке гранта Президента Российской Федерации для содействия творческим проектам общенационального значения в области культуры и искусства. Музейной аудитории представлены сорок 3D-моделей деталей архитектурных сооружений, открытых в результате археологических исследований на территории Керчи. Экспозиция создана с использованием подлинных экспонатов – архитектурных деталей из коллекции лапидарных памятников. 3D-модели дополнили экспозиционный образ архитектуры и градостроительства городов Боспора, позволили показать приемы камнерезного ремесла при изготовлении архитектурных деталей и технологию их монтажа в проектное положение, усилили образовательное воздействие экспозиции, способствовали восприятию концепции научно-экспозиционного проекта (Открытие выставки...).

В 2020–2021 гг., благодаря спонсорской помощи В. Д. Письменного и Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды» под руководством Е. А. Савостиной, выполнены грандиозные по своим масштабам работы по укреплению здания фондохранилища лапидарной коллекции и Музея каменных древностей. Аварийное состояние здания не только не позволяло воплощать в жизнь наши выставочные и научно-просветительские проекты, но и угрожало сохранности уникального музейного собрания. Осуществлен комплекс работ по усилению внешних фундаментов и внутренних опорных конструкций здания. Стены Лапидария укреплены металлическими швеллерами – вертикальными опорами и двумя горизонтальными стяжками, предотвращающими их возможные подвижки. После усиления здания фондовая выставка была реорганизована в экспозицию «Мифы античного Боспора» (рис. 4).

В настоящее время ведутся работы по созданию грандиозной экспозиции «Архитектура Боспора», открытие которой планируется в рамках празднования 200-летнего юбилея Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Помимо экспозиционно-выставочной деятельности, Лапидарий осуществляет колоссальный объем работ по реставрации музейной коллекции,

в том числе силами студентов и стажеров (*Кучеревская*, 2016; 2017), разрабатывает научные реконструкции и макеты (*Макарова*, 2018. С. 106); проводит научно-просветительские мероприятия, реализует научно-исследовательскую и издательскую работу, результатом которой стали научные и научно-популярные публикации материалов лапидарной коллекции. Отметим, что за научно-популярный каталог «Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция» (*Кучеревская*, 2016б) в 2019 г. присуждена государственная премия РК.

В настоящее время, по итогам перечисленных видов деятельности и работ по благоустройству всей экспозиционной зоны Лапидария, можно утверждать, что Лапидарий состоялся не только как музейный комплекс, реализующий все сферы музейной деятельности, но и как важнейший в Крыму научно-исследовательский, реставрационный и культурно-образовательный центр коммуникации. Творческий потенциал Музея каменных древностей направлен на созидание культурной среды Восточного Крыма, что является главной целью музейного учреждения. Одной из важнейших задач является популяризация уникальной лапидарной коллекции в целях формирования культурного имиджа Керчи и Крыма как колыбели культуры современной России.

Тем не менее мы не останавливаемся на достигнутом. В планах музея-заповедника – создание новых выставок, экспозиций, организация зала исторического кино – для активизации научно-просветительской и культурно-образовательной работы, развитие научно-исследовательской и реставрационной деятельности.

Список литературы

- Кучеревская Н. Л.* Память веков // Мир музея. 2015. № 4. С. 55–58.
- Кучеревская Н. Л.* Опыт консервации памятников с росписью в Керченском лапидарии // Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ. 2016а. № 21. С. 92–94.
- Кучеревская Н. Л.* Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция: каталог. Симферополь, 2016б. 144 с.: ил.
- Кучеревская Н. Л.* Реставрационная деятельность в Керченском лапидарии // Искусствознание. Археология, Реставрация. М., 2017. Вып. 1. С. 231–246.
- Кучеревская Н. Л.* Лапидарий – Музей каменных древностей // Вестник ВКИКМЗ. Симферополь; Керчь, 2018. Вып. I. С. 10–11.
- Летняя школа консервации камня в Лапидарии. URL: <https://kerchmuseum.ru/ru/news/letnyaya-shkola-konservatsii-kamnya-v-lapidarii-.html> (дата обращения: 12.01.2026).
- Макарова Н. А.* Храм, который построил грек (образовательная программа для детей) // Вестник ВКИКМЗ. Симферополь; Керчь, 2018. Вып. I. С. 106–107.
- Мичри М. В.* Опыт проведения обучающих стажировок по программе «Эрмитажная школа реставрации» на Урале и в Крыму. 1997–2017 гг. // Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы IV научно-практической конференции, посвященной 20-летию Эрмитажной школы реставрации. Екатеринбург: Баско, 2018. С. 4–7.
- Открытие выставки с применением 3D-технологий. URL: <https://www.culture.ru/reviews/131067/otkrytie-vystavki-s-primeneniem-3d-tekhnologii> (дата обращения: 16.02.2026).

Рис. 1. Экспозиция «Пантикапей – столица Боспорского царства». Фото Н. Л. Кучеревской

Рис. 3. Экспозиция «Гимн вечности». Фото Н. Л. Кучеревской

Рис. 2. Экспозиция «Керчь на перекрестках истории». Фото Н. Л. Кучеревской

Рис. 4. Экспозиция «Мифы античного Боспора». Фото Н. Л. Кучеревской

В. В. Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «СКОПЛЕНИЯХ» ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ НА САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКИ VIII–IX ВВ.

Одним из важных достижений последнего десятилетия в изучении салтово-маяцкой археологической культуры стало введение в научный оборот и осмысление такой категории объектов, как скопления железных предметов. Все они, зафиксированные и на площади кремационных некрополей Подонья, и на территории поселенческих городских и сельских структур, заслуживают самого пристального внимания специалистов.

Действительно, с момента первой публикации подобного комплекса из урочища Государев Яр в Подонье (Колода, 2013) прошло уже более десятилетия. К 2020 г. исследователи выделяли уже 14 подобных скоплений или кладов (Колода, 2020. С. 71). Сейчас, включая Хорошевский (Аксенов, 2022), Мирнодолинский (Колода, Скиба, 2021) и Сидоровский комплексы, можно говорить уже о 17 местонахождениях. Из них по крайней мере три справедливо атрибутируются как специализированные клады кузнецов и ювелиров, но и в них содержались немногочисленные, правда, предметы вооружения (Аксенов, 2022. С. 157, рис. 3, 1) и хозяйственно-бытового назначения.

С самого начала публикации рассматриваемых археологических объектов В. В. Колода совершенно справедливо подчеркивал тот факт, что подобные скопления в небольших ямах, например, те, которые составляют комплексы 36–38 на раскопе 1 селища Мохнач-II (Колода, 2015. С. 121, рис. 2), не содержат следов костра и каких-либо костных останков. Следовательно, отнесение их к кремационным погребениям невозможно, а интерпретация в качестве хозяйственных ям, предназначенных для хранения наиболее важных инструментов, обеспечивавших весь цикл земледельческих,

скотоводческих или ремесленных работ, – наиболее предпочтительна (Колода, 2014. С. 54). Вместе с тем нельзя забывать и о находках подобных скоплений железных орудий труда, ремесленных предметов и конского снаряжения в ямках возле самих кремационных погребений. Яркий пример этому своеобразные тайники, обнаруженные на кремационном некрополе «Государев Яр» рядом с самим захоронением (Голубев, 2017а. С. 61, рис. 4). Такой же небольшой тайник, также, скорее всего, помещенный в ямку, зафиксирован и на площади открытого разведками кремационного некрополя «Яр Плоский» (Голубев, 2017б. С. 78, рис. 5).

Относительно недавно подробный анализ скоплений и кладов железных предметов предпринял в монографическом исследовании Э. Е. Кравченко (Кравченко, 2020. С. 63–67). Исследователь отметил, что наибольшее их число отмечено на городище Маяки, где предметы находились в ямах, но, что особенно важно, залегали компактными группами и в культурном слое памятника в пределах жилых и хозяйственных сооружений. К числу таких скоплений отнесены и предметы, которые получены не в ходе археологических исследований и которые грабители, принеся их для сдачи в музейный фонд, связывают с одним конкретным участком культурного слоя того или иного памятника. Поскольку хорошо известны подобные скопления, обнаруженные путем проведения раскопок, не доверять этой информации сейчас оснований нет. Э. Е. Кравченко, помимо Маяки, приведено девять подобных скоплений, в том числе шесть на территории поселения в урочище Государев Яр, и обозначены их общие характеристики. Последние связаны с обязательным присутствием сельскохозяйственных орудий, предметов конского снаряжения, в том числе поломанных, и ремесленных инструментов. По мнению ученого, несколько отличается специализированный клад только кузнечных орудий и конского снаряжения, найденный в процессе раскопок Сидоровского археологического комплекса.

С какими же объектами мы имеем дело? Прежде всего, это скопление предметов, связанных с черной металлургией и ювелирным делом. Ярким примером является уже упоминавшийся классический кладовый комплекс, найденный в окрестностях Хорошевского городища в Харьковском районе Харьковской области (Аксенов, 2022). Очень близок ему и клад близ с. Варваровка Волчанского района Харьковской области. Важно отметить, что перед нами вариант скопления предметов не только за пределами какого-либо поселения или некрополя, но и в отсутствие каких-либо археологических объектов поблизости (Колода, 2020). Напомним и о кладе мастера

по работе с различными металлами, обнаруженном к югу от села Мирная Долина Балаклейского района Харьковской области на территории поселения салтово-маяцкой культуры (*Колода, Скиба, 2021*).

Второй вариант объектов – тайники возле кремационных погребений некрополей, третий – скопления предметов в небольших ямах без следов костра на территории поселенческих структур. В данном случае, на наш взгляд, наиболее ярким примером являются скопления, зафиксированные в небольших ямках на раскопе 1 поселения Мохнач-П (*Колода, 2015. С. 121, рис. 2*). Состав этих скоплений достаточно богат и включает наральники, чересла, серпы и косы-горбуши, дужки от казанов, крупные ножи с округлым окончанием черенка и конское снаряжение. И наконец, четвертый вариант, наиболее сложный для атрибуции, – подобные скопления на территории поселенческих структур, обнаруженные компактно за пределами сооружений, без следов какой-либо ямы.

На территории Таврики подобных скоплений на сегодняшний день известно три. Первое было обнаружено грабителями близ с. Русское Белогорского района Республики Крым. Ввиду отсутствия какой-либо информации о наличии земляных объектов, с которыми можно было бы связать находку, вероятнее всего, это четвертый вариант скоплений. Этот объект полностью опубликован (*Майко и др., 2009; Майко, 2010*), что избавляет нас от необходимости повторений. Напомним только, что в его состав входили сельскохозяйственные орудия труда, предметы ремесленной деятельности, разнообразный комплекс бытовых вещей, включая замки и их элементы, многочисленные, но однообразные предметы конской упряжи и отдельные предметы вооружения (рис. 1, *Б*). Несколько вещей носили следы поломки и длительного использования. Конструктивные особенности конского снаряжения и вооружения позволили датировать комплекс не ранее второй четверти X в.

Второй комплекс был найден при раскопках поселения Отузы-2 в 2021 г. в Щebetовском поссовете Феодосийского горисполкома. Его, на сей раз совершенно аргументированно, можно отнести к четвертому варианту скоплений. Все предметы фиксировались компактным скоплением в одном культурном горизонте на уровне каменного развала, вероятно, от стен постройки (рис. 1, *А*). В его составе были сельскохозяйственные орудия труда, немногочисленные бытовые вещи, также с присутствием запирающих устройств, и предметы конской упряжи. Вооружение отсутствовало. Своеобразием комплекса, позволяющим говорить о кладовом характере, является присутствие двух уникальных для полуострова железных процессионных крестов. Исходя

из стратиграфических наблюдений и типологической принадлежности некоторых вещей, имеющих довольно узкие хронологические периоды бытования, эти скопления, вероятнее всего, были спрятаны непосредственно накануне прекращения функционирования поселения в рамках второй четверти X в.

Третий комплекс, относящийся к первому варианту, зафиксирован в 1976 г. в яме внутри жилого помещения ремесленной усадьбы поселения Кордон-Оба. К сожалению, автором раскопок он был опубликован не полностью (*Баранов, 1990. С. 83, рис. 27*) и без какого-либо анализа вещей. Помимо сельскохозяйственного инвентаря, он включал разнообразные бытовые предметы, прежде всего связанные с запирающими устройствами и украшениями. Конское снаряжение было представлено своеобразными вещами, такими как рог для распутывания пут и ручка казана с железной цепью. Отличительной особенностью комплекса являлось наличие кувалды и наковальни, свидетельствующих о металлургической направленности деятельности его владельца (рис. 1, *Б*). Исходя из стратиграфической ситуации и анализа предметов, клад также можно датировать, по крайней мере, не ранее последней четверти IX в.

Таким образом, суммируя имеющуюся в нашем распоряжении информацию, можно говорить о том, что подобные скопления железных предметов характерны для всех регионов салтово-маяцкой культурно-исторической общности, включая и восточную Таврику. Судя по составу предметов, все скопления имеют много общих черт. Не исключено, что они, датирующиеся наиболее поздним периодом салтовской культуры Крыма, связаны с этапом прекращения ее функционирования на полуострове.

Список литературы

Аксенов В. С. Клад кузнеца-ювелира середины VIII в. с территории Харьковщины // *РА*. 2022. № 1. С. 153–165.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Голубев А. М. Салтово-маяцкий cremaційний могильник «Государів яр» у середньому Подонців'ї // *Археологія*. 2017а. № 2. С. 57–64.

Голубев А. М. Два нових салтово-маяцьких cremaційних могильників навколо с. Суха Гомільша на Харківщині // *Археологія*. 2017б. № 1. С. 74–79.

Колода В. В. Два салтовских комплекса из Государева Яра // *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження*. 2013. Вип. 3. С. 73–81.

Колода В. В. О хозяйственных ямах со стандартизированными наборами предметов на салтовских поселениях // *Проблемы истории и археологии Украины: материалы IX Междунар. науч. конф.* Харьков, 2014. С. 54–55.

Колода В. В. Унікальний жилищно-хозяйственный комплекс салтовской культуры на селище Мохнач-П // *Хазарский альманах*. 2015. Т. 13. С. 111–129.

Колода В. В. Клад раннесредневекового кузнеца на Харьковщине // *Хазарский альманах*. 2020. Т. 17. С. 69–86.

Колода В. В., Скиба А. В. Мирнодолинський скарб коваля-ювеліра із Харківщини // *Археологія і давня історія України*. 2021. Вип. 1 (38). С. 347–361.

Кравченко Э. Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / *Археология Евразийских степей*. 2020. № 4. 344 с.

Майко В. В. Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов из праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II // *Древности*. 2010. Т. 9. С. 265–272.

Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // *Хазарский альманах*. 2009. Т. 8. С. 237–263.

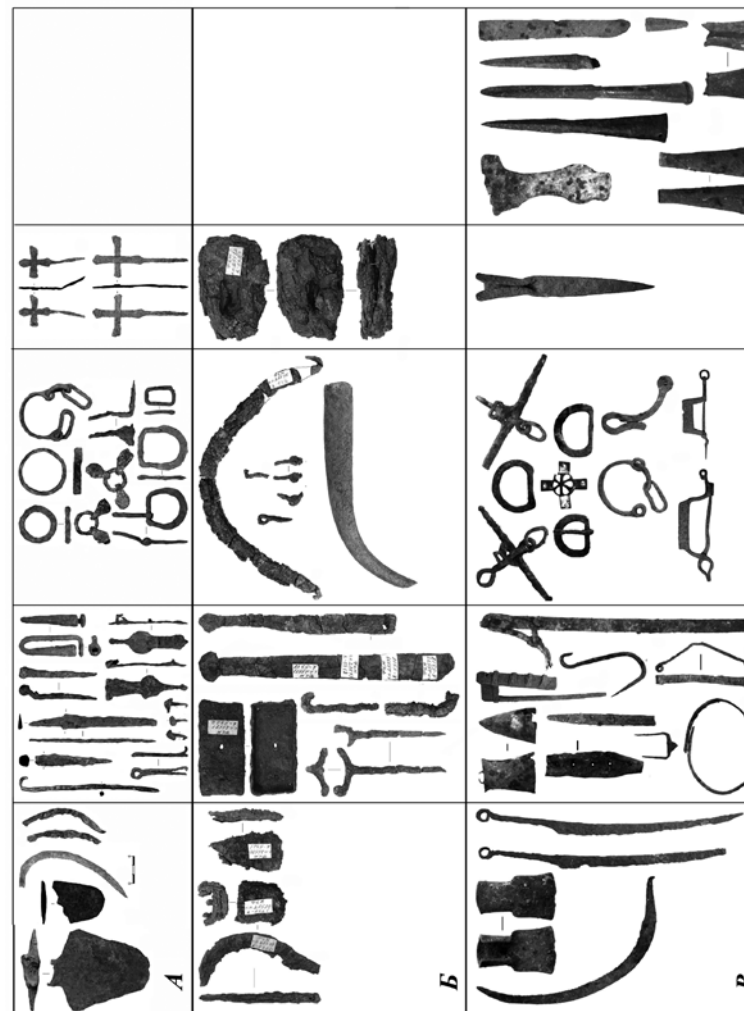

Рис. 1. Сравнительная таблица кладов и скопленных железных изделий на салтово-маяцких памятниках восточной Таврики: А – Отузы-2; Б – Кордон-Оба; В – поселение у с. Русское

А. А. Масленников

Институт археологии РАН, г. Москва

Т. Н. Смекалова, Л. Л. Леонов, А. Н. Гаврилюк

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВА СПЛАВА НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ МОГИЛЬНИКА СТОЯЧИЙ КАМЕНЬ БЛИЗ С. ЗОЛОТОЕ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ, VI–III ВВ. ДО Н. Э.

«Каменные ящики» и «каменные курганы», особый класс археологических объектов равнинного Крыма, принадлежат многочисленному и незаслуженно обделенному вниманием местному оседлому земледельческому населению – «георгам» Страбона (VII. 4, 5). Ранее в Крымском Приазовье были частично раскопаны лишь два поселения, относящихся к этим могильникам: Кошара и Золотое Плато, еще два – Скала 1 и Бабчик Западный 4 – были выявлены в последние три года. Однако селищ местного земледельческого населения должно было быть гораздо больше, и их обнаружению с помощью комплексной методики, сочетающей анализ весенних космических снимков, архивных аэрофотографий, исторических карт, магнитной съемки и точечного археологического зондирования, будут посвящены последующие работы авторов.

К настоящему времени уже выявлены общие черты, присущие селищам и каменным могильникам местного населения в Восточном Крыму (на хоре Боспора и Феодосии) и в Северо-Западной Таврике (на дальней хоре Херсонеса) (Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 221–238; Гаврилов и др., 2016). Сходство поселенческих и погребальных памятников свидетельствует о том, что родственные земледельческие племена, оставившие каменные ящики и каменные курганы, занимали огромную территорию всего равнинного Крыма. Обращение к могильнику Стоячий Камень, содержащему материал, охватывающий период практически всей истории этого населения,

позволяет объективно обрисовать особенности использования цветных металлов и сплавов местными жителями в VI–III вв. до н. э.³

Могильник Стоячий Камень, существовавший непрерывно с VI по III в. до н. э., – самый крупный на Караларском побережье, он насчитывает не менее 40 раскопанных гробниц (Корпусова, Орлов, 1978; Масленников, 1995) и примерно столько же еще не исследованных. Изучение элементного состава металлических предметов из этого могильника и селищ Кошара и Золотое Плато проводилось на энергодисперсионном рентгенофлуоресцентном спектрометре M1 Mistral (Bruker) методом безэталонового анализа. Небольшие габариты и вес прибора позволили проводить исследования непосредственно в фондах ВКИКМЗ. Всего были получены данные для 77 артефактов, в том числе 46 наконечников стрел. В табл. 1 результаты исследований наконечников приведены в хронологическом порядке гробниц, начиная от самых древних, относящихся к середине VI в. до н. э., и до III в. до н. э.

Таблица 1. Состав сплава наконечников стрел из могильника Стоячий Камень, в масс. %.

№ п/п	№ п/п	Предмет, инв. №	Гробница, рисунок	Cu	Zn	Mn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
1	9	КМ 3735	Гр. 27/36, рис. 1, б, 1	97,20	0	0	0	0	0	0	0	2,80
2	10	КМ 3736	Гр. 27/36, рис. 1, б, 2	98,63	0	0	0	0	0	0,24	0	1,13
3	11	КМ 3738	Гр. 27/36, рис. 1, б, 3	86,33	0	0	0	0	0	0	0,18	13,50
4	12	КМ 3741	Гр. 27/36, рис. 1, б, 4	89,47	0	0	0	0	0,69	0,62	0,20	9,02
5	13	КМ 3744	Гр. 27/36, рис. 1, б, 5	94,02	0	0	0	0	0	0,11	0,06	5,81
6	14	КМ 3745	Гр. 27/36, рис. 1, б, 6	90,72	0	0	0	0	0,15	0,23	0,27	8,63
7	15	КМ 3746	Гр. 27/36, рис. 1, б, 7	93,34	0	0	0,05	0	0	0,36	0,05	6,14
8	16	КМ 3750	Гр. 27/36, рис. 1, б, 8	92,55	0	0	0	0	0	0,11	0,07	7,27

³ Исследование выполнено за счет гранта РФ № 25-78-10016 «Элементы системы. Цветная металлообработка Восточного Крыма в античную эпоху: междисциплинарные исследования» (<https://rscf.ru/project/25-78-10016/>).

9	17	KM 3764	Гр. 27/36, рис. 1, б, 9	93,10	0	0,32	0,07	0,07	0	0,26	0,38	5,79
10	18	KM 3766	Гр. 27/36, рис. 1, б, 10	78,94	0	0	0	0	0	3,38	0,18	17,50
11	19	KM 3756	Гр. 27/36, рис. 1, б, 11	81,36	0	0	0	0	0	3,18	0,21	15,25
12	20	KM 3753	Гр. 27/36, рис. 1, б, 12	83,61	0	0	0	0	0	1,02	0,08	15,28
13	21	KM 3737	Гр. 27/36, рис. 1, б, 13	89,72	0	0	0	0	0	0	8,31	1,97
14	22	KM 3739	Гр. 27/36, рис. 1, б, 14	93,00	0	0	0	0	0	1,38	3,49	2,13
15	23	KM 3740	Гр. 27/36, рис. 1, б, 15	91,48	0	0	0,70	0	0	1,49	1,35	4,99
16	24	KM 3742	Гр. 27/36, рис. 1, б, 16	94,89	0	0	0,06	0	0	0	1,96	3,09
17	25	KM 3743	Гр. 27/36, рис. 1, б, 17	92,31	0	0	0	0,13	0,67	0,58	3,87	2,44
18	26	KM 3747	Гр. 27/36, рис. 1, б, 18	93,44	0	0	0	0	0	0,25	1,95	4,37
19	27	KM 3748	Гр. 27/36, рис. 1, б, 19	92,46	0	0	0	0	0	1,43	3,46	2,65
20	28	KM 3749	Гр. 27/36, рис. 1, б, 20	96,49	0	0	0	0	0	0,22	3,29	0
21	29	KM 3751	Гр. 27/36, рис. 1, б, 21	90,33	0	0	0	0,06	0,35	0,59	4,28	4,38
22	30	KM 3752	Гр. 27/36, рис. 1, б, 22	96,54	0	0	0	0	0	0,29	1,54	1,63
23	31	KM 3754	Гр. 27/36, рис. 1, б, 23	92,44	0	0	0	0	0	0	4,69	2,87
24	32	KM 3757	Гр. 27/36, рис. 1, б, 24	92,34	0	0,05	0,05	0	0	0,28	2,99	4,28
25	33	KM 3758	Гр. 27/36, рис. 1, б, 25	88,42	0	0	0	0	0	0,33	7,51	3,74
26	34	KM 3759	Гр. 27/36, рис. 1, б, 26	90,28	0	0,12	0	0	0	0	4,85	4,76
27	35	KM 3760	Гр. 27/36, рис. 1, б, 27	90,58	0	0,08	0	0	0,25	0	4,49	4,60
28	36	KM 3761	Гр. 27/36, рис. 1, б, 28	94,01	0	0,11	0	0	0	0,18	2,70	3,00
29	37	KM 3762	Гр. 27/36, рис. 1, б, 29	90,49	0	0,15	0	0	0	0,24	3,72	5,40
30	38	KM 3763	Гр. 27/36, рис. 1, б, 30	90,21	0	0,11	0	0	0	0,37	4,07	5,24
31	39	KM 3755	Гр. 27/36, рис. 1, б, 31	90,41	0	0,14	0	0	0	0,24	3,52	5,25

32	3	KM 3704	Гр. 13/22, рис. 2, б	81,40	0	0	0,09	0	0	0,33	0,09	18,10
33	4	KM 3705	Гр. 13/22, рис. 2, б	77,09	0	0,12	0	0	0	3,90	0,43	18,46
34	5	KM 3706	Гр. 13/22, рис. 2, б	79,82	0	0	0	0,05	0	2,58	0,19	17,36
35	6	KM 3707	Гр. 13/22, рис. 2, б	75,29	0	0	0	0	0	3,75	0,49	20,47
36	40	KM 3731	Гр. 23/32	38,50	0	0	0,47	0	0	38,93	0,33	21,77
37	47	KM 5547	Гр. 38/47, рис. 2, в	65,70	0	0	0,12	0,13	0	2,78	0,19	31,07
38	57	KM 3313	Гр. 9/18, рис. 2, д	75,15	0,12	0	0	0	0	2,21	0,52	22,00
39	58	KM 3314	Гр. 9/18, рис. 2, д	69,70	0,18	0,09	0,11	0,07	0	1,75	0,36	27,74
40	59	KM 3315	Гр. 9/18, рис. 2, д	67,54	0,10	0	0	0	0,32	0,84	0,66	30,53
41	60	KM 3316	Гр. 9/18, рис. 2, д	86,53	0	0	0	0,04	0	0,75	0,20	12,48
42	61	KM 3317	Гр. 9/18, рис. 2, д	78,70	0	0	0	0,06	0	0,41	0,27	20,57
43	62	KM 3318	Гр. 9/18, рис. 2, д	83,99	0	0	0	0	0	0,57	0,15	15,29
44	63	KM 3319	Гр. 9/18, рис. 2, д	73,26	0	0	0	0	0	0,42	0,44	25,88
45	64	KM 3321	Гр. 9/18, рис. 2, д	61,61	0,17	0	0	0	0	0,55	0,17	37,50
46	65	KM 3322	Гр. 9/18, рис. 2, д	80,13	0	0	0	0	0	0,58	0,10	19,19

Оружие в погребальном инвентаре представлено почти исключительно бронзовыми наконечниками стрел (лишь один наконечник железный), которые являются самыми многочисленными находками в гробницах первого, самого раннего, типа и встречаются в 12 захоронениях, то есть в 36 % всех могил рассматриваемой группы (*Масленников*, 1995. С. 33). Преобладают трехлопастные наконечники – 80 из 94 отреставрированных. Они находят аналогии в скифских комплексах VI–V вв. до н. э. Довольно часто встречаются и трехгранные, некоторые из них сильно сточены. Все эти наконечники стрел относятся ко второй хронологической группе по А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 21, табл. V, табл. 7).

Особенно примечательной находкой является скопление из 31 наконечника стрел в гробнице 27/36 (рис. 1, а, б), которые, вероятно, хранились в колчане, лежавшем в ногах покойного, сделанном из органического материала и не сохранившемся. Остановимся на этой находке более подробно, так как состав сплава наконечников весьма примечателен. В этом наборе 9 трехлопастных наконечников стрел (KM 3735, 3736, 3738, 3741, 3744–3746, 3750, 3764) сделаны из оловянной бронзы с содержанием олова в среднем 6,67 % со значительным разбросом от 1,13 % до 13,5 % (табл. 1, 1–9; рис. 1, б, 1–9). Три трехлопастных наконечника, один из которых имеет

выступающую втулку, изготовлены из высокооловянной бронзы (олова 15,25 % и 17,5 %) и с небольшим количеством свинца (немногим более 3 %) (табл. 1, 10–12; рис. 1, б, 10–12).

Остальные стрелы (19 экз.) сделаны из довольно редкого сплава, сурьмяно-оловянной бронзы, в которой сурьмы в среднем 3,77 % (с разбросом от 1,35 до 8,31 %), олова – в среднем 3,6 % (разброс 1,63–5,4 %) (табл. 1, 13–31; рис. 1, б, 13–31). Лишь в одном наконечнике нет олова, в нем присутствует только 3,29 % сурьмы (табл. 1, 20; рис. 1, б, 20). В трех других наконечниках помимо сурьмы и олова присутствует еще незначительное количество свинца – чуть более 1 % (табл. 1, 22, 23, 27; рис. 1, б, 22, 23, 27).

Забегая вперед, отметим, что в составе сплава наконечников стрел из других захоронений на этом могильнике сурьмяные бронзы более не встречались. Небольшое количество сурьмы в сплаве (несколько более процента) зафиксировано еще только для двух вещей – тонкой иглы с ушком (KM 3287) из захоронения 8/17 третьей четверти IV в. до н. э. и колечка (KM 2912) из могилы 6/15 III в. до н. э. К сплавам с сурьмой мы вернемся в разделе обсуждения результатов.

Еще одно скопление наконечников стрел было встречено в захоронении 13/22, где у черепа и правого плеча костяка лежали 7 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с небольшими выступающими втулками (рис. 2, б). Был измерен состав сплава четырех из них. В отличие от предыдущего набора стрел, наконечники из этой могилы отлиты из одинаковой высокооловянно-свинцовой бронзы, в которой олова в среднем 18,6 % (с разбросом от 17,36 % до 20,47 %), а свинца в среднем 3,4 % (табл. 1, 32–35). Сплав и морфология этих втульчатых наконечников существенно отличаются от тех, что были найдены в могиле 27/36 и рассмотрены выше. Скорее всего, они относятся уже к поздней хронологической группе по А. И. Мелюковой (второй половины V, IV–III вв. до н. э.).

Трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (KM 5547, рис. 2, в) из гробницы 38/47 отлит из высоколегированной оловянной бронзы (олова 31 %), в которой также есть около 3 % свинца (табл. 1, 37).

Упомянем единственный наконечник стрелы (KM 3731), найденный при зачистке ограды в гробнице 23/32 (Масленников, 1995. С. 13, рис. 17, 8), который отлит из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 22 % и свинца 39 % (табл. 1, 36).

Набор из 9 трехлопастных наконечников стрел (KM 3313–3319, 3321, 3322, рис. 2, д), найденных в могиле 9/18, несмотря на некоторые морфологические различия, все сделаны из высокооловянной бронзы, иногда

с небольшим количеством свинца (табл. 1, 38–46). Большое количество олова в сплаве, что мы уже отмечали для группы наконечников из гробницы 13/22 первого типа, является инновацией конца V – IV в. до н. э. Олово обладает способностью увеличивать твердость сплава, что было необходимо для пробивания стрелами доспехов противника, изготовленных из более мягкой низколегированной оловянной бронзы.

Проведенное рентгенофлуоресцентное исследование 46 наконечников стрел из могильника Стоячий Камень дает возможность проследить динамику изменения состава сплава металлических изделий, использовавшихся местным населением Крымского Приазовья в течение нескольких сот лет.

Сплавы для изготовления важных элементов вооружения – наконечников стрел, как мы видим, определялись своими особыми законами и претерпели несколько этапов развития. Стрелы предскифского времени изготавливались из мышьяковой бронзы или многокомпонентной бронзы с мышьяком (Cu–Sn–Pb–As–Sb) (Руквишникова и др., 2022. С. 113, табл. 2). Переход в раннескифское время (вторая половина или конец VII – первая половина VI в. до н. э.) к высокооловянной бронзе вместо мышьяковых сплавов для изготовления наконечников стрел стал шагом вперед в развитии наступательного вооружения, так как олово имеет определенные преимущества перед мышьяком – оно может сообщить сплаву больше прочности, твердости, жидкотекучести (Равич, 1983. С. 138).

Оловянные бронзы с невысоким процентом олова продолжали применяться для литья трехлопастных наконечников рубежа VI–V вв. до н. э. По мнению Т. Б. Барцевой, для скифского этапа зафиксировано только два основных рецепта сплавов для наконечников стрел – оловянные и оловянно-свинцовые бронзы (Барцева, 1981. С. 89). Однако, как показывают наши исследования, проведенные на большом числе наконечников из Восточного Крыма, в том числе колчана стрел из гробницы 27/36 могильника Стоячий Камень, к ним необходимо добавить и многокомпонентные оловянно-свинцово-сурьмяные бронзы, а также и высокооловянно-свинцовые бронзы с заметной примесью мышьяка. Кроме того, в производстве трехлопастных наконечников стрел довольно заметную часть составляли также и многокомпонентные бронзы Cu–Sn–Pb–Sb–As (Кутайсов и др., 2020. С. 37–53).

Примеры использования сурьмяной бронзы в цветной металлургии Северного Причерноморья единичны и редки. В монетном деле сурьмяные бронзы нам удалось выявить только в анэпиграфных монетах-«дельфинах» в Ольвии, монетах-стрелках в Керкинитиде и западнопонтийских

городах (Там же). Случаи применения этого необычного сплава для изготовления других изделий также очень немногочисленны, но в боевых наконечниках скифских стрел этот экзотический сплав встречается довольно часто. С. Я. Ольговский впервые указал на то, что некоторые наконечники стрел «базисного» типа (трехлопастные, без выступающей втулки) сделаны из сурьмяной бронзы. Это было доказано на примерах боевых наконечников из Березанского поселения, Ольвии (Ольговский, 1986. С. 102), Верхнетарасовского могильника в Среднем Поднепровье (Ольговский, 1999. С. 70). С. Я. Ольговский сделал вывод о применении такого сплава мигрирующими скифскими ремесленниками (Ольговский, 1999; 2014. С. 134).

Нами было проведено целенаправленное изучение состава сплава скифских боевых бронзовых наконечников стрел, найденных на территории Восточного Крыма. Было измерено 769 наконечников, и выяснилось, что 167 из них содержат сурьму, что составляет 20,6 % от всех исследованных наконечников.

Сплавы наконечников с сурьмой разделяются на две примерно равные группы. **Первая группа выборки** включает сплавы со значительным содержанием этого металла (от 2–3,5 до 15–23 %), малым количеством свинца (от 1–2 до 6 %) и «нормальным» для бронз количеством олова (в среднем 4–10 %). Мышьяка в сплавах первой группы почти нет. Из всех наконечников первой группы подавляющее большинство – «базисные». Таким образом, вывод, сделанный ранее С. Я. Ольговским о применении сурьмяной бронзы для изготовления наконечников стрел «базисного» типа, полностью подтвержден на гораздо большем количестве исследованных экземпляров.

Бронзовый сплав **второй группы выборки** характеризуется ярко выраженной мультикомпонентностью. Он содержит небольшое количество сурьмы – от 1 до 2–4,5 %, значительное количество олова (от 10 % до половины состава), высокий, даже избыточный, процент свинца (от 10 до 40 %) и, что примечательно, от 1 до 5 % мышьяка. Морфологически наконечники этого типа неоднородны и отличаются от наконечников первой группы, хотя есть в этой группе и единичные «базисные» образцы. Вероятно, можно признать, что наконечники второй группы более поздние и сурьма в них попала в результате многократных переплавок старых изделий.

Но вернемся к рассмотрению той части наконечников из гробницы 27/36 могильника Стоячий Камень, которые содержат сурьму. По составу сплава все они относятся к первой группе выборки сплавов с сурьмой – сурьмяно-оловянные бронзы с незначительным количеством свинца. Морфологически

большинство исследуемых наконечников являются «базисными», как наконечники первой группы выборки. Отсюда делаем вывод, что происхождение данных наконечников, вероятно, связано со скифским миром, то есть они были изготовлены скифскими мастерами-литейщиками.

Место изготовления наконечников стрел, впрочем, установить точно не представляется возможным. Трехлопастные и трехгранные наконечники использовались в VI–IV вв. до н. э. повсеместно и скифами, и греками. М. Ю. Трейстером исследован состав сплава 19 наконечников стрел VI–V вв. до н. э. и трех наконечников VI в. до н. э., найденных в слоях при раскопках Пантикапея. Все они изготовлены либо из оловянной, либо из оловянно-свинцовой бронзы (олова от 1,5 до 12 %, свинца от 1,1 до 6,4 %), в двух наконечниках присутствует и сурьма в количестве 2,6 % и 1,6 % (Трейстер, 1988. Р. 55–56). То есть набор рецептур сплавов наконечников стрел, найденных в Пантикапее, не отличался от такового синхронных скифских наконечников, а также наконечников, найденных в гробнице 27/36 могильника Стоячий Камень.

На примере исследования наконечников стрел из могильника Стоячий Камень подтверждено, что в конце V – IV в. до н. э. началось применение высокооловянной бронзы вместо более архаичного низколегированного сплава для изготовления трехлопастных или трехгранных наконечников стрел. Это стало следующим этапом в совершенствовании наступательного вооружения. Большое количество олова в качестве легирующей добавки способно делать сплав более твердым. Такой состав придавал бронзе особую прочность, необходимую для пробивания воинского доспеха противника, делавшегося обычно из более мягкой оловянной бронзы с содержанием олова до 10–11 % (Craddock, 1977. Р. 111, 123).

Трехлопастные наконечники стрел поздней хронологической группы (второй половины IV, IV–III вв. до н. э.) типологически мало отличаются от наборов предшествующих периодов. Но ведущим сплавом с IV в. до н. э. становится оловянно-свинцовая бронза, часто с большим количеством свинца. Господство этого вида сплава является новшеством металлообработки позднего времени, что, вероятно, определялось баллистическими характеристиками стрел. Многие исследователи говорят о существовании стандартизации по весу и форме стрел, которые изготавливались ремесленниками в ходе крупносерийного военного производства, вероятно, находящегося под государственным контролем в обстановке секретности деталей тактико-технических характеристик этого оружия (Коробейников, 2008. С. 114, 116). К этому можно добавить и стандартизацию в выборе сплавов для отливки заготовок стрел.

Вероятно, все металлические вещи на могильнике Стоячий Камень происходят из мастерских Пантикапея и других боспорских городов. Металлообрабатывающее производство Боспора переживает расцвет во второй половине VI – начале V в. до н. э. Обнаружены прямые свидетельства существования бронзолитейного производства этого времени – остатки кузнечно-литейных мастерских в двух районах Пантикапея, на северном склоне горы Митридат и на западном плато. В 1978–82 гг. были открыты также остатки мастерской IV в. до н. э., отливки бронзовой статуи, литейные формы, шлаки (*Трейстер*, 1992. С. 73, 83). Помимо Пантикапея, есть свидетельства бронзолитейного производства в Нимфее, Фанагории IV–II вв. до н. э., Танаисе III–I вв. до н. э. и в II–III вв., в Горгиппии (Там же. С. 86, 87, 96).

Металлические вещи попадали к местному населению в результате торгового обмена. Основным товаром при этом было, очевидно, зерно, выращиваемое этими земледельцами на плодородных равнинах Крымского Приазовья.

Список литературы

- Барцева Т. Б.** Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981. 126 с.
- Гаврилов А. В., Смекалова Т. Н., Беван Б. В., Гарипов А. С.** Дистанционные и геофизические исследования поселенческих памятников в степной части округа античной Феодосии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 3–4. С. 38–56.
- Коробейников А. В.** Средневековый трактат Arab Archery о параметрах луков и стрел // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2008. № 2 (4). С. 107–118.
- Корпусова В. Н., Орлов Р. С.** Могильник VI–IV ст. до н. э. на Керченском полуострове // Археология. Киев, 1978. № 28. С. 65–76.
- Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н., Дубинина Л. И., Губанов Ю. Б., Куликов А. В., Фридрихсон С. К., Гаврилюк А. Н.** Монетные сплавы Керкинитиды. СПб.: Алетея, 2020. 72 с. (Археометрия Причерноморья; вып. 2).
- Масленников А. А.** Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). М.: ИА РАН, 1995. 122 с. (Боспорский сборник; вып. 8).
- Мелюкова А. Н.** Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с., 23 табл. (САИ; вып. Д1-4).

Ольговский С. Я. Металл литых монет Нижнего Побужья // Ольвия и ее округа / ред. А. С. Русяева, С. Д. Крыжицкий, С. В. Мазарати. Киев: Наукова думка, 1986. С. 89–105.

Ольговский С. Я. Літі монети та ливарництво в Нижньому Побужжі // Археологія. Київ, 1999. № 1. С. 142–148.

Ольговский С. Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 278 с.

Равич И. Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие, хранение, исследование, реставрация. 1983. Вып. 8 (38). С. 136–142.

Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Смекалова Т. Н., Антипенко А. В., Леонов Л. Л., Ващенко Е. С., Сайфутяров Р. Р., Яцишина Е. Б. Загробный путь киммерийской колесницы. Рентгено-флуоресцентные и масс-спектрометрические исследования конского и колесничного снаряжения из кургана Львовское в Крыму // Stratum plus. 2022. № 3. С. 101–121.

Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетея, 2017. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья; вып. 2).

Трейстер М. Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. 1992. Вып. 10. С. 66–110.

Craddock P. T. The composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman Civilisations. 2. The Archaic, Classical and Hellenistic Greeks // Journal of Archaeological Science. 1977. No 4. P. 103–123.

Treister M. Ju. Metalworking of Panticapaion, Kingdom of Bosphorus Capital // Bulletin of the Metals Museum. 1988. Vol. 13. P. 3–21.

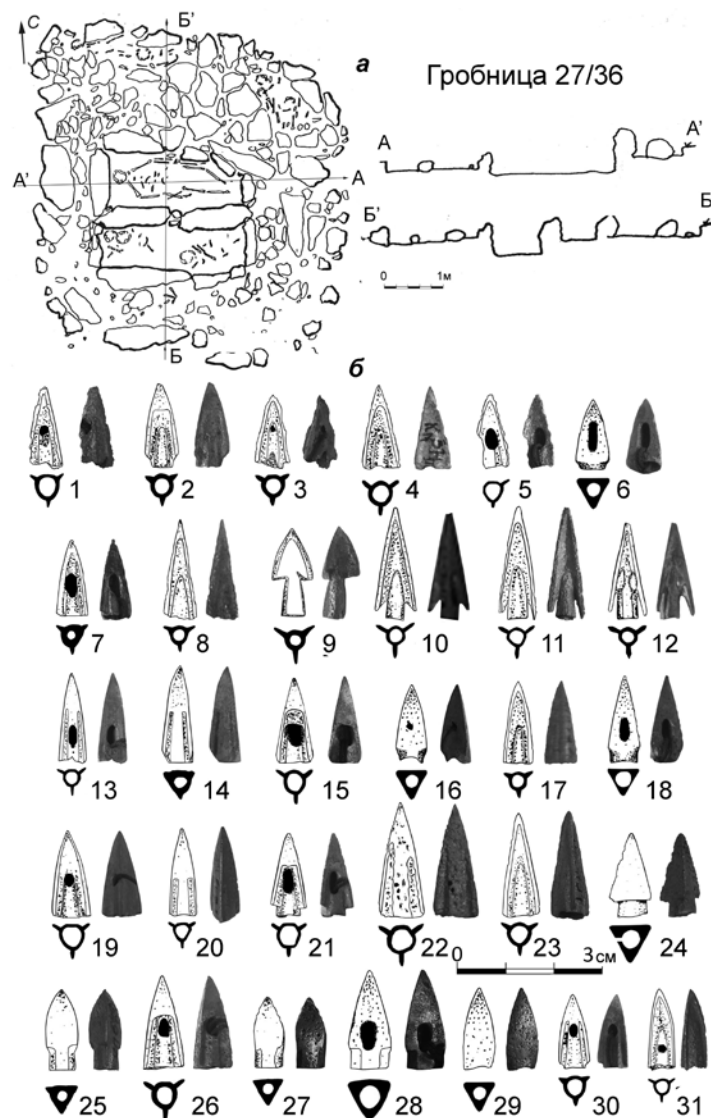

Рис. 1. Гробница 27/36 могильника в урочище Стоячий Камень (первый тип, датировка: V – начало IV в. до н.э.): а – чертеж могилы (по: Масленников, 1995. Рис. 21); б – наконечники стрел КМ 3735-3759 (чертежи А. Н. Гаврилюка, фотографии Т. Н. Смекаловой)

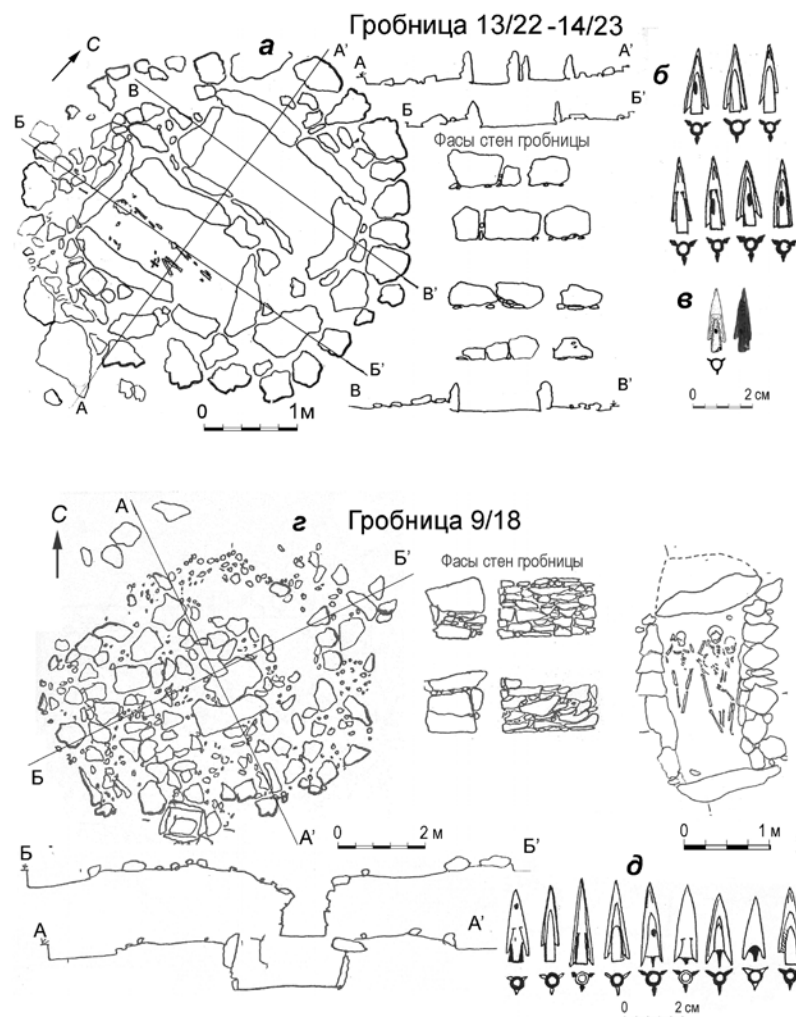

Рис. 2. а – чертеж гробниц 13/22–14/23 могильника в урочище Стоячий Камень (первый тип, датировка: конец V в. до н. э.); б – наконечники стрел КМ 3704–3707 (по: Масленников, 1995. Рис. 12, 3); в – наконечник стрелы (КМ 5547) из гробницы 38/47; г – чертеж гробницы 9/18 (датировка: вторая половина V – середина III в. до н. э.) (по: Масленников, 1995. Рис. 9); д – наконечники стрел из гробницы 9/18

А. А. Михуткин, Э. А. Грешников, И. Н. Трунькин
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», г. Москва
С. В. Ольховский
Институт археологии РАН, г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВЕСИНЫ КОРАБЛЯ I В. ДО Н. Э. ИЗ ФАНАГОРИИ МЕТОДАМИ КОНФОКАЛЬНОЙ ЛАЗЕРНОЙ СКАНИРУЮЩЕЙ МИКРОСКОПИИ, РАСТРОВОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ И КОМПЛЕМЕНТАРНЫМИ МЕТОДАМИ¹

Введение. В 2012 г. подводный отряд Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН (руководитель В. Д. Кузнецов) продолжал подводные раскопки затопленной портовой инфраструктуры в прилегающей акватории Таманского залива. Около причала, строительство которого относится к IV–III вв. до н. э., под метровым слоем донных отложений был найден частично сохранившийся корпус деревянного судна, собранного по технологии «mortice-and-tenon», характерной для архаического и эллинистического времени (Boetto et al., 2022. Р. 21). Исключительно хорошая сохранность древесины позволила расчистить корпус, выполнить подводную фотограмметрическую фиксацию и изготовить детальный фотоплан объекта *in situ*. Оказалось, что в корпусе присутствует значительный объем каменного и керамического балласта, но почти нет предметов судового имущества, пригодных для уточнения периода функционирования судна.

Так как судно затонуло на склоне каменной насыпи с заметным крепом на левый борт, этот борт сохранился почти полностью, что позволило реконструировать исходную форму корпуса (Poveda et al., 2021. Р. 289). Оказалось, что в порту Фанагории сохранился уникальный образец быстроходного военного парусно-гребного корабля длиной 19 м, приспособленного

для плавания в условиях мелководного Киммерийского Боспора. В ходе дальнейших подводных раскопок вблизи разрушенной носовой оконечности киля было найдено массивное бронзовое изделие, предназначенное для защиты форштевня при ударе о подводное препятствие, а также для таранного удара. Звезды и полумесяцы, изображенные на боковых поверхностях изделия, являются эмблемами царя Митридата VI Евпатора, что дало основания предполагать принадлежность найденного в Фанагории корабля к военному флоту Боспора и датировать его I в. до н. э. AMS-анализ образцов дерева из шпангоутов корабля датировал их серединой I в. до н. э.

Полученные данные дают возможность предполагать, что изучаемый корабль входил в состав флотилии, в 63 г. до н. э. отправленной Митридатом Евпатором из Пантикапея в Фанагорию для подавления восстания против царской власти (Грешников и др., 2024. С. 595).

Высокая степень сохранности конструкции корабля обеспечила возможность провести целый ряд исследований. В частности, в НИЦ «Курчатовский институт» переданы фрагменты древесины для определения ее микростроения и последующей видовой идентификации. Запланированный комплекс исследований включает методы конфокальной лазерной сканирующей микроскопии (КЛСМ), растровой электронной микроскопии (РЭМ), оптической световой микроскопии, хроматографию и другое.

Методы. Методика включала в себя заготовку образцов корабельной древесины со срезами в трех определенных плоскостях (в поперечной, тангенциальной и радиальной проекциях). Для каждого из срезов с помощью КЛСМ и РЭМ, а также оптической световой микроскопии были получены изображения, по которым определялись характерные особенности морфологического строения древесины, которые затем использовались в качестве ключевых признаков для определения ее таксономической принадлежности путем сравнения с эталонами и с помощью атласов-определителей (Akkemik, Yaman, 2012. Р. 312). Для более полного понимания морфологии исследуемой древесины был задействован метод 3D КЛСМ. Для подтверждения и уточнения видовой идентификации применялись и другие комплементарные методы, как, например, хроматография и разрабатываемый метод анализа флуоресценции древесины по изображениям КЛСМ.

КЛСМ и РЭМ очень хорошо применимы в комплексе и взаимно дополняют друг друга. С учетом того, что приходится работать с заболоченной и одновременно минерально-консервированной и деформированной древесиной, более 2000 лет пролежавшей в морской воде, особенно необходимо

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИЦ «Курчатовский институт».

добиться максимально эффективной и корректной визуализации структуры на анализируемых срезах.

РЭМ традиционно используется при анализе древесины и позволяет в хорошем разрешении (и с большой глубиной фокуса) представить изображение участка, нужного по размеру, для определения ее необходимых морфологических особенностей (*Duchesne, Daniel*, 1999. Р. 129). Однако образцы древесины более восприимчивы к повреждению пучком электронов при сканировании при длительном времени экспозиции и сильно заряжаются, что заметно осложняет эксперимент и ухудшает качество получаемых изображений.

КЛСМ – это метод, который широко применяется при изучении как синтетических (*Mikhutkin et al.*, 2018. Р. 511), так и природных материалов, в частности древесины (*Jang et al.*, 1991. Р. 217; *Balzano et al.*, 2019. Р. 5; *Čufar K. et al.*, 2019. Р. 19). С использованием КЛСМ можно изучать древесину в исходном влажном состоянии (метод не требует сушки образцов) и без необходимости окрашивания красителем (*Matsumura et al.*, 2005. Р. 328). КЛСМ (за счет использования лазерного осветителя с разными длинами волн, что дает возможность получить свой флуоресцентный отклик от образца для каждой длины волны лазера) позволяет акцентировать внимание на ключевых таксонообразующих деталях на срезе и типах ткани, например, таких как ксилема (*Kitin et al.*, 2003. Р. 211), волокна (*Jang et al.*, 2005. Р. 615), сосуды (*Kitin et al.*, 2004. Р. 779) и др. Стенки древесных клеток естественным образом флуоресцируют из-за присутствия лигнина (*Donaldson*, 2013. Р. 3). Различными цветами на изображении выделяются округлые поры и границы волокон, четче отрисовывая видообразующие морфологические признаки древесины и выделяя разнообразные пропитки, смолы, красящие вещества.

Трехмерная (3D) реконструкция позволяет наиболее полно и правильно понять морфологию изучаемых объектов. Это особенно актуально для данных КЛСМ, где каждое изображение представляет собой лишь узкий срез с определенной глубины образца, а получение набора изображений с различной глубины позволяет сформировать объемный стек, обрабатывая который, можно сформировать 3D-модель изучаемого объекта (*Mikhutkin et al.*, 2018. Р. 511). Для достаточно оптически прозрачного образца один стек может дать не только информацию, аналогичную информации от отдельных изображений трех взаимно ортогональных срезов, но и полное пространственное представление об объекте (т. е. с любого желаемого ракурса). Хотя древесина и не является оптически прозрачным

материалом, тем не менее метод 3D КЛСМ дает существенно больше информации по сравнению с обычными изображениями срезов, позволяя одновременно анализировать морфологию древесины как латерально, так и по глубине, с разных ракурсов/срезов 3D-реконструкции по одному стеку. Более того, сгенерированная 3D-модель объекта дает возможность выполнения в дальнейшем различных пространственных численных измерений (*Mikhutkin et al.*, 2018. Р. 511).

Экспериментальные КЛСМ-изображения получались на КЛСМ Olympus FV10i-W (Olympus Corporation, Japan) с использованием 10-кратного и 60-кратного водоиммерсионного объективов, а также четырех лазеров с длинами волн 405 (светло-синий цвет на изображениях), 473 (зеленый цвет на изображениях), 559 (красный цвет на изображениях) и 635 (синий цвет на изображениях) нм. При получении трехмерных стеков данных использовался шаг по глубине 0,5 мкм при числе срезов до 200. Обработка и визуализация отдельных изображений и 3D КЛСМ-стеков производились в программном обеспечении Bitplane Imaris / Imaris Viewer (Oxford Instruments, UK).

РЭМ-изображения были получены на РЭМ Helios Nanolab 600 (Thermo Fisher Scientific, USA) с помощью кольцевого детектора обратнорассеянных электронов.

Результаты. Типичные изображения срезов древесины, полученные с помощью КЛСМ, РЭМ и оптической световой микроскопии, показаны на рис. 1. На рис. 2 представлены, для примера, КЛСМ- и РЭМ-изображения тангенциального и радиального срезов одного из образцов корабельной древесины, отображающие некоторые ее характерные структурные особенности. В разных проекциях наблюдаются трахеиды (особый тип проводящей растворы ткани), по своей морфологии аналогичные сосновым. На полученном с помощью КЛСМ изображении стенки трахеид высвечены в лазерах желтым цветом. При этом полученные таким образом изображения дают только информацию о морфологии поверхности в одной из плоскостей.

На рис. 3 представлен пример пространственной визуализации (3D-модели) разных образцов археологической древесины, выполненной с применением метода 3D КЛСМ.

Созданные по данным КЛСМ 3D-изображения показывают морфологию образцов в объеме. По ним для каждого из срезов определялись характерные особенности пространственного строения древесины. Данным методом удается запечатлеть 3D-структуру древесины на глубину

примерно 20 мкм от поверхности. Морфологические особенности, например, конфигурация отмерших клеток (рис. 3, д), затем использовались в качестве ключевых признаков для определения таксономической принадлежности древесины.

Археологические образцы, особенно найденные под водой, обычно подвергнуты разложению, деформированы и загрязнены – и потому особенно трудно поддаются анализу. Метод КЛСМ позволил максимально точно передать детали поверхности срезов без сушки образцов, т. е. без привнесения в них дополнительных деформаций, а также за счет цветового выделения в лазерах загрязнений и возможных пропиток (высвечены на рис. 3, д, е светлыми тонами). По результатам анализа было определено, например, что оба образца – № 16 и № 7 (рис. 3, д, е) – выполнены из сосны обыкновенной.

Выводы. В результате проведенных исследований удалось определить породы (до разделения на подвиды) предоставленных для изучения образцов древесины. Фрагменты анализируемой древесины принадлежат в основном сосне и вязу. В ходе выполнения работ продемонстрированы возможности методов КЛСМ и РЭМ по изучению археологической древесины.

Список литературы

Грешников Э. А., Ольховский С. В., Чернова О. Ф., Камаев А. В., Антипин А. М., Светогоров Р. Д., Мандрыкина А. В., Кондратьев О. А., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б. Исследования композитных защитных покрытий корабля I в. до н. э. из Фанагории // Российские Нанотехнологии. 2024. № 19. С. 595–606.

Akkemik Ü., Yaman B. Wood anatomy of Eastern Mediterranean species. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House, 2012. 312 p.

Balzano A., Novak K., Humar M., Čufar K. Application of confocal laser scanning microscopy in dendrochronology // Les/Wood. 2019. № 68. P. 5–17.

Boetto G., Poveda P., Olkhovskiy S. The Hellenistic Shipwreck of Phanagoria (Taman Peninsula, Black Sea, Russia): A Small Military Vessel // International Journal of Nautical Archaeology. 2022. № 51. P. 21–45.

Čufar K., Balzano A., Krže L., Merela M. Wood identification using non-destructive confocal laser scanning microscopy // Les/Wood. 2019. № 68. P. 19–29.

Donaldson L. Softwood and hardwood lignin fluorescence spectra of wood cell walls in different mounting media // IAWA Journal. 2013. № 34. P. 3–19.

Duchesne I., Daniel G. The ultrastructure of wood fibre surfaces as shown by a variety of microscopical methods – A review // Nordic Pulp & Paper Research Journal. 1999. № 14. P. 129–139.

Jang H. F., Robertson A. G., Seth R. S. Optical sectioning of pulp fibers using confocal scanning laser microscopy // Tappi journal. 1991. № 74. P. 217–219.

Jang H. F., Seth R. S., Wu C. B., Chan B. K. Determining the transverse dimensions of fibers in wood using confocal microscopy // Wood and Fiber Science. 2005. № 37. P. 615–628.

Kitin P., Sano Y., Funada R. Three-dimensional imaging and analysis of differentiating secondary xylem by confocal microscopy // IAWA Journal. 2003. № 24. P. 211–222.

Kitin P. B., Fujii T., Abe H., Funada R. Anatomy of the vessel network within and between tree rings of *Fraxinus lanuginosa* (Oleaceae) // American Journal of Botany. 2004. № 91. P. 779–788.

Knebel W., Schnepf E. Confocal laser scanning microscopy of fluorescently stained wood cells: a new method for three-dimensional imaging of xylem elements // Trees. 1991. № 5. P. 1–4.

Matsumura J., Yamasaki Y., Oda K., Fujisawa Y. Profile of bordered pit aspiration in *Cryptomeria japonica* using confocal laser scanning microscopy: pit aspiration and heartwood color // Journal of Wood Science. № 51. 2005. P. 328–333.

Mikhutkin A. A., Kamyshinsky R. A., Tenchurin T. Kh., Shepelev A. D., Orekhov A. S., Grigoriev T. E., Mamagushvili V. G., Chvalun S. N., Vasiliev A. L. Towards Tissue Engineering: 3D Study of Polyamide-6 Scaffolds // BioNanoScience. 2018. № 8. P. 511–521.

Poveda P., Giulia Boetto G., Olkhovskiy S. The Late Hellenistic Military Ship of Phanagoria; New Data for the Reconstruction of the Ship // Proceedings of the 16th International Symposium on Boat & Ship Archaeology ISBSA 16 Zadar, 2021. P. 289–297.

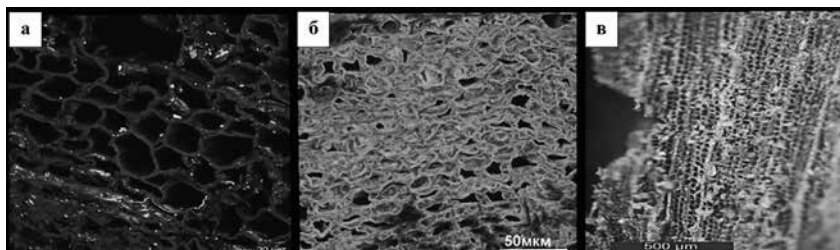

Рис. 1. Изображения поперечного разреза античной корабельной древесины (породы сосновых): а – КЛСМ; б – РЭМ; в – оптическая световая микроскопия

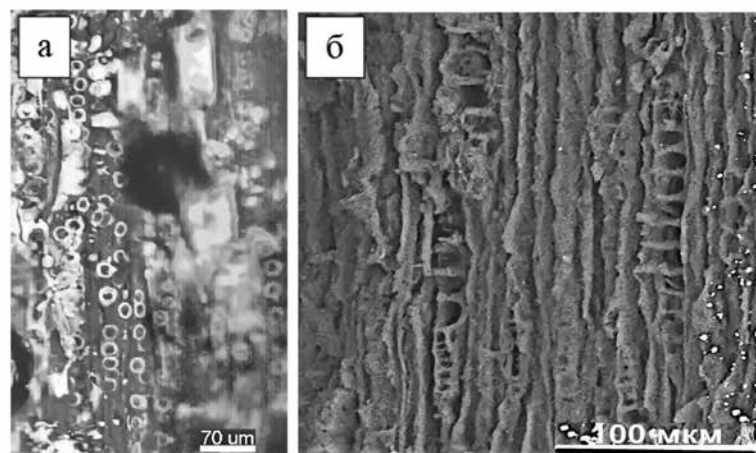

Рис. 2. Слева (а) – КЛСМ-изображение тангенциального разреза, справа (б) – РЭМ-изображение радиального разреза образца 18 корабельной древесины (породы сосновых) из Фанагории

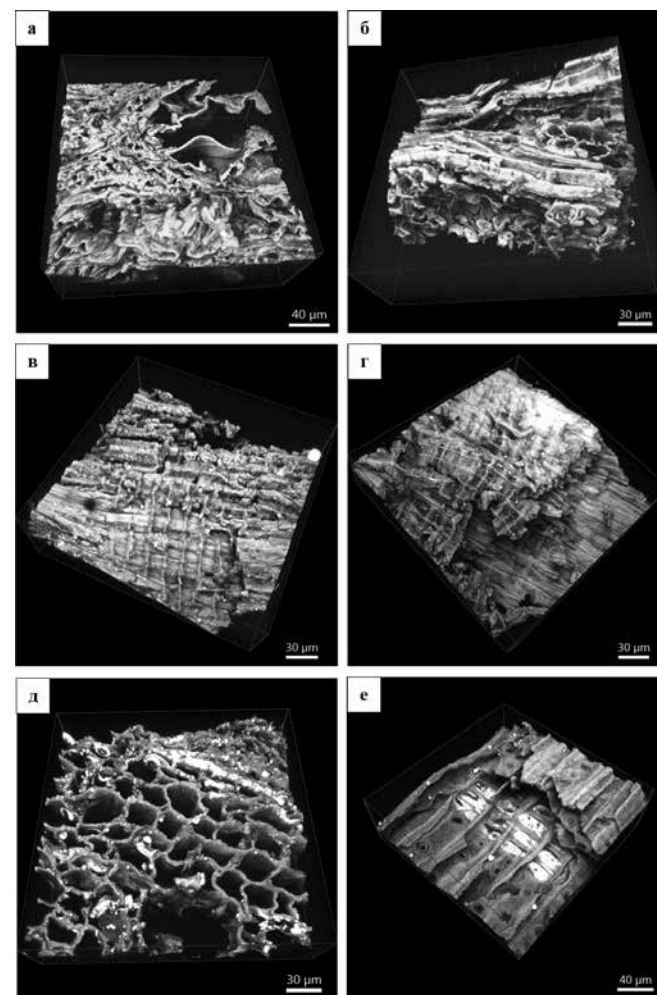

Рис. 3. Трехмерная визуализация по результатам 3D КЛСМ различных срезов образцов древесины (3D-изображения): а, б – № 5; в – № 6; г – № 8; д – № 16 – поперечный срез; е – № 7 – тангенциальный срез

Н. В. Молева

Независимый исследователь, г. Нижний Новгород

ДИСКОВИДНЫЕ АЛТАРИ ИЗ СВАТИЛИЩ БОСПОРСКОГО ГОРОДА КИТЕЯ

На протяжении тридцати семи лет раскопок боспорского города Китея были исследованы четыре святилища: самое большое – в его центре (зольник, раскоп II), два, примыкающих к крепостным стенам: западной (раскоп I) и восточной (раскоп IV), а кроме того, был открыт культовый комплекс на береговой линии в южной части городища (раскоп V). На этих объектах было найдено несколько десятков алтарей различных форм и конструкций, среди которых обращают на себя внимание дисковидные или близкие к ним по своим очертаниям.

Отмечу, что в китейских святилищах, особенно на II и IV раскопах, в основном отправлялись культы богов плодородия, имевшие ярко выраженный хтонический характер. Поэтому многие алтари были низкими и плоскими, часто находившимися на уровне земли (Yavis, 1949. Р. 91). Как показали наши раскопки, иногда хтонические алтари были заглублены в землю, о чем речь пойдет ниже.

Дисковидные алтари, а также похожие на них в виде низких цилиндров принадлежат ко II группе, второму типу монолитных известняковых алтарей по классификации Н. В. Молевой (Молева, 2020, С. 34–36). Следует еще упомянуть несколько жерновов, также найденных в святилищах, которые, как считает А. А. Масленников, могли использоваться в качестве жертвенников (Масленников, 2007. С. 71, 88). Все дисковидные и близкие им по форме алтари отличаются хорошей, а иногда – тщательной обработкой камня с выделенными боковыми гранями и применением шлифовки. Диаметр их составляет от 50 до 80 см (Молева, 2020. С. 85–86). Всего их десять. Четыре были найдены на территории центрального городского святилища (раскоп II), еще пять – в культовом

комплексе южной части городища (раскоп V) и один – в святилище у восточной крепостной стены (раскоп IV). Все они располагались на земле или на днищах ботросов.

Отмечу, что подобные памятники известны с конца II тысячелетия до н. э. в минойской культуре (Yavis, 1949. Fig. 65). На Боспоре аналогичные изделия могли служить столешницами круглых культовых столов (Толстиков, Виноградов, 1999. С. 293). Считается, что круглые и дисковидные алтари использовались в культах именно хтонических божеств (Dinahet, 1991. Р. 109–110; Русяева, 2006. С. 60).

Первые случаи использования дисковидных алтарей в Китее относятся к слоям и объектам IV – начала III в. до н. э. Особенно четко прослеживается их связь с ботросами – специально вырытыми ямами для хтонических приношений или возлияний, а также для сброса священного мусора, оставшегося после ритуальных трапез. Так, алтарь, имеющий условно округлую форму, маркировал дно неглубокого (0,2 м) ботроса с материалами IV в. до н. э. (Молева, 2020. С. 85, N 44). Очевидно, что хтонические функции этого алтаря усиливались заглублением его в землю. По центру хорошо зашлифованной плиты располагались две концентрические окружности бурого цвета, естественным путем образованные железистыми конкрециями. Эти круги роднят рассматриваемый алтарь с дисковидными. Рядом был обнаружен еще один дисковидный алтарь, а контекст окружающих его находок представлен несколькими десятками фрагментированных терракот IV–III вв. до н. э. (Молева, 2020. С. 81, 85, N 47). Часто круглые алтари устанавливались над ботросами. Один из них, со сработанной внешней поверхностью, был найден *in situ* над краем ямы N 57, второй был на 1/3 врыт в боковую стенку ямы N 58. В центре этот алтарь также потерт, что являлось следами каких-то ритуальных действий (Молева, 2020. С. 80–81, 85, N 45–46). Все эти алтари происходят из центрального городского святилища (II раскоп).

На V раскопе в слое I в. до н. э. – I в. н. э. был открыт комплекс из трех дисковидных алтарей, располагавшихся в ряд по направлению запад – восток (Молев, Молева, 2016. С. 38; Молева, 2020. С. 82–83, 86, N 49, 50, 51).

Еще один дисковидный алтарь был найден в том же слое на V раскопе. Он имеет несколько необычную форму: клювообразный выступ и сквозное отверстие в центре. Камень обработан небрежно, края диска неровные. Местонахождение в сакральном комплексе подтверждает его ритуальное назначение. Отверстие в центре позволяет видеть в нем хтонический алтарь (Молева, 2020. С. 86, N 53).

Особый интерес представляет алтарь, главной составной частью которого был круглый жернов. Он также происходит с V раскопа и представляет собой конструкцию из пяти обработанных известняковых плит прямоугольной формы, выложенных по кругу; сверху на них положен жернов со сквозным отверстием. В основании алтаря – круглое зольное пятно. Он найден *in situ* в слое II–I вв. до н. э. (Молева, 2020. С. 101, 104, N 76) и может служить примером того, как использовались жернова в сакральных комплексах Китеят (Тульпе, Хршановский, 1994. С. 109). Отмечу еще одну находку фрагмента (сегмент) дисковидного алтаря на IV раскопе у восточной крепостной стены (Молева, 2020. С. 83, 86, N 52).

Итак, дисковидные и круглые каменные алтари имели широкое распространение в античном мире, хотя использовались реже, чем прямоугольные. В областях Ионии и в Милете, в частности в святилище Аполлона Дельфийского, они функционировали в течение нескольких столетий (Русяева, 2006. С. 60). Вероятно, оттуда эта традиция могла попасть и в греческие города Северного Причерноморья.

На Боспоре аналогичные алтари были найдены на городище «Белинское» (раскопки В. Г. Зубарева). Три каменных диска и антропоморф составляли алтарный комплекс (Молева, Кучеревская, 2016. N 181). На Азовском побережье два дисковидных и один цилиндрический алтари были обнаружены в перистильном дворе дома конца IV – первой половины III в. до н. э. на поселении Генеральское-Западное (Масленников, 2007. С. 495, рис. 193а). Известна и находка дисковидного алтаря в Илурате (Гайдукевич, 1981. С. 91, рис. 13, 2).

Таким образом, дисковидные алтари на Боспоре вообще и в китейских святилищах в частности, предназначавшиеся для хтонических ритуалов, бытовали в сакральной практике с IV в. до н. э. по I в. н. э.

Список литературы

- Гайдукевич В. Ф.** Боспорские города. Уступчатые склепы. Загородная усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981. 138 с.
- Масленников А. А.** Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. 564 с.
- Молев Е. А., Молева Н. В.** Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь; Керчь: Деметра, 2016. 452 с.
- Молева Н. В.** Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2020. 129 с.
- Молева Н. В., Кучеревская Н. Л.** Антропоморфные изваяния. Керчь, 2016. 252 с. (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция; т. V)
- Русяева А. С.** Глава 4. Строительные остатки алтарей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 53–74. (МАИЭТ Suppl.; 2).
- Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г.** Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН, 1999. С. 282–302.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А.** Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры: материалы науч. конф. СПб., 1994. С. 108–110.
- Dinahet M.-Th.** Autels monoliths et monolithoïdes de Delos // L'espace sacrificiel dans les civilisations Méditerranéennes de l'antiquité: actes du colloque tenu à la Maison de l'Orient, Lyon, 4–7 juin 1988. Paris, 1991. 346 p.
- Yavis C. G.** Greek altars. Origins and Typology. Saint Louis, Missouri: Saint Louis University Press, 1949. XXII, 266 p., 39 pl., 54 text figs.

А. С. Намойлик

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

МАГИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ НА ПИФОСЕ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В 2019 г. при раскопках квартала XX Херсонесского городища, проводившихся экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н. Ю. Новоселовой¹, были обнаружены фрагменты красноглиняного пифоса с граффити на стенках² (Дом Архелая..., 2019). Они происходят из слоя каменного завала, возникшего в ходе одной из многочисленных перестроек в юго-восточной части квартала. Сохранилась нижняя часть сосуда – плоский поддон со стенками, а также ряд крупных и мелких фрагментов стенок. Диаметр поддона составляет ок. 14 см, толщина стенок – 3,5 см. Наличие плоского поддона и характеристики глиняного теста, содержащего слюду и железистые частицы, позволяют датировать пифос римским временем³.

Граффити сохранились на двух крупных нестыкующихся фрагментах стенок сосуда.

Фрагмент 1, размерами 35,5 × 46 см, склеен из шести частей. На нем имеется отверстие диаметром ок. 2,5 см со следами коррозии железа. Граффити прочерчены на внешней стороне (рис. 1)⁴:

1a NHK[] (монограмма)

1b NI, «сетка»

1c знак в виде Ψ с дополнительной линией, ряд черточек

¹ Благодарю Надежду Юрьевну за предоставление материалов для публикации и содействие в ходе подготовки статьи.

² Хранятся в фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический», ИКАМ 37721/33.

³ Выражаю признательность Л. А. Ковалевской за помощь в датировании находки.

⁴ Ввиду большого размера склеенного фрагмента на рисунке представлены только его части с граффити (в масштабе 1 : 2). То же касается второго фрагмента.

Фрагмент 2, размерами 38 × 44,5 см, склеен из пяти частей. Граффити прочерчены на внешней стороне (рис. 2, 4):

2a изображение лабиринта

**2b часть окружности с параллельными линиями и знаком (?)
внутри нее**

Граффити на фрагменте 1 расположены по разные стороны отверстия: **1a** и **1b** – с одной стороны, **1c** – с другой (рис. 1).

Монограмма NHK (**1a**) прочерчена довольно крупными буквами высотой 2,4–3,0 см. После **каппы** проходит скол, т. е. нельзя исключать, что граффито имело продолжение. Надпись NI (**1b**) гораздо более мелкая, чем монограмма (высота букв 0,55–0,65 см), непосредственно примыкает к линиям «сетки». Овал, расположенный правее NI, возможно, принадлежит букве Φ, вертикальная гаста которой переходит в одну из линий «сетки». Высота знака, напоминающего Ψ (**1c**), достигает 11,2 см. Рядом с одной из линий знака, левее нее, прочерчено семь вертикальных черточек высотой до 1,1 см.

Граффито **2a** представляет собой изображение круглого лабиринта диаметром ок. 7 см (рис. 2). От граффито **2b** сохранился округлый контур, внутри которого прочерчены какой-то знак или буква (левая часть повреждена) и пять параллельных линий высотой от 2 до 3,5 см (рис. 4).

В первую очередь обратимся к самому необычному из граффити на пифосе – изображению лабиринта критского типа. Такой лабиринт имеет округлую форму и состоит из двух спиралеподобных линий, которые образуют семь дорожек-окружностей, организованных в определенном (не последовательном) порядке (рис. 3). Лабиринт имеет один вход (он же выход), извилистая дорожка заполняет все его внутреннее пространство и, постоянно изменяя направление движения, следуя максимально круглым путем, в конце концов выводит к центру (Керн, 2007. С. 9–11, рис. 5–6). В нашем случае правила построения лабиринта соблюдены не в полной мере (отличается расположение и количество дорожек), в результате чего лабиринт оказался непроходимым. Вместе с тем херсонесское граффито имеет несомненное внешнее сходство с лабиринтом; верно переданы такие детали, как единственный вход и центральный крест. Очевидно, автор изображения не владел детальной информацией о принципах построения лабиринта; он чертил его по памяти либо копировал с какого-то образца, допуская при этом ошибки.

Считается, что лабиринт как графическая форма появился в эпоху бронзы в Средиземноморском бассейне, в ареале крито-микенской

культуры, и распространился далеко за пределы региона (Керн, 2007. С. 16). Его происхождение связывают с графической фиксацией культовых танцев. Идея лабиринта получила многообразное воплощение в виде петроглифов, граффити, дипинти, мозаик, рисунков, сооружений из дерна, камней и пр. Древнейшим твердо датированным изображением лабиринта считается граффито на глиняной табличке из дворца Нестора в Пилосе, сгоревшего ок. 1200 г. до н. э.; на оборотной стороне таблички находится греческая надпись, сделанная минойским линейным письмом В (Керн, 2007. С. 78, рис. 103–104; с. 79; Sarullo, 2017. Р. 90, fig. 3).

Изображения лабиринта известны среди граффити Помпей. Три лабиринта округлой формы прочерчены на стене узкого коридора между Большим и Малым театром: они несимметричны и выполнены с ошибками (Langner, 2001. Taf. 7, Nr. 152–154, S. 30–31; Sarullo, 2017. Р. 109, fig. 21). По мнению М. Лангнера, эти попытки изобразить лабиринт могли отображать «удивление художника по поводу замысловатой системы прохода к зрительным местам». Граффито в виде квадратного лабиринта находилось на столбе перистилия дома Марка Лукреция на Стабианской улице (Langner, 2001. Taf. 7, Nr. 150). Над рисунком прочерчена надпись на латинском языке: «Labyrinthus | hic habitat | Minotaurus» – «Лабиринт. Здесь живет Минотавр». Автор этого изображения, хотя и не лишенного недочетов, был явно знаком с правилами построения лабиринта. Возможно, рисунок с надписью имел шутовскую подоплеку: неизвестный озорник обозвал Минотавром хозяина дома (Керн, 2007. С. 79, рис. 107).

Граффити-лабиринты, относящиеся к эллинистическому и римскому времени, обнаружены на Делосе (на стене Дома тритонов), в Дура-Эвропос (на стене помещения), в Кумах и некоторых других местах. В эпоху эллинизма большей популярностью пользовалась прямоугольная форма лабиринта, а в первые века новой эры – округлая (Langner, 2001. S. 30, Taf. 7, Nr. 149, 155–159). Этот тезис находит подтверждение и на примере херсонесского граффито.

По имеющимся сведениям, изображение лабиринта не встречалось среди граффити Северного Причерноморья. При этом известны граффити в виде спирали, трактуемые некоторыми исследователями как лабиринты (Емец, 2005. С. 140; Сапрыкин, Масленников, 2007. № 765). Однако лабиринт представляет собой особую форму, состоящую из двух спиралеподобных линий. Спираль же сама по себе – древнейший символ жизненной силы, движения, развития (Тресиддер, 1999. С. 355–356; Яйленко, 2005. С. 467–468; Толстой, 1953. № 239).

Отметим, что лабиринт как символ города помещали на реверсе монет Кносса. На монетах первых выпусков, датируемых временем ок. 470 г. до н. э., это было стилизованное изображение, состоявшее из переплетающихся мотивов меандра. Во второй половине IV в. до н. э. стали использовать прямоугольный лабиринт критского типа, а в период с 200 по 67 гг. до н. э. – округлый (Mielczarek, 2013).

Лабиринт как символ ассоциировался со смертью и возрождением (Керн, 2007. С. 21). Движение по траектории извилистых дорожек лабиринта являлось важнейшей составляющей так называемой троянской игры – ритуала, перенятого римлянами у этрусков. Согласно тексту «Энеиды» Вергилия, троянскую игру проводили в память об усопших, а также при закладке города. В обоих случаях смысл повторения магических движений по схеме лабиринта заключался в создании защитных стен, разделяющих внешнее и внутреннее пространство. Древнейшим изображением троянской игры являются граффити на этрусской ойнохое из Тральятеллы (ок. 620 г. до н. э.), среди которых есть рисунок лабиринта (Sarullo, 2017. Р. 104–106, fig. 17). Лабиринт часто изображали на римских мозаиках, придавая ему черты укрепленного города; такие мозаики помещали у входа в дом, чтобы оградить жилище от злых сил (Керн, 2007. С. 24, 83–98). Таким образом, символ лабиринта выступал в качестве апотропея.

Лабиринт как апотропеический символ связан со сферой магии. К той же области относятся граффити – комбинации из пересекающихся линий, образующие подобие сетки или решетки (граффито 1b на пифосе) (Емец, 2005. С. 141; Намойлик, 2017. С. 203). Такие изображения, прочерченные на черепках разбитых сосудов, известны на хоре Херсонеса (Соломоник, 1984. № 43: балка Бермана, на остраконе из дна открытого сероглиняного сосуда; № 265: поселение «Чайка», на остраконе из фрагмента красноглиняного сосуда, и др.). Граффити в виде сетки встречаются на Боспоре (напр.: Сапрыкин, Масленников, 2007. №№ 230–233) и в Ольвии (Яйленко, 1982. С. 295–296, № 139: на амулете из стенки чернолаковой чаши с «засорами для подвешивания»; Русяева, 2010. С. 124, № 81; с. 173, № 137).

Монограмма из букв NHK (1a) может расшифровываться как Νίκη – теоним, антропоним или нарицательное существительное «победа». То, что слово, переданное посредством монограммы, начинается с Ni-, косвенным образом подтверждает надпись NI (1b), которая, как нередко бывало, могла повторять начальные буквы соседнего граффито⁵.

⁵ Например, пары граффити Φορμίων и Φ (ГАХ № 1620), Ἰέρωνος и ΙΕ (Тюрин, Намойлик, 2021. С. 412), Νικόλαου и Ν (Lang, 1976. № F 245).

Слово *νίκη* фигурировало в «победных» надписях, включавших также личное имя в родительном падеже и означавших «победа такого-то». Подобные граффити, прочерченные на чернолаковых сосудах IV в. до н. э., известны в Пантикапее (*Яйленко*, 2018. С. 263–264). Аналогичные по формулировке «*acclamazioni di vittoria*», связанные со спортивными соревнованиями эфэбов, встречаются в гимнасиях, преимущественно в эпоху империи (*Guarducci*, 1974. Р. 370).

В надписях на амулетах римского времени употреблялся глагол «побеждать», например, *νίκη ἡ Εἰς* («побеждает Исида») (*Bonner*, 1950. Р. 176, 289, no. 216), *πάντα νίκη ὁ Σάραπτις* («все побеждает Серапис») и др. (*Mastrocinque*, 2003. Num. 51, 254).

Надпись-пожелание *λαβὲ τὴν ν(ε)ίκην* («Одержжи победу!») помещали на стеклянных сосудах римского времени. Кубок с такой надписью, датируемый периодом с середины I по вторую четверть II в. н. э., обнаружен при раскопках могильника Фронтное-3 в окрестностях Херсонеса (*Голофаст*, 2022. С. 44–47). В. П. Яйленко рассматривает эти надписи в религиозно-магическом ключе (*Яйленко*, 2010. С. 687, табл. 7, 45–46).

Не исключено также, что за монограммой ННΚ стояло одно из популярных личных имен с началом *Νίκη*-, например, *Νικήρατος*, *Νίκησιώ*, *Νίκηφόρος*.

Отверстие, рядом с которым расположены граффити 1а и 1b, было довольно аккуратно пробито (не просверлено). Надписи не повреждены отверстием и одинаково удалены от него. Вероятно, оно было сделано специально. Относительно большой диаметр отверстия (ок. 2,5 см) и его удаленность от края (более 5 см) не позволяют связывать его с ремонтом пифоса. Еще одно такое отверстие имеется на другом фрагменте того же пифоса без граффити.

Известны случаи, когда подобные намеренно пробитые отверстия (обычно в донцах столовых сосудов) сопровождаются граффити магического характера (*Намойлик*, 2017. С. 200, №№ 1, 4; *Кашаев*, *Намойлик*, 2023. С. 256–257). Донца с пробоинами встречаются и без надписей, например, три таких донца с оббитыми стенками обнаружены в контекстах римского времени при раскопках Южного пригорода Херсонеса.

Граффити на фрагментах пифоса, а также специально пробитое отверстие отсылают к сфере магического. Судя по всему, пифос из квартала XX (скорее всего, не целый, а его часть) использовался в действиях магического характера.

Список литературы

ГАХ = Граффити античного Херсонеса / отв. ред. Э. И. Соломоник. Киев: Наукова думка, 1978. 171 с.

Голофаст Л. А. Выдутые в форму стеклянные сосуды из могильника Фронтное-3 // Могильник римского времени Фронтное-3: варвары на границах Империи / отв. ред. А. В. Мاستыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 43–53.

Дом Архелая: краткий сводный отчет об археологических исследованиях 2014–2018 годов экспедиции Государственного Эрмитажа в XX квартале Херсонеса Таврического / под ред. Н. Ю. Новоселовой. СПб., 2019. 155 с.

Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (типология и методика исследования). М.: Спутник+, 2005. 242 с.

Кашаев С. В., Намойлик А. С. Тризна 29 из раскопок некрополя Артющенко-2 // БИ. 2023. № 46. С. 255–264.

Керн Г. Лабиринты мира / пер. с англ. А. Рудаковой, Л. Шведовой. СПб.: Азбука-классика, 2007. 430 с.

Намойлик А. С. Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // АВ. 2017. Вып. 23. С. 198–210.

Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010. 286 с. (МАИЭТ Suppl.; 8).

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2007. 319 с. (БИ Suppl.; 1).

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.

Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1953. 155 с.

Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Гранд; ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.

Тюрин М. И., Намойлик А. С. Новые амфоры с граффити из раскопок укрепления Масляная гора // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: материалы междунар. науч. конф. / ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2021. С. 411–418.

Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (по данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.

Яйленко В. П. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Т. 8. С. 465–514.

Яйленко В. П. Христианские и паракристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 2010. Т. 14. С. 610–711.

Яйленко В. П. Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея // ДБ. 2018. Т. 22. С. 243–274.

Bonner C. Studies in Magical Amulets. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1950. XXIV, 334 p.

Guarducci M. Epigrafia greca. Vol. III. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1974. 611 p.

Lang M. Graffiti and Dipinti. Princeton; New Jersey: ASCSA, 1976. 126 p, 62 pls. (The Athenian Agora; vol. XXI).

Langner M. Antike Graffitizeichnungen: Motive, Gestaltung und Bedeutung. Wiesbaden: Dr. L. Reichert Verlag, 2001. 352 S., 163 Taf.

Mastrocinque A. (ed.). Sylloge gemmarum gnosticarum. Parte 1. Roma: Istituto poligrafico e Zecca dello Stato; Libreria dello Stato, 2003. 504 p.

Mielczarek M. More on the Labyrinth on the Coins of Knossos // Studies in Ancient Art and Civilization. Kraków, 2013. Vol. 17. P. 127–138.

Sarullo G. Iconografia del labirinto. Origine e diffusione di un simbolo tra passato e futuro // Tra passato e futuro. 2017. T. 1. P. 81–136.

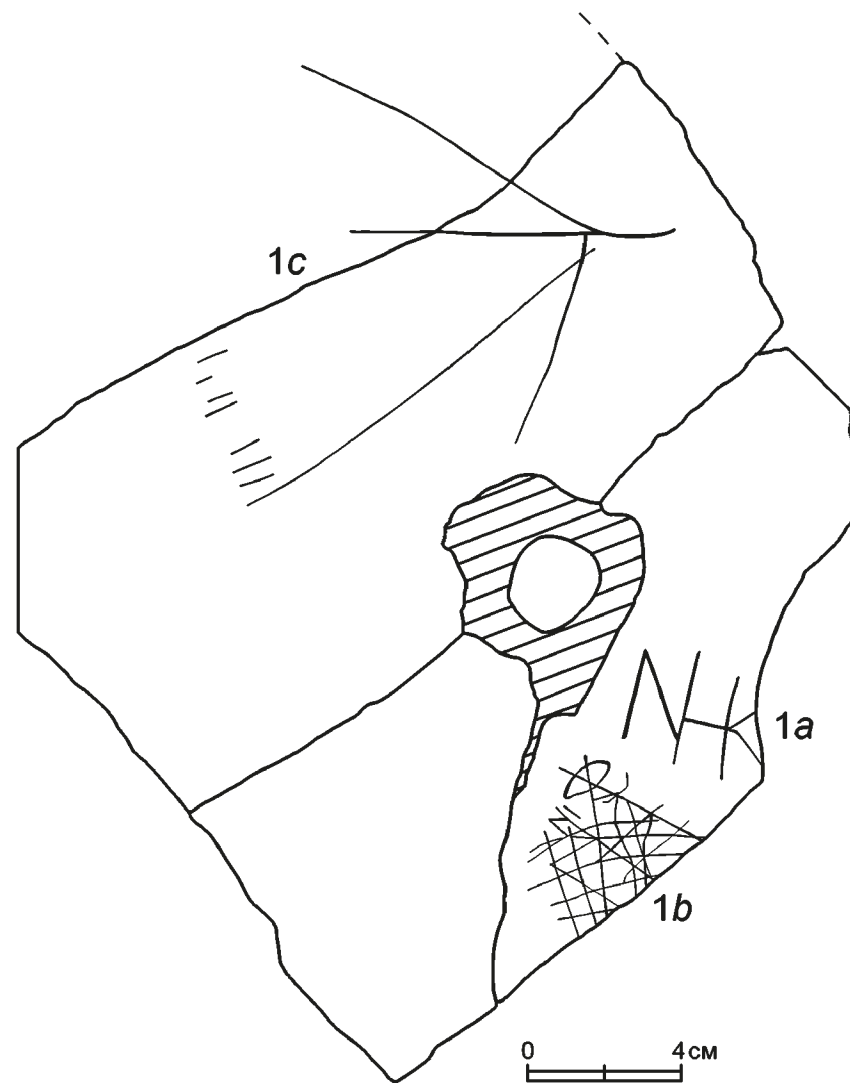

Рис. 1. Граффити 1а, 1b, 1с на пифосе из Херсонеса Таврического

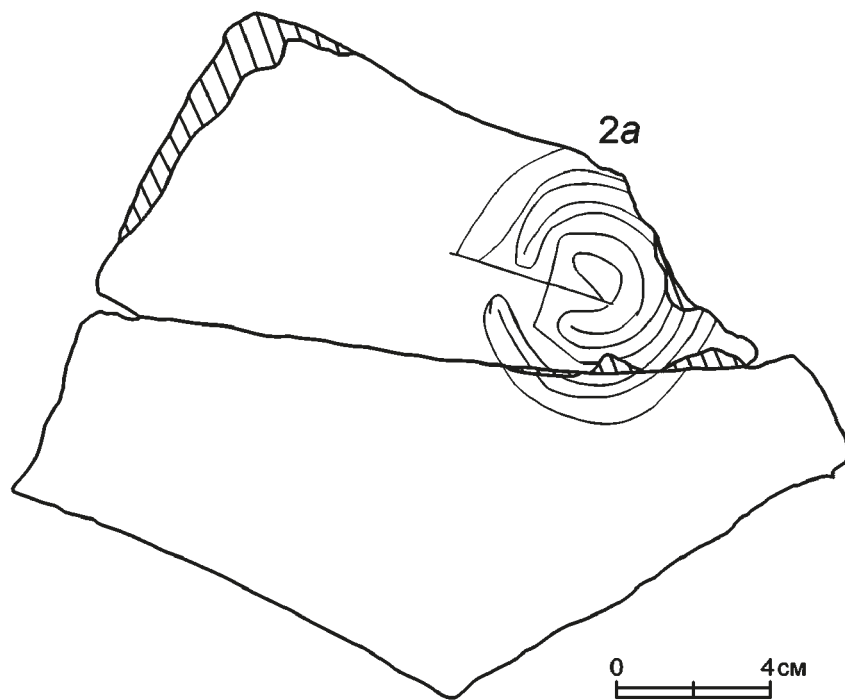

Рис. 2. Граффито 2a на пифосе из Херсонеса Таврического

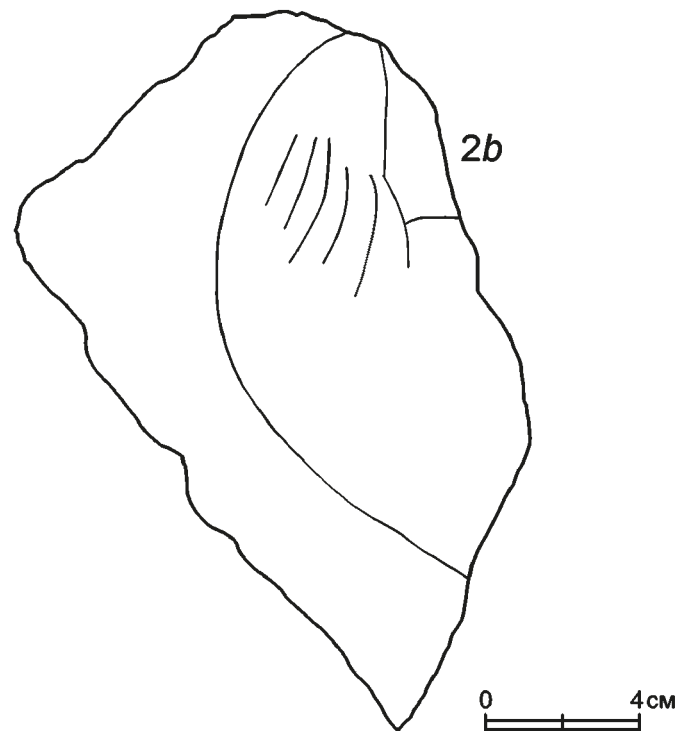

Рис. 4. Граффито 2b на пифосе из Херсонеса Таврического

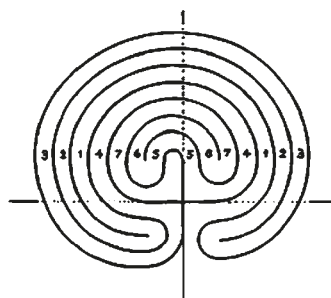

Рис. 3. Лабиринт критского типа, состоящий из семи окружностей
(по: Керн, 2007. С. 10, рис. 5)

А. М. Новичихин

Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА ХОРЕ ГОРГИППИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДКИ 1994 Г. И СБОРОВ 1995–2000 ГГ.)

Осенью 1994 г. автором проводилась археологическая разведка к югу от с. Су-Псех. Основным объектом исследования стало поселение Су-Псехское II: был составлен топографический план памятника, собран подъемный материал, позволивший определить три периода его существования: IV–III вв. до н. э., XII–XV вв. и XVII–XVIII вв. С целью проверки сообщения одного из жителей с. Су-Псех о находках фрагментов керамики к западу от обследованного памятника был также осмотрен северный, спускающийся к Анапской долине склон гряды Лысой горы – крайнего западного отрога Семисамского хребта. В 1950–1980 гг. здесь располагались виноградники совхоза «Кавказ», однако в конце 1980-х гг. виноградники были раскорчеваны, и с тех пор склон больше не распахи-вался. На момент осмотра в 1994 г. здесь прослеживались значительные участки не покрытой травой поверхности, в результате чего автору удалось зафиксировать два локальных скопления средневековой керамики, получивших условные названия поселений Су-Псехское III и Су-Псехское IV. Их детальное обследование, сбор подъемного материала, инструментальную топосъемку предусматривалось провести в 1995–1996 гг., но по ряду причин археологические разведки в данном районе в последующие годы не проводились.

Объект, обозначенный как поселение Су-Псехское IV, вызывал особый интерес, поскольку на нем в 1994 г. при визуальном осмотре был обнаружен крупный фрагмент мраморного рельефа с изображением всадника (рис. 1, 1) (Новичихин, 1995), доставленный затем в Анапский археологический

музей и в настоящее время хранящийся там¹. В течение 1995–2000 гг. автор несколько раз посещал Су-Псехское IV поселение, в результате чего была собрана выразительная коллекция подъемного материала, в 2018 г. также переданная в Анапский археологический музей². Находки указывали на неординарный характер археологического объекта. Средневековый период представлен в подъемном материале фрагментом стенки реберчатой амфоры VIII–X вв., фрагментом венчика и двумя фрагментами плоских ручек высо-когорлых кувшинов IX–XI вв. Остальной керамический материал представ-лен фрагментами античной столовой и кухонной керамики: поддонов, ручек и венчиков красноглиняных, светлоглиняных и сероглиняных кувшинов, края светлоглиняной тарелки, венчиков и ручек красноглиняных кастрюль. Осо-бенностью комплекса керамического подъемного материала является пол-ное отсутствие в нем фрагментов амфор и хозяйственной керамики. Другая особенность Су-Псехского IV поселения, выявленная по материалам сборов 1995–2000 гг., – находки на поверхности памятника обломка базы мрамор-ной колонны и фрагментов мраморных плит, в том числе с остатками грече-ских надписей. Кроме того, на поверхности объекта были подняты два фраг-мента венчиков стеклянных сосудов, две бронзовых позднебоспорских монеты, отщепы кремня и яшмы. Все находки локализовались на небольшом возвыше-нии и были сосредоточены на площади, не превышающей 500 кв. м.

В 2018 г. при проведении археологической разведки автором была пред-принята попытка поиска поселений Су-Псехское III и Су-Псехское IV. К сожа-лению, в результате двукратного осмотра обращенного к Су-Псеху склона Лысой горы отыскать следы двух этих археологических объектов не удалось. Вслед-ствие того, что склон не распахи-вался на протяжении почти тридцати лет, он оказался покрыт густой высокой травой и мелким кустарником. Отложив-шийся за три десятилетия плотный слой слежавшейся травы (опада), дости-гающий 0,1–0,15 м, полностью скрыл обнажения поверхности. Археологиче-ский поиск Су-Псехского III и Су-Псехского IV поселений возможен только путем закладки шурфов, а имевшаяся в 2018 г. форма Открытого листа проведения локальных земляных работ не предусматривала (Новичихин, 2021. С. 303).

Тем не менее неординарный набор археологических находок из раз-ведки 1994 г. и сборов 1995–2000 гг. убедил автора в необходимости ввести эти материалы в научный оборот и рассмотреть вопрос о месте памятника в системе древностей хоры античной Горгииппии.

¹ Инвентарный номер музейного хранения КМ 10240, ГК 53208492.

² Индивидуальные находки – в составе коллекции КМ 14281.

Собранные на территории Су-Псехского IV поселения фрагменты античных столовых сосудов хронологически невыразительны и не дают оснований для сколь-либо уверенной датировки памятника. Несколько более информативны в этом плане два фрагмента венчиков стеклянных стаканов или небольших чаш, характерных для I–III вв. н. э.

Дата функционирования объекта определяется временем правления боспорского царя Савромата II (174–210 гг. н. э.) по двум найденным на поверхности объекта медным монетам, чеканенным в его правление:

1. Л. с. – бюст царя вправо, круговая надпись. О. с. – Ника, идущая влево, МН. Диаметр – 2,6 см. Вес – 10,96 г. Сестерций (*Анохин*, 1986. № 590).

2. Л. с. – бюст царя вправо, круговая надпись. О. с. – богиня на троне влево, надчеканки В и голова Септимия Севера. Диаметр – 2,3 см. Вес – 7,96 г. Двойной денарий (*Анохин*, 1986. № 622).

Таким образом, время бытования объекта может быть определено как конец II – начало III в. н. э. Этой дате не противоречат и собранные на поверхности памятника мелкие фрагменты мраморной базы колонны и восьми мраморных плит с остатками греческих надписей, шрифт которых, при сопоставлении его с текстами горгиппийских эпиграфических памятников, находит ближайшие аналогии в надписях этого времени, прежде всего – в относящихся ко времени правления Савромата II:

1. Фрагмент верхней части базы колонны, профилированной валиком, с остатками одной строки греческой надписи: - - Θ. Размер – 12 × 8 × 4,5 см (рис. 2, 1).

2. Фрагмент плиты с остатками четырех строк греческой надписи:

-ΣΟ-

-ΥΟΚΑ-

-ΟΥ·ΤΕ-

-ΟΡΟ-

Размер – 7,5 × 6 × 6 см (рис. 2, 2).

3. Фрагмент плиты с остатками двух строк греческой надписи:

-ΕΡΟ-

-ΤΙ-

Размер – 5 × 4,5 × 2,5 см (рис. 2, 3).

4. Фрагмент плиты с остатками трех строк греческой надписи:

-ΘΟ-

-ΝΥ-

-Ο-

Размер – 5 × 2,5 × 3 см (рис. 2, 4).

5. Фрагмент плиты с остатками одной буквы греческой надписи:

-Λ-(?)

Размер – 3 × 2 × 1 см (рис. 2, 5).

6. Фрагмент плиты с остатками одной строки греческой надписи:

-ΙΟΥΣΑ-

Размер – 3,7 × 2,5 × 1,8 см (рис. 2, 6).

7. Фрагмент плиты с остатками двух строк греческой надписи:

-ΥΣ-

-ΚΥ-

Размер – 5,5 × 3,5 × 1,3 см (рис. 2, 7).

8. Фрагмент плиты с остатками двух строк греческой надписи:

-ΟΝ-

-Ο-

Размер – 2,5 × 2,4 × 0,6 см (рис. 2, 8).

9. Фрагмент плиты с остатками одной строки греческой надписи: -ΑΝ-

Размер – 2,5 × 2,4 × 0,6 см (рис. 2, 9).

Фрагментарность надписей не позволяет сделать никаких сколь-либо уверенных предположений об их содержании.

Среди находок имеются также два обломка тщательно отшлифованных мраморных плит (рис. 2, 11, 12) размерами 12 × 6,5 × 3 и 10,5 × 7 × 1,8 см, одна из которых обработана с двух сторон, и маленький (3,5 × 2,5 × 1,5 см) фрагмент небольшой скульптуры, сохранивший изображение драпировки (рис. 2, 10).

Самой значимой находкой, сделанной во Су-Псехском IV поселении, является крупный (53 × 26 × 16 см) фрагмент мраморного рельефа с частью изображения всадника, обращенного влево (рис. 1, 2). Сохранились грудь стоящего коня с частью плеча передней конечности и согнутая в колене нога седока, с подвешенным ниже бедра вытянутым трапециевидным горитом. Прослеживается изображение нагрудного ремня и края чепрака.

Судя по сохранившимся на фрагменте деталям, рельеф представлял собой типичное для боспорских надгробных стел первых веков н. э. изображение вооруженного всадника на спокойно стоящем или медленно движущемся коне (*Савостина*, 1992. С. 359–360). В Горгиппии известно несколько мраморных памятников с подобными сюжетами: надгробие Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта, надгробие Таллона, сына Пофа, средний рельеф надгробия Гликариона, сына Пофиска и др.: во всех случаях всадники, как и на фрагменте рельефа из Су-Псеха, обращены влево (*Горнчаровский*, 2002; *Савостина*, 2014). От публикуемого их отличает

способ ношения горита: у всадников на горгиппийских стелах он помещен поверх бедра с небольшим, не более 30°, отклонением от вертикали, на рельефе же из Су-Псеха – ниже бедра, параллельно ему, с отклонением в 30–40° от горизонтали. Возможно, это связано с менявшимися со временем способами ношения налучья: горгиппийские надгробия относятся к I – началу II в. н. э., су-псехский рельеф, по сопутствующему материалу, – к концу II – началу III в. н. э. Но нельзя исключать и того, что отличие объясняется несколько иным, не надгробным, назначением памятника. Следует отметить, что рельеф из Су-Псеха заметно превышает по размеру изображения всадников на боспорских надгробиях, приближаясь по размеру только к самому крупному из них – «колоссальной» мраморной стеле, найденной в 1911 г. в Керчи на Рыбном базаре, в нижнем рельефе которой имеется изображение всадника, правда, обращенного вправо, и верхом на вздыбленном (галопирующем?) коне (Иванова, 1951. С. 202, рис. 6).

Последние, поднятые на памятнике и заслуживающие внимания находки, мелкие (1,8 × 1,3 × 0,4 и 3 × 3 × 1,5 см) отщепы кремня и кроваво-красной яшмы.

Своеобразный набор находок, несколько не соответствующий бытовому памятнику типа сельской усадьбы, дает основание рассматривать Су-Псехское IV поселение как остатки позднеантичного святилища, центральным элементом которого служил мраморный рельеф с изображением всадника. Святилища, расположенного на хоре Горгиппии, на значительном удалении (6 км к юго-востоку) от полиса.

В инфраструктуре античной Горгиппии уже известен аналогичный культовый комплекс – открытый и частично исследованный в 1985 г. археологическим отрядом под руководством Н. Д. Нестеренко в Анапе, в ближайшей округе (1,5 км к юго-востоку) от городища. Основой анапского святилища являлся накладной мраморный рельеф с изображением обращенного вправо всадника, от которого сохранились три подбирающиеся фрагмента головы наездника, часть головы коня, отдельные детали конечностей человека и животного (Новичихин, 2011; Савостина, 2012. С. 243–245). Также в материалах святилища присутствуют обломки мраморных плит с надписями, две из которых удалось собрать в достаточно пространственные тексты (Завойкина, Новичихин, 2022). Примечательно, что рельеф по своим стилистическим особенностям датируется I в. н. э. (Савостина, 2012. С. 245), и именно эту дату следует признать временем основания святилища, а надписи относятся ко времени правления Евпатора (154–174 гг. н. э.) и Савромата II (174–210 гг. н. э.) (Завойкина, Новичихин, 2022)

и иллюстрируют поздний этап его функционирования. Примечательно наличие в эпиграфических материалах надписи фиаса с перечислением его членов, видимо, внесших вклад в оборудование или благоустройство культового комплекса³.

Нельзя не отметить сходства других материалов двух святилищ: помимо мраморных рельефов со всадниками и плит с надписями и здесь и там присутствуют фрагменты мраморных скульптур небольшого размера, профилированные детали архитектурного декора, отшлифованные мраморные плиты (крышки культовых столов?), монеты, фрагменты керамических сосудов, преимущественно столового назначения, мелкие кремневые отщепы.

Полтора десятилетия назад автором было высказано предположение, что святилище, открытое близ Горгиппии в 1985 г. (и, не исключено, святилище, открытое близ Су-Псеха), может быть связано с культом конного бога, возможно, в образе обожествленного боспорского царя Аспурга (Новичихин, 2011). Но весьма вероятен и другой вариант интерпретации этих памятников.

Представляется, что открытые в Анапе и у с. Су-Псех культовые комплексы могли выполнять меморативные функции, представляя собой подобие героонов – пространственно организованных и архитектурно оформленных мест захоронения героев, правителей и других значимых для истории того или иного полиса личностей. На то, что традиция гробницы-героона получила распространение на Боспоре в античное время, указывают особенности оформления некоторых подкурганных склепов (Савостина, 2015. С. 289). О реальном существовании здесь подобных памятников свидетельствуют каменные рельефы, открытые во вторичном использовании (в качестве строительного камня) при исследовании поселения Юбилейное I на Тамани: один из вариантов реконструкции этого сооружения предложен Я. Боузеком (Савостина, 2012, С. 237–238, рис. 193). Статуарные или рельефные памятники могли сопровождаться каменными плитами с надписями, перечисляющими заслуги погребенного, примером чему может служить т. н. «энкомий» из Пантикапея (Виноградов, Шестаков, 2005. С. 42–44; Сапрыкин, 2005).

Герооны могли сооружаться как вскоре после кончины героя, так и спустя столетия: в последнем случае могла иметь место реконструкция более

³Еще одна надпись из анапского святилища, сохранившая окончание списка имен, также с большой долей вероятности могла представлять собой текст, манифестирующий деятельность фиаса.

раннего святилища. На это могут указывать случаи обнаружения в границах культового комплекса или вблизи него археологических материалов, связанных с более ранними захоронениями.

Так, менее чем в 100 м от места раскопок в 1985 г. участка загородного святилища, в 1968 г. анапским археологом А. И. Саловым был зафиксирован разрушенный каменный склеп, в конструкции которого использовались плиты с рельефным изображением погребального ложа, рядом со склепом был найден чернолаковый сосуд III–II вв. до н. э. (Салов, 1976. С. 66, 15).

С районом су-псехского святилища также связаны находки, указывающие на расположение в этом месте погребения представителя горгиппийской элиты эллинистического времени. В 1927 г. «в 6 километрах от Анапы, на Лысой горе» при закладке виноградника было разрушено конское погребение с богатым уздечным набором, от которого уцелел только серебряный с позолотой налобник в виде двух пальметт со скульптурным изображением протомы грифона между ними. Опубликовавший налобник М. В. Покровский датировал его IV–III вв. до н. э. (Покровский, 1937). Находка поступила в Государственный Эрмитаж, где хранится в настоящее время⁴.

Там же («на холме за улицей Лермонтова», со слов находчика, с которым автору удалось встретиться в середине 1980-х гг.) в 1972 г. был найден фигурный бронзовый топорик, поступивший в Анапский музей и до настоящего времени не опубликованный⁵.

На важное место этих комплексов в общественной жизни горгиппийского полиса указывают находки здесь мраморных плит с надписями, особенно наличие в материалах анапского святилища 1985 г. надписей фиасов – общественных объединений граждан во главе с представителями царской администрации. В любом случае дальнейшее изучение материалов этих двух культовых комплексов (а для су-псехского святилища – его поиск) может дать новые материалы о меморативных практиках и общественной жизни позднеантичной Горгиппии.

⁴ Инвентарный номер музейного хранения ГЭ 2432-2, ГК 15216102.

⁵ Инвентарный номер музейного хранения КМ 8365/2564, ГК 27324557.

Список литературы

- Анохин В. А.** Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.** Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2 (253). С. 42–44.
- Горнчаровский В. А.** Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 184–189.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М.** Надписи из раскопок в пригороде античной Горгиппии // ВДИ. 2022. Т. 82, вып. 1. С. 133–149.
- Иванова А. П.** Местные элементы в декоративной скульптуре Боспора // СА. 1951. № 15. С. 188–203.
- Новичихин А. М.** Разведки у с. Су-Псех // АО 1994 г. М., 1995. С. 171.
- Новичихин А. М.** Аборака // ИАА. 2011. Вып. 10. С. 68–73.
- Новичихин А. М.** Некоторые итоги археологических разведок в окрестностях с. Су-Псех в 2018 г. // Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана. Научные труды. Т. 5. Анапа, 2021. С. 301–306.
- Покровский М. В.** Грифон Лысой горы // СА. 1937. № 4. С. 305–307.
- Савостина Е. А.** Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и история Боспора. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1992. С. 355–386. (Сообщения ГМИИ; Вып. X).
- Савостина Е. А.** Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2012. 392 с.
- Савостина Е. А.** Об опубликованном А. И. Саловым памятнике Агафа, Протогенова сына, и группе стел работы горгиппийских мастерских // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: сб. науч. ст. к 100-летию со дня рождения А. И. Салова. Краснодар; Анапа: Платонов, 2014. С. 64–72.
- Савостина Е. А.** Гробницы в историческом ландшафте Боспора: особенности архитектуры и расположения в пространстве // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 284–290.
- Салов А. И.** К вопросу о топографии Горгиппии // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 61–67.
- Сапрыкин С. Ю.** Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.

1

2

Рис. 1. Фрагмент мраморного рельефа с изображением всадника:
1 – в момент находки; 2 – современное состояние

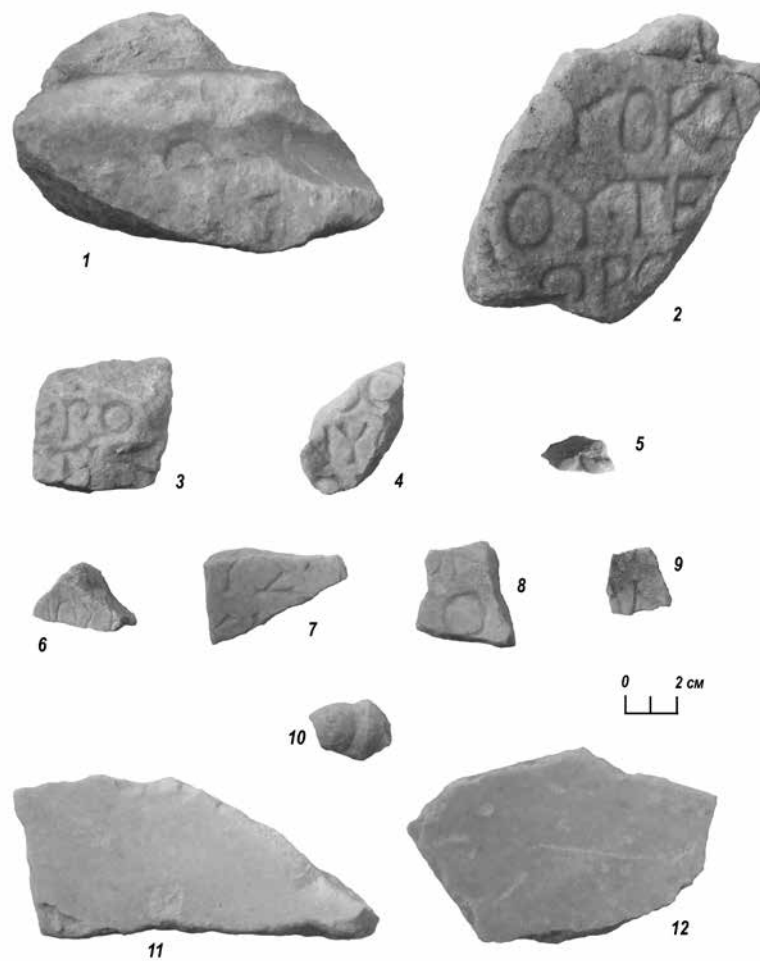

Рис. 2. Фрагменты мраморных изделий:
1 – фрагмент базы колонны с надписью; 2–9 – фрагменты плит с надписями;
10 – фрагмент скульптуры; 11, 12 – фрагменты отшлифованных плит

В. Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария, г. Саратов

ОТРАЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ АСАНДРА

Как известно, Боспорское царство попало в сферу римских интересов в конце III Митридатовой войны, когда римляне убедились в его значении не только и, может быть, не столько в экономическом, сколько в стратегическом плане (Гайдукевич, 1949. С. 317 сл.). С этого времени они уже не выпускали его из поля зрения, хотя бурные события последних десятилетий Республики не всегда позволяли им уделять Боспору Киммерийскому должное внимание.

Асандр, правитель этого государства на протяжении нескольких десятилетий, бесспорно, является выдающейся личностью. Не имея, по-видимому, никакого отношения к правящей династии, основанной Митридатом VI Евпатором, он сумел не только утвердиться у власти, отстояв ее от посягательств со стороны двух обладателей царского титула, но и, в конечном счете, несмотря на все усилия могущественных недругов, передать царскую власть потомкам после долгого и успешного царствования.

Ранние ступени его карьеры неизвестны и могут быть восстановлены лишь предположительно (Чореф, 2014. С. 456–464). Известно, что когда царь Фарнак II, получивший от Рима Боспорское царство, кроме Фанагории, и титул «друга и союзника римского народа» (φίλος καὶ σύμμαχος Ῥωμαίων) (App. *Mithr.* 113. 554), решил воспользоваться начавшейся Второй гражданской войной между цезарианцами и помпеяйцами, чтобы восстановить державу своего отца в прежних размерах, то своим наместником (ἐπίτροπος) на Боспоре он оставил именно Асандра (Cass. Dio XLII. 46. 4).

Последний, выждав, пока Фарнак основательно увязнет в Малой Азии, воюя против римлян и местных династов, их союзников, поднял мятеж против него, рассчитывая, что в награду за эту услугу получит от римлян власть над Боспором (τὴν τε δυναστείαν τοῦ Βοσπόρου) (Cass. Dio XLII. 46. 4. Comp.: App. *Mithr.* 120. 591).

После битвы при Зеле, которую Цезарь охарактеризовал знаменитым «Veni. Vidi. Vici», диктатор поручил дальнейшее ведение боевых действий своему легату Гнею Домицию Кальвину, который в начале этой кампании потерпел серьезное поражение от Фарнака. Тот, едва не попав после разгрома при Зеле живым в руки Цезаря (Bell. Alex. 76. 4), бежал с тысячей всадников в Синопу, а затем сдал ее Кальвину, заключив с ним перемирие, по условиям которого (ὑπόσπονδος) римляне предоставляли противнику свободный выход.

Перед погрузкой на суда Фарнак, несмотря на недовольство своих воинов, приказал им перебить своих коней, что явно объясняется невозможностью в данном случае морской транспортировки животных. Высадившись в Крыму, царь успел занять Феодосию и Пантикапей, но затем был разгромлен Асандром в решительном сражении, в котором сам он, храбро сражаясь (ἡγωνίζετο καλῶς), пал в бою (App. *Mithr.* 120. 593–595).

Однако гибель Фарнака не означала окончательного утверждения у власти в Боспорском царстве Асандра. Цезарь, бывший вполне в курсе событий на берегах Боспора Киммерийского, вовсе не собирался оставлять там правителем отпущенного восояси Фарнака. Как свидетельствует анонимный автор «Александрийской войны», один из высших офицеров Цезаря (Suet. *Iul.* 56. 1), то есть непосредственный участник событий, вместо Фарнака диктатор назначил царем Боспора своего личного друга: Mithridaten Pergamenum ... regem Bospori constituit, quod sub imperio Pharnacis fuerat.... Тем самым Цезарь намеревался решить сразу несколько задач: вознаградить Митридата за неоценимую помощь во время боевых действий в Александрии, установить в Боспорском царстве проримский режим и тем самым предотвратить возможную в будущем угрозу римским владениям со стороны враждебных варваров: a barbaris atque inimicis regibus interposito amicissimo rege munivit (Ps.-Caes. Bell. Alex. 78. 2). При таком политическом раскладе места на Боспоре не было ни для Фарнака, ни для Асандра.

Правда, по мнению С. Ю. Сапрыкина, Цезарь даже после битвы при Зеле, вплоть до гибели Фарнака, признавал именно его легитимным правителем Боспора (Сапрыкин, 2002. С. 61–66). Следует со всей определенностью подчеркнуть, что это прямо противоречит сведениям источников.

Домиций Кальвин заключил с бежавшим в Синопу Фарнаком не мир, как указывает С. Ю. Сапрыкин (Там же. С. 61), – на это у легата Цезаря просто-напросто не было полномочий, – а именно перемирие, так что после отбытия беглого царя из Синопы состояние войны с ним продолжалось (Панов, 2009. С. 13 сл.). Ошибка С. Ю. Сапрыкина, видимо, объясняется тем, что существующий русский перевод «Митридатики» Аппиана в этом месте неточен, в чем нетрудно убедиться, сравнив его с оригиналом.

Направляя Митридата Пергамского царствовать на берегах Боспора Киммерийского, всесильный повелитель Рима распорядился без учета реального положения дел. Асандр, укрепив свое положение устранением Фарнака, не собирался уступать власть кому бы то ни было, в том числе и римскому ставленнику. О неудаче Митридата Пергамского известно из лаконичных упоминаний Страбона, согласно которым, царь ограбил святилище Левкотеи в Колхиде, а затем потерпел поражение в борьбе с Асандром (Strab. XI. 2. 17; XIII. 4. 3). Таким образом, последний окончательно утвердился в роли правителя Боспорского царства.

По мнению А. Р. Панова, действия Митридата Пергамского в Колхиде доказывают, что он двигался на Боспор по суше вдоль восточного побережья Понта Эвксинского (Панов, 2009. С. 14 сл.). Однако это не самый вероятный вариант, поскольку, во-первых, для разграбления святилища Левкотеи не требовалось много времени и для этого было достаточно высадить морской десант, благо храм богини едва ли находился далеко от моря. Во-вторых, представляется справедливой аргументация С. Ю. Сапрыкина, что продвижение по территории непокоренных племен Восточного Причерноморья всегда рассматривалось как исключительный случай, так что от берегов Колхиды Митридат Пергамский с войсками, скорее всего, отправился морем, а в финальной точке его маршрута должно было состояться морское сражение с Асандром, которое закончилось для посланца Цезаря фатально (Сапрыкин, 2002. С. 68).

Все эти драматические события должны были найти адекватное отражение в монетной чеканке Асандра. Проблема здесь заключается в том, что, в отличие от эмиссий золотых статеров Фарнака II, имеющих дату по годам боспорской (вифино-понтийской) эры, последняя дата чеканки – 247 г. б.э. = 51/50 г. н. э. (Анохин, 2011. С. 1309–1311), статоры Асандра датированы по годам его правления, сначала архонтства, а затем царствования. Начальная точка отсчета является дискуссионной, основные мнения проанализированы С. Ю. Сапрыкиным, а позднее – М. М. Чорефом (Сапрыкин, 2002. С. 57–62; Чореф, 2014. С. 464–484).

Последний обратил внимание на то, что портрет на аверсе монет времени архонтата, который принято считать изображением самого Асандра, существенно различается, в зависимости от обозначенного года правления (Анохин, 2011. С. 1312–1315). Исследователь полагает, что разная манера изображения прически правителя отражает смену политической ориентации Асандра, который сначала сделал ставку на Помпея и республиканцев, затем на Цезаря и цезарианцев, то есть Антония и Октавиана (Чореф, 2014. С. 480–484). Эту интересную мысль можно поддержать, отметив только, что, хотя портреты аверса монет Асандра периода архонтата выдержаны в достаточно условной манере, один вывод представляется безусловным: как ранее справедливо указал С. Ю. Сапрыкин (2002. С. 72 сл.), это изображения римлян, а не боспорского правителя. Если это так, то смысл имело изображать лишь того политического и военного деятеля, которому в год чеканки данной монеты принадлежала реальная власть как минимум на римском Востоке и от которого могла зависеть судьба правителя Боспора.

Для концепции С. Ю. Сапрыкина, при всех ее бесспорных достоинствах, характерна жесткая привязка политического положения Асандра к позиции носителя верховной власти в Риме. Поэтому исследователь считает, что правитель Боспора, будучи виновником гибели Митридата Пергамского, не мог получить царского титула до мартовских ид 44 г. до н. э. и был утвержден на царстве лишь Антонием в 42 г. (Сапрыкин, 2002. С. 73, 78). Это положение нельзя признать бесспорным, так как имеется информация, согласно которой царский титул Асандру даровал «божественный Август» (Ps.-Luc. *Macrob.*, 17).

Выход из столь очевидного противоречия усматривается в следующем. Не следует преувеличивать степень зависимости Боспорского царства от Рима в те бурные годы «рождения Империи». Асандр превосходно ориентировался в быстро менявшейся политической конъюнктуре того времени, поэтому и сумел отстоять свою власть. Уничтожив Фарнака, а затем и Митридата Пергамского, он сделал свой выбор и на примирение с Цезарем рассчитывать никак не мог, так что терять ему было нечего.

С другой стороны, согласно сложившемуся после Александра эллинистическому канону, приоритетное право провозгласить себя царем имел победитель другого царя. Именно это право и реализовал Асандр, разгромивший не одного, а двух царей, и от воли римлян его решение никак не зависело. Что же касается последующего утверждения за ним царского титула, мы знаем лишь конечный результат: в надписи наварха

Панталеонта Асандр именуется не только «великим царем царей» и «спасителем», но и «другом римлян» (φιλόρῳμαῖος = amicus populi Romani) (КБН. 30). Это дает основание заключить, что взятый им в бою царский титул затем были вынуждены последовательно признавать все власти, которые контролировали римский Восток, начиная с республиканцев Брута и Кассия и заканчивая Августом.

Список литературы

- Анохин В. А.** Античные монеты Северного Причерноморья: каталог. Киев: Стилюс, 2011. 328 с.
- Гайдукевич В. Ф.** Боспорское царство. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1949. 624 с. Каталог-архив «Монеты Боспора». URL: www.bosporan.kingdom.com
- Панов А. Р.** Поход Митридата Пергамского на Боспор: проблемы интерпретации источников // Научные ведомости БелГУ. 2009. № 1 (56). С. 12–16.
- Сапрыкин С. Ю.** Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 269 с.
- Чореф М. М.** К биографии Асандра: путь к престолу // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 456–487.

И. В. Рукавишникова
Институт археологии РАН, г. Москва
Д. В. Бейлин, Л. Ю. Пономарев
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА В КАМЕННОМ СКЛЕПЕ КОНЦА IV В. ДО Н. Э. КУРГАНА ГОСПИТАЛЬНЫЙ В КЕРЧИ¹

В 2017 г. экспедиция ИА РАН под руководством И. В. Рукавишниковой исследовала в Керчи рядом с бывшим туберкулезным диспансером в долине р. Джарджава большой курган, получивший название «Госпитальный». Его диаметр составлял 70 м, высота – 7 м. Он являлся самым большим в цепочке курганов, отсыпанных, начиная от Цементной слободки и далее в западном направлении, по гребню невысокого водораздела, разделяющего р. Джарджава и ее приток, в 1,5 км к северу от курганного некрополя IV в. до н. э. Юз-Оба с богатыми захоронениями в каменных склепах боспорских династов и знати (Рукавишникова и др., 2022. С. 9–12, 310–316, илл. 1–18). В насыпи кургана были открыты частично разобранный на камень в XIX в. монументальный однокамерный склеп конца IV в. до н. э. с уступчатым перекрытием и дромосом длиной около 20 м (рис. 1, 1), многочисленные тризны с чернолаковой посудой, два погребения в каменных ящиках и три впускных грунтовых погребения римского времени. Курган неоднократно подвергался ограблению, а вскрытый еще в древности склеп использовали в качестве подземного жилища или временного убежища в VI–VII вв. или в конце VI в. (Там же. С. 22, 34).

Попадали в жилище его обитатели через лаз, прокопанный через насыпь в дромос, но, возможно, не ими, а грабителями могил, еще

¹ Работа выполнена по теме: № НИОКТР 126011315523-4.

до того, как склеп стал обитаемым. Каменная закладка дромоса осталась нетронутой, что и неудивительно, учитывая трудоемкость этого процесса (Там же. С. 324–325, илл. 59, 62). Хозяйственно-бытовые устройства обнаружены только в дромосе и представлены загородкой из камней и очагом открытого типа размерами 1,2 × 1,1 м и глубиной 0,08 м. Пол в камере склепа был разрушен и прокопан, а сама она заполнена упавшими со стен и свода блоками (Там же. С. 536, 546, илл. 519, 565). Немногочисленный состав находок, соответствующих по времени функционированию жилища в склепе, указывает на его временный и непродолжительный характер. В его заполнении были найдены четыре фрагментированные амфоры (рис. 1, 3; 2, 1–3), в которых мог храниться запас воды и вина, кухонный одноручный горшок, обломки лепной посуды и кости животных, в т. ч. со следами обработки (Там же. С. 65, 549, илл. 578).

В заполнении склепа, в составе объекта 5 (развала фрагментов 3 амфор) на камнях частично разобранный северо-восточной стены камеры склепа была найдена нижняя часть коричневоглиняной амфоры с «перехватом» на тулове – типа 103 Зеест (Там же. С. 331, илл. 80) (рис. 1, 2). Они представлены массовыми находками на всех исследованных ранневизантийских памятниках Европейского и Азиатского Боспора и производились во второй половине IV – VII в. (Зеест, 1960, табл. XL, 103; Kassab Tezgör et al., 2005. Р. 180–181; Сазанов, 1991. С. 66; Смокотина, 2018. С. 267–268; 2020. С. 522). С. Ю. Внуков отнес их к подварианту Kx ID2 «типичных» коричневоглиняных колхидских амфор с пироксеновым отошителем в формовочной массе, появившемуся в первой половине – середине IV в. (Внуков, 2012. С. 13, рис. 8). Возможно, в небольшом количестве они использовались более длительное время, по крайней мере, до начала, а может быть – и первой половины VIII в. Но дискуссия по этому вопросу еще не завершена ввиду небольшого числа надежно задокументированных находок такого рода. Анализ немногих известных поздних комплексов, в которых были найдены амфоры типа 103, позволил А. В. Сазанову прийти к выводу, что речь идет об отдельных их экземплярах, т. н. «хвостах», продолжавших использоваться после прекращения их производства, верхней границей для которого он допустил рубеж VII–VIII вв. (см. лит.: Пономарев, 2003. С. 269–270; Могаричев и др., 2007. С. 111–112; Майко, 2020. С. 41–42, рис. 33, 4; 2023. С. 234–235, рис. 2, 1–6; Баранов, Майко, 2012. С. 158–159, рис. 2, 3).

Рядом с обломком амфоры типа 103 Зеест в объекте 5 был зафиксирован развал фрагментов двух склеенных в археологически целые формы

критских амфор типа TRC-6 (рис. 2, 1–2) (Там же. С. 332, 542, илл. 83–84, 548) и фрагментированная, склеенная из обломков, верхняя часть критской амфоры TRC 4 (тип 99 Зеест) (рис. 1, 3) (Там же. С. 330, илл. 18, 22; 79; Рукавишникова и др., 2018б. С. 168). Целая амфора типа TRC-6 (рис. 2, 3) была обнаружена над разрушенным сводом камеры склепа.

Амфоры критского производства TRC 4 и TRC 6 второй четверти VI – третьей четверти VII в. хорошо известны в Северном Причерноморье по многочисленным находкам в Херсонесе, г. Боспоре, на городищах и поселениях Керченского полуострова (включая Тиритаку, Китей, городища и поселения Азовского побережья между м. Чегени и м. Зюк) и на Таманском полуострове (Таматарха, Фанагория, Ильичевское городище) (Зеест, 1960. С. 120, табл. XXXIX, 99; Смокотина, 2019. С. 161–165; 2020. С. 535–539; см. лит.: Пономарев и др., 2025. С. 122–123). На Ильичевском городище они найдены в помещении XXX, погибшем между 576–581 гг. во время вторжения тюркютов (Гавритухин, Паромов, 2003. Табл. 62, 46, 49). Одна из таких амфор была помещена в погребение 208 VI – начала VII в. могильника Дюрсо (Могильник..., 2021. С. 329–330, рис. 247, 2). Массовое их использование на Боспоре демонстрирует совместное присутствие обоих вариантов (TRC 4 и 6) даже в небольших, отдаленных от города, жилых комплексах, в частности, в использовавшихся в качестве жилищ или убежищ склепах II–III вв. н. э. Кыз-Аульского некрополя, где они были найдены вместе с амфорами типа V по АДСВ-1971 (включая тип 98а Зеест), типа 103 Зеест, LR-1, LR-2 и др. Наиболее поздние находки из склепов – медный перстень с изображением архангела и фоллис Константина IV Погоната – датировались второй половиной или третьей четвертью VII в. (Федосеев, Пономарев, 2012. Рис. 12, 5, 6; 2018а. С. 260, 263, 266, 268, 270, рис. 3, 5, 6; 7, 14, 15; 9, 10; Федосеев и др., 2018. С. 247, 249, рис. 18, 1, 2, 6, 8; 24, 3; Федосеев, Пономарев, 2019. С. 121, 123, 125, 127, рис. 2, 7; 7, 10; 11, 1, 2, 5; 14, 4).

Третья разновидность ранневизантийских амфор, найденная в заполнении склепа, атрибутируется типу 98а по Зеест или типу V по классификации средневековых амфор Херсонеса 1971 г. (Рукавишникова и др., 2018а. С. 291, рис. 29; 2022. С. 34, 542, рис. 28, илл. 547; Антонова и др., 1971. С. 85, рис. 6; Зеест, 1960. С. 120, табл. XXXIX, 98а). Как массовый материал на Боспоре и Херсонесе они встречаются в комплексах второй четверти VI – конца VII в. (Смокотина, 2020. С. 531–533; см. подробн.: Винокуров, Пономарев, 2022. С. 34–35). А. Опайт считает их поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа продукции восточнопонтийских

(возможно, колхидских) гончарных центров (тип B-I, вариант B-I_d, они же East Pontic 2) (*Opait*, 2004. Р. 28–29; *Fedoseev et al.*, 2010. Р. 81–83, fig. 24; 25; *Абрамзон, Остапенко*, 2022. С. 97). По мнению А. В. Сазанова, амфоры типа V по АДСВ-1971 являлись западнопонтским импортом (*Сазанов*, 2022. С. 155).

В целом жилой комплекс в склепе кургана Госпитальный следует датировать не ранее второй четверти VI в. и не позднее первой половины VII в., при этом вполне возможно, что склеп использовался в качестве временного убежища-укрытия короткий период 576–581 гг., когда Боспор оказался во власти хана утигуров Анагея и пришедшего ему на помощь тюркютского контингента под командованием Бохана (*Айбабин*, 1999. С. 134). Они сожгли византийский форпост – Ильичевскую крепость на Таманском полуострове, пострадал и захваченный ими Боспор, следы разрушений этого периода прослежены и на Тиритаке, а жизнь на многих поселениях и в небольших городках по обеим сторонам Керченского пролива более уже не возобновлялась. Не исключено, что в это время были созданы изображения на стенах перед входом в камеру (*Рукавишникова и др.*, 2022. С. 68, 74–81, илл. 582–601; рис. 66) именно тюркютских или утигурских всадников, которые привлекли внимание художника своим необычным обликом, вооружением. Впрочем, их атрибуция и датировка пока еще остается предметом дискуссии, тем более примеров надежно аналогичной иконографии тюркютских и утигурских с воинскими штандартами (знаменами с длинными, прямоугольными и треугольными, узкими полотнищами) воинов-всадников неизвестна. Тем не менее, судя по стратиграфическим наблюдениям, эти рисунки были нанесены на стены склепа и во II–V вв. н. э., поскольку вход в склеп был засыпан блоками перекрытия к моменту создания жилища в дромосе (ср.: *Рукавишникова и др.*, 2019).

В связи с военно-политическими событиями на Боспоре конца VI в. и рассматриваемым нами жилым комплексом интерес представляют каменные склепы №№ 6, 7, 9, 10 Кыз-Аульского некрополя, которые в VI–VII вв. также использовались в качестве жилищ или убежищ. На долговременный характер жилища в одном из них – склепе № 6 – указывают устроенные в его дальней камере печь каминного типа и хозяйственные ямы (*Федосеев, Пономарев*, 2012; 2017; 2018а; 2018б; *Федосеев и др.*, 2018; *Федосеев, Пономарев*, 2019).

Помимо склепов Кыз-Аульского некрополя на Боспоре известен лишь один повторно использованный в ранневизантийское время склеп I–II вв. н. э. Это двухкамерный склеп № 220 на некрополе Илурата, в котором были

обнаружены фрагменты амфор IV–VI вв. (типа 96, 97, 98а, 102 по Зеест) и известняковый крест с расширяющимися концами. Еще один «бесспорный признак» его вторичного использования В. А. Хршановский зафиксировал при расчистке конструкций проема между дромосом и погребальной камерой. Как оказалось, он был заложен на уровне разлома закладной плиты блоком известняка, который установили изнутри, расклинив его с этой же стороны небольшими камнями (*Хршановский*, 2007. С. 158; 2011. С. 391–392, рис. 2). К сожалению, в каких целях был использован повторно Илуратский склеп, установить не удалось, поскольку хозяйственно-бытовых устройств в нем обнаружено не было.

Амфоры VI–VII вв. найдены также в заполнении склепа кургана 4 могильника Цементная Слободка 1, расположенного северо-восточнее кургана Госпитальный.

В заключение проанализируем побудительные мотивы и причины, позволившие превратить в жилое пространство погребальный комплекс. Во-первых, склепы еще до первых поселенцев в них, скорее всего, были вскрыты и разграблены, и, таким образом, вторгаться, в полном смысле этого слова, в них уже не приходилось. Во-вторых, к VI в., по всей видимости, была утрачена преемственность поколений, проживавших на одной территории, и новое население к тому же, надо думать, уже приняло христианскую идеологию. Соответственно, с его стороны пietet к древним – «языческим» – некрополям был утрачен, поэтому селиться в склепах уже не считалось святотатством. В-третьих, что также немаловажно, необходимо учитывать и утилитарную сторону вопроса. Опустошенные склепы с еще хорошо сохранившимися перекрытиями уже сами по себе представляли собой практически готовые к использованию жилища – к тому же неприметные со стороны, что также, вероятно, учитывалось при их обустройстве, тем более в условиях военного времени и непредсказуемой политической обстановки.

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н.** Клад боспорских статеров из слоя пожара VI в. в Фанагории // РА. 2022. №1. С. 97–108.
- Айбабин А. И.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.** Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
- Баранов В. И., Майко В. В.** Новый производственный комплекс раннесалтовского времени с городища Тепсень // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург. СПб.: Соло, 2012. С. 157–162.
- Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю.** Городище Артезиан в эпоху средневековья. М.: ИНФРА-М, 2022. 343 с.
- Внуков С. Ю.** Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.
- Гавритухин И. О., Паромов Я. М.** Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157. (Археология).
- Зеест И. Б.** Керамическая тара Боспора. М.: изд-во АН СССР, 1960. 180 с. (МИА; № 83).
- Майко В. В.** Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.
- Майко В. В.** К вопросу о дате основания средневековой Сугдеи. Современная источниковая база // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского. Симферополь: ООО «Антиква», 2023. С. 234–240.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.** Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: Антиква, 2007. 348 с.
- Могильник Дюрсо: каталог. Ч. I / под ред. А. А. Малышева. 2021. М.: МАКС Пресс, 448 с. (Некрополи Черноморья; VI).
- Пonomarev Л. Ю.** Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. 2003. Вып. III. С. 264–282.
- Пonomarev Л. Ю., Майко В. В., Кононова С. А.** Комплексы VII в. ранневизантийского Боспора (раскопки 2018 г.). Гончарная мастерская // ИАКр. 2025. Вып. XXIII. С. 111–167.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный (Республика Крым, Ленинский район) 2018 // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018а. С. 284–291. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // ДБ. 2018б. Т. 23. С. 151–170.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Меньшиков М. Ю. Рисунки из кургана Госпитальный. К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – V в. н. э.). Симферополь, 2019. Вып. V. С. 205–212

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный. М.: ИА РАН, 2022. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 28).

Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 60–71, 252–265.

Сазанов А. В. Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: Всероссийская научная конференция «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.): материалы. Симферополь: ООО «Антиква», 2022. С. 154–161.

Смокотина А. В. Импорт товаров в амфорах и краснолаковой керамики на Боспор в конце IV — первой половине VII вв. // Stratum plus. 2018. № 4. С. 263–279.

Смокотина А. В. Ранневизантийские критские амфоры в городах Боспоре и Тиритаке // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 160–172.

Смокотина А. В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени. Приложение № 1 // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III: Археологические комплексы второй половины III – VII вв. Симферополь; Керчь: ООО «Прондо», 2020. С. 509–618. (БИ Suppl.; 5).

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Склеп № 6 на Кыз-Аульском некрополе // ДБ. 2012. Т. 16. С. 491–525.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кыз-Аульского некрополя (Крым) // ИАКр. 2017. Вып. V. С. 82–112, 120–132, 149–165.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Поселение ранневизантийского времени на некрополе Кыз-Аул // ДБ. 2018а. Т. 23. С. 257–281.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Ранневизантийский перстень с изображением архангела с некрополя Кыз-Аул (Керченский полуостров) // III Свято-Владимировские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвященной 1030-летию Крещения Руси. Севастополь, 2018б. С. 97–100.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю., Гецко П. П. Раннесредневековый жилой и хозяйственный комплекс в склепе № 9 на Кыз-Аульском античном некрополе (по результатам исследования 2016 г.) // ИАКр. 2018. Вып. VII. С. 240–293.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Жилой и хозяйственный раннесредневековый комплекс в склепе № 10 на некрополе Кыз-Аул (по материалам раскопок 2017 г.) // ИАКр. 2019. Вып. IX. С. 119–148.

Хршановский В. А. Некрополи возле акрополя (К 180-летию открытия и начала исследования некрополя Илурата) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1 / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: изд-во ГЭ, 2007. С. 150–158.

Хршановский В. А. Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. 2011. Т. 15. С. 370–409.

Fedosseev N. F., Domžalski K., Opait A., Kulikov A. V. Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 // Archeologia. 2010. Vol. LXI. P. 63–94.

Kassab Tezgör D., Lemaître S., Pieri D. La collection D'amphores D'ismail Karakan Sinop // Anatolia Antiqua. 2005. Vol. XI. P. 169–200.

Opaiț A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford: Archaeopress, 2004. 180 p. (BAR International Series; 1274).

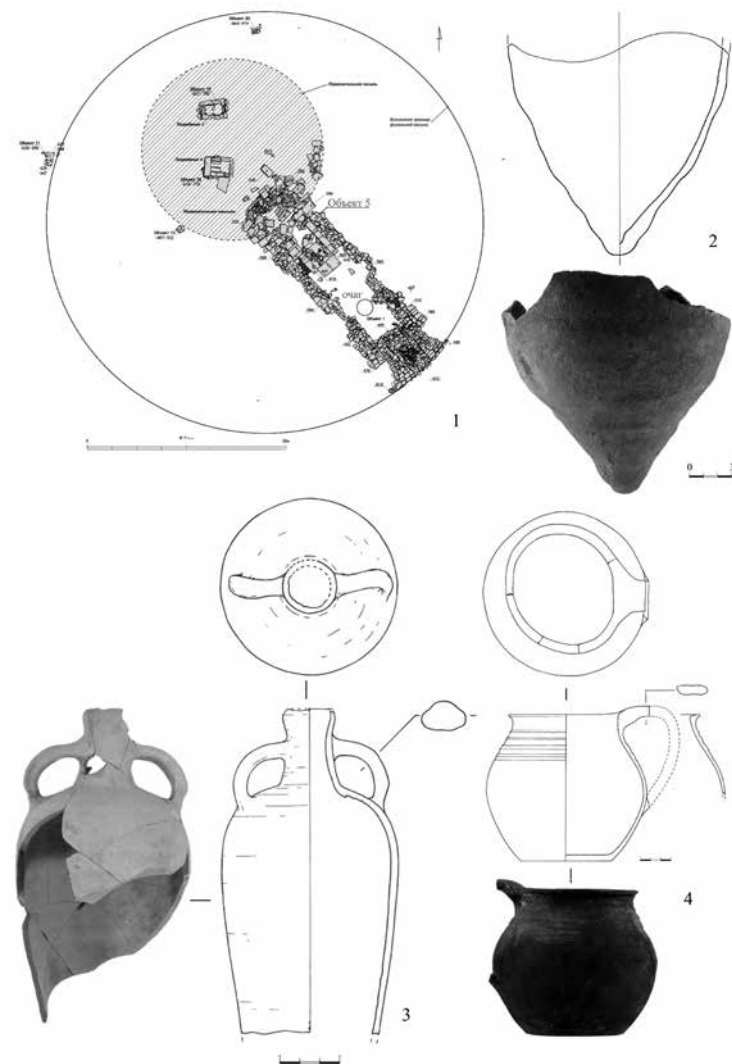

Рис. 1. 1 – план кургана Госпитальный с каменным склепом IV в. до н. э.;
2 – нижняя часть амфоры типа 103 Зеест; 3 – верхняя часть амфоры TRC-4;
4 – одноручный кухонный горшок

Рис. 2. Критские амфоры TRC-6, найдены:
1–2 – из дромоса склепа; 3 – над камерой склепа

Е. А. Савостина

Московский государственный академический художественный институт

им. В. И. Сурикова, г. Москва

КЕРЧЕНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

В определении характера и облика Боспорского государства большую роль играют наши представления о составе и развитии его художественной среды. На прошлых «Чтениях» мы сконцентрировались на новой находке статуи Зевса (Лapidарий Керченского историко-археологического музея, КП-3161, выс. ок. 30 см) (Савостина и др., 2025), в данном сообщении речь пойдет о других фрагментах – давно известных головах трех крупных акролитных статуй. Они представляют собой случайные находки, сделанные в XIX и начале XX в. на территории античного Пантикапея (Керчь) и ныне хранящиеся в Эрмитаже (рис. 1).

Еще несколько лет назад эта скульптура не воспринималась как родственная группа, и каждая из голов рассматривалась вне связи с другими – в контексте того времени и стиля, что на тот момент были установлены для нее исследователями. Как относящийся к эллинистической эпохе был определен только портретный бюст Митридата (ГЭ. П.1909-144, выс. 38 см), по обширной базе аналогий названный авторами исследования «Пергамским» (Неверов, 1968. С. 235). Он действительно воплотил все характерные черты малоазийского стиля первых веков до н. э., полного экспрессии, драматизма, героического пафоса. Как и многие произведения того направления, портрет основан на иконографии знаменитых лисипповских изображений Александра Македонского, ставших эталоном не только для портрета эллинистического правителя – новой темы монументальной скульптуры эллинизма, но и для персонажей второго плана. Мир после Александра не просто «стал более игровым», как писал Дж. Поллитт (Pollitt, 1986. Р. 164), он трансформировался и концептуально: образ Александра в искусстве, лик

человека, вошел как часть иконографии и правителей, и божеств, и героев, а также друидов и гениев рек. Персонаж пантикапейского портрета, Митридат VI Евпатор – великий царь Понта, потомок Ахеменидов и македонской династии, борец с Римом за свободу Греции – отождествлял себя с Александром, победителем персов, а также с Гераклом, освободителем Прометея. Наиболее вероятно, что в этом портрете Митридат был представлен именно как Геракл, и затылочная часть его скульптуры дополнялась изображенной в камне львиной шкурой (маской), которую традиционно носил этот мифологический герой (*Савостина*, 2012. С. 204 сл.).

История атрибуции двух других голов статуй не настолько очевидна и однозначна. Первоначально голова боспорского царя (ГЭ. П.1860-20; выс. 42 см) была определена как женская, и только М. И. Ростовцев (*Ростовцев*, 1913. С. 20, табл. III, 1–2) предложил видеть в ней изображение длинноволосого мужчины. По его мнению, такая прическа была свойственна царям на боспорских монетах, начиная от Рескупорида до Савромата I, то есть уже римского времени, I–II вв. (Там же. С. 21).

В свое время в исследовании, посвященном этому бюсту, мы предложили его более раннюю дату – I в. до н. э., и иную атрибуцию: также изображение царя Митридата VI Евпатора, однако представленного в ином образе (*Савостина*, 2012. С. 189 сл.). Несмотря на различные концепции модели статуи и акценты в построении облика правителя, в этих изваяниях отмечены близкие художественные приемы и общие эстетические предпочтения (*Савостина*, 2024. С. 178). Особенности иконографии и художественного решения скульптуры: здесь есть и черты Александра, и стилистические признаки строгого стиля ранней классики, что наблюдается и в пантикапейском Митридате Пергамском, – позволяют думать о варианте классицистической тенденции – не безусловно «пергамском» или «родосском» (*Bairami*, 2012. С. 156), но некоем «малоазийском классицизме» еще не встречавшейся (или не зафиксированной) разновидности. Судя по подготовке оборотной части головы – под металлический головной убор типа восточного колпака, ахеменидской шапки-кирбасии, царь был представлен здесь как Митридат Евпатор Дионис (на Боспоре найден постамент с таким посвящением) в уникальной восточной ипостаси, до сих пор в иконографии царя не отмеченной.

Статуи правителей в античное время, как известно, возводились по множественным поводам. История почетных памятников восходит к архаической эпохе, что хорошо засвидетельствовано письменными и эпиграфическими источниками. В Малой Азии почетные статуи греческих

и эллинизированных сообществ стояли рядом со скульптурами Ахеменидов. Члены персидской этнической элиты возводили монументы и сами себе – как мавзолеи сатрапа Мавзола в Галикарнассе, а также в Ликии, Лимире со статуей местного династа (*Ма*, 2012. Р. 169). Без сомнения, существовал и другой контекст – греческие города Малой Азии почитали статуями эллинских полководцев в монументах победы и других случаях. Безусловно, Митридат был взращен в этой традиции, огромное число его изваяний, в том числе золотых и серебряных, упомянуто в триумфах Лукулла и Помпея (*Plut. Luc.*, 37; *App. Mithr.*, 116; *Plin. NH*, 33, 151). В классификации Смита выделены две группы портретов Митридата (*Smith*, 1991. Р. 99, 122), но нужно думать, что фантазия скульпторов на этом не останавливалась, и существование еще одного «восточного» типа, где он мог быть изображен в шапке-кирбасии царственных предков, как бы в уборе бога Митры-Мена («Митридат Восточный»), не должно вызывать особых противоречий.

Памятник продолжает быть «в работе» и в настоящее время. В каталоге выставки ГЭ (2022) внимание уделено такой ее технологической детали, как монтажный выступ («шип»), отмеченный на старинной зарисовке этой акролитной вставки, и высказано предположение, что изваяние составляло часть не статуи, а гермы (*Трофимова*, 2024. С. 183, ил. 12).

Неожиданными оказались результаты изучения головы большой женской статуи, также случайной находки из Пантикапея (ГЭ. ПАН.740, выс. 44 см). Впервые она была опубликована еще А. Б. Ашиком (*Ашик*, 1849. Рис. CVI), но после экспонирования на выставке в ГМИИ (2017) (*Жижина, Зашляпин*, 2017. С. 276) на этот памятник было обращено особое внимание из-за явного сходства скульптуры с изображением «царя», Митридата Восточного (рис. 2). Несомненна общность схемы построения голов статуй, их монументальность, техника обработки мрамора наряду с характером декоративных элементов (помимо всего, в статуе женщины сохранились следы росписи глаз). Однородность системного подхода к созданию скульптурного образа и трактовке деталей проступала уже при первом впечатлении. Однако более подробно удалось рассмотреть эти памятники, зрительно сопоставить и сделать уточняющие заключения только в следующем выставочном проекте – «В поисках античного Боспора» (ГЭ, 2022), где эти три головы были показаны вместе (рис. 1). Строение лиц, асимметрия, моделирование подбородков и ртов голов статуй царя и женщины практически идентичны, как и техника прочерчивания рисунка глаза. Обратные стороны голов статуй также построены по единому принципу: они не завершены пластически и подготовлены под накладку.

Несмотря на сильные утраты, сколы и следы воздействия огня, оборот головы женской статуи сохранил признаки первоначальной обработки и инструмента типа зубила (*Palagia*, 2006. Р. 251). По границе волос отмечены редкие углубления, сделанные буравом – вероятно, для крепления головного убора типа стефаны. По таким же следам А. Стюарт реконструирует стефану или диадему в скульптурном изваянии ок. 150 г. до н. э., найденном в Афинах (конструктивно затылочная часть головы этой статуи была приставной, предполагается, с пластическим изображением покрывала). Стюарт идентифицирует эту статую как Деметру (*Stewart*, 2012. Р. 658, 677, fig. 2, 3). Более частые углубления просверлены в пантикапейской скульптуре на пышных прядях волос – как это делалось для крепления металлических, бронзовых или свинцовых локонов. Полагают, благодаря пластичности металла, так было легче изобразить что-то в более реалистичной манере, включая волосы, украшения и другие детали (*Jacob*, 2019. Р. 679). По оставшемуся фрагменту можно понять, что в целом схема расположения углублений похожа на ту, что мы видим на голове статуи боспорского царя. Так же, как у него, поверхность головы женской статуи подготовлена под накладку, но, судя по усеченной форме затылка, она имела иной характер (накладка из стука – покрывало?).

Еще раз подчеркнем: впечатляющее сходство двух рассмотренных статуй – как общей структуры построения, так и материала и характерных элементов – не оставляет сомнения в их родстве и принадлежности одному мастеру. Так в XXI в. разрозненные находки XIX в. объединились.

В ходе исследования были рассмотрены различные варианты предназначения статуй и их сочетаемости в группе – например, типа диптиха, в котором эллинистический правитель и его супруга были представлены в образах различных божеств (*Queyrel*, 2019. Р. 207–209). Однако визуальное сопоставление памятников показало разновеликость их масштабов: голова женской статуи оказалась крупнее (рис. 2). Более выраженная моделировка оживляет и одухотворяет ее лицо, что особенно заметно по контрасту с изваянием царя. В случае если эти статуи стояли рядом, статуя женщины, в соответствии с ее масштабом, бесспорно представляла богиню. Но и без обстоятельства места ничто не препятствует такому предположению.

Кто она, эта богиня, остается вопросом. Размеры фрагмента (44 см) и монументальность образа сопоставимы с головой статуи Афины из Пантикапея (рис. 3) – исполненной в более раннее время и затем переработанной под новый металлический шлем (ГМИИ. М-1526, выс. 44,5 см)

(*Толстиков*, 2025. С. 98–101). Сложно сказать о первоначальном месте изготовления этой скульптуры: классицизирующий характер ее стиля не вызывает сомнений, но пока неотчетливо определяется центр в рамках того жанра, который в Греции оставался «решительно классицистическим» и неофидианским или неопраксителевским (*Stewart*, 2012. Р. 656), а в Пергаме и других центрах Азии переходил от имитации классики к развитию новых концепций (*Niemeier*, 2011. Р. 327).

Статуя пантикапейской Афины, судя по характеру пластических элементов – ее «новые» волосы передаются такими же штрихами, как и в портрете Митридата «Пергамского» в образе Геракла, – была переработана около того же времени (*Савостина*, 2024. С. 185). Возможно, эти скульптуры составляли еще одну значимую пару богини и царя.

Завершая обзор обретающих новую контекстуальную жизнь давних пантикапейских находок, можно подчеркнуть, что эти произведения позднеэллинистического искусства связаны со временем и личностью Митридата VI Евпатора, а их иконография, стиль и декор есть не столько правило, существовавшее в искусстве того времени, сколько выбор, обусловленный художественными и эстетическими предпочтениями, определившийся историческими условиями.

Напомним, что Митридат VI Евпатор, из династии Ахеменидов, перс и эллин по происхождению (App. *Mithr.*, 110–118), родился ок. 136 г. до н. э., вел три войны с Римом за свободу эллинского мира с такими великими полководцами, как Сулла и Помпей. Царь Понта (120–63 гг. до н.э.), он стал и правителем Боспора (108 г. до н. э.) и дважды был здесь. Последний раз он вернулся сюда в 66 г., но в 63 г. до н. э. его сын Фарнак вместе с римскими перебежчиками составили заговор. Восстали Херсонес, Феодосия и Нимфей, римские перебежчики и матросы провозгласили Фарнака царем. На глазах Митридата солдаты вынесли из храма плоский стебель и увенчали им Фарнака вместо диадемы. Митридат, увидев это, покончил с собой.

Судьба знаменитых персонажей той эпохи, как и боспорская история, проявляется в удивительных скульптурных находках и складывается в линию жизни – и царей, и статуй, и самого Боспора, определяя его зримый облик. Говоря о митридадовском времени, мы вспоминаем и краткий период сразу после него – статую, поставленную тем самым Фарнаком в храме Зевса Генарха Сотера в дальних окрестностях Пантикапея (рис. 4). Так пополнялся этот исторический и визуальный ресурс, но заканчивалась эпоха.

Короткий исторический период между возвышением Пергама (281 г. до н. э.) и завоеванием Римом всего Средиземноморья был отмечен особым поворотом в искусстве, направленным на пропаганду династического права монархии (*Bairami*, 2015. S. 156). Отразилось это и в боспорской практике: найденные здесь памятники демонстрируют определенную совокупность, связанную с историческими условиями – с правлением на Боспоре понтийских царей, а также выявляют культурные и эстетические предпочтения последних, повлекшие выбор для исполнения заказа малоазийских мастеров.

Список литературы

Ашик А.Б. Восторское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. III. Одесса: тип. Т. Неймана и К°, 1849. 115 с., 50 л. ил.

Жижина Н., Зашляпин Б. Фрагментированная голова от большой женской статуи. Кат. 142 // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. (Каталог выставки 27 июня – 17 сентября 2017 г.). М., 2017. С. 276–277.

Неверов О. Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. 1968. № 1. С. 235–238.

Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62, 133–140.

Савостина Е. А., Винокуров Н. И., Кучеревская Н. Л. Статуя храма крепости Артезиан: реконструкция облика, техника и идентификация // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: Материалы научной конференции / ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. М.: Индрик, 2025. С. 206–213.

Савостина Е. А. Голова женской статуи из собрания Эрмитажа: мастера и традиции эллинистического классицизма в Пантикапее // Памятники культуры. Новые открытия. М.: РАН, 2024. С. 174–186.

Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2012. 392 с.

Толстиков В. П. Голова богини из главного здания Басилеи Спартокидов на акрополе Пантикапея // Пантикапей: из прошлого в будущее. 80 лет Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2025. 272 с.: ил. С. 98–101.

Трофимова А. А. Боспорский портрет – феномен, функция, контекст // «В поисках античного Боспора. К 150-летию М. И. Ростовцева». Каталог выставки Государственного Эрмитажа (февраль-май 2021). В 2-х т. СПб.: ГЭ, 2024. Т. 1. С. 168–187.

Bairami K. Rhodes and Pergamon: Affinities in large-scale sculpture // Pergamon als zentrum der hellenistischen kunst. Bedeutung, eigenheiten & ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012. Berlin: Michael Imhof Verlag, 2015. S. 156–164.

Jacob R. Piecing, Attachments, Repairs // Handbook of Greek Sculpture / ed. by O. Palagia. Vol. 1. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 657–689.

Ma J. The History of Hellenistic Honorific Statues // Epigraphical Approaches to the Post-Classical Polis. 2012. P. 165–180.

Niemeier J.-P. Pergamon und der hellenistische Klassizismus // Pergamon: Panorama der antiken Metropole: Begleitbuch zur Ausstellung / hg. von R. Grüßinger, V. Kästner und A. Scholl, Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin. (Ausstellung der Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin im Pergamonmuseum, Museumsinsel Berlin 30.9.2011–30.9.2012). Berlin: Michael Imhof Verlag, 2011. S. 327–333.

Palagia O. Marble Carving Techniques // Greek Sculpture: Function, Materials and Techniques in the Archaic and Classical Periods / ed. by O. Palagia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 243–279.

Pollitt J. J. Art in the Hellenistic Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 329 p.

Queyrel F. The Portraits of the Ptolemies // Handbook of Greek Sculpture / ed. By O. Palagia. Vol. 1. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 194–224.

Smith R.R.R. Hellenistic Sculpture. London: Thames & Hudson, 1991. 287 p.

Stewart A. Hellenistic free-standing Sculpture from Athenian Agora. P. 2: Demeter, Kore and the Polykles Family // Hesperia. 2012. Vol. 81. P. 655–689.

Рис. 1. Головы мраморных статуй, найденных в Керчи в XIX – начале XX в.
Справа налево: Митридат Пергамский, боспорский царь, голова женской статуи.
Экспозиция выставки «В поисках античного Боспора»,
Государственный Эрмитаж, 2022 г. Фото автора

Рис. 2. Голова царя Боспора и голова женской статуи
из собрания Государственного Эрмитажа. Фото ГЭ

Рис. 3. Голова женской статуи и голова статуи Афины.
Экспозиция выставки «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства»
ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017 г. Фото автора

Рис. 4. Голова статуи Зевса из храма городища
Артезиан. Лапидарий Керченского историко-
археологического музея, 2023 г.
Фото Артезианской экспедиции

С. Л. Смекалов, А. А. Внуков, К. О. Маркова
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула

САКРАЛЬНО-ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ НА КАРТЕ КОНЦА XIX В. В СОПОСТАВЛЕНИИ С СОВРЕМЕННЫМИ КАРТАМИ, КОСМИЧЕСКИМИ И АЭРОСНИМКАМИ ДЛЯ ТЕРРИТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА ВОСТОЧНЕЕ УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА, ЮЖНЕЕ ТРАССЫ «ТАВРИДА»¹

Археологические раскопки курганных и грунтовых могильников от античности до позднего средневековья являются одним из значимых вопросов научных исследований. Между тем XIX век для Крыма – это пока словно бы и не тема для специальных археологических работ, за исключением случаев, когда остатки сооружений XIX в. перекрывают более ранние слои либо когда речь идет об исследовании территории, отводимой под новое строительство (напр.: *Боруцкая*, 2018). Между тем с того времени прошло уже более ста лет, и все сакрально-погребальные сооружения (по крайней мере, если они перестали функционировать) тоже можно отнести к объектам интереса археологов. Это время пока не наступило, однако свод всех объектов, а для Керченского полуострова это главным образом кладбища и мечети, необходим для постановки их на учет и возможности исследований в будущем.

Основой для сопоставления стала т. н. «верстовка» – карта масштаба 1: 42000 – одна верста местности в одном дюйме на карте (Карта, 1900, конец XIX – начало XX в.). Данная карта, как показывает сравнение со спутниковыми снимками, позволяет определить положение объектов

с точностью не менее 30 м. Более ранние карты Крыма имеют значительно меньшую точность, которая недостаточна для поиска объектов на местности. По «верстовке» с использованием отечественной геоинформационной системы (ГИС) «Аксиома» (Аксиома 2025) были построены векторные слои, отображающие кладбища, мечети и церкви, существовавшие на Керченском полуострове к концу XIX в. Далее проводилось сопоставление данных на «верстовке» с данными, отображенными на карте Крымской области УССР масштаба 1: 25000 (Карта 1957), данными, представленными в Российской Национальной системе пространственных данных (НСПД), данными о современных кладбищах на Керченском полуострове (Реестр 1; Реестр 2) и космическими снимками из программы Google Earth. Данные из НСПД загружаются непосредственно через программу «Аксиома». Картографическая основа НСПД позволяет отображать местность в масштабе до 1: 20000, а цифровая объектовая схема НСПД показывает отдельные объекты и их взаимное расположение в масштабе до 1: 2500.

На «верстовке» в пределах территории Керченского полуострова восточнее Узунларского вала и южнее трассы «Таврида» (выбор территории определяется планом работ по гранту на 2026 г.) обозначено 37 объектов сакрально-погребального назначения (рис. 1) – 7 мечетей, 16 магометанских и 14 православных кладбищ. Восемь кладбищ занесены в Реестр 2. Семь из них действующие, одно закрыто. В НСПД представлено условными знаками кладбищ 12 объектов – все кладбища, входящие в Реестр 2, и еще четыре, в Реестр 2 не входящие. Еще один объект был расположен на месте нынешнего 9-этажного дома в г. Керчь. Таким образом, можно сказать, что 12 кладбищ тем или иным образом стоят на учете и одно занято современной капитальной застройкой. Это означает, что внимание при поиске неучтенных объектов следует уделить следам кладбищ или мечетей в местах предполагаемого расположения оставшихся 24 объектов. Следует также отметить, что 20 из этих 24 объектов расположены в поселениях, где еще в конце XVIII в. были мечети. Данные о поселениях с мечетями опубликованы Ф. Ф. Лашковым (*Лашков*, 1886), который приводит сведения, сообщенные каймаканами в 1783 г.

Перечень объектов, о которых шла речь выше, представлен в табл. 1.

На космических снимках Google Earth хорошо видны кладбища, обозначенные в Реестре 2, однако если предполагаемое местонахождение кладбища – в поле, то однозначно сказать о наличии остатков каких-либо могильных сооружений сложно. С одной стороны, как правило, можно

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00135, <https://rscf.ru/project/25-28-00135>.

предположить следы каких-то конструкций, с другой стороны, подобных следов много и в других местах, где наличие кладбищ не предполагается.

Ортофотопланы, представленные в НСПД, дают примерное ту же картину, что и спутниковые снимки, однако планы доступны, по крайней мере через программу «Аксиома», лишь до масштаба 1: 2500, что мельче, чем возможный масштаб у спутниковых снимков. Ортофотопланы полезны тем, что могли быть сняты в другое время года, чем спутниковые снимки, и, соответственно, представляют другую картину поверхностной растительности.

Значительный интерес для выявления мест расположения кладбищ представляют материалы аэрофотосъемки второй половины XX в. Если современные ортофотопланы, представленные в НСПД, в целом соответствуют космическим снимкам, то на старых фотографиях местность видна так, как она выглядела 50–70 лет назад. Хотя, как и на космических снимках, на этих фотографиях много самых разных строений, однако наличие «особенных» территорий в местах расположения кладбищ по «верстовке» может свидетельствовать, что, по крайней мере, во второй половине XX в. эти кладбища еще были видны на поверхности. На рис. 2 в качестве примера проведено сопоставление аэрофотоснимка второй половины XX в., карты 1: 25000 и космического снимка Google Earth для участка в г. Керчь близ остановки «Институт». На аэрофотоснимке видно свободное пространство, на карте 1: 25000 это пространство обозначено как кладбище. В настоящее время там парк, однако жилой застройки на территории кладбища нет, так что, в принципе, она доступна для археологического изучения.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в результате предварительной работы с картами и данными аэро- и космической съемки определены места, где следует провести разведки в поисках следов кладбищ и мечетей, что участники проекта и планируют сделать в полевом сезоне 2026 г.

Таблица 1. Перечень сакрально-погребальных памятников восточнее Узунларского вала и южнее трассы «Таврида», обозначенных на «верстовке» и отмеченных либо не отмеченных в современных документах.

№ п/п:	Где отмечено	Наличие у Лашкова	Обозначение на «верстовке»
1	НСПД, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
2	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
3	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
4	НСПД, Реестр 2	да	Магом. кладб.
5	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
6	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Магом. кладб.
7	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
8	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	да	Прав. кладб.
9	НСПД	нет	Прав. кладб.
10	НСПД, карта 1: 25000	нет	Магом. кладб.
11	НСПД, карта 1: 25000	нет	Прав. кладб.
12	НСПД, Реестр 2, карта 1: 25000	нет	Прав. кладб.
13	9-этажн. дом	да	Прав. кладб.
14		да	Мечеть
15		да	Мечеть
16		да	Прав. кладб.
17		да	Магом. кладб.
18		да	Мечеть
19		да	Магом. кладб.
20	карта 1: 25000	да	Магом. кладб.
21		да	Магом. кладб.
22		да	Мечеть
23		да	Магом. кладб.
24		да	Мечеть
25		да	Прав. кладб.

26		да	Магом. кладб.
27		да	Мечеть
28		да	Магом. кладб.
29		да	Магом. кладб.
30	карта 1: 25000	да	Магом. кладб.
31	карта 1: 25000	да	Магом. кладб.
32	карта 1: 25000	да	Магом. кладб.
33		да	Магом. кладб.
34		нет	Магом. кладб.
35		нет	Мечеть
36	карта 1: 25000	нет	Прав. кладб.
37		нет	Прав. кладб.

Список литературы

Аксиома 2025 – ГИС Аксиома. URL: <https://axioma-gis.ru> (дата обращения: 05.05.2025).

Боруцкая С. Б. Палеодемографическое исследование крымскотатарского некрополя Бахчи-Эли XIX–XX вв. // Вестник антропологии. 2018. № 4(44). С. 34–40.

Карта 1900 – Карта Таврической губернии. Масштаб 1: 42000. Военно-Топографический отдел. По съемкам конца XIX – начала XX в. Переиздание отдельных листов до 1923 г. Петроград.

Карта 1957 – УССР. Крымская область. Масштаб 1: 25000. Издание 1957–1983 гг.

Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. 1886. Т. XIV. Отд. 1. С. 91–156.

Реестр 1 – Постановление Администрации города Керчи Республики Крым № 2454/1-п от 24.11.2022 «Об утверждении Реестра кладбищ муниципального образования городской округ Керчь Республики Крым» // Портал Правительства Республики Крым. Керчь. URL: <https://kerch.rk.gov.ru/documents/669f2642-13c1-45ae-96bb-2926bb740bbb> (дата обращения: 05.05.2025).

Реестр 2 – Реестр кладбищ и мест захоронений на них. Дата публикации: 18 ноября 2022 г. // Портал Правительства Республики Крым. Ленинский район. URL: <https://lenino.rk.gov.ru/documents/a3e727bb-33d6-4f2a-832d-94b6a60f1683> (дата обращения: 05.05.2025).

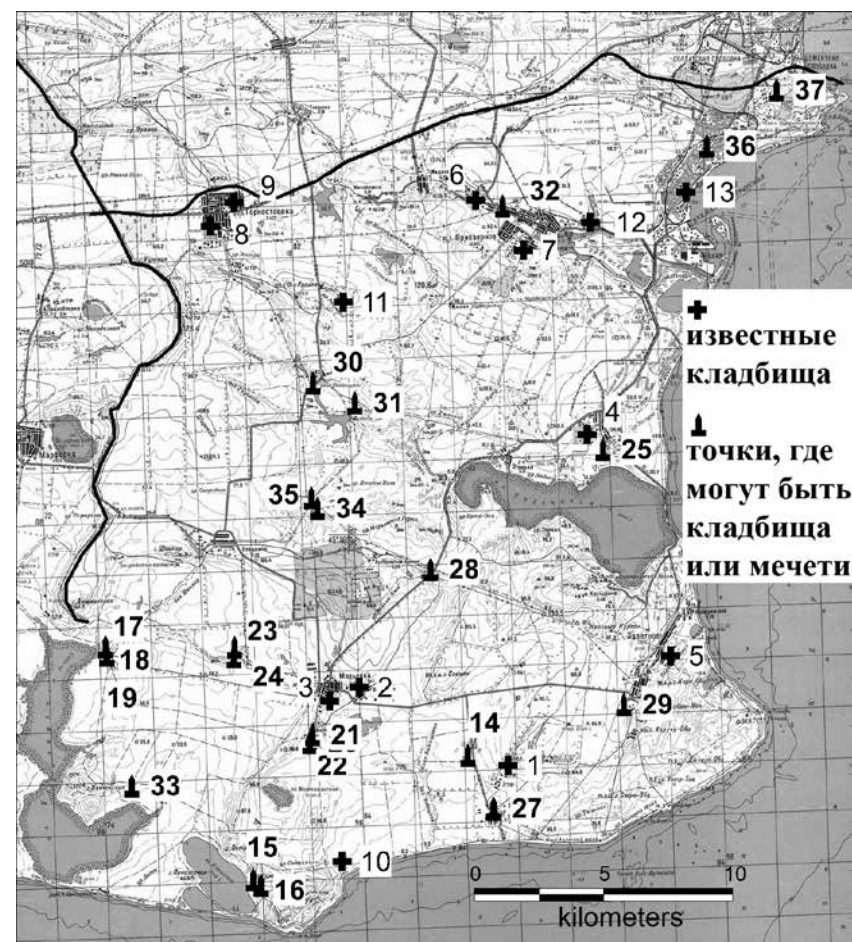

Рис. 1. Карта сакрально-погребальных памятников восточнее Узунларского вала и южнее трассы «Таврида», обозначенных на «верстовке» и отмеченных либо не отмеченных в современных документах

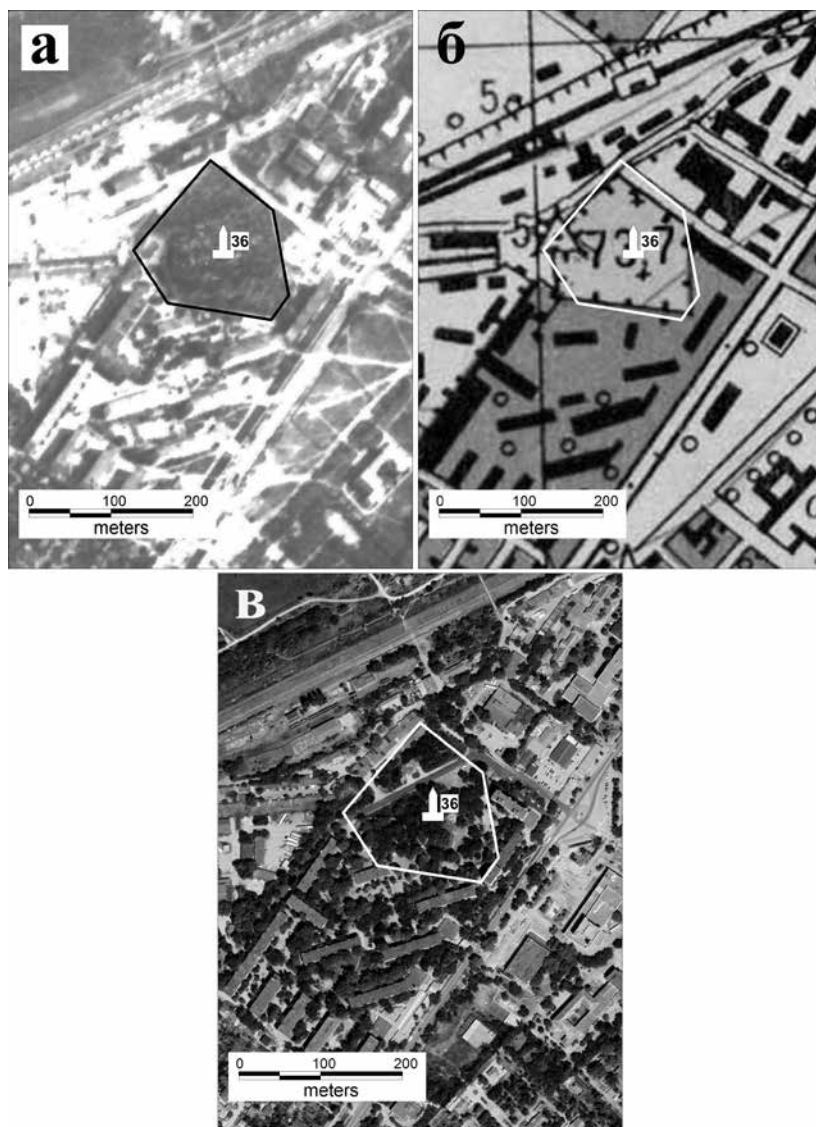

Рис. 2. Участок в г. Керчь близ остановки «Институт»:
а – аэрофотоснимок второй половины XX в.; б – карта 1: 25000,
в – снимок Google Earth 06.07.2022

Т. Н. Смекалова, А. С. Деваев, Д. О. Савельев,
Л. Л. Леонов, А. Н. Гаврилюк, С. К. Фридрихсон
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

НОВОЕ АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БАБЧИК ЗАПАДНЫЙ 3 В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В 2024–2025 гг. сотрудниками отдела естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ ИАК «КФУ им. В. И. Вернадского» были проведены междисциплинарные археологические разведки на западном склоне Бабчикской балки, напротив известного укрепленного поселения Бабчик Восточный I в. до н. э. (рис. 1). Итогом работ стало выявление и исследование ряда археологических памятников, в том числе и поселения античного времени Бабчик Западный 3. Всего в километре к юго-западу от него находится синхронное поселение местного населения Бабчик Западный 4 с группой зерновых ям, открытое в 2024 г. и исследованное раскопками в 2025 г. (Смекалова и др., 2025)¹.

Поселение, получившее название Бабчик Западный 3, расположено на западном (правом) берегу крупной Бабчикской балки, впадающей в озеро Чокрак (рис. 1, а, б). С юга, запада и севера поселение ограничено холмами и скалистыми грядами, образующими котловину. С восточной стороны оно имеет доступ к Бабчикской балке. Склоны балки достаточно крутые, местами обрывистые, с выходом известняковых скал. Дно балки поросло тростником.

По результатам магнитной съемки удалось выявить отстоящие друг от друга на 50–70 м небольшие постройки-усады. Строения имеют прямоугольную планировку, состоят из трех-четырех помещений, расположенных

¹ Исследования проводились за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00088-П, <https://rscf.ru/project/23-18-00088/>.

в ряд, и примыкающего к ним двора, окруженного каменной оградой (Смелкова и др., 2025. С. 224).

В 2025 г. были проведены археологические зондирования (шурфовка) в пределах предполагаемых границ памятника с целью определения наличия культурного слоя и характера его залегания. Был собран материал для постановки памятника на государственный учет. Всего было заложено 5 шурфов (рис. 1, в).

Шурф 1 был заложен практически в центральной части исследуемого района, остальные шурфы (2–5) – по периферии. Во всех раскопанных шурфах был обнаружен археологический материал, представленный фрагментами гончарной и лепной керамики античного времени. Но в шурфах 2–5 количество обнаруженного материала незначительно, и весь он был сосредоточен в слое 2 (под дерном), на глубине от 0,09 до 0,35 м. Наибольшее число находок было обнаружено в шурфе 1, где находки были обнаружены по всей глубине профиля.

Глубина шурфа составила 1,02 м, материком является выход известняковой скалы.

Стратиграфия (рис. 2, а):

1) слой дерна серо-коричневого золистого суглинка с мощной коревой системой, мощностью до 0,07 м;

2) слой серо-коричневого золистого рыхлого суглинка с небольшим количеством известнякового камня, мощностью от 0,16 до 0,18 м;

3) слой светло-коричневого рыхлого суглинка, содержащего известняковые камни среднего размера, мощностью до 0,35 м;

4) слой желтовато-коричневого увлажненного суглинка, мощностью от 0,2 до 0,37 м;

5) слой известняковой рыхлой крошки.

Массовый керамический материал, обнаруженный в шурфе, представлен фрагментами амфорной тары различных производственных центров: Синопы, Гераклеи, Пепарета, Хиоса, Родоса, Херсонеса, Менды, средиземноморских, датируемых IV–III вв. до н. э. Также в слое были обнаружены фрагменты черепицы Боспорского и Херсонесского производства, датируемые тем же временем.

Отметим особо, что в слое 3 была найдена амфорная ручка с трехстрочным клеймом (рис. 2, б)

ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	Διονυσίου
ΑΣΤΥΝΟ	ἀστυνό(μου)
...ΙΣΤ...	Ἡ[φ]αίστι(ος)

Клеймо было определено научным сотрудником ГИАМЗ «Херсонес Таврический» М. И. Тюриным² следующим образом: Магистрат Διονύσιος 2, IIIA ХГ, конец 20-х – 10-е гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007. С. 434); gr. IIIB, № 41–45, ок. 315–311 гг. до н. э. (Garlan, Kara, 2004. Р. 96); ок. 336 (340–330) г. до н. э. (Fedoseev, 1999. Р. 32, № 38).

Остеологический материал из шурфа представлен сорока фрагментами. Из них на тринадцати фрагментах обнаружены признаки искусственного воздействия в виде следов кухонной разделки и погрызов собак. Большая часть костного материала принадлежит крупному (20 %) и мелкому (25 %) рогатому скоту. Также обнаружены единичные кости, принадлежащие лошади и свинье. К промысловой фауне относятся отдельные фрагменты костей, принадлежащих лисе и зайцу. Костей рыбы в слоях не обнаружено, однако присутствуют фрагменты раковин морских двухстворчатых моллюсков (мидии). Стоит отметить, что выборка фрагментов костей животных слишком мала и не соответствует необходимому минимуму для определения состава стада, типа мясной диеты и характера взаимодействия между животными и человеком для древнего населения данного памятника. Тем не менее анализ костного материала дает некоторое представление о хозяйственной деятельности жителей поселения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что выявленное поселение Бабчик Западный 3 относится к греческим сельским поселениям Боспорского царства, существовавшим в IV–III вв. до н. э. и входящим в систему ранее выявленных и исследованных поселений в данном регионе (Кругликова, 1975; Масленников, 1998; Веселов, 2005).

Для представления полной картины структуры и хозяйственной деятельности поселения нужны более масштабные работы.

² Искренне благодарим Максима Игоревича Тюрина за это определение.

Список литературы

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005. 264 с. (ДБ Suppl.; II).

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Вып. XVIII. 2007. 480 с.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 302 с.

Смекалова Т. Н., Деваев А. С., Фридрихсон С. К., Гаврилюк А. Н., Кецко Р. С. Магнитная съемка двух новых соседних поселений эллинистического времени в Крымском Приазовье – Бабчик Западный 3 и 4. // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: материалы науч. конф. М.: Индрик, 2025. С. 222–227.

Garlan Y., Kara H. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope: présentation et catalogue. Paris: Bocard, 2004. 310 p. (Varia Anatolica XVI; Corpus international des timbres amphoriques 10).

Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 27–48.

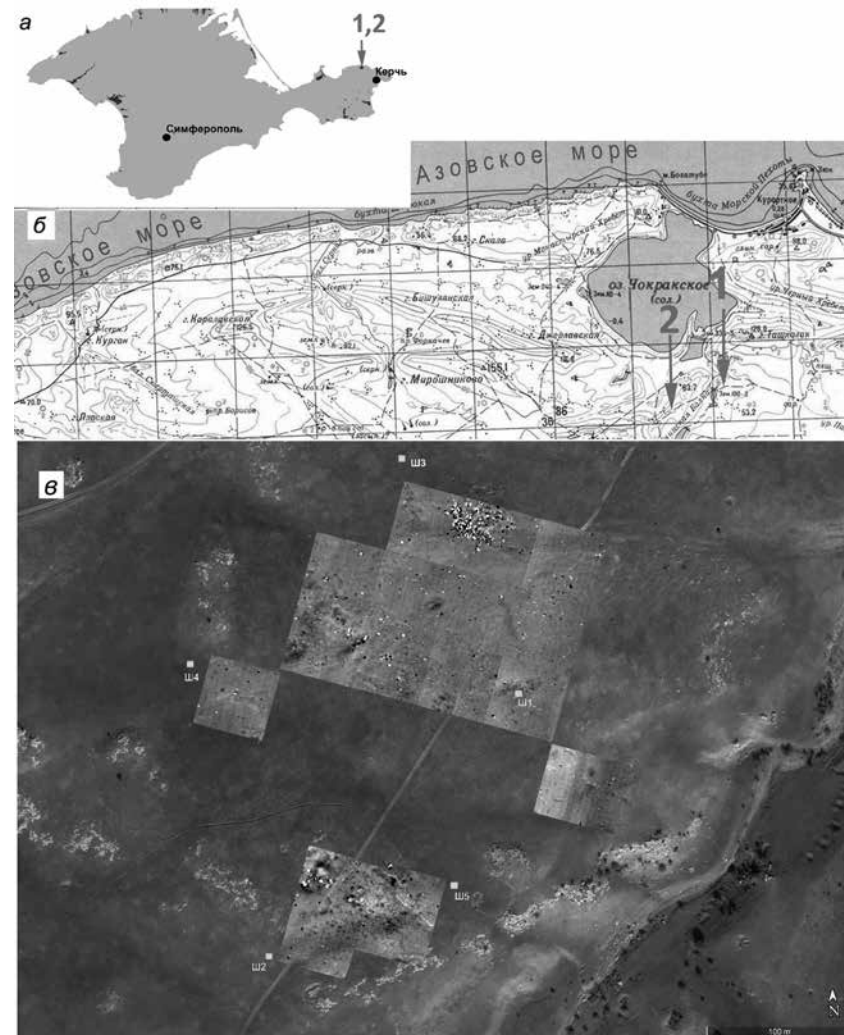

Рис. 1. Поселение Бабчик Западный 3. Положение поселения на схеме Крыма (а) и карте масштаба 1: 100 000 (б). Цифрами показаны: 1 – поселение Бабчик Восточный; 2 – поселение Бабчик Западный 3; в – магнитная карта поселения Бабчик Западный 3 (темным цветом показаны положительные, светлым – отрицательные аномалии). Отмечены положения шурфов

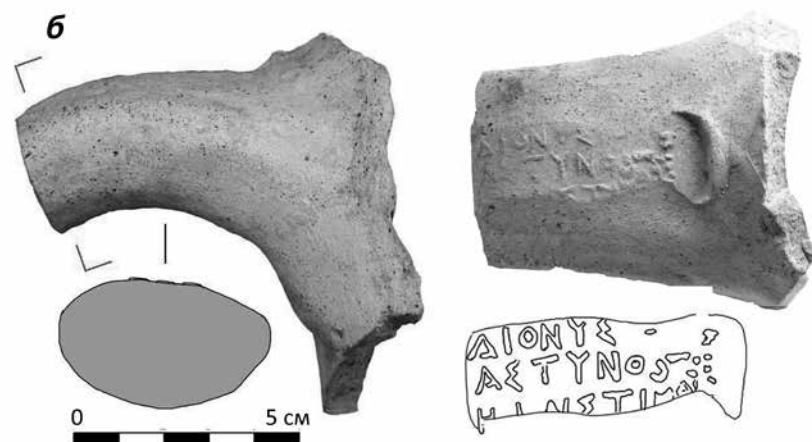
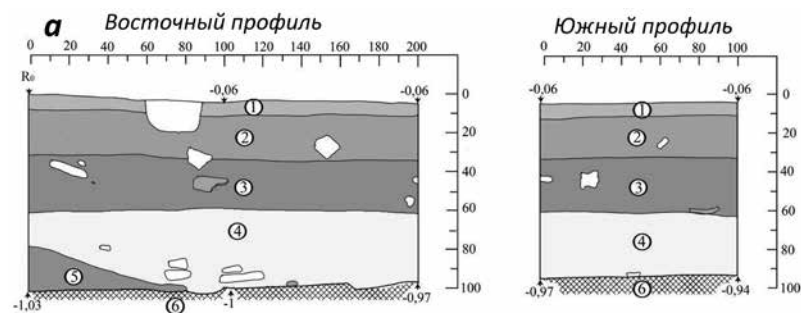

Рис. 2. а – стратиграфический разрез шурфа 1 на поселении Бабчик Западный 3;
б – фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом

Т. Н. Смекалова, Л. Л. Леонов
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

СОСТАВ СПЛАВА ГИРЬ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА: РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Изучение особенностей изготовления весовых гирь Северного Причерноморья проводилось в работах ряда исследователей (Чуистова, 1962; Крапивина, 1980; 1986; Николаенко, 1980; Грач, 1976), однако состав сплава гирь исследовался крайне редко (Лысенко и др., 2021; Смекалова, Журавлев, 2023). Данная работа посвящена изучению сплавов, применявшихся для изготовления металлических гирь в античном и средневековом Херсонесе. Всего было исследовано 135 разновесов, найденных на Херсонесском городище, из которых 65 были отнесены к античному времени, а 70 – к средневековью. В тезисах представлены результаты исследования состава сплава античной части коллекции весовых гирь¹.

Все исследованные античные металлические гири представляют собой низкие параллелепипеды, квадратные или прямоугольные в плане, их можно отнести к малым разновесам, составляющим доли мины (рис. 1). Из больших нормативов в Херсонесе известен ряд гирь из камня, предназначенных, вероятно, для оптовой торговли (Николаенко, 1980). В анализируемой коллекции отсутствуют гири-эталоны, которые являются важнейшим маркером-определителем весового стандарта, использовавшегося в Херсонесе в то время. Согласно разработанной методике, достоверно утверждать о наличии той или иной весовой системы в античном городе можно, лишь ссылаясь на наличие гири-эталона или сведений из письменных источников (Lang, Crosby, 1964. Р. 1–10; Чуистова, 1962. С. 14–15). Таким образом, применительно к территории античного Херсонеса в данном

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий № 075-15-2025-451 от 30.05.2025.

аспекте возможно опираться лишь на косвенные данные. Наиболее близким источником информации в указанном вопросе является монетная чеканка. Однако стоит учитывать, что монетная и весовая системы имели некоторые различия в весе. Таким образом, данный вопрос экономической истории античного Херсонеса остается до сих пор неразрешенным.

Изучение состава сплавов металлических разновесов проводили в научных фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» на энергодисперсионном спектрометре Mistral M1 (Bruker) методом неразрушающего, безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа. Состав исследовался для 11 элементов: медь (Cu), никель (Ni), цинк (Zn), марганец (Mn), железо (Fe), серебро (Ag), золото (Au), мышьяк (As), свинец (Pb), сурьма (Sb), олово (Sn). Также были проведены замеры и взвешивание каждого предмета. Результаты помещены в табл. 1, они сгруппированы в порядке возрастания весов гирь.

Таблица 1. Состав сплава античных гирь из Херсонеса Таврического, в мас. %.

№ п/п	№ К/О	Вес, г	Cu	Ni	Zn	Mn	Fe	Ag	Au	Pb	Sb	Sn
1	28/37170	0,25	0	1,38	0	0	0	0	0	98,36	0	0
2	13/37621	2,46	0	0	0	0	0,24	0	0	99,76	0	0
3	12/37704	3,18	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0
4	27/37170	3,48	0,25	0	0,72	0	0	0	0	99,04	0	0
5	35/37670	4,43	0,38	0	0	0	0	0	0	98,78	0,84	0
6	22/37579	4,83	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0
7	25/37170	5,18	0,58	0	0,77	0	0	0	0	98,41	0	0,24
8	6/37170	6,37	0,32	0	5,28	0	0,19	0	0,09	94,13	0	0
9	156/1412	6,84	0	0	0	0	0	0	0	100	0	0
10	31/37115A	7,03	0,22	0	0	0	0	0	0	99,39	0,39	0
11	7/37170	7,26	3,14	0	3,52	0	0	0	0,09	93,26	0	0
12	26/37170	7,46	0,35	0	1,1	0	0	0	0	98,55	0	0
13	1/37170	7,51	2,91	0	2,16	0	0	0	0	94,93	0	0
14	7/37722	7,96	0,14	0	0	0	0,36	0	0	99,5	0	0

15	24/37170	10,19	0	0	0,63	0	0	0	0	99,08	0,29	0
16	20/37170	10,54	0,55	0	3,27	0	0	0	0	96,18	0	0
17	90/37572	11,48	0,2	0	0	0	0	0	0	99,8	0	0
18	17/37170	12,01	0	0	0	0	0	0	0	99,87	0	0,13
19	15/37170	12,35	1,07	0	1,74	0	0	0	0	97,19	0	0
20	21/37170	12,72	0,5	0	1,35	0	0	0	0	98,14	0	0
21	6/37171	13,08	0	0	0,2	0	0	0	0	99,8	0	0
22	101/37396	13,2	0,29	0	0	0	0	0	0	99,71	0	0
23	23/37170	13,31	0,12	0	1,68	0	0	0	0	98,19	0	0
24	19/37170	15,06	0,23	0	1,54	0	0	0	0	98,23	0	0
25	16/37170	15,45	0,32	0	1,71	0	0	0	0	97,96	0	0
26	18/37170	15,5	0,27	0	0,54	0	0	0	0	99,01	0,18	0
27	22/37170	15,7	0,26	0	9,27	0	0,21	0	0,17	89,7	0,39	0
28	29/37170	17,6	0,26	0	2,06	0	0	0	0	97,68	0	0
29	14/37170	23,27	0,33	0	0,9	0	0	0	0	98,77	0	0
30	5/37170	25,06	0	0	8,71	0	0,17	0	0,2	90,92	0	0
31	13/37170	26,79	0,17	0	3,09	0	0,22	0	0,08	96,45	0	0
32	32/37115A	28,57	0,25	0	0	0	0	0	0	99,75	0	0
33	70/37115A	30,12	0,13	0	0	0	0	0	0	99,87	0	0
34	53/1430	30,61	0	0	1,16	0	0	0	0	98,7	0,13	0
35	89/37572	31,93	0,26	0	0	0	0	0	0	99,46	0,29	0
36	12/37170	32,17	2,24	0	2,76	0	0	0	0	92,26	0	2,74
37	32/37170	33,85	0,15	0	0,47	0	0	0	0	98,9	0,48	0
38	33/37170	33,85	0	0	0	0,43	98,11	0,24	0	0,2	0,72	0,31
39	11/37170	35,3	0	0	1,43	0	0,23	0	0	98,35	0	0
40	30/37170	35,6	0,86	0	1,33	0	0	0	0	97,81	0	0
41	105/37375	36,63	0,47	0	0	0	0	0	0	99,53	0	0
42	42/37170	52,34	0	0	0	0	99,79	0,04	0	0	0,12	0,05
43	36/37170	55,05	0,46	0	0	0,28	98,23	0,24	0	0,56	0,16	0,08
44	41/37170	56,77	0	0	0	0	99,58	0,05	0	0,17	0,13	0,07
45	38/37170	57,67	0	0	0	0,16	99,21	0,1	0	0,1	0,31	0,12

46	35/37395	59,4	0,25	0	0	0	0	0	0	99,58	0,17	0
47	8/37170	63,57	0	0	15,19	0	0	0	0,32	84,4	0,09	0
48	9/37170	63,63	0,2	0	2,87	0	0	0	0,06	96,87	0	0
49	10/37170	63,63	0	0	0,79	0	0	0	0	99,21	0	0
50	3/37170	64,45	0,44	0	0,61	0	0	0	0	98,46	0,26	0,23
51	4/37170	80,5	0,32	0	1,21	0	0	0	0	98,47	0	0
52	2/37170	81,7	0,35	0	1,32	0	0	0	0	98,33	0	0
53	40/37170	88,82	0	0	0	0	99,92	0	0	0	0,08	0
54	71/37115A	96,29	0	0	0,23	0	0	0	0	99,77	0	0
55	52/37579	99,11	0,23	0	0	0	0	0	0	99,77	0	0
56	18/35637	100,53	72,74	0	2,57	0,25	0,19	0,12	0	10,31	0,11	13,72
57	39/37297	102,51	0,38	0	0	0	0	0	0	99,62	0	0
58	34/37170	109,3	0,42	0	0	0,17	98,44	0,05	0	0,7	0,15	0,07
59	35/37170	109,3	0	0	0	0	99,82	0,04	0	0	0,1	0,04
60	39/37170	122,65	0	0	0	0	99,82	0,04	0	0	0,1	0,04
61	77/37115A	122,98	2,27	0	1,08	0	96,49	0	0	0,07	0,05	0,03
62	37/37170	127,97	0	0	0	0,2	99,68	0,03	0	0	0,06	0,03
63	76/37115A	141,14	0,7	0	0,35	0	98,6	0,06	0	0,09	0,14	0,06
64	75/37115A	291,75	2,92	0	1,52	0	95,2	0,03	0	0,21	0,07	0,04
65	11/37150	1411	0,22	0	0,87	0	0	0	0	98,91	0	0

Результаты анализа (табл. 1) показывают, что античные разновесы из Херсонеса по составу сплавов можно разделить на две категории – свинцовые и железные. Лишь одна гирька весом 100,53 г, возможно, импортная, с надписью НЕМІ (рис. 1, 1) сделана из мультикомпонентного сплава на медной основе, в котором олова 13,7 %, свинца 10,3 %, а также 2,57 % цинка (табл. 1, 56). Мы еще вернемся к ее описанию.

Наблюдается четкая зависимость двух видов примененных сплавов (свинцовые и железные) для изготовления определенных номиналов гирь. Так, все мелкие разновесы весовой категории до 36,63 г, лишь за одним исключением – гири № 33/37170 (табл. 1, 38), отливаются исключительно из сплавов на основе свинца (табл. 1, 1–41).

Из железа начинают изготавливаться гири весами (52,34–57,67 г) (табл. 1, 42–45), за одним «свинцовым» исключением (табл. 1, 46).

Гири весом от 63,57 до 102,51 г снова все сделаны из сплавов на основе свинца (табл. 1, 47–57), за исключением одной железной (табл. 1, 53). И наконец, гири крупных номиналов, от 109 до 291 г, вновь все сделаны из железа. Венчает перечень исследованных предметов самая крупная гиря весом 1411 г, которая отлита из свинца (табл. 1, 65).

Для изготовления большинства разновесов (50 из 65 исследованных) использовался свинец с различными примесями. Наиболее неожиданным результатом оказалось присутствие в составе сплава 25 разновесов цинка в количестве более 1 %, а в некоторых экземплярах его количество составляло 8,71 и 15,19 % (табл. 1, 30, 47). Медь в небольших количествах (от 1 до 3,4 %) встречена в 6 предметах (табл. 1, 11, 13, 19, 36, 61, 64). Олова в количестве более 1 % практически не встречено, за одним исключением: в сплаве гири № 12/37170 олова 2,24 %, а также примерно столько же цинка и меди (табл. 1, 36). Марганец, сурьма и серебро встречаются лишь в виде микропримесей.

Как уже упоминалось, всего лишь одна гиря (№ 18/35637) весом 100,53 г, размерами 3,5 × 3,5 × 0,8 см сделана из многокомпонентной бронзы (табл. 1, 56). На ее лицевой поверхности нанесена гравировкой надпись: НЕМІ (рис. 1, 1). Л. И. Чуистова, трактуя данную надпись как «половина», вывела стандарт херсонесской весовой мины, равный 202–210 г (Чуистова, 1962. С. 69–70; с. 184, рис. 145). Однако в дальнейшем выводы исследователя были подвергнуты резкой критике Г. М. Николаенко, которая, на основании изучения весов каменных гирь с цифровыми метками, найденных в Херсонесе, считает, что в городе имела хождение унифицированная торговая система, с минами 360 и 470 г, соответствующими легкой птолемеевской и 8/9 персидской мины соответственно (Николаенко, 1980. С. 91–92). Тот факт, что из всей выборки античных разновесов именно данная гиря с надписью НЕМІ отличается внешне и по составу сплава, может говорить об ее импортном происхождении или об особом назначении: например, она могла быть частью эталонного набора, принадлежавшего метроному или агораному. Подобные гири известны в Пантикапее (Сапрыкин, 2015; Федосеев, 2013; 2016), Нимфее (Грач, 1976) и Ольвии (Крапивина, 1980).

Таким образом, античные разновесы из Херсонеса по составу сплавов разделяются на две категории – свинцовые и железные. Наблюдается применение различных сплавов для разных номиналов гирь. Работа по изучению этого вопроса будет продолжена и направлена на идентификацию весовых единиц и соотнесение их с определенными видами сплавов. Уникальная

для данной коллекции гири (№ 18/35637), сделанная из многокомпонентного сплава на медной основе, нуждается в дальнейшем исследовании для уточнения ее происхождения. В дальнейшем изучение весовых систем Херсонеса–Херсона будет продолжено путем сравнения метрологических характеристик гирь и разновесов с монетными весовыми стандартами.

Список литературы

Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии // Труды ГЭ. 1976. Т. 17. С. 183–200.

Крапивина В. В. Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Анохин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 83–98.

Крапивина В. В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа: сб. науч. тр. / отв. ред. А. С. Русаева. Киев: Наукова думка, 1986. С. 105–111.

Лысенко А. В., Мордвинцева В. И., Антипенко А. В., Смекалова Т. Н., Леонов Л. Л. Рентгенофлуоресцентное картирование элементного состава и технология изготовления римской фигурной гири из святилища Эклизи-Бурун в горном Крыму // Российские нанотехнологии. 2021. Т. 16, вып. 5. С. 625–634.

Николаенко Г. М. Весовые системы эллинистического Херсонеса // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 86–93.

Смекалова Т. Н., Журавлев Д. В. Рентгенофлуоресцентный анализ состава сплава редких фигурных гирь V в. с изображением императора на троне // Российские нанотехнологии. 2023. Т. 18, вып. 5. С. 603–611.

Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора: сб. ст. Т. 2. / отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Симферополь: Крымиздат, 1962. С. 7–237.

Lang M., Crosby M. *Weights, Measures and Tokens*. Princeton; New Jersey: ASCSA, 1964. 158 p. (The Athenian Agora; vol. X, pt. 1).

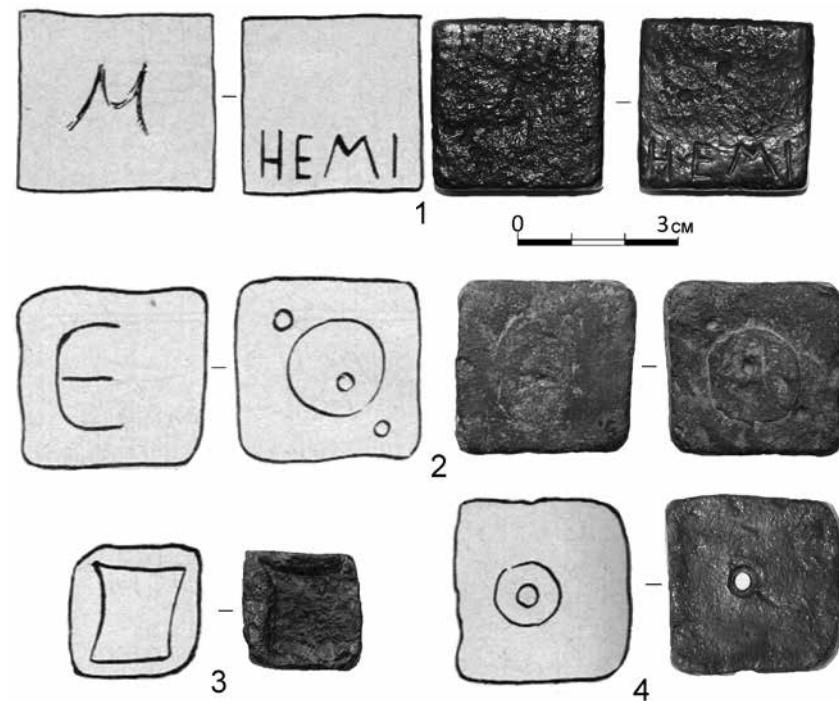

Рис. 1. Изображения античных гирь из музея-заповедника Херсонес Таврический: 1 – № К/О 18/35637 (табл. 1, 56); 2 – № К/О 4/37170 (табл. 1, 51); 3 – № К/О 11/37170 (табл. 1, 39); 4 – № К/О 2/37170 (табл. 1, 52). Прорисовки гирь по: Чуистова, 1962. №№ 145, 153, 148, 146. Фотографии Л. Л. Леонова

С. Л. Соловьев

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

Л. Г. Шепко

Донецкий государственный университет, г. Донецк

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАВЕТНОЕ 5 В СОБРАНИИ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник занимает уникальное место в системе изучения античного наследия Северного Причерноморья. На протяжении двух веков он формирует, сохраняет и исследует одну из крупнейших коллекций материалов, связанных с историей Боспорского царства. Фонды музея включают десятки тысяч предметов, происходящих из раскопок городских центров, некрополей и сельских поселений Боспора.

Комплексная работа музея с археологическими источниками имеет огромное значение. Она ведется от момента их поступления в фонды до научного анализа, реставрации и введения в научный оборот. Музей — не только хранитель уникальных памятников, но и научный центр, который обеспечивает исследователей достоверной источниковой базой по истории античных памятников Керченского полуострова.

В настоящее время научная ценность коллекций определяется не только их масштабом, но и степенью сохранности археологического контекста, многие комплексы поступают в музей в составе цельных раскопочных серий. Это повышает их научную значимость, позволяет рассматривать более широкий круг вопросов, реконструировать структуру поселений, хозяйственные функции построек и особенности культурных традиций. Фондовая служба музея обеспечивает систематизацию, научное описание и каталогизацию материалов, создавая документированную базу для дальнейших исследований.

Определенное место в собрании Восточно-Крымского музея-заповедника занимают материалы поселения Заветное 5, планомерные археологические исследования которого проводились с 2002 по 2011 г. совместной экспедицией Донецкого государственного университета и Государственного Эрмитажа в соответствии с программой «Акра: античный город и его округа». Сельские поселения, в т. ч. и Керченского полуострова, являясь структурным элементом историко-культурного пространства, важны для понимания хозяйственной, социальной и политической истории Боспора (Соловьев, Шепко, 2004; 2006).

Памятник расположен в 1,5 км к северо-западу от современного поселка Заветное (Ленинский р-н Республики Крым РФ) на мысовом возвышении между западным берегом Керченского пролива, оз. Тобечик на севере и широкой долиной, спускающейся к оз. Яныш и морскому побережью в районе древней Акры, на юге. Размеры и структура поселения, а также время его существования были уточнены во время археологических работ (Соловьев, Шепко, 2012. С. 469–476). Анализ материалов комплексов, обнаруженных на плато в ходе продолжительных археологических раскопок, позволил выделить несколько функциональных зон, связанных с проживанием, хозяйственной и религиозной жизнью населения, вероятно, с рубежа VI–V и до начала III в. до н. э.

Археологические находки, сделанные во время полевых работ, передавались на постоянное хранение в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Это традиционные для античных поселений категории артефактов: керамика, орудия труда, металл, нумизматика археологическая, клейменная керамика и др. Материалы задокументированы, внесены в Книги поступлений, приняты в постоянное пользование на основной учет и научно-вспомогательный фонд.

Таким образом, обеспечивается не только хранение археологических коллекций, но и превращение их в полноценный долговременный исследовательский объект. В перспективе это и возможность использовать новые технологии и методики для уточнения хронологии, расширения представлений о сельской жизни Боспора, торговых контактах и реконструкции социальной и экономической структуры региона. Естественно, что на фоне масштабных работ на городищах Европейского Боспора материалы сельского поселения выглядят более чем скромно. Но объект хоры, особенно с выделенной сакральной зоной, включает в себе многоаспектную информацию, позволяющую реконструировать особенности хозяйственной жизни, структуры сельских усадеб, динамику развития

периферии, – и, с учетом вышесказанного, имеет значительный исследовательский потенциал.

За годы раскопок был получен значительный массовый керамический материал. Археологически целые амфоры (например, производства Эрифр, Хиоса, Синопы, Фасоса, Книда; раскопки 2003–2004 гг.), лепные сосуды (2005–2010) были переданы в Восточно-Крымский музей-заповедник на постоянное хранение. Реставрационные мастерские музея провели консервацию и реставрацию артефактов, что позволило полноценно ввести их в научный оборот (*Соловьев и др.*, 2021. С. 36–41, рис. 14–15, 23–25, 30; *Монахов и др.*, 2016. С. 207; *Шепко*, 2010).

Из переданных в музей-заповедник материалов поселения Заветное 5 следует обратить внимание на коллекции клейменной амфорной тары и черепицы (212 экз.) и коропластики (16 экз.). Часть находок опубликована. Коллекция керамических клейм представляет продукцию гончарных мастерских Хиоса, Гераклеи, Херсонеса, Аканфа, Синопы, Менды, Книда и др., иллюстрирует торговые связи Боспора с Эгейским миром, южнопонтийским регионом (*Федосеев*, 2006). Для характеристики производственных комплексов поселения важна находка клейма на стенке мерного сосуда, вероятно, пантикапейского происхождения.

Коллекция терракот, найденных на поселении и вошедших в собрание музея-заповедника, включает 16 предметов. Среди них женские протомы со сложенными на груди руками, которые изображают богиню плодородия Деметру либо Кору-Персефону (*Соловьев и др.*, 2021. Рис. 46–50), статуэтка в виде сидящей в кресле женщины, две терракоты в виде свиньи и птицы. Они связаны с кругом персонажей, отражающих земледельческую направленность хозяйства. Все они, вероятно, за исключением протом Деметры, привозные и представляют разные типы, дополняя известные варианты (*Шепко*, 2006). Анализ иконографии и аналогий мужской фигуры с мечом (раскопки 2001 г.) позволил предположить ее связь с ритуалом в культе Великой Богини (Кибелы) (*Селиванова*, 2012).

На наш взгляд, представляет для исследователей интерес коллекция лепной посуды данного поселения, особенно в контексте проблем, связанных с изучением этно-социальной структуры и социально-правового статуса ремесленников. Лепная керамика присутствует на всех участках памятника в разном объеме и соотношении. Ее процент в общей массе керамических находок, без учета амфорной тары, варьируется на ряде объектов в пределах примерно от 3 до 30 %. Типы и формы посуды имеют широкие аналогии. Лепные сосуды представляют

открытые и закрытые формы. Наиболее распространенными из закрытых форм были горшки с отогнутым наружу краем. Известны корчаги. Сосуды открытого типа представлены черпаками, банками, мисками, кастрюлями, крышками, жаровнями. Ассортимент лепной посуды на участках существенно не менялся, зафиксированы различные технологические приемы обработки поверхности сосудов и орнаменты. Кроме того, в материалах усадьбы присутствует достаточное количество косвенных фактов, позволяющих утверждать о наличии здесь собственного керамического производства. По возможности в разные годы в музей-заповедник на хранение были переданы образцы выявленных типов, в т.ч. археологически целые формы (*Шепко*, 2019).

В завершение хотелось бы обратить внимание на еще одну находку, которая является частью экспозиции музея-заповедника. Это открытый в 2005 г. красноглиняный кувшин с набором астрагалов (84 экз.), 14 из которых имели следы обработки (*Соловьев и др.*, 2021. С. 48).

В последние десятилетия на Керченском полуострове ведутся активные археологические исследования. Конкретные результаты новейших полевых работ, в т. ч. и на сельских поселениях, аккумулируются в фондах заповедника, формируя одну из наиболее репрезентативных источниковых баз по истории хоры Боспорского государства. В одном хранилище сосредоточены комплексы, относящиеся к разным хронологическим этапам – от архаического периода до поздней античности. Это позволяет прослеживать динамику развития хоры Боспора в долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.** Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: каталог. Керчь; Саратов: тип. «Новый проект», 2016. 222 с.
- Селиванова Л. Л.** Кабир или Аттис? (об одной находке из Юго-Восточного Крыма) // ПИФК. 2012. № 2 (36). С. 17–37.
- Соловьев С. Л., Вахонеев В. В., Шепко Л. Г.** Акра – античный город на европейском Боспоре. СПб.: изд-во ООО «Невская Типография», 2021. 163 с.
- Соловьев С. Л., Шепко Л. Г.** Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2002 г. Ч. I. СПб.: изд-во ГЭ, 2004. 100 с.
- Соловьев С. Л., Шепко Л. Г.** Археологические памятники сельской округи Акры: поселение Заветное 5. Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг. Ч. II. СПб.: изд-во ГЭ, 2006. 192 с.
- Соловьев С. Л., Шепко Л. Г.** Структура сельского поселения европейского Боспора (на примере поселения Заветное-5) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации: материалы межд. науч. конф. Керчь, 2012. С. 469–476.
- Федосеев Н. Ф.** Керамические клейма из раскопок 2003–2004 гг. на поселении Заветное-5 // **Соловьев С. Л., Шепко Л. Г.** Археологические памятники сельской округи Акры: поселение Заветное-5. Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2003–2004 гг. Ч. II. СПб.: изд-во ГЭ, 2006. С. 63–71.
- Шепко Л. Г.** Терракоты поселения Заветное в Юго-Восточном Крыму // Донецкий археологический сборник. 2006. Вып. 12. С. 121–128.
- Шепко Л. Г.** Импорт Хиоса в материалах поселения Заветное-V // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы междунар. науч. конф. Керчь, 2010. С. 487–493.
- Шепко Л. Г.** Лепная керамика на поселениях Боспора // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.). Т. 7: Исторические науки. Донецк: изд-во ДонНУ, 2019. С. 72–75.

Н. И. Сударев, А. В. Иванов
Институт археологии РАН, г. Москва

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГРУНТОВЫХ СКЛЕПОВ БОСПОРА

Теме боспорских грунтовых склепов посвящена достаточно большая литература (Абрамова, 1982. С. 9; Даньшин, 1992. С. 72–76; Масленников, 1982. С. 37; 1990. С. 27–35; Ольховский, 1991; Савостина, 1981; 1984; и др.). На землях Боспорского государства такие склепы начинают сооружаться еще в IV в. до н. э. Но особенно распространились они в III–I вв. до н. э. Впрочем, грунтовые склепы продолжают сооружаться на протяжении всего римского периода, что наглядно подтверждают, например, некоторые некрополи Азиатского Боспора (Ворошилова, 2018; Лимберис, Марченко, 2010. С. 160, 162, рис. 5–7). Считается, что этот тип погребального сооружения генетически связан с погребальными памятниками Малой Азии и Греции (Сударев, 2005. С. 113–114). Впрочем, отдельно этот вопрос серьезно никогда не рассматривался. Сейчас новые данные позволяют вернуться к теме происхождения боспорских грунтовых склепов и осветить ее на качественно более высоком уровне.

В основе нашего исследования лежат материалы некрополя Виноградный 7. На настоящее время это один из самых крупных некрополей Азиатского Боспора. За годы работ на территории этого памятника было исследовано не менее 758 погребений V–I вв. до н. э. (Сударев, Иванов, 2025а. С. 234; Сударев, Кашаев, 2025. С. 240). Типологическое разнообразие погребений и хронологическая широта некрополя дают возможность проследить консервативные черты погребального обряда и, наоборот, наметить различные новшества и изменения погребальной практики, что не всегда удается осуществить на других некрополях Боспора. На территории некрополя Виноградный 7 исследовано 55 грунтовых склепов. В настоящее время это самая большая выборка таких сооружений эллинистического времени на Боспоре, что и обусловило построение нашей работы вокруг погребальных комплексов именно этого памятника.

Наблюдение над материалами IV в. до н. э. некрополя Виноградный 7 устанавливают следующую закономерность (рис. 1). В первой половине – третьей четверти IV в. до н. э. все сырцовые гробницы некрополя конструктивно представляют собой сырцовые ящики. Для них более характерны индивидуальные и парные погребения. Однако в 30-х гг. столетия появляется тип гробниц с входом (32/15, 16/к6/2016, 4/к8/2016). В этих комплексах он пока представляет собой не отдельный элемент конструкции, а ступени, сооруженные в западной стенке сырцовой гробницы. Уже на этом этапе возникают регулярные многократные захоронения. Затем, в последней четверти IV в. до н. э., мы наблюдаем сырцовый склеп (9/к8/2016) с оформленным, смещенным вправо от общей оси склепа, входом. На самом деле, склеп этой конструкции не единственный. Такую же планиграфическую схему имеет еще один сырцовый склеп 33/16 (Сударев, 2017. Рис. 4, 2; Кашаев, Сударев, 2020. Рис. 9)¹. На следующем этапе, практически в тот же хронологический период, сооружается склеп 47/к6/2016 – уже грунтовый, с абсолютно такой же планировкой, ориентировкой и размерами внутреннего пространства. От предыдущего его отличал тот факт, что стены были обмазаны тонким слоем глины, призванной имитировать сырцовую стену (а не обложены сырцом, как в предыдущем случае). И синхронно обустраивается еще один (115/2016), также абсолютно схожий, но без каких-либо обмазок. Оба последних склепа были полностью вырезаны в плотном материковом грунте.

А начиная с III в. до н. э. строятся «классические» грунтовые склепы. Можно только отметить, что, вероятно, наиболее ранними из них были склепы с вырезанными в полу углублениями, формирующими внутреннее пространство с лежанками вдоль стенок камеры. И в этом плане внутреннее пространство таких склепов ничем не отличается от сырцовых склепов предыдущего времени.

Таким образом, погребения Виноградного 7 наглядно демонстрируют, что прототипами грунтовых склепов на Боспоре выступают сырцовые гробницы. Именно в последней трети IV в. до н. э. появляются семейные сырцовые склепы с входами и с многократными захоронениями. В них становятся обычными полы разного уровня, формирующие пространство гробницы и предполагающие лежанки. Количество погребенных могло достигать десяти и более человек, а время активного функционирования гробницы – нескольких

десятилетий (Кашаев, Сударев, 2020. С. 30). Иначе говоря, уже в этих сооружениях мы видим многие элементы, характерные и для грунтовых склепов.

Аналогичная ситуация складывается и на некоторых других боспорских некрополях. Сырцовые склепы и склепы со входом, кроме некрополя Виноградный 7, в конце IV – начале III в. до н. э. сооружаются в Виноградном северо-восточном 2 и в Пантикапее. В последней четверти IV в. до н. э. такие склепы появляются в некрополе у м. Тузла, в тот же период они сооружаются и в некрополе Волна 1.

В связи со всем вышеизложенным возникает вопрос о происхождении этого типа погребальных сооружений. В целом в среде антиковедов устоялось мнение об эллинском происхождении данных сооружений (Ростовцев, 1925. С. 163; Сударев, 2005. С. 113–114). По мнению В. В. Шкорпила (Шкорпил, 1914. С. 509), которое поддержал М. И. Ростовцев, говоря о происхождении боспорских склепов, следует сосредоточиться на Амисе, где такие сооружения известны (Ростовцев, 1925. С. 163). Действительно, подобных гробниц как в самом Амисе, так и в его округе очень много. По мнению Седара Унана, расцвет строительства склепов приходится на эллинистический период, начиная с вхождения Амиса в державу Митридата I Ктиса в 302 г. до н. э., а особенно при его преемниках, и в частности Митридате VI (Ünan, 2010. S. 26, 55–59). Однако самой сложной проблемой является датировка таких погребений, так как абсолютное большинство из них ограничены или использовались не один раз.

Мы уже не единожды обращались в своих исследованиях к камерным могилам и писали, что они известны во всем Средиземноморье с Микенского времени, более того, иногда они вновь использовались в эпоху архаики–классики (Сударев, 2010. С. 439; Сударев, Иванов, 2025б). Однако наибольшее распространение по всему региону они получают, начиная с эпохи эллинизма, в том числе и в тех местах, где они были известны ранее. Новый всплеск популярности таких погребальных сооружений мы наблюдаем в Кирене, на Родосе, камерные гробницы появляются в Милете, Мирине, Александрии и, как мы уже отмечали, в Амисе, и т. д. (Cherstich, 2024. P. 67–77; Hermann, 1888. S. 8–11, Jacopi, 1932. P. 120–124, 128, 144, 148, 161; Pottier, Reinach, 1887. P. 67–68; Özdemir, Çekilmez, 2020. S. 255–260; Forbeck, 1998. S. 204, Taf. 100; Breccia, 1912. P. 19–20; Πατσιαδά, 2013. Σ. 51–55, 72–79, 210–231).

Чуть раньше, чем на Боспоре, в пределах второй трети IV в. до н. э., камерные погребальные сооружения появляются в Ольвии (Козуб, 1974. С. 15–16). Начиная со второй половины столетия, склепы становятся в Ольвийском некрополе и на ее хоре массовым явлением

¹ Этими двумя склепами информация о данном типе погребальных сооружений не ограничивается. Аналогичный склеп с останками 11 человек был раскопан в ближайшей округе некрополя Виноградного 7 – в кургане 2, исследованном на поселении Виноградный северо-восточный 2 (Карпов, Сударев, 2017. С. 81–82, рис. 12, 13).

(Парович-Пешикан, 1974. С. 37–38; Снытко, 2013. С. 93–95)². По мнению М. Парович-Пешикан, появление в Ольвии грунтовых склепов связано, в первую очередь, с ее тесными экономическими и политическими связями с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем.

Впрочем, независимо от того, насколько широко распространены склепы за пределами Боспора, мы не считаем эту погребальную традицию привнесенной извне, из других регионов греческой ойкумены, и не связываем ее с каким-либо переселением. Думать именно так нам позволяют прямые археологические данные. На примере некрополя Виноградный 7 прослеживается четкий генетически связанный между собой типологический ряд – от сырцовых гробниц до грунтовых склепов. Важнейшее значение имеет тот факт, что раскопками зафиксированы все без исключения этапы изменения погребальной конструкции. Этот переход без сомнения характеризуется как последовательный и подтверждается хронологией комплексов. В целом подобное можно наблюдать и на других некрополях Боспора. В таком случае, в отличие, скажем от подбойных могил, традиция которых на Боспоре представлена в уже сложившемся виде (Сударев, Иванов, 2025б. С. 345), формирование грунтовых склепов происходило в рамках местной погребальной архитектуры – и корни имеет в здешней среде.

Список литературы

Абрамова М. П. Катакомбные и склеповые погребения юга Восточной Европы. (Середина I тысячелетия до н. э. – первые века н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2 / ред. Д. Л. Талис. М.: ГИМ, 1982. С. 9–19. (Труды ГИМ; вып. 54).

Ворошилова О. М. О склепах Фанагории 1–5 вв. н. э. // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7, вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 56–76.

Даньшин Д. И. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Карпов Д. А., Сударев Н. И. Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 74–87.

²Наиболее ранние грунтовые склепы на некрополях хоры появляются только во второй половине IV в. до н. э. Большинство их относится к последней четверти IV – первой половине III в. до н. э.

Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко 2 и Виноградный 7 // БИ. 2020. Вып. 40. С. 26–46.

Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н. э. Киев: Наукова думка, 1974. 184 с., 19 л. ил.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // СΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. М.; Киев, 2010. С. 152–163.

Масленников А. А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры // СА. 1982. № 1. С. 33–43.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990. 230 с.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 218 с.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 622 с.

Савостина Е. А. О земляных склепах Боспора // Тезисы докладов научной сессии по итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1980 год. М.: Сов. художник, 1981. С. 27–29.

Савостина Е. А. Боспорские склепы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.

Снытко И. А. Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI–III вв. до н. э.) // АВ. 2013. Вып 19. С. 91–104.

Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2739. М., 2005. 384 с.

Сударев Н. И. Часть XI: Религия. Погребальные обряды. Глава 2: Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 418–472.

Сударев Н. И. Погребения некрополя Виноградный 7 // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 182–189.

Сударев Н. И., Иванов А. В. Об одной особенности погребального обряда некрополя Виноградный 7 на Тамани // XXVI Боспорские чтения. Северное

Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: материалы науч. конф. М.: Индрик, 2025а. С. 234–239.

Сударев Н. И., Иванов А. В. Подбои на Боспоре // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2025б. Вып. 8. С. 334–352.

Сударев Н. И., Кашаев С. В. Подбойные погребения в некрополях Виноградный 7 и Артющенко 2 // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: материалы науч. конф. М.: Индрик, 2025. С. 240–246.

Шкорпил В. В. Катакомбы на северном склоне Митридатовой горы. Приложение // Ростовцев М. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: изд-е ИАК, 1914. С. 508–509.

Πατσιαδά Β. Μνημειώδες Ταφικό Συγκρότημα στη Νεκρόπολη της Ρόδου: Συμβολή στη μελέτη της ελληνιστικής ταφικής αρχιτεκτονικής. Ρόδος; Αθηνά: Υπουργείο Παιδείας και Θρησκευμάτων, Πολιτισμού και Αθλητισμού, Γενική Γραμματεία Πολιτισμού, 2013. 418 σ. (Ρόδος; III).

Breccia E. La Necropoli di Sciatbi // Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'archéologie orientale, 1912. Vol. 1. 212 p. (Catalogue General des Antiquités Égyptiennes. (Musée D'Alexandrie)).

Cherstich L. The Southern Necropolis of Cyrene. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2024. 502 p.

Forbeck E. Die Nekropolen von Milet: Die Grabungen 1901 bis 1909 und die Arbeiten der Jahre 1993 bis 1996. Bochum: Ruhr-Universität, 1998. 452 S., 95 Abb., 399 Taf., 5 Pl.

Hermann P. Das Gräberfeld von Marion auf Cypren. Berlin: Druck Und Verlag Von Georg Reimer, 1888. 66 S.

Jacopi G. La Necropoli di Pontamo (Calchi) // Clara Rhodos. Vol. II. Rodi: Ist. storico-archeologico, 1932. P. 117–164.

Pottier E., Reinach S. La necropole de Myrina. Paris: Ernest Thorin. Éditeur, 1887. 640 p.

Özdemir E., Çekilmez M. Myrina Antik Kenti Nekropolü, Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Gelenekleri // Aliağa ve Çevresi. International Symposium on Aliağa and Its Territory – Aiolis Region-Archaeology and Interdisciplinary Researches. İzmir: Aliağa Kent Kitaplığı, 2020. P. 243–278.

Ünan S. Samsun ve Çevresi Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Adetleri (MÖ III. Bin-MS IV Yüzyıl): Basılmamış Yüksek Lisans Tezi / Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Protohistorya ve Önasya Arkeolojisi ABD. Kütahya, 2010. 491 s. 276 lev.

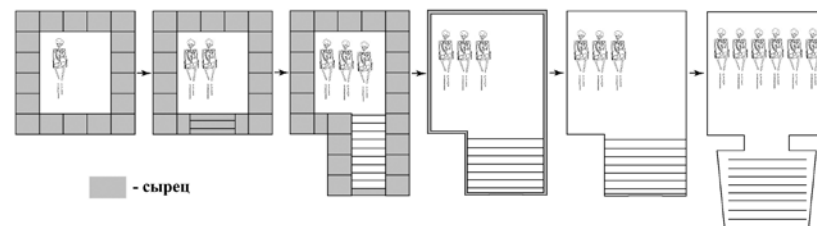

Рис. 1. Этапы развития погребальной конструкции: от сырцовых гробниц к грунтовым склепам

А. А. Супренков

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ВАЛ БЕЗКРОВНОГО В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ. ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ 2017–2021 ГГ.

Вал Безкровного – пожалуй, наименее исследованный среди «традиционных»¹ сооружений этого типа, известных в Восточном Крыму. Первое упоминание о нем относится только к концу XIX в. и связано с именем корреспондента Императорского Одесского общества истории и древностей И. С. Безкровного, который обнаружил и описал остатки какой-то древней насыпи в районе Феодосийского шоссе (*Безкровный*, 1875). В 90-х гг. прошлого столетия интересующий нас объект обследовался Т. Н. Смекаловой и А. А. Масленниковым (*Масленников*, 2003. С. 121–127). В ходе этих изысканий была прослежена трасса древнего вала от озера Чокрак, в окрестностях которого был заложен стратиграфический разрез, до Феодосийского шоссе. Южный же его участок был нанесен на карту по данным аэрофотосъемки. В новейших работах А. А. Масленников очень предположительно допустил возможность возникновения сооружения во второй половине I в. до н. э. (*Масленников*, 2020. С. 77). И наконец, в период, непосредственно предшествующий нашим работам, А. Л. Ермолиным была прослежена вся трасса вала от Чокракского до Тобечикского озера и далее (*Ермолин*, 2012. С. 55–65)². Исследователем были заложены стратиграфические разрезы – к западу от п. Багерово и в районе Чокрака. Автор полагал, что насыпь и ров были созданы в эпоху Митридата и затем реконструированы при Асандре (*Ермолин*, 2010. С. 147–150).

¹ В данном случае мы имеем в виду валы, известные с древности, а не выявленные за последнее время на основании космических снимков.

² Исследователь предполагал, что этот вал пересекает Тобечикское озеро и следует далее к черноморскому побережью. Нами данное сооружение рассматривается в его «классическом» географическом положении – от Чокрака до Тобечика.

Вал Безкровного обследовался нами четырежды, в 2017–2019 гг. и в 2021 г. (рис. 1, 1) в ходе охранно-спасательных археологических раскопок. В 2017 г. было заложено несколько раскопов на этом сооружении непосредственно к югу и северу от Феодосийского шоссе, восточнее п. Горностаевка (рис. 1, 2). Особенностью этого участка вала была его очень сложная структура (рис. 2, 1). Трасса конструкции описывала здесь полукруглую дугу, ориентированную выпуклой частью к юго-востоку. Насыпь практически не сохранилась, а определение направления линии рва потребовало в нашем случае трудоемких работ. Исследования показали, что в плане, в нескольких местах его линия разорвана. В предварительных публикациях эти разрывы были интерпретированы как «проезды» (*Столяренко и др.*, 2018), но не исключено, что мы имеем дело здесь только с особенностями рельефа местности. Ров, например, мог быть вписан в естественную щель в скале. Несколько полученных информативных разрезов (рис. 2, 2, 4), дали нам представление о структуре этой углубленной постройки. Глубина достигала 2,1 м при ширине горловины около 2,5 м. Эскарп имел уступы и располагался под углом около 45–60°, контрэскарп имел более крутой наклон. В нижней части рва находилась канавка шириной от 0,2 до 0,25 м и глубиной около 0,1 м.

Что касается заполнения, то его верхняя часть представляла собой линзу гумированного суглинка, темно-серого, почти черного цвета, несколько светлеющую в нижнем горизонте. Верхняя часть этой линзы чаще всего залегала непосредственно под слоем дерна, сливаясь с ним, нижняя достигала середины заполнения рва. Мощность ее достигала 0,75 м. В среднем и нижнем горизонте рва залегал в целом однородный слой светло-коричневой супеси. В его центре находился довольно плотный завал мелких и средних камней. В этом завале прослеживалась определенная структура, основание его лежало несколько выше дна рва, он имел форму валика. Возможно, он представлял собой часть обрушившейся вниз насыпи вала и крепиды.

В ходе работ 2017 г. нами был получен многочисленный археологический материал (рис. 2, 3), датирующийся от эпохи бронзы до средневековья. Обзор этих находок был опубликован ранее (*Супренков и др.*, 2019а). Затруднение в их интерпретации заключается в том, что непосредственно к западу от вала расположено многослойное поселение Кош-Кую, имеющее очень широкую датировку (*Куликов*, 2018), а к востоку от северного участка находится средневековое кладбище (рис. 1, 2). Таким образом, происхождение этих находок, в том числе и в заполнении рва, неочевидно. Отметим

только наличие эллинистического материала, который попадался в его верхних горизонтах, а также отсутствие находок рубежа эр.

Участки раскопа 2018 г. были заложены к северу и югу от железной дороги, идущей от Керчи, к западу от п. Багерово. Сделанные здесь разрезы (рис. 3, 1, 4), показали, что насыпь вала здесь также была разрушена. От нее сохранилась только тонкая прослойка переотложенного материка, залегающая на погребенной почве. Стратиграфия разреза была следующей:

- *заполнение рва*, сложенное гумированными суглинками различных оттенков от темно-коричневого до темно-серого, выстилающимися друг над другом в виде вогнутых линз, понижающихся к центру рва. Наиболее темные, почти черные, суглинки лежат в верхних горизонтах заполнения рва. В нижних же горизонтах, вдоль дна и стенок рва, существенную часть заполнения представляет рушеная материковая глина с примесью гумированного суглинка. Мощность отдельных линз колебалась от 0,2 до 0,4 м. Общая мощность слоя заполнения – 1,58 м;

- *материк* был представлен светло-коричневым суглинком с белыми известковыми включениями;

- *насыпь вала* была сложена светло-коричневым (переотложенным) материковым суглинком максимальной мощностью до 0,36 м, ширина ее составляла около 9 м;

- *погребенная почва* прослеживалась под основанием насыпи вала горизонтом гумированного суглинка мощностью около 0,2 м.

Таким образом, глубина рва от материка составляла 1,6 м. Его ширина в горловине достигала 7 м. Стенки были оплывшими, однако восточная (эскарп) все же была более крутой, а западная (контрэскарп) – более пологой. Вал, подвергшийся существенным разрушениям природного и антропогенного свойства, был сооружен непосредственно к востоку от рва. Разрезы показали, что здесь, как и на других участках, по всей видимости, ров и вал были сооружены в один этап, следы достройки или реконструкции не прослеживались (*Супренков и др.*, 2019б).

Археологические находки, полученные в ходе работ 2018 г., не были многочисленны. Здесь был найден эллинистический материал, представленный фасосскими амфорными ручками, а также ручка синопской амфоры типа V второй – третьей четверти I в. н. э. (*Внуков*, 2017. С. 330, рис. 1). Эти находки были обнаружены либо как подъемный материал, либо же происходили из верхнего горизонта заполнения рва.

Исследования, проведенные нами на валу Безкровного в 2019 г., относились к этому же району. К югу от полотна железной дороги нами

был зачищен разрез антропогенного происхождения. Зимнее время года позволило получить контрастную фотографию этого разреза (рис. 3, 2). Он показал, что глубина рва на этом участке от дна до горловины составила 1,8 м. Ширина горловины – 5,2 м. Стенки рва были относительно пологими и не очень ровными, контрэскарп имел более крутой склон, чем эскарп. Дно рва, шириной 0,6 м, было относительно ровным и плоским. Выкопанный в материке ров был заполнен однородным темно-серым суглинком, с зеленоватым оттенком в придонной части (следствие скопления воды на дне). Насыпь вала была значительно уничтожена антропогенным воздействием, но сохранилась полоса погребенной почвы – серого гумированного суглинка мощностью до 0,3 м и шириной распространения около 9 м. Археологический материал при зачистке разреза не был обнаружен.

Наконец, в 2021 г. небольшой раскоп был заложен в 1,4 км к югу от южной окраины д. Либкнехтовка. Горловина рва, выявленная при зачистке материка (рис. 3, 3), была шириной около 5 м. Полученный разрез (рис. 4, 1, 3) показал, что его глубина составила 1,4 м до устья горловины. Ров имел овальную форму, стенки пологие, относительно ровные. В нижнем горизонте он был заполнен темно-серым гумированным суглинком, мощностью до 0,6 м и протяженностью до 1,2 м. Он был перекрыт темно-серым/черным гумированным суглинком мощностью до 0,8 м и протяженностью до 2,5 м. В верхнем горизонте заполнения находился слой темно-серо-коричневого гумированного суглинка (распашка) мощностью до 0,2 м.

Насыпь вала, прослеженная в северном борту раскопа, представляла собой прослойку переотложенного материка – светло-коричневого суглинка протяженностью около 12 м и мощностью до 0,2 м. Она залегала на слое темно-коричневого суглинка протяженностью также около 12 м и мощностью до 0,4 м – остатки древней погребенной почвы. Весь верхний горизонт насыпи был уничтожен антропогенным воздействием. Среди немногочисленных находок можем указать сколотую ножку красноглиняного амфори-ска (рис. 4, 2), найденную в качестве подъемного материала, а также ручку гераклеийской (?) амфоры из верхнего горизонта заполнения рва (*Супренков и др.*, 2022. С. 239–251).

Таким образом, мы представили результаты наших работ на валу Безкровного. В результате раскопок на нескольких участках общей площадью 2 250 кв. м. мы уверенно можем констатировать наличие насыпи от озера Чокрак до Феодосийского шоссе, располагая относительно ее южной части в основном сведениями наших предшественников и данными

аэрокосмосъемки³. Ни на одном участке насыпь вала не сохранилась полностью – и была исследована только в нижнем горизонте. Можем предполагать, что ее ширина должна была составлять от 9 до 12 м. На всех полученных разрезах рва мы зафиксировали единственный строительный период формирования сооружения. Параметры рва в среднем были следующими – глубина от 1,5 до 2,5 м, ширина в горловине от 4,5 до 7 м. Что касается хронологии, то нам не удалось получить достаточного количества сведений для представления обоснованных предложений. Отметим только, что материал I в. до н. э., как эпохи Митридата, так и второй половины столетия, нами обнаружен не был, зато эллинистический, хотя и не слишком выразительный, присутствовал почти во всех разрезах. Среди косвенных данных о возможной датировке сооружения, которыми мы располагаем, – хронология многослойного поселения Кош-Кую. Оно находилось непосредственно к западу от вала, который, как и все прочие, был ориентирован «боевой» частью на запад. Т. е. исходя из общей логики, в случае античного происхождения постройки она должна была возникнуть либо до, либо уже после запустения этого поселения или как минимум в период прекращения жизнедеятельности на нем. А. В. Куликов предлагал поздней датой существования поселения в эллинистический период начало III в. до н. э. (Куликов, 2017. С. 167), указывая, впрочем, на его аборигенный облик, что тоже существенно. Попытки же исторической реконструкции событий, связанных с обстоятельствами возникновения вала Безкровного, как и прочих сооружений этого типа, будут представлены нами в ходе последующей работы.

³ Трасса вала нанесена нами на карту на основании этих данных, обработанных А. М. Михайловым.

Список литературы

- Безкровный И. С.** Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. 1875. Т. IX. С. 443–445.
- Внуков С. Ю.** Редкая синопская амфора римского времени // КСИА. 2017. Вып. 249, ч. 1. С. 329–333.
- Ермолин А. Л.** О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 2010. Т. 14. С. 131–161.
- Ермолин А. Л.** Территория и население Европейского Боспора в позднеантичный период (середина III – конец VI веков) (по материалам городищ, поселений, некрополей): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2012. 313 с.
- Куликов А. В.** Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 164–173. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).
- Масленников А. А.** Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. 278 с.
- Масленников А. А.** Хора Боспора в III–II вв. до н. э. // РА. 2020. № 1. С. 76–89.
- Столяренко П. Г., Супренков А. А., Прокопенко С. Н.** Валы Безкровного (Чокракский) и Акмонайский (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 354–362. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).
- Супренков А. А., Столяренко П. Г., Требухина Н. Ю.** Исследования вала Безкровного в 2017–2018 гг. и сопутствующий археологический материал // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы междунар. науч. конф. Симферополь; Керчь, 2019. С. 564–573.
- Супренков А. А., Топоривская М. А., Требухина Н. Ю.** Новейшие археологические исследования на Тиритакском валу и валу Безкровного в Восточном Крыму // Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. в 2 т. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 177–187.
- Супренков А. А., Топоривская М. А., Кузина Н. В.** Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в 2021 году // Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2021 года на Крымском полуострове. Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. С. 239–251. (История и археология Крыма; вып. XVII).

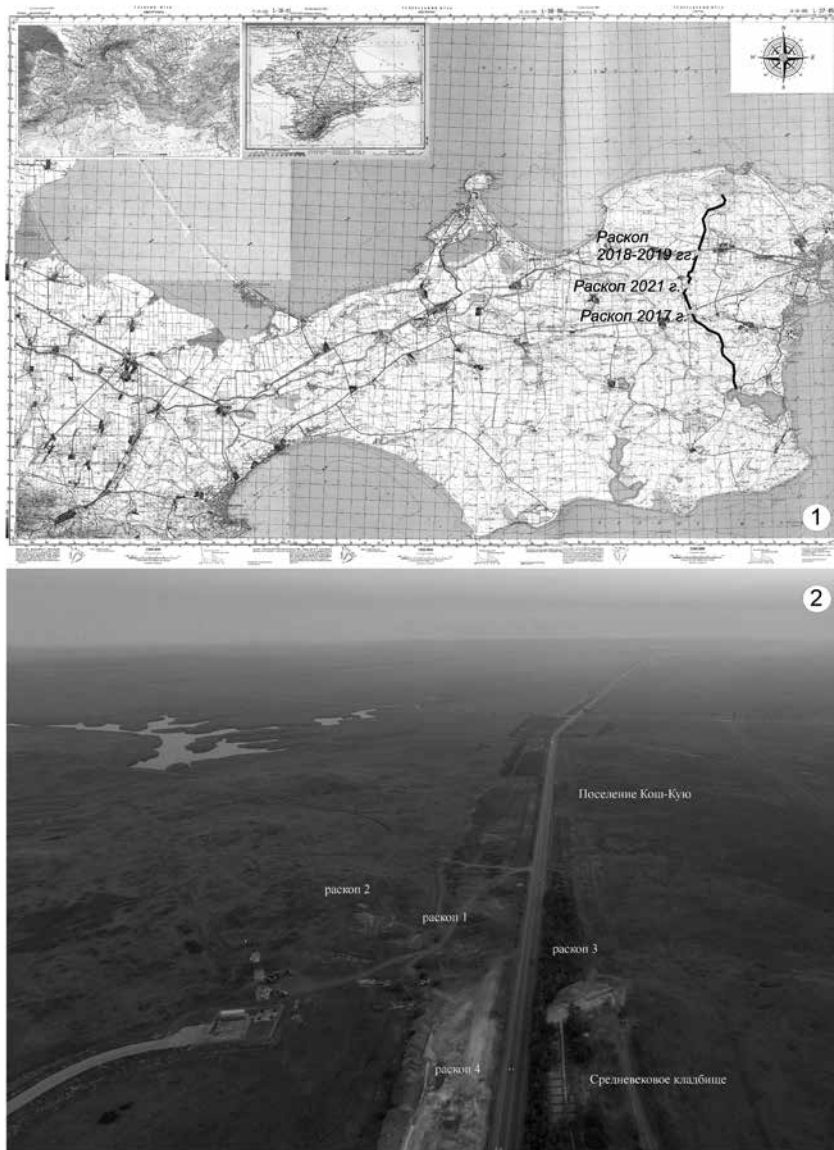

Рис. 1. Вал Безкровного: 1 – на географической карте с указанием участков работ автора; 2 – раскоп 2017 г. Общий вид с востока

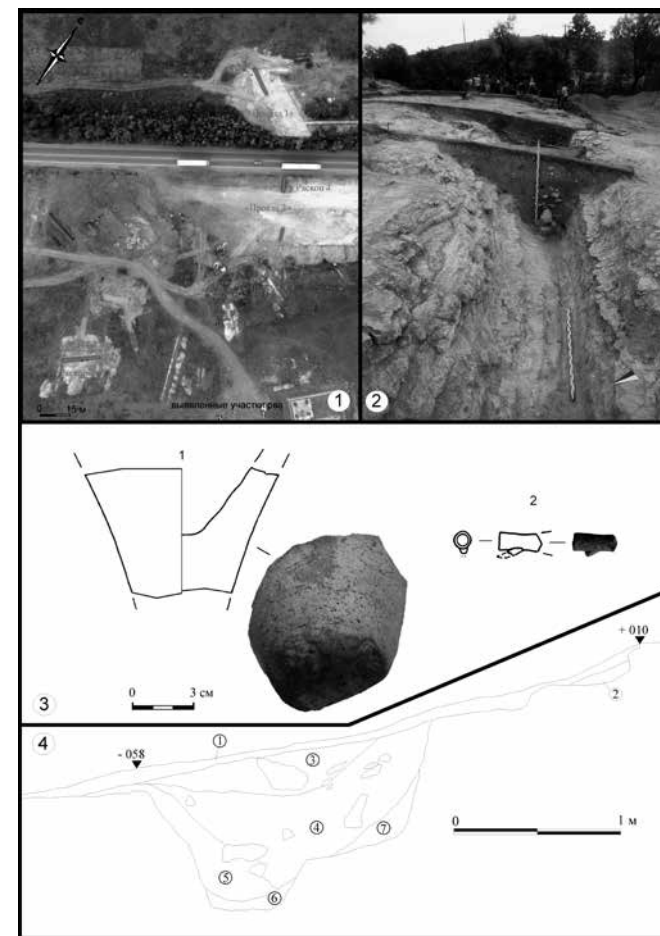

Рис. 2. Вал Безкровного. Раскоп 2017 г. 1 – ситуационный план участка с указанием выявленных участков рва; 2 – разрез рва в раскопе 3, вид с северо-запада; 3 – раскоп 3, находки (1 – придонная часть синопской амфоры. IV–III вв. до н. э.; 2 – фрагмент наконечника бронзовой стрелы скифского типа. Конец VII – первая половина VI в. до н. э.); 4 – северный разрез рва в шурфе 15. Чертеж (1 – дерн; 2 – предскальная супесь светло-серого цвета с коричневатым оттенком, трещиноватая с включением предскальной крошки; 3 – гумированный суглинок темно-серого цвета, затечный; 4 – легкий светло-серый суглинок, плотный, с включением камней; 5 – тырса и скальная крошка серовато-желтого светлого оттенка; 6 – легкий плотный суглинок светло-серого цвета с включением тырсы и каменной крошки; 7 – материк)

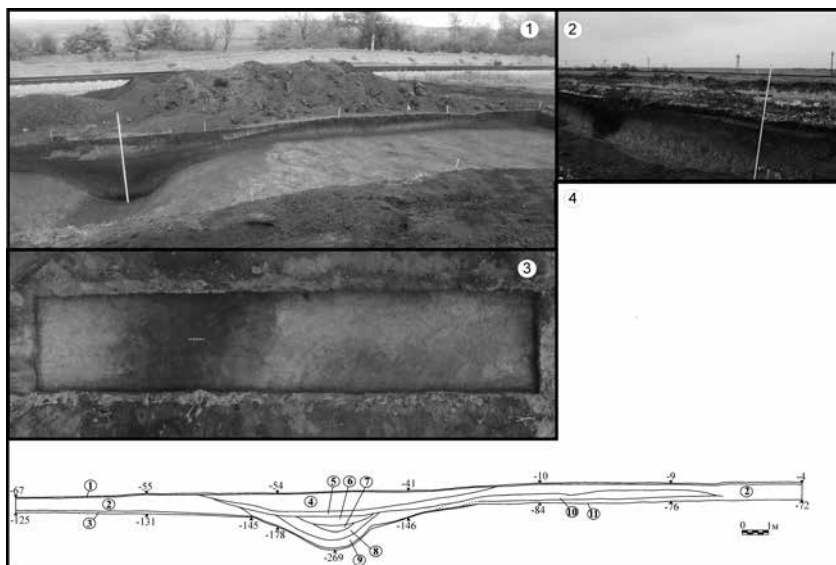

Рис. 3. Вал Безкровного: 1 – разрез 2018 г., вид с юга; 2 – разрез 2019 г., вид с юго-востока; 3 – раскоп 2021 г., горловина рва, вид с юга; 4 – разрез 2018 г. Чертеж (1 – дерн; 2 – темно-серый гумированный суглинок; 3 – материк; 4 – балластный слой; 5 – темный коричневатый-серый гумированный суглинок; 6 – темно-серый/черный гумированный суглинок; 7 – темный коричнево-серый гумированный суглинок; 8 – серый суглинок; 9 – коричневатый-серый суглинок; 10 – насыпь вала: переотложенный материковый светло-коричневый суглинок; 11 – погребенная почва: серо-коричневый гумированный суглинок)

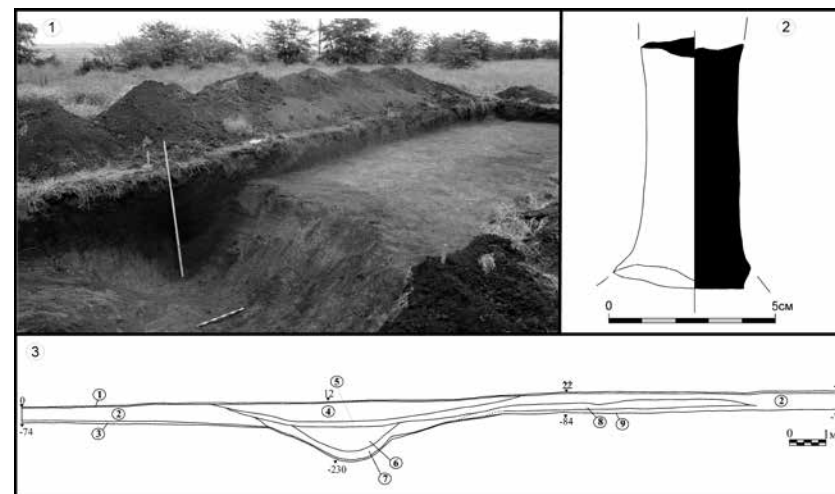

Рис. 4. Вал Безкровного. Раскоп 2021 г.: 1 – северный разрез, вид с юго-запада; 2 – находка: ножка красноглиняного амфориска; 3 – северный разрез. Чертеж (1 – дерн; 2 – темно-серый гумированный суглинок; 3 – материк; 4 – балластный слой; 5 – темный коричневатый-серый гумированный суглинок; 6 – темно-серый/черный гумированный суглинок; 7 – темный серый гумированный суглинок; 8 – насыпь вала: переотложенный материковый светло-коричневый суглинок; 9 – погребенная почва: серо-коричневый гумированный суглинок)

А. Е. Терещенко

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ЛЕВ И ОРУЖИЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАНТИКАПЕЙСКИХ СТАТЕРОВ IV В. ДО Н. Э.)¹

Уже отмечалось, что реверсная композиция пантикапейских статеров – «львиноголовый грифон с древковым оружием, на колосе» – по сути составлена из двух вполне самостоятельных смысловых блоков-символов: «лев со стрелой/дротиком в пасти» и «орлиноголовый грифон на колосе» (Терещенко, Шауб, 2022. С. 5). Сейчас нас больше интересует связка «лев – оружие». То, что это вполне устоявшийся образ, подтверждается примерами как в самой пантикапейской чеканке, так и далеко за пределами Северного Причерноморья.

В частности, в 357–355 гг. до н. э. в Пантикапее чеканятся гемидрахмы типа «голова молодого сатира / лев с оружием, влево» (Терещенко, 2013. С. 114; см. рис. 1, 4²), а в конце III в. до н. э. были выпущены триоболы типа «голова Аполлона / голова льва в фас, в пасти стрела (?)» (Терещенко, 2022. С. 74–75; см. рис. 1, 5). Сцену «лев с копьем» мы встречаем и на медных херсонесских халках, датированных 325–320 гг. до н. э. (Туровский, 2018. С. 33, № 79; см. рис. 1, 6).

Изображения львов с оружием в пасти присутствуют на монетах фракийских Гераклеи Трахинии (рис. 1, 7) и Этайи (рис. 1, 8), датированных 370–350 и 344–280 гг. до н. э., а также на полисной меди III в. до н. э., в землях Великой Греции – Апулии, Лациуме и Кампании (рис. 1, 9, 10; рис. 2, 1, 2).

Показательно, что этот образ использовался не только в монетном

деле, но и при создании предметов прикладного искусства. Так, фигуры «вооруженных» львов мы видим на сердоликовых геммах 2-й половины V – начала IV в. до н. э. (Furtwängler, 1900. Bd. 2. S. 65, № 44, 45; Bd. 1. Taf. XIII, 44, 45; см. рис. 2, 8, 9). Фасовые львиные головы с дротиком в зубах изображены на двух парных больших серебряных фаларах из Федуловского клада, датированных первой половиной III в. до н. э. (Виноградов, 2006. С. 226; см. рис. 2, 6).

Вряд ли можно отрицать, что перед нами устойчивый и давно сложившийся знаковый образ. Об этом говорит сам факт присутствия на пантикапейском золоте именно **львиноголового** грифона, «очевидно, что только лев мог (имел право?) удерживать (хранить?) такое оружие» (Терещенко, Шауб, 2022. С. 6).

Вероятно, истоки этой композиции восходят к процессу «священной» охоты, об этом свидетельствует, например, сцена схватки всадника со львом, перекусывающим копье, на серебряном двуручном сосуде из кургана Солоха – рубеж V–IV вв. до н. э. (Манцевич, 1987. С. 121; см. рис. 2, 7). Вместе с тем довольно любопытен тот факт, что подобные сюжеты присутствуют только в эллинском культурном пространстве. Во всяком случае, на землях древних государств Ближнего Востока, в том числе и Персидской империи, невзирая на весьма распространенную «львиную» тематику в их культуре, образ льва с оружием в пасти пока не встречался. Отсюда можно предположить, что данный образ был распространен исключительно в греческой среде. Даже вышеупомянутый сосуд из Солохи, хотя и обнаружен в скифском погребении, все-таки был изготовлен греческими мастерами, в духе греческих традиций.

Еще один интересный момент – форма наконечника, удерживаемого львом. Создается впечатление, что на некоторых, достаточно хорошо сохранившихся, экземплярах изображены прорезные наконечники (см. рис. 1, 2, 3(?), 4, 8; рис. 2, 2). Кстати, подобного вида наконечники присутствуют рядом со львами на персидских статерах времен вхождения в состав державы Александра (рис. 2, 3, 4). Схожий наконечник на копье, которым вооружен царь, мы видим и на золотом дарике, датированном периодом ок. 485–420 гг. до н. э. (рис. 2, 5). Все это, вероятно, указывает на особый статус такого рода оружия.

Как известно, прорезные наконечники были широко распространены в эпоху бронзы. Следовательно, можно предположить, что образ головы льва с сакральным оружием в пасти сформировался как минимум еще в начале I тысячелетия до н. э.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме «Южная Россия и определенные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Фотографии северопричерноморских монет взяты из интернет-ресурсов «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» и «Монеты Тавриды. Каталог-архив», инополисные – из «acsearch.info» и «wildwinds.com».

Список литературы

Виноградов Ю. А. Еще раз о дате Федуловского клада // In situ. К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 207–227.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.

Терещенко А. Е. Заметки о сюжетах одной группы пантикапейского серебра конца III в. до н. э. // ПИФК. 2022. Вып. 4. С. 70–76.

Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. Некоторые сюжеты пантикапейских монет и их аналоги // Новый Гермес: вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2022. Вып. XIV (2). С. 4–15.

Туровский Е. Я. Монеты античного Херсонеса. Каталог-определитель. Севастополь: изд-во ИП Бондаренко, 2018. 106 с.

Furtwängler A. Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bd. 1: Tafeln. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient, 1900. 16 S., 67 Pl.

Furtwängler, A. Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bd. 2: Beschreibung und Erklärung der Tafeln. Leipzig; Berlin: Giesecke & Devrient, 1900. 329 S.

Рис. 1. Пантикапей: 1 – статер, золото. 378–372/1 гг. до н. э.; 2 – статер, золото. 355–350 гг. до н. э.; 3 – статер, золото. Начало – рубеж 30/20-х гг. IV в. до н. э.; 4 – гемидрахма, серебро. 357–355 гг. до н. э.; 5 – гемидрахма, серебро. 215–205 гг. до н. э.; 6 – Херсонес. Халк, бронза. 325–320 гг. до н. э.; 7 – Гераклея Трахиния (Фракия). Обол, серебро. 370–350 гг. до н. э.; 8 – Этая (Фракия). Гемидрахма, серебро. Ок. 344–280 гг. до н. э.; 9 – Венусия (Апулия). Бронза. 210–200 гг. до н. э.; 10 – Матеола (Апулия). Дихалк, бронза. 210–150 гг. до н. э.

Рис. 2. 1 – Пренесте (Лациум). Асс (?), бронза. 275–225 гг. до н. э.; 2 – Капуя (Кампания). Обол (?), бронза. 216–211 гг. до н. э.; 3, 4 – Персия (империя Александра). Неизвестный сатрап. Статер, серебро. Ок. 328–311 гг. до н. э.; 5 – держава Ахеменидов. Золото, дарик. Ок. 485–420 гг. до н. э.; 6 – фалары из «Федуловского клада», серебро. Первая половина III в. до н. э.; 7 – курган Солоха. Фрагмент двуручного сосуда, серебро с позолотой. Рубеж V–IV вв. до н. э.; 8, 9 – геммы, сердолик. 2-я половина V – начало IV в. до н. э.

Е. В. Фокеева
Институт археологии РАН;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ РЕЛЬЕФЫ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ГЕРМ

Герма в античности представляет собой в первую очередь тип культовой, а в римское время – декоративной скульптуры, сохранившей определенную смысловую связь с Гермесом и некоторыми сферами жизни, традиционно находившимися под его покровительством: с гимнасием, с обучением и воспитанием юношей, состязаниями атлетов. Насколько можно судить, почитание Гермеса Хтонического или Гермеса Психопомпа не привело к появлению надгробных памятников в виде герм. Однако в эллинистическое время рельефные изображения герм встречаются на надгробных стелах; а среди погребального инвентаря отмечают миниатюрные гермы или скульптурные группы, включающие герму как один из элементов.

Происхождение этой традиции неясно. Уже в последней четверти VI в. до н. э. в вазописи, в том числе аттической, можно встретить профили божеств, вырастающие из земли (Marcadé, 1952. Р. 597–602); иногда это двойные изображения бога и богини. Можно согласиться с их интерпретацией как образов, связанных с богами подземного мира. Жан Маркаде сравнивает эти изображения с миниатюрными парными гермами на отдельных столбах, но имеющих общее основание, с лицами, обращенными в одну сторону. Однако такие находки пока отождествляют скорее со священными участками, а не с некрополями (свинцовые гермы из Олинфа (Robinson, 1942. Р. 8–14, pl. II–III)).

Изображения герм на аттических надгробиях единичны и не считаются характерным сюжетом.

На севере Греции, в Фессалии, встречаются гермы в виде отдельных схематичных изображений в нижней части надгробий эпохи эллинизма

и первых веков н. э. с посвящением Гермесу Хтоническому, причем контурный рисунок или рельеф мог сопровождаться соответствующей надписью (IG IX, 2 № 687, 715, 881b, 841, 999, 1000 и др.) или, по-видимому, заменять ее и соседствовать с только с общераспространенными прощальными надписями (IG IX, 2 № 350, 448, 748, 750, 783 и др.). С фессалийской традицией связывают распространение надгробных рельефов с гермами на Лесбосе. В то же время в Македонии этот обычай не зафиксирован. В каталог о македонских надгробиях V–I вв. до н. э. входит 216 стел; из них всего одна (Kalaïtzi, 2016. Р. 205–206, № 84, музей Верии, инв. Λ 160) с изображением гермы, причем рядом с антропоморфным Гермесом. Сложная иконография этого рельефа больше нигде не повторяется.

В эпоху эллинизма в скульптуре встречаются уже все известные разновидности герм, и многие из них переносят на надгробные рельефы. Среди них архаистические бюсты «бородатого бога», напоминающие герму Алкамена или изваяния Диониса, – наиболее распространенный тип классической гермы. Точно определить, какого именно бога изображает такая герма, бывает сложно из-за отсутствия или неоднозначности атрибутов. Не менее распространены бюсты Гермеса-эфеба. Изображения Гермеса в образе безбородого юноши в скульптуре появились не позднее IV в. до н. э. Ранние примеры – вотивные статуи эфевов из святилища Немезиды в Рамнунте, относящиеся к IV в. до н. э. (Palagia, Lewis, 1989. Р. 337–339), или герма юноши из Эретрии. Гермы на рельефах, как и круглые статуи безбородого Гермеса, по-видимому, приобрели наибольшую популярность в эпоху эллинизма под влиянием иконографии Александра Великого. Как показал Ж. Маркаде (Marcadé, 1953. Р. 514–522) на примере гермы, найденной на Делосе в доме Гермеса, для эллинистических статуй Гермеса в качестве образцов достаточно произвольно использовались более ранние скульптуры, включая статуи атлетов.

Изображения герм Геракла тоже встречаются достаточно часто. Среди них и гермы-бюсты, как на стеле с Родоса, и гермы-полуфигуры. Примечательно, что в четырех случаях явно воспроизводится один и тот же вариант гермы-полуфигуры: Геракл изображен закутанным в львиную шкуру, так что видны только голова, левое плечо и верхняя часть груди. Другие атрибуты отсутствуют, а голова льва, обращенная влево, показана на уровне бедра на фоне столба гермы. Эти гермы напоминают статуи так называемого типа Кавала, или «старого Геракла». Среди них три (PM № 161, 256, 736) связаны со Смирной, одна (PM № 141) – с Галикарнасом.

Изображения герм на рельефах надгробных стел зафиксированы в Восточном Средиземноморье: терракотовые гермы здесь встречаются

в качестве погребального инвентаря, но соотнести их с надгробиями в большинстве случаев невозможно, так как эти находки были сделаны до начала систематических раскопок. На стелах из Восточного Средиземноморья, в отличие от фессалийских памятников, гермы вписаны в композицию основного рельефа и не отличаются по манере исполнения и детализации от других его элементов. Их можно интерпретировать как знак пространства, связанного с Гермесом (гимнасия), или знак покровительства Гермеса или Геракла атлету, оратору, эфебу. Иногда, как на рельефе с Делоса (Le Dinahet-Couilloud, 1974. № 167), герма разделяет двух персонажей, что наводит на мысль о ее трактовке как символа границы между ними.

Остров Ренея (совр. Риния) в древности служил кладбищем Делоса, так как на священном острове умерших, как известно, не хоронили (Thuc. I.8.1; III.104; V.1). Многие памятники были вывезены с острова до начала систематических археологических исследований и оказались в разных музеях мира. Поэтому их определяют преимущественно по сходству материала, техники исполнения и стилистических приемов (Le Dinahet-Couilloud, 1974. Р. 1–3). Иконография герм на эллинистических мраморных стелах Ренеи напоминает другие памятники Восточного Средиземноморья. Кроме того, именно отсюда происходят известные детские надгробия: стела Фемистокла из собрания Государственного Эрмитажа (конец II в. до н. э., инв. А 212). Стела из Лувра (PM № 804) интересна детализированным, объемным и хорошо сохранившимся изображением гермы «бородатого бога» на заднем плане.

На Боспоре гермы, связанные с погребениями, в основном представлены терракотовыми статуэтками. Как и в других регионах, они распространены повсеместно и не специфичны для погребального инвентаря. Эти статуэтки воспроизводят варианты герм «бородатого бога» (Гермеса или Диониса), а также Геракла в львиной шкуре. Герма, кроме того, может быть частью скульптурной группы: в самом простом варианте на нее опирается стоящий рядом юноша. В более декоративных и сложных композициях герма может занимать центральное место (Терракотовые статуэтки, 1974. Табл. 25, 3) или играть второстепенную роль (Там же. Табл. 25, 5).

На боспорских надгробных стелах мотив гермы встречается достаточно редко. Однако найдено несколько посвященных рельефов, где стоящий Гермес изображен вместе с сидящей на троне Кибелой и стоящей богиней с факелом (Горнчаровский, Тихонова, 2021; 2023; Кучеревская, 2017. Кат. 81; ВКИКМЗ инв. КЛ-869). Эти памятники обычно датировались не ранее I в. до н. э., однако В. А. Горнчаровский и Т. С. Тихонова найденный в 2020 г. в Горгиппии рельеф относят по археологическому контексту

к III в. до н. э. По мнению авторов, на всех этих рельефах воспроизводится сюжет, бытовавший в IV в. до н. э. в Афинах; поэтому и другие боспорские рельефы этого ряда, возможно, относятся к более раннему времени.

Композиции с Гермесом или гермами на надгробиях остаются единичными. Наиболее известны рельефы саркофага (ГЭ, инв. П.1834-110) из Мирмекия, украшенного сценами из жизни Ахилла; в этом случае гермы использованы как декоративные элементы, ограничивающие поле рельефа слева и справа; однако саркофаг создан позже рассматриваемого периода и относится ко второй половине II в. н. э.

В собрании Государственного Эрмитажа есть стела (KW 1909. S. 71. Taf. XXVIII, № 407; *Чистов*, 2017. № 350; инв. П.1889-10) II в. до н. э. из Пантикапея. На ней воин в доспехах, с фиалой в руке изображен стоящим между алтарем и гермой, рядом с богиней, за плечами которой видны фигурки Ники и Эрота. В верхнем ярусе рельефа показан фасад пятиколонного ионического храма.

На фрагменте другой, более поздней стелы (KW, 1909 Taf. IX, S. 19, № 134; КЛ-768) (рис. 1), относящейся, вероятно, к I в. н. э., герма-полуфигура вписана в композицию анфемиа и занимает то центральное место между двумя побегами, где в других случаях располагается лист аканфа, цветок или пробивающийся побег. Еще одно необычное украшение этого памятника – маски, вписанные справа и слева в растительный орнамент. Интересна и выбранная мастером декоративная разновидность гермы: по-видимому, это или тот же вариант полуфигуры, что и в Смирне или Галикарнасе, или вариация эллинистической статуи Геракла с рогом изобилия (рис. 2). Подобная скульптура (ГЭ инв.11.1899.79), изготовленная, вероятно, местным мастером, была найдена в здании II в. до н. э. в Пантикапее.

На стеле (КЛ-221) (рис. 3), найденной также на территории Пантикапея, изображение антропоморфного Гермеса с кадуцеем помещено в тимпане фронтона. Основное поле лишено изображения: возможно, оно было нанесено красками.

Таким образом, на Боспоре, несмотря на относительную близость к Восточному Средиземноморью, рельефные изображения герм на надгробиях единичны. Однако существование рельефов, включавших антропоморфного Гермеса, в том числе вотивных, наводит на мысль, что эта тенденция, как и в Аттике, могла быть связана с местными традициями почитания Гермеса, которые в меньшей степени соотносили подземных богов с гермами или их изображениями.

Список литературы

Горнчаровский В. А., Тихонова Т. С. Посвятительные рельефы с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы научной конференции. Севастополь, 20–24 сентября 2021 г. Севастополь: ГИАМЗХТ, 2021. С. 73–77.

Горнчаровский В. А., Тихонова Т. С. К вопросу о хронологии боспорских рельефов с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». Материалы конференции «Даниловские чтения. Античность – Средневековье – Ренессанс: памятник в контексте эпохи». 2023. № 1. С. 10–21.

Кучеревская Н. Л. Рельеф с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты // Пантикапей и Фанагория: каталог выставки. М., 2017. С. 230.

Терракотовые статуэтки. Ч. III: Пантикапей / отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974. 57 с., 31 л. ил. (САИ; вып. Г1-11).

Чистов Д. Е. Надгробие с изображением воина, Ники и Эрота // Пантикапей и Фанагория: каталог выставки. М., 2017. С. 391.

Inscriptiones Graecae. Vol. IX. P. 2: Inscriptiones Thessaliae / ed. O. Kern. Berlin, 1908. 138 p.

Kalaitzi M. Figured tombstones from Macedonia, Fifth-First century BC. Oxford: Oxford University Press, 2016. 288 p.

Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin: G. Reimer, 1909.

Le Dinahet-Couilloud M.-T. Exploration Archéologique de Délos. Fasc. 30. Paris: École Française d'Athènes, 1974. 381 p.

Marcadé J. Hermès doubles. Bulletin de Correspondance Hellénique. 1952. Vol. 76. P. 596–624.

Marcadé J. Les trouvailles de la maison dite de l'Hermès, à Délos. Bulletin de Correspondance Hellénique. 1953. Vol. 77. P. 497–615.

Palagia O., Lewis D. The Ephebes of Erechtheis, 333/2 B. C. and Their Dedication // The Annual of the British School at Athens. 1989. Vol. 84. P. 333–344.

Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz: P. von Zabern, 1977. Textband I. 278 S.; Tafelband I. 169 S.

Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Part X: Metal and Minor Miscellaneous Finds, an Original Contribution to Greek Life. Baltimore: The John Hopkins Press, 1942. 593 p.

Рис. 1. Надгробная стела из собрания Керченского музея (КЛ-768)

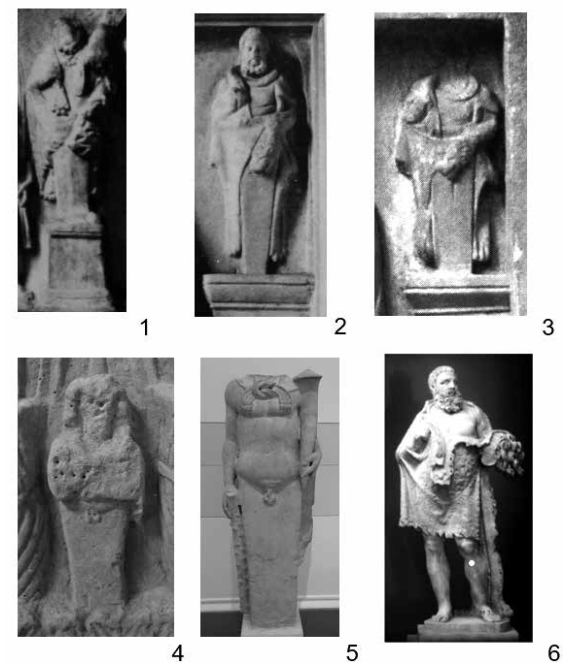

Рис. 2. Изображения герм Геракла на стелах
и их возможные прототипы:
1 – РМ 141, Галикарнас; 2 – РМ 161, Смирна;
3 – РМ 256, Смирна; 4 – деталь стелы КЛ-768;
5 – статуя Геракла. Государственный Эрмитаж;
6 – статуя Геракла в львиной шкуре (тип Кавала).
Рим, Национальный музей, инв. 115165

Рис. 3. Стела из собрания Керченского музея (КЛ-221)

З. В. Ханутина

Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург

В. А. Хршановский

Институт археологии РАН, г. Москва

ФРАГМЕНТ ТЕРРАКОТОВОЙ СТАТУЭТКИ ВСАДНИКА ИЗ РАСКОПОК ЮГО-ЗАПАДНОГО ЗОЛЬНИКА ИЛУРАТА

В августе 2025 г. археологическая экспедиция ИА РАН после многолетнего перерыва провела полевой сезон на некрополе Илурата. При осмотре территории между городищем и южными некрополями, на самом высоком холме (70 м от уровня моря по Балтийской системе), расположенном в 100 м к юго-западу от юго-западных ворот города-крепости, были зафиксированы пять свежих грабительских шурфов: два у юго-западного подножья (ГШ 1–2) и три на вершине (ГШ 3–5).

Еще двести лет назад первооткрыватель памятника Поль Дюбрюкс отметил на плане два холма и обозначил их цифрами «11» (рис. 1). По его предположению, там находились внешние фортификационные сооружения. Однако через сто лет В. Ф. Гайдукевич, побывав в этом месте, выдвинул иную версию: здесь, как и за юго-восточной стеной Илурата, находится зольный холм (рис. 2) (Гайдукевич, 1958. С. 136). Впоследствии она была поддержана В. А. Горончаровским (2010. С. 497) и Ю. А. Виноградовым (2018. С. 106).

Просмотр и переборка отвалов из грабительских шурфов, доследованных в минувшем сезоне, дали подтверждение этой версии. Об этом свидетельствовали и специфический характер самого грунта (мелкодисперсный, с включениями пепла и золы), и типичные для подобных зольников находки: многочисленные фрагменты амфорной тары, краснолаковой, красноглиняной и лепной керамики, обломки терракотовых статуэток и раковины морских (!) моллюсков. Помимо вещевых находок, в переотложенном грунте

из шурфов обнаруживались кости диких и домашних животных (лошади, коровы, овцы, овцы или козы, свиньи, собаки, зайца-русака), что подтверждало предположение о сакральном назначении комплекса.

Датирующего материала среди всего, что было найдено, оказалось сравнительно немного. К самым ранним, начала I – начала III в. н. э., относились венчики краснолаковых тарелок и чаш Восточной сигиллаты B (Eastern sigillata B) и Понтийской сигиллаты A (Pontic sigillata A). Но профильные фрагменты поздних узкогорлых светлоглиняных амфор (типы D, E и F по классификации Д. Б. Шелова) и красноглиняных (типа 96, 97 по классификации И. Б. Зеест и «Делакеу») поднимали верхнюю границу последних приношений в зольнике до постилуратского времени – второй половины III – V или даже VI в.

Среди находок, помимо керамических остатков, оказалось несколько небольших обломков терракот и один сравнительно крупный (выс. 8 см) фрагмент статуэтки, настолько выразительный, что даже по сохранившейся части очевидно, что это корпус фигуры всадника (рис. 3).

Голова и шея статуэтки утрачены, сохранились только верхние части рук и плечи, торс и верхняя часть ног выше колен. Статуэтка выполнена небрежно, в технике свободной лепки, из красной боспорской глины грубого помола с темными минеральными включениями, плохо пропечена, местами имеются следы светлой обмазки (?).

Подобные статуэтки хорошо известны на Боспоре. Их находили при раскопках городов и сельских поселений, преимущественно в слоях и комплексах III в. н. э. Несколько всадников-воинов происходят из Пантикапея (Силантьева, 1974. С. 36–37, табл. 50, 1–4; Ермолин, 2007. С. 102, рис. 1, 1–3, 5–6), из Артезиана (Винокуров, 2002. С. 70–85, рис. 2–5), из поселения возле Ново-Отрадного (Кругликова, 1970. С. 106, табл. 48, 3) – и, как пишет И. Т. Кругликова, они «аналогичны найденным в Семеновке и в других пунктах Боспорского царства» (см. также: Кобылина, 1961. С. 168–169. Табл. XXXVII, 4).

Двум типам боспорских терракотовых статуэток всадников – галопирующих и спокойно стоящих – были посвящены специальные статьи В. И. Пругло (1977) и С. М. Крыкина (2015). Последняя – в основном генезису образа динамичного «фракийского» всадника, его связи с присутствием на Боспоре фракийцев и их заметному, по мнению автора, следу, оставленному в боспорской культуре (Там же. С. 64). В статье В. И. Пругло прослеживается история возникновения и сосуществования двух этих типов. Первый – тип «фракийского всадника» на галопирующем коне,

восходивший к эллинской традиции, известен на Боспоре с первой половины III в. до н. э. Второй – на спокойно стоящем или медленно идущем коне, отличающийся статичностью, условностью и схематизмом образа, появляется в боспорской коропластике только на рубеже II–I вв. до н. э., сложившись на почве Боспора в результате смешения античных и автохтонных традиций. С I в. до н. э. по I–II вв. н. э. они сосуществовали. Но продолжалось ли изготовление терракотовых всадников во II–III вв., тогда оставалось неясным, так как в известных ко времени написания статьи археологических комплексах они не встречались (Пругло, 1977. С. 177–178, 180–181). При этом на боспорских надгробиях того периода изображения всадника или всадников остаются одними из распространенных сюжетов, из чего следует, что сам образ сохранял свою значимость в боспорской мифологии и мировосприятии боспорян (см. напр.: Савостина, 1992).

Местонахождение некоторых терракот-всадников (пантикапейские погребальные комплексы, мирмекийский зольник) и сходство всадников на галопирующих конях с каноническим типом «фракийского всадника» позволили В. И. Пругло высказать предположение о существовании на Боспоре еще с эллинистического времени культа местного конного бога. С этим же культом связывает она появление терракот в виде всадника-охотника и всадника на спокойно стоящем коне. А наличие всадников на диадемах предполагаемого Рескупорида III и его супруги, изображения боспорских царей в виде всадников на реверсе монет II–III вв. н. э., на которые обратил внимание еще М. И. Ростовцев, позволяют ей заключить, что «в начале нашей эры культ конного божества стал одним из главенствующих» (Пругло, 1977. С. 182).

Как уже было отмечено, какое-то время терракоты, выполненные в новом «варварском» стиле, существовали параллельно с традиционным «античным». Но сравнительный анализ боспорских терракот I–III вв. н. э. «выявляет картину постепенного отхода боспорской коропластики от древнегреческих тем и сюжетов к кругу образов, отвечающих уже иному, не эллинскому мировоззрению» (Денисова, 1981. С. 80), и к III в. они уже полностью его вытесняют. Тогда же происходит коренное изменение в технике производства терракот – постепенный отказ от использования форм и переход от односторонних рельефных изображений к лепке объемных статуэток вручную. Типичным примером такого нового стиля и новой техники изготовления является наш всадник.

Описывая результаты исследования юго-восточных илуратских зольников, В. Ф. Гайдукевич только упоминает несколько обломков терракот

III в., никак их не атрибутируя и не приводя фотографий (*Гайдукевич*, 1958. С. 137). При продолжении исследования этого зольника в 1985 г. В. А. Горнчаровским было подтверждено, что он формировался на протяжении второй половины I – III в. н. э. Среди происходящих из него находок в слоях III в. упоминается только терракотовая протомы, а небольшая мраморная фигурка, «напоминающая каменные изваяния кочевников», вероятно, найденная вне слоя, имела хронологическую вилку всего зольника: вторая половина I – III в. н. э. (*Горнчаровский*, 1987. С. 320; 2002. С. 171).

Точное местонахождение двух других фрагментов статуэток всадников из Илурата – ближайших аналогий нашему – в публикации В. И. Денисовой (1981. С. 80, табл. 38, д, э) не указано, но, с большой долей вероятности, они происходят из слоя городища. За годы его исследования там было найдено небольшое количество терракот, датирующихся в основном II–III вв. (*Денисова*, 1981. С. 126–127, табл. XXIV, а, б, в; XXV, а; XXVI, а, б, ж; XXVII, б, г, д; XXVIII, д, з, е, и, к). Весьма архаичен по стилю и примитивен по технике изготовления комплекс культовых лепных фигурок из святилища конца II в. н. э., найденный и исследованный в центре Илурата И. Г. Шургая (1986).

Встречались терракоты и в погребально-поминальных комплексах некрополя Илурата (*Ханутина*, *Хршановский*, 2019). Среди них лишь однажды, в вырубном склепе № 24, была найдена полностью сохранившаяся статуэтка скачущего всадника «фракийского» типа, датирующаяся по сопутствующему погребальному инвентарю I–II вв. н. э. (*Кругликова и др.*, 2007. С. 45).

Насколько мы можем судить по опубликованным материалам, ни в одном из исследованных ранее зольников, кроме мирмекийского зольника IV–II вв. до н. э., ни в остальных мирмекийских (*Гайдукевич*, 1958; 1987; *Пругло*, 1977; *Денисова*, 1981), ни в китейских (*Молева*, 2017; *Катцова*, 2019; 2022; *Ханутина*, *Хршановский*, 2023), ни в зольниках сельских поселений Приазовья (*Масленников*, 2007) терракоты в виде всадников пока не встречались. Если это подтвердится, то фигурка из юго-западного зольника Илурата окажется первой в подобных ритуальных комплексах римского времени.

Список литературы

- Виноградов Ю. А.** Илурат священный // БИ. 2018. Т. XXXVII. С. 103–110.
- Винокуров Н. И.** Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. Т. 5. С. 70–85.
- Гайдукевич В. Ф.** Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. [Т.] II. / под ред. В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. С. 9–144. (МИА; № 85).
- Гайдукевич В. Ф.** Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 180 с., ил.
- Горнчаровский В. А.** Исследование городища и некрополя Илурата // АО 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 320–321.
- Горнчаровский В. А.** Илуратские богини // БФ: погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 1. С. 167–171.
- Горнчаровский В. А.** Археологическое изучение Илурата // *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. СПб.: Коло, 2010. Т. 1. Тексты. С. 486–500.
- Денисова В. И.** Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981. 172 с., ил.
- Ермолин А. Л.** Мастерская коропластики II в. н. э. в Пантикапее // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. Ч. 1. С. 101–106.
- Катцова А. В.** Зольник античного городища Китей. Археологические исследования 2016 года // Археологический сборник. Вып. 42. Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб.: изд-во ГЭ, 2019. С. 187–207.
- Катцова А. В.** Западный склон Китейского зольника: к вопросу об использовании насыпи в позднеантичное время // Археология и история Боспора: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф.: к 195-летию Керченского музея древностей. Симферополь, 2022. С. 54–60.
- Кобылина М. М.** Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: изд-во АН СССР, 1961. 182 с., ил.
- Кругликова И. Т.** Терракоты из сельских поселений Европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. С. 100–111. (САИ; вып. Г1-11).
- Кругликова Я. В., Ханутина З. В., Хршановский В. А.** Коллекция античных древностей Государственного музея истории религии. СПб.: Издательско-полиграфический центр СПбГУТД, 2007. 62 с., ил.
- Крыкин С. М.** Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре // Вестник МГПУ. 2015. Серия «Исторические науки» С. 57–66.

Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. 564 с., ил.

Молева Н. В. Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2017. 215 с., ил.

Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 177–182.

Савостина Е. А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. М.: Внешторгиздат, 1992. С. 357–386. (Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина; вып. X).

Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. М.: Наука, 1974. С. 5–37. (САИ; вып. Г1-11).

Ханутина З. В., Хршановский В. А. Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 1. С. 46–58.

Ханутина З. В., Хршановский В. А. Терракотовые статуэтки из юго-западного участка некрополя Китея // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 1. С. 42–60.

Шургая И. Г. Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 217–222.

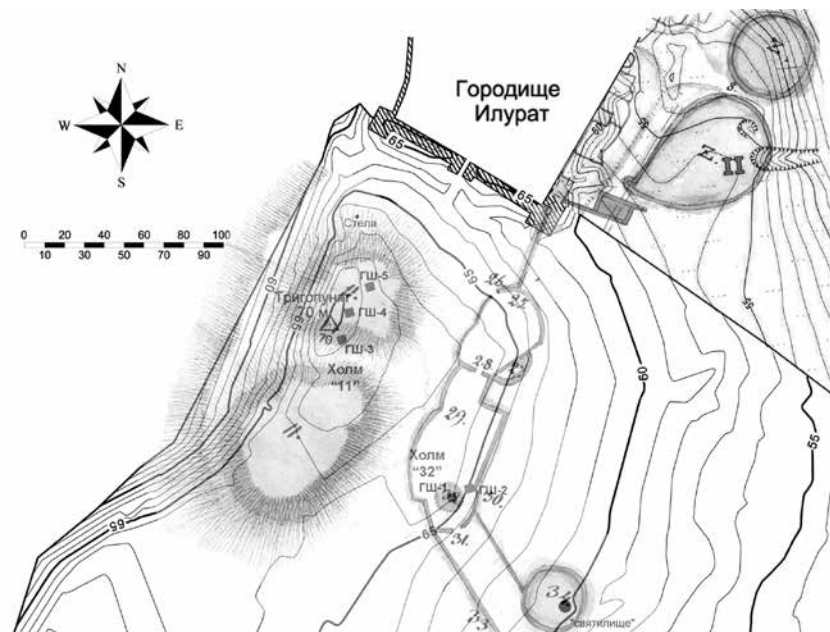

Рис. 1. Топографический план северо-западной части Илуратского плато с обозначением доследованных грабительских шурфов (ГШ 1–5) и «холмов» (11) и (32) с плана Поля Дюбрюкса

Рис. 2. Вершина юго-западного зольного холма с грабительскими шурфами 3–5. Вид с юга

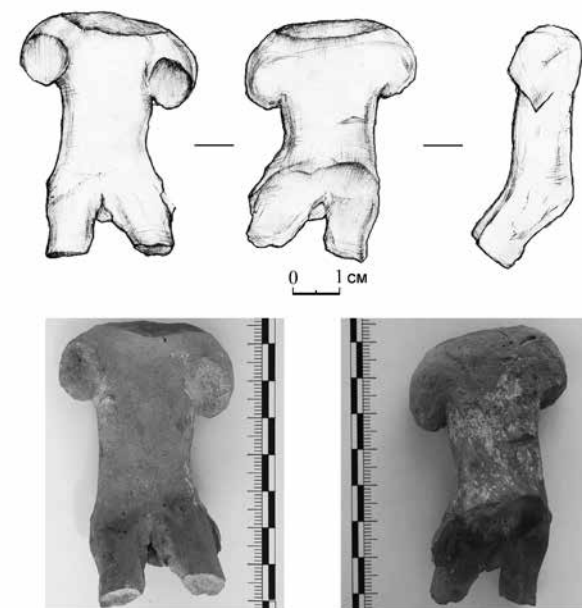

Рис. 3. Фрагмент терракотовой статуэтки всадника.
Прорисовки и фотографии

В. А. Хршановский
Институт археологии РАН, г. Москва

СКЛЕПЫ, СЛОЖЕННЫЕ ИЗ БЛОКОВ И ПЛИТ, НА НЕКРОПОЛЕ КИТЕЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 1989–2005 ГГ.)

Среди 400 археологических объектов, открытых к настоящему времени на трех участках некрополя Китея – Центральном, Северо-западном и Юго-западном (не считая некрополь у подножья Джурга-Обы) (рис. 1), 23 склепа: 6 склепов-катакомб с пещеровидными сводами (№№ 142, 145, 186, 261, 313, 360) (Ханутина, Хршановский, 2025), 6 склепов, вырубленных в скальном массиве, но имеющих искусственный свод (№№ 163, 169, 207–208, 314, 315), 3 вырубленных в скале или материковой глине, но без всяких следов перекрытия (№№ 265, 269, 344), и 8 сложенных из блоков и плит известняка (№№ 84, 100, 139, 143, 263, 141, 206, 300). Последним будет посвящена эта публикация.

Пять из них находились на самом большом, Центральном участке (№№ 84, 100, 139, 143 и 263).

Склеп № 84 (раскоп XVIII) был открыт в 1989 г. на западной окраине, но завершилось его исследование в следующем полевом сезоне. По сохранившимся блокам нижнего ряда северной и западной стен можно предположить, что он имел квадратную форму со стороной 3–3,2 м и, соответственно, площадь около 9,3 м². В сечении они представляли собой квадраты со стороной 0,5–0,65 м. Точную ориентацию склепа установить не удалось. Косвенным признаком того, что вход находился на юге, может быть лишь обнаруженное (если оно *in situ*) антропоморфное изваяние. По наблюдениям Н. В. Молевой, такие изваяния нередко помещались именно у входа в склеп (Молева, 2002. С. 33).

Склеп был разрушен и ограблен в древности. Однако, несмотря на смешение слоев и нарушение анатомического порядка костей погребенных,

по найденным материалам удалось выделить два периода его использования: эллинистический (III–II вв. до н. э.) и раннеримский (I в. н. э.). В склепе имелись следы захоронения не менее 15 человек. В черепах трех из них находились медные монеты (две фанагорийские, одна пантикапейская) конца III – середины II в. до н. э., возможно, свидетельствующие о сохранении у обитателей Китея этого времени «обола Харона».

Склеп № 100 (раскоп XIX), исследованный в 1991 г., находился в той же западной части, немного севернее предыдущего. Он имел форму правильного прямоугольника (2,2–2,4 × 2,8 м), вытянутого в направлении юго-запад – северо-восток. Сохранились только блоки западной и части северной стен склепа. О размерах склепа можно судить не только по остаткам стен, но и по вымостке пола – известняковым плитам правильной подпрямоугольной формы. Исходя из конструкции склепа, вход в него мог находиться на востоке или юге.

Как и предыдущий, он использовался неоднократно, и еще в древности был разрушен и разграблен. На уровне пола склепа были обнаружены останки не менее 8 человек, и в черепах двоих тоже оказались пантикапейские медные монеты (с перечеканкой) II в. до н. э. Значительное скопление человеческих костей и 9 черепов в верхнем слое над склепом, а также наличие в грунте заполнения более позднего материала продлевает время его использования (возможно вторичного, после перерыва) до I в. до н. э. – I в. н. э.

Третий склеп такого типа – № 139 (раскоп XXIV) 1993 г., находился на севере Центрального участка некрополя. Короткий (0,8–0,85 м) дромос с юго-запада подводил к входу в прямоугольную (1,65–1,8 × 2,35 м), слегка расширяющуюся к северо-востоку камеру. Стены камеры были сложены из гладко отесанных плит известняка, поставленных на ребра, длиной до 2,4 м, толщиной 0,15–0,2 м. Камеру от дромоса отделял порог – блок известняка (1,3 × 0,3 × 0,2 м). Пол камеры – выровненная и подтесанная скала. Разрушенный грабителями свод, судя по найденным обломкам, был перекрыт известняковой плитой (или несколькими плитами). В северо-восточном углу камеры, ниже уровня пола, была обнаружена (впускная?) детская могила.

В камере склепа, дромосе и грабительских отвалах содержались костные останки не менее 8 взрослых и одного ребенка. Среди вещевых находок фрагменты амфорной, красноглиняной, краснолаковой и лепной керамики, стеклянных изделий, бусины, витая фрагментированная гривна и перстень из бронзы, серебряное (?) кольцо, обломки железного меча или ножа, гвозди. Встречались куски мела и угольки.

По самым надежным хроноиндикаторам – краснолаковым тарелкам и чашкам – склеп № 139 относится к I–II вв. н. э. Датировка остальных находок этому не противоречит.

Последний из склепов этого ряда – № 143 1994 г. – был обнаружен при расчистке грабительского шурфа, в непосредственной близости от раскопа XVIII, где находился склеп № 84. Склеп № 143 имел правильную прямоугольную форму (2,2–2,4 × 1,1 м) и четкую широтную ориентацию. Северная и южная стены камеры были образованы плитами известняка, поставленными на ребра (1,1–1,3 × 0,3, толщиной 0,2–0,25 м) по две с каждой стороны. Восточная торцовая стенка – одной такой же плитой «стандартного» размера. Вертикально стоящие плиты были придавлены сверху горизонтальными такой же формы и примерно такого же размера. Над восточной торцовой стеной лежала плита, по всей длине которой имелась неглубокая (0,05 × 0,08 м) подрубка – возможно, паз для плиты перекрытия. Плиты, лежащие плашмя, на северной и южной стенах были сдвинуты внутрь камеры, образуя своеобразный «уступ», дополнительную площадь опоры для плиты (или плит) перекрытия. С запада ко входу в камеру подводил вырубленный в скальном массиве короткий (0,5–0,6 м), но достаточно широкий (1,15 м) дромос. Боковые (северная и южная) стенки дромоса были облицованы кладкой из небольших грубо обработанных камней. Камеру от дромоса отделял порог, на котором стояла сдвинутая внутрь закладная плита.

Судя по костным останкам из грабительских отвалов, в склепе были погребены не менее 6 человек. При доследовании камеры были найдены 4 головы антропоморфных изваяний (две целых и две половинки). Наряду с фрагментами эллинистических амфор, чернолаковых сосудов, «мегарских» чаш и бусин того же времени, оказались обнаружены обломки амфор рубежа эр, буролоковых и краснолаковых сосудов, красноглиняных веретенообразных бальзамариев, чернолощеного сосуда, орнаментированной лепной ручки.

Таким образом, склеп № 143, как и расположенный неподалеку склеп № 84, по всей вероятности, был сооружен и первоначально использовался в III–II вв. до н. э., а затем вторично в I в. до н. э. – I в. н. э.

Склеп № 263 (рис. 2), открытый и исследованный в 1996–2000 гг. на северо-западе Центрального участка, оказался одним из самых монументальных сооружений Китейского некрополя. Он состоял из дромоса, малой (преддверья) и большой камер, вытянутых с юго-запада на северо-восток. Общая протяженность склепа от начала дромоса до задней стенки большой камеры – 14 м. В отличие от всех предыдущих, он был окружен круглым

кромлехом (диаметр 11–12 м) из необработанных известняковых глыб, охватывающим обе камеры склепа и сходящимся у стены, отделяющей дромос от малой камеры.

Трапецевидный в плане дромос (5 × 1,5–1,1 м) сужается к входу в камеру. В западной части пол в дромосе был вымощен плитами известняка. Вход из дромоса в малую камеру преграждала стоящая *in situ* закладная плита. Ее подпирали контрфорсы – камень-дикарь, неправильной формы. Плита и контрфорсы стояли на заплывшем грунте (мощностью 0,15–0,3 м), что свидетельствовало об использовании склепа неоднократно и со значительным временным перерывом.

Малая камера в плане представляла собой правильный квадрат со стороной 2,4 м. Сохранившиеся здесь стены из блоков достигали высоты 1,54 м. Пол в камере был вымощен плитами известняка и оштукатурен. Посередине стены, отделявшей малую камеру от большой, имелся проем, ширина которого (около 1 м) устанавливается по сохранившемуся порогу. Большая камера в плане представляла собой правильный прямоугольник (5,5 × 4,2 м), вытянутый, как и весь склеп, с юго-запада на северо-восток. Блоки, из которых были сложены ее стены, сохранились только в южной половине. С северо-западной и северо-восточной сторон границы определялись по вымостке пола и подрубкам под блоки стен. В южном углу камеры имелась облицованная плитами подквадратная яма (0,7 × 0,8 м) – возможно, ботрос. Как и в малой камере, плиты пола были оштукатурены, но в отличие от нее имели отчетливый розовый оттенок (следы огня?).

В грунте заполнения обеих камер повсеместно находились кости человека (в том числе черепа) и животных. Точное количество погребенных из-за плохого состояния антропологического материала установить не удалось, но то, что в малой камере находились останки не менее 10 взрослых и нескольких детей, а в большой – соответственно, не менее 15 взрослых и 12 детей, сомнений не вызывает. Судя по найденному в этом же слое палеозоологическому материалу, им сопутствовали жертвоприношения различных животных: лошади, коровы, свиньи, овец или коз, козы или сайги, собаки (обломок клыка), оленя (?), лисы и птиц.

Вещевой материал из большой и малой камер склепа № 263 был в целом однотипен и синхронен: фрагменты поздних узкогорлых светлоглиняных (типа F по классификации Шелова) и красноглиняных (типа «Делакеу») амфор, краснолаковых, чернолощенных, красно- и коричневоглиняных кружальных сосудов и обломки лепных позволяли датировать весь комплекс второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. Найденные в обеих

камерах два десятка медных монет последних боспорских царей Рескупорида IV, Фофорса, Рескупорида V (VI) подтверждали *terminus post quem* совершенных погребально-поминальных обрядов. Остальной датирующий материал – бронзовые пряжки, фибулы, золотые перстень с сердоликовой вставкой, серьга, бляшки и пронизи, обрывки листьев погребального венка, индикация монеты Рескупорида IV, а также фрагменты краснолаковых сосудов, открытые лепные светильники на высоких ножках – в целом вписывались в эти хронологические рамки. В грунте заполнения обеих камер встречались угольки, морская галька и створки морских раковин.

Находки эллинистического и раннеримского времени в склепе № 263 были единичны. Это оставляет открытым вопрос о времени его сооружения. Кажется очевидным лишь то, что он не мог быть изначально предназначен для коллективных захоронений и тех обрядов, следы которых были в нем зафиксированы в ходе раскопок. Представляется, что и кроме того, как элемент гораздо более архаической культуры, мог появиться только при его последнем использовании в позднеантичное время (Хршановский, 2002. С. 313–316).

Три остальных склепа из блоков и плит известняка, №№ 141, 206 и 300, находились на юго-западном участке Китейского некрополя, на расстоянии 200–250 м от городища. Их взаиморасположение – в 10–20 м друг от друга, сходство в архитектуре и строительных приемах не оставляло сомнений в принадлежности одному времени.

Первый – № 141 (рис. 3) – исследовался в 1993–94 гг. (раскоп XXV). Он состоял из дромоса (3 × 1,25–1,4 м, немного расширяется к входному проему; стены сохранились, возможно, на всю первоначальную высоту – до 1,5 м), первой камеры (преддверия) подквадратной формы (со стороной 2,15–2,25 м, стены сохранились на высоту до 0,8–1 м) и второй прямоугольной камеры (4,5 × 2,7–2,8 м; стены не сохранились, размеры устанавливаются по следам вымощенного плитками пола), вытянутых в меридиональном направлении. Общая протяженность склепа от начала дромоса до задней северной стенки погребальной камеры – около 9 м. В юго-восточном углу второй камеры (как и в склепе № 263) была обнаружена квадратная (0,7 × 0,7 м) в плане яма, глубиной 0,6–0,7 м, точно сориентированная по сторонам света. Стенки ямы были облицованы известняковыми плитами, поставленными на ребра (Хршановский, 2013. С. 182–185).

Второй склеп, близкий по размерам и конструкции, – № 206 (рис. 4) (раскоп XXXIII 1995–1997, 2002, 2005 гг.) – был расположен примерно в 20 м к западу от склепа № 141. Общая протяженность от начала дромоса

до задней стенки погребальной камеры – 10 м, ориентация – юго-запад – северо-восток. Так же, как и предыдущий, он состоял из дромоса и двух (малой и большой) камер.

Дромос (2,5 × 1,7–1,8 м; немного расширяется к входу в камеру; высота по сохранившейся юго-восточной стене 0,7–1,5 м, также увеличивается к камере). Перед входом в первую (малую) камеру имелась выровненная площадка (1,3 × 1,8 м), вымощенная тщательно подогнанными друг к другу прямоугольными плитами. Камера имела прямоугольную форму (2,3–2,4 × 2,85–2,95 м, вытянута перпендикулярно оси склепа; максимальная высота по сохранившейся части юго-восточной стены – 1,5 м). В южной и центральной части камеры также сохранились остатки вымостки известняковыми плитами различной формы. Как и в склепе № 141, на некоторых плитах пола в юго-западном углу малой камеры, у входа в большую камеру и на некоторых других имелись углубления продолговатой формы и небольшие лунки, возможно, ритуального назначения. Вдоль юго-восточной стены на плитах были прорезаны два контура (0,35 × 1,6 м). Назначение их неясно («разметка» для установки гробов?), но они не случайны, так как уже встречались на некрополе Китея в камере склепа № 207. От стены, разделяющей камеры, сохранились *in situ* два блока. В большой камере – только часть юго-восточной стены (длина прослеживается на 2,4 м, высота – до 1,75 м). Размеры камеры восстанавливаются приблизительно, по вырубленному в материковой глине котловану – 3,7 × 3,4 м. Пол камеры был перекопан, плиты вымостки выломаны и разбиты. Судя по красноватому цвету и плохой сохранности некоторых блоков стены, они подверглись интенсивному воздействию огня. С внешней стороны юго-восточной стены, за южным углом большой камеры была открыта необычная конструкция (тайник или жертвенник?), также сложенная из блоков и плит известняка. В плане она имела квадрат со стороной 0,7 м, ориентированный, как и камера склепа, по осям юго-запад – северо-восток и, соответственно, юго-восток – северо-запад. Высота конструкции от уровня нижнего ряда кладки стены – 0,75–0,8 м, так что в трех измерениях она представляла собой почти правильный куб (Хршановский, 2013. С. 185–188).

Склеп № 300 (рис. 5) (раскоп XXXIII-A 1998–2001 гг.) был обнаружен на глубине около 3 м, примерно в 20 м к северо-востоку от склепа № 206 и 10 м к северу от склепа № 141. По своим размерам и конструкции он был сходен с двумя предыдущими. Общая протяженность склепа от начала дромоса до задней стенки большой камеры 11 м. Ориентация – юго-юго-запад – северо-северо-восток.

Дромос (4 × 1,6–1 м) в отличие от остальных сужается ко входу в камеру; почти полностью сохранившиеся стены, сложенные из разнокалиберных подпрямоугольных и подквадратных в сечении известняковых блоков достигали 1,5–2 м. Вырубленный в материковой глине пол по всей площади имел щебенчатую подсыпку. Первую (малую) камеру от дромоса отделяла частично сохранившаяся стена с входным проемом. Сама камера имела форму почти правильного квадрата (2,3 × 2,4 м). Несмотря на то, что сохранилась лишь восточная стена (на высоту до 1,5 м), ее размеры устанавливаются по вымостке из четырехугольных известняковых плит. На нескольких имелись неглубокие подквадратные лунки.

От стены, разделявшей камеры, остался только нижний ряд плит. Стены большой камеры не сохранились. Ее размеры (3 × 4 м) устанавливаются с трех сторон по стенкам котлована, вырубленного в материковой глине, и по сохранившейся вымостке пола из четырехугольных плит. Сквозное округлое отверстие (диаметр – 0,15 м) в плите почти в самом центре камеры с двумя подходящими к нему короткими канавками и еще два небольших углубления в соседних плитах, так же, как и в склепах №№ 141 и 206, могли быть связаны с совершением погребально-поминальных ритуалов, скорее – при вторичном использовании склепов (Хршановский, 2013. С. 188–189).

О времени сооружения склепов №№ 141, 206 и 300 (с учетом их активного использования для погребально-поминальных ритуалов в IV–V вв. н. э.) нужно судить по самым ранним материалам. Из многочисленных разновременных (с хронологической вилкой почти в 1000 лет) фрагментов керамической тары к эллинистической, потенциально синхронной времени сооружения склепов, относились фрагменты хиосских, фасосских, гераклейских и синопских амфор. Обнаруженные на некоторых из них клейма позволили отнести сооружение склепов к первой половине IV в. до н. э. и предположить их функционирование в том или ином виде (по родосским клеймам) как минимум до середины II в. н. э. (Павличенко, Хршановский, 2017. С. 386–389). Такая датировка подтверждается найденными фрагментами сетчатых лекифов, краснофигурных сосудов, чернолаковых киликов и чаш со штампованным орнаментом на дне, канфара с накладным орнаментом (лавровые листья), нанесенным белой краской, конца IV – начала III в. до н. э., медными пантикапейскими монетами второй четверти IV – середины II в. до н. э., терракотовыми протомой Деметры и другими эллинистическими статуэтками (Хршановский, 2013. С. 189–191, рис. 6–7).

Таким образом, по имеющимся сегодня сведениям, на некрополе Китея склепы, сложенные из блоков и плит известняка, сооружались с первой

половины IV в. до н. э. до I–II вв. н. э. Ни один из сводов не сохранился, но форма некоторых блоков, найденных в камерах, позволяет предположить, что у склепов №№ 263 и 300 они были полуциркульными. Им на смену (возможно, сосуществуя какое-то короткое время) приходят склепы, вырубленные полностью (включая свод камеры) или частично (с искусственным полуциркульным сводом, перекрытием из плоских плит или вообще без перекрытия) (Хршановский, 2003. С. 171–175; 2002. С. 316–323) в скале, мергеле или материковой глине. Они получают распространение с конца II по V в. н. э., что полностью совпадает с выводом об эволюции боспорских склепов, сделанным более сорока лет назад (Савостина, 1984. С. 6, 11).

Список литературы

Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: тип. Нижегородского ун-та, 2002. 135 с.

Павличенко Н. А., Хршановский В. А. Керамические клейма из тризн на юго-западном участке некрополя Китея // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 385–393.

Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.

Ханутина З. В., Хршановский В. А. Склепы-катакомбы на Китейском некрополе (раскопки 1989–2022 гг.) // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты. М.: Индрик, 2025. С. 274–282.

Хршановский В. А. Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея // БИ. 2002. Вып. II. С. 313–326.

Хршановский В. А. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2003. С. 162–176.

Хршановский В. А. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. Вып. 2. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та, 2013. С. 182–200.

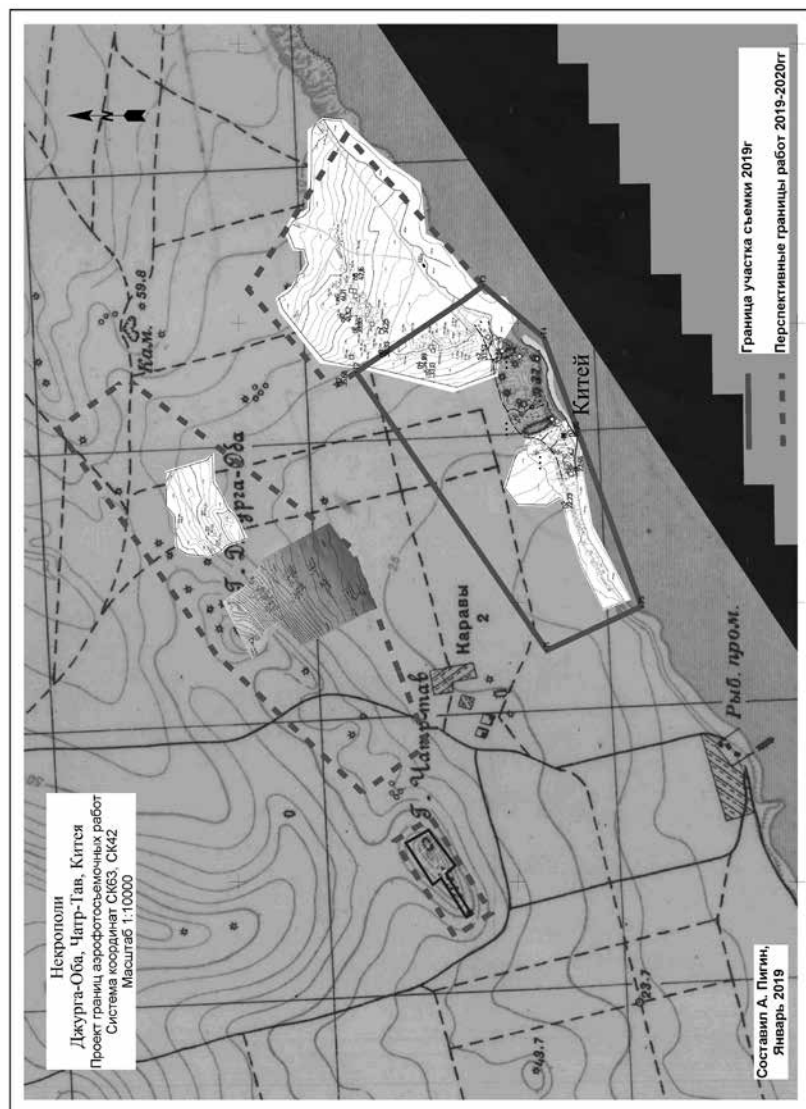

Рис. 1. Схематический план некрополей на Китейской равнине

Рис. 2. Склеп № 263. Общий вид с юго-запада

Рис. 3. Склеп № 141. Общий вид с севера

Рис. 4. Склеп № 206. Общий вид с северо-востока

Рис. 5. Склеп № 300. Общий вид с севера

Е. В. Четверкина

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

КЕРАМИКА ВО ВТОРИЧНОМ ПОЛЬЗОВАНИИ ИЗ ОЛЬВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИИМК РАН)¹

Многолетние исследования на городище Ольвия, проводимые Ленинградским отрядом ЛОИА, а позднее – ИИМК РАН с 1948 по 1991 г. под руководством Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, В. И. Денисовой (Пругло), не только произвели блестящие открытия архитектурных остатков Ольвийского полиса, его агоры, теменоса и прилежащих к ним жилых кварталов, но и позволили получить колоссальный по объему и значению археологический материал.

Среди многочисленной и разнообразной керамики, находимой при раскопках древнегреческих городов, встречаются в небольшом количестве фрагменты сосудов, которые были тем или иным способом специально обработаны для вторичного использования, отличного от первоначальной функции предмета. Всего в ольвийской коллекции ИИМК РАН имеется 236 фрагментов керамики со следами вторичной обработки и/или вторичного использования. В соответствии с предполагаемой функцией предметов можно разделить их на 11 групп.

Наиболее многочисленны среди керамики вторичного использования так называемые «амфорные пробки» или «кружки». Они сильно варьируют в размерах, выполнены из стенок разных сосудов, как расписных, так и простых, без покрытия, имеют в основном округлую форму. О функции данных предметов существуют различные мнения – от возможного применения в качестве амфорных пробок или крышек до использования в гигиенических целях в качестве туалетной бумаги; отдельно отметим интерпретацию части

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025–0010).

«амфорных кружков» как игральные фишек (*Docter et al.*, 2011). Весьма вероятно, что так называемые «амфорные кружки» являются многофункциональными предметами, и их назначение может быть определено в каждом случае индивидуально, исходя из морфологии и условий находки.

Фишки. К данной категории было отнесено 92 экземпляра (рис. 1, 1–11). Большинство фишек выполнено из стенок чернолаковых, чернофигурных, краснофигурных, краснолаковых сосудов, реже – из стенок амфор. Фишки имеют в основном округлую форму, но изредка встречаются треугольные (рис. 1, 8) и подпрямоугольные экземпляры, один из последних имеет 4 отверстия (рис. 1, 9). Среди основной массы фишек имеется 10 экземпляров с граффито. Возможно, эти предметы были использованы и в третий раз, в этом случае – в качестве votivных приношений в храм.

Крышки/пробки. К ним относится 15 экземпляров (рис. 1, 12–14). Самые крупные предметы достигают 9,2 см, небольшие – 4,7 см в диаметре, они были выполнены из стенок амфор и пифосов, оббиты до придания им округлой формы. Отдельно отметим крышку (?) из дна чернолакового сосуда (рис. 1, 14).

«Намотки». Данную категорию составляют 27 экземпляров, выполненных в основном из стенок чернолаковых сосудов (рис. 1, 15–20). Это очень характерная для Ольвии группа керамики вторичного использования, которую находят во всех районах города и в предместьях, но аналогий на других памятниках пока обнаружить не удалось. «Намотки» обычно аккуратно оббиты до округлой формы и имеют разное количество выемок, чаще всего встречаются с двумя (рис. 1, 15, 16) и четырьмя выемками (рис. 1, 18), но нередко их делают больше – вплоть до 18 (рис. 1, 20). Условное название было дано еще Е. И. Леви и А. Н. Карасевым – и, вероятно, может действительно соответствовать функции этих вещей. В современной культуре такие предметы, сделанные из разных материалов, все еще используются рукодельницами для хранения ниток. Отметим, что в центре некоторых «намоток» поверхность сильно стерта: либо намеренно выскоблена, либо заглажена в процессе использования.

Рыболовные грузила. К данной группе мы отнесли 21 экземпляр, из них 9 предметов выполнены из доньев чернолаковых сосудов, 8 – из стенок амфор, 2 – из ручек амфор, 1 – из ножки амфоры, 1 – из стенки пифоса (рис. 2, 1–5). Все грузила имеют одно отверстие, кроме сделанных из амфорных ручек: у них выдолблен специальный канал для крепления веревки (рис. 2, 4). Большинство грузил имеют разную степень окатанности и размеры: самый крупный экземпляр имеет параметры 11 × 10,2 см, самый мелкий – 4,2 × 3,8 см.

Пряслица. Эту группу составляют 14 предметов (рис. 1, 21–26). К данной категории отнесены «кружки» из амфорных стенок небольшого размера со сравнительно узким отверстием, в одном случае пряслице выточено из ручки амфоры. Сюда мы отнесли также дно чернолакового сосуда с узким отверстием (рис. 1, 27) и миниатюрную мисочку с просверленным отверстием (рис. 1, 22); возможно, они могли служить не пряслицами, а подставками для веретена (?).

Лощила. В качестве лощил, вероятно, использовались 19 экземпляров из коллекции (рис. 2, 6–8а, 11). Большинство лощил выполнено из ручек амфор, причем противоположный конец зачастую аккуратно подтесывался для придания конической формы (рис. 2, 6). Реже встречаются лощила из доньев чернолаковых киликов и канфаров, рабочей поверхностью при этом служит верх ножки, с которой предварительно отбиваются остатки тулова; в коллекции их имеется 3 штуки (рис. 2, 8а). Единично представлены лощила из ручки кухонной кастрюли (рис. 2, 7), из ручки чернолакового килика (рис. 2, 8), из ножки херсонесской амфоры (рис. 2, 11).

«Сосудики» для хранения мелких вещей. К данной категории мы отнесли 14 предметов, все они представляют собой донья чернолаковых, красноглиняных и сероглиняных сосудов со следами подработки верхней части (рис. 2, 9, 10, 12, 13). Вероятно, они использовались вторично в качестве «тарелочек» или «мисочек» для хранения мелочей, причем у одних экземпляров полезную емкость составляли остатки тулова, а у других – поддон. Аналогичные предметы были выделены в погребальном наборе раннемеотских могильников (*Батасова*, 2023. Рис. 3, 1–18). На одной из «тарелочек» имеется дипинти на дне – вероятно, магический знак (рис. 2, 12), но сказать определенно, когда оно было нанесено, при вторичном использовании или ранее, нельзя. Отдельно отметим любопытный случай, когда дно красноглиняного сосуда было найдено вместе с содержимым – кусочками охры (рис. 2, 13), причем никаких следов вторичной обработки на сосуде не фиксируется; так что, вероятно, на самом деле вторично использованных в быту нижних частей было больше, но идентифицировать их труднее.

Литейные формы. В качестве материала для изготовления литейных форм было использовано 6 ручек амфор. Три формы использовались для отливки украшений и декоративных деталей (рис. 3, 1–3). Три формы использовались для отливки пластин с буквенными аббревиатурами/монограммами; здесь мы не будем подробно на них останавливаться, так как данный материал заслуживает более тщательного рассмотрения и отдельной публикации.

Очажные подставки. К ним мы отнесли два предмета из ольвийской коллекции ИИМК: кухонный горшок с аккуратно обработанным круглым отверстием в дне (рис. 3, 4) и нижнюю часть синопской амфоры со следами копоти снаружи и изнутри (рис. 3, 5). Кухонный горшок после вторичной обработки стал морфологически сходен с известными кольцеобразными очажными подставками, так что такая вторичная функция вполне вероятна. Определение дна синопской амфоры как очажной подставки более гипотетично, так как в него, кажется, не очень удобно вставлять другой сосуд, чаще для этой цели на античных памятниках Северного Причерноморья все же использовались верхние части амфор.

Остракон. Особо стоит выделить среди ольвийской керамики вторичного использования, выполняющей, как правило, функции рядовых бытовых вещей, находку оббитой до придания круглой формы стенки амфоры с трехстрочным граффито ΛΕΟΝΤΕΥΣ (Ол.84-312). Ряд признаков – наличие мужского имени в именительном падеже, «аристократическое» имя (?), предварительная обработка фрагмента – позволяют предположить использование стенки амфоры с граффито Λεοντεύς в качестве остракона. В ближайшее время автором планируется отдельная публикация этой довольно ценной находки. По палеографии надписи фрагмент можно отнести к III в. до н. э. Находки остраконов известны в небольшом количестве как в Ольвии (Леви, 1985. Рис. 91, 1, 2), так и в городах Боспора (Шелов-Коведяев, 2018; 2019).

Предметы неизвестного назначения (25 экземпляров). Основную часть этой группы составляют фрагменты нижних частей и доньев красноглиняных, сероглиняных и чернолаковых сосудов с отверстием в дне (рис. 4, 1–4). Невозможно определенно сказать, были ли отверстия пробиты намеренно или случайно, но затем они были подработаны до придания им округлой формы, края отверстия у некоторых фрагментов заглажены. Также имеются предметы неясной функции с просверленными отверстиями, расположение которых не дает оснований говорить о них как о следах починки или специальных отверстиях для подвешивания сосуда (рис. 4, 5–7). Также к группе керамических предметов неизвестного назначения можно отнести и многочисленные фрагменты окатанной керамики, которая приносилась древним населением с берега и, видимо, каким-то образом использовалась. Таких «окатышей» среди ольвийских находок – всего 3 фрагмента трапециевидной и треугольной формы.

Завершает наш обзор вторично использованной ольвийской керамики необычная находка, ранее уже публиковавшаяся (Виноградов, 1996; Журавлев, 2004) и также не поддающаяся однозначной интерпретации: ножка книдской

амфоры с двухстрочным граффито ΝΙ | ΟΛΙΒΟΣ (рис. 4, 8). Ее морфология схожа с ножками книдских амфор с конических горлом и кубаревидной ножкой пифоидного варианта II-B по С. Ю. Монахову, датируемых концом IV – началом III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 106, табл. 73, 4). Особенности палеографии надписи, по нашему мнению, позволяют датировать ее III в. до н. э. Сложно сказать, мог ли данный предмет действительно выполнять функцию олисбоса; скорее, он просто отождествлялся с ним и мог в таком качестве быть использован как вотив или в качестве ритуального предмета.

Подводя итог, отметим, что находки керамических фрагментов, использовавшихся вторично, из Ольвии в целом соответствуют подобным находкам из других античных городов Северного Причерноморья, хотя некоторые предметы являются сравнительно редкими образцами. Надеемся, что в будущем появится больше публикаций подобных артефактов, являющихся материальным выражением живого ума, находчивости и практичности древнегреческого населения.

Список литературы

- Батасова А. В.** Греческие керамические импорты в раннемеотских погребальных комплексах в Восточном Прикубанье и Закубанье // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 81–91.
- Виноградов Ю. Г.** Из интимной жизни ольвиополиток // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию Л. М. Славина. Киев, 1996. С. 113–114.
- Журавлев Д. В.** Ολίβος из Пантикапея, или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // ДБ. 2004. Вып. VII. С. 129–149.
- Леви Е. И.** Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 152 с.
- Монахов С. Ю.** Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.: Киммериды; Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2003. 351 с.
- Шелов-Коведяев Ф. В.** Остракизм и остраконы Пантикапея // Таврические студии. 2018. Т. 16. С. 183–192.
- Шелов-Коведяев Ф. В.** Остраконы Азиатского Боспора // Stratum plus. 2019. № 6. С. 211–219.
- Docter R. F., Monsieur P., van de Put W.** Late Archaic to Late Antique Finds from Cistern No. 1 at Thorikos (2010 Campaign) / Thorikos. Reports & Studies. Ghent, 2011. No. 10. P. 175–128.

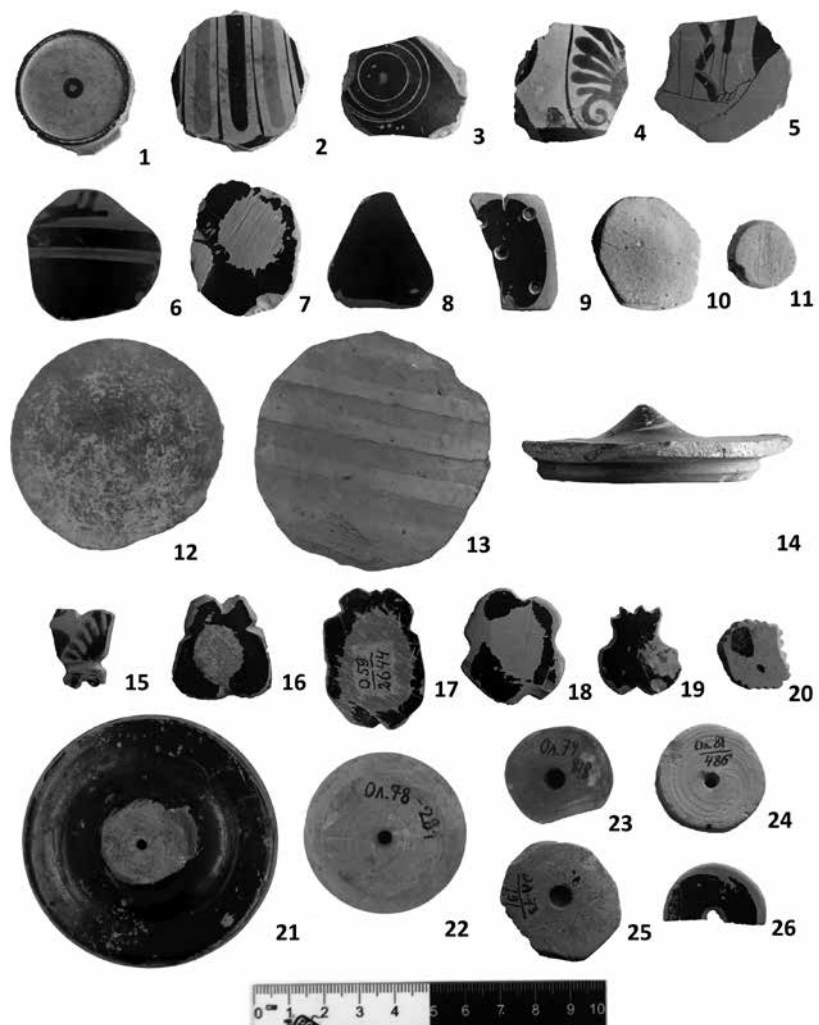

Рис. 1. Керамика во вторичном использовании из Ольвии: 1–11 – фишки (О.56/3576; Ол.72/564; Ол.72/1188; Ол.72/1189; Ол.81/481; ИИМК ВХ 250/1404/2022; Ол.72/667; О.59/2973; О.56/4104; О.59/2677; О.58/1465); 12–14 – крышки/пробки (О.59/4393; О.63/3478; ИИМК ВХ 250/443/2022); 15–20 – «намотки» (Ол.72/802; Ол.76/783; О.59/2644; О.62/2891; Ол.74/892; О.68/3987); 21–26 – пряслица (ИИМК ВХ 250/1562/2022; Ол.78-281; Ол.74/818; Ол.81/486; Ол.73/191; ИИМК ВХ 250/127/2022)

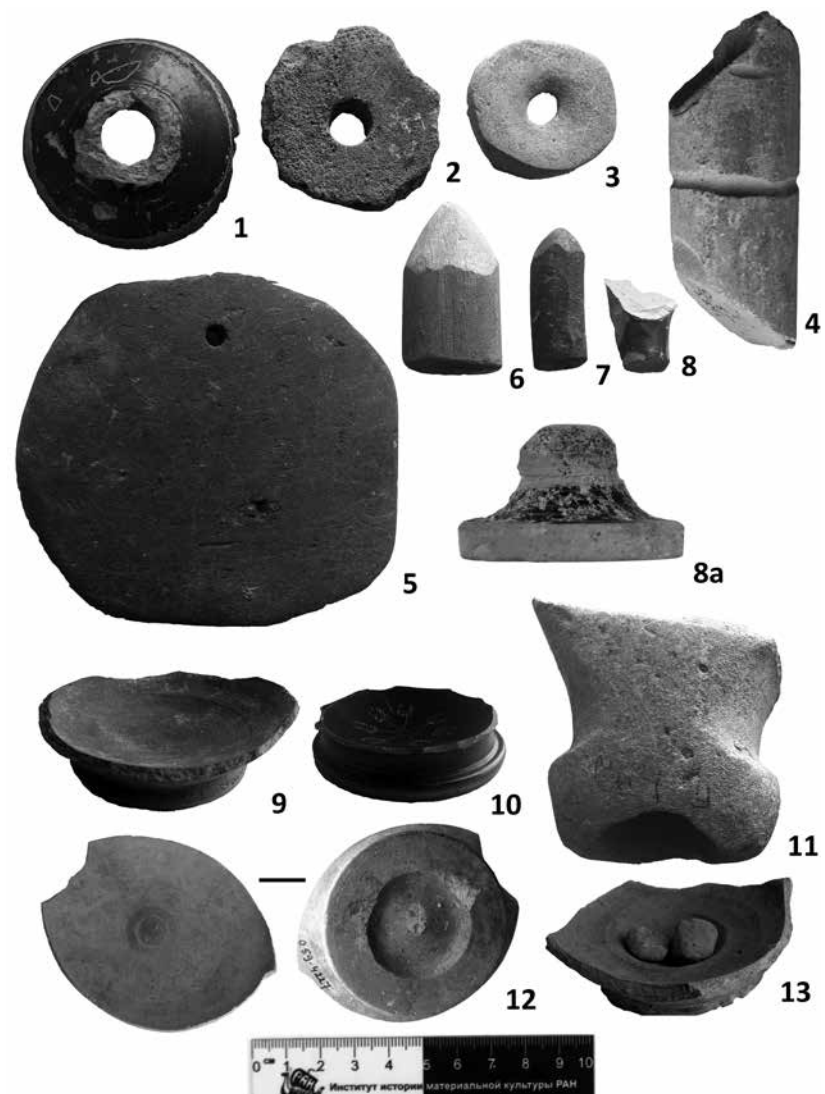

Рис. 2. Керамика во вторичном использовании из Ольвии: 1–5 – рыболовные грузила (ИИМК ВХ 250/294/2022; Ол.81/534; О.71/1794; О.55/2841; Ол.77/177); 6–8а, 11 – ложила (О.68/4255; Ол.74/566; ИИМК ВХ 250/1876/2022; Ол.73-1167; О.68/3551); 9, 10, 12, 13 – «сосудики» для хранения мелких предметов (Ол.73/178; О.69/2157; О.59/4227; ИИМК ВХ 250/533/2022)

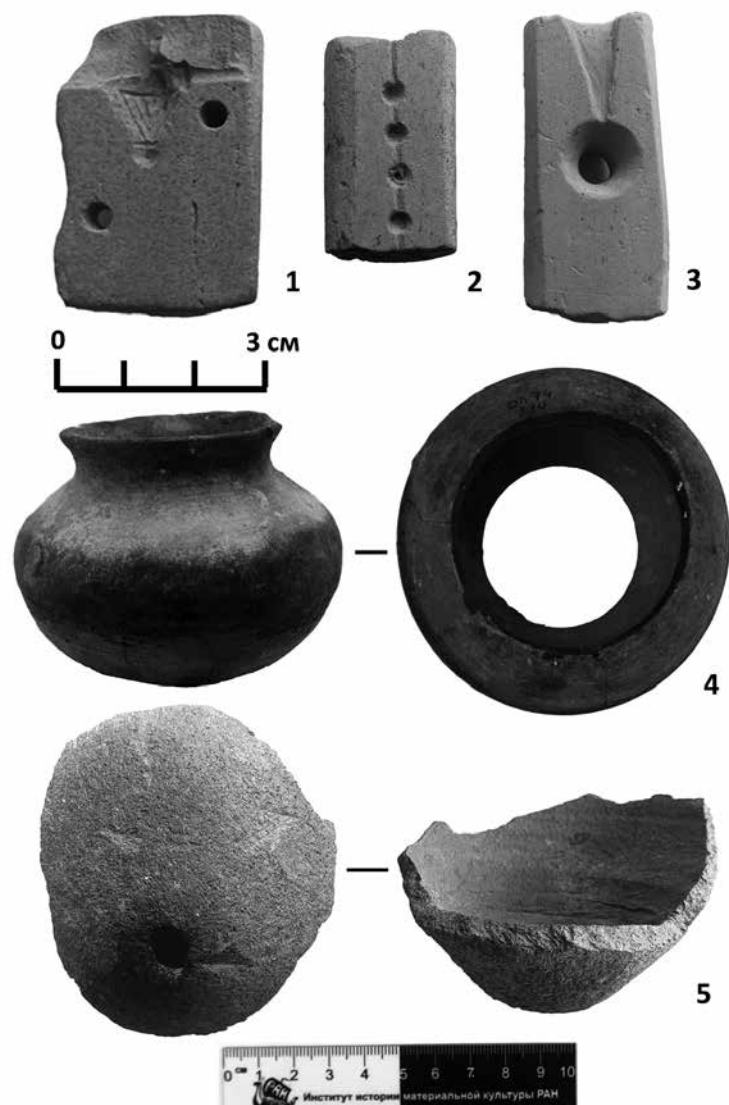

Рис. 3. Керамика во вторичном пользовании из Ольвии:
1–3 – литейные формы (Ол.85/49; О.60/2050; О.68/4916);
4, 5 – очажные подставки (Ол.74/570; Ол.76/226)

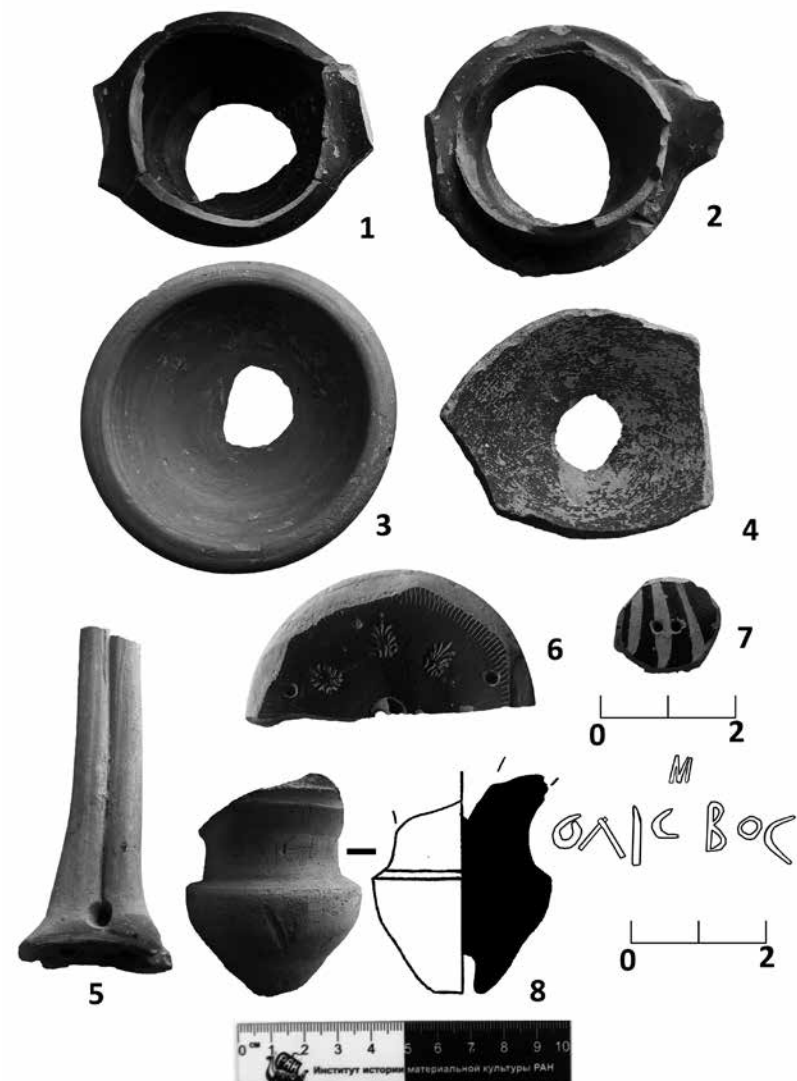

Рис. 4. Керамика во вторичном пользовании из Ольвии неизвестного назначения:
1–7 – с отверстиями (О.69/2850; О.69/2849; Ол.91/198; О.70/2760; Ол.75/1498; О.68/2556;
О.59/4332); 8 – вотив (?) (О.60/2306)

И. Ю. Шауб, А. Е. Терещенко

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ГЕРАКЛ И ЕГО АТРИБУТЫ НА МОНЕТАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Комплексный анализ мифологической традиции о пребывании Геракла в Северном Причерноморье и вещественные памятники его здешнего культа показывают, что данная традиция являлась весьма основательной, а почитание этого самого популярного греческого героя («героя-бога»: Pind. Nem. III. 22) было широко распространено и имело глубокие местные корни (Шауб, 2007; 2011; 2025). Греки-колониисты, встретившись здесь с древним культом Великого женского божества и ее спутника, которым поклонялись местные племена, ассоциировали этого бога прежде всего с Гераклом, а также с близким ему в ряде черт Дионисом (Шауб, 2023). Напоминающий Геракла некоторыми своими характеристиками, скифский герой Таргитай, имя которого не является иранским, явно подвергся влиянию со стороны этого более древнего автохтонного бога. Весьма вероятно, что Таргитай скифов во время их ближневосточных походов также приобрел ряд черт малоазийского прототипа эллинского Геракла (Шауб, 2025).

В Северном Причерноморье ранее всего культ Геракла фиксируется в округе Ольвии (не позднее VI в. до н. э.), причем этот герой выступает здесь в качестве спутника Матери богов. В той же Гилее, где находились алтари Геракла и этой богини, согласно легенде, изложенной Геродотом, обитала и «змеедева» – одна из ипостасей Великой богини, – от союза которой с Гераклом, согласно мифу, произошли скифы и некоторые другие местные племена (Hdt. IV. 8–10). Поэтому неудивительно, что самые ранние в Северном Причерноморье монеты с изображением Геракла

появились в Ольвии, где они выпускались от имени Эминака (рис. 1, 1) – скифского наместника в этом полисе (Кулланда, Раевский, 2004). Это серебряные статеры, на аверсе которых представлен коленопреклоненный Геракл в львиной шкуре, натягивающий тетиву на лук, то есть «здесь представлен один из центральных эпизодов скифской этногонической легенды» (Карышковский, 1988. С. 49). На ту же самую легенду, вероятно, намекает и колесо с четырьмя спицами на реверсе тех же монет (напомним, что Геракл у Геродота ехал на колеснице), а также голова Геракла в львином скальпе, представленная на аверсе серебряной монеты царя Атея (см.: Ivantchik, 2016. Fig. 10, 1).

Датировки монет с надписью «EMINAKO» расходятся: ок. 465 – ок. 446 (Карышковский, 1988. С. 49–52) или 440–437 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 36, № 167), однако в данном случае для нас это не принципиально.

В 230–220 гг. до н. э. (Там же. С. 74, № 433–438) в Ольвии также чеканились бронзовые тетрагалки с головой Геракла в львином шлеме на аверсе и горитом и палицей на реверсе (напр., рис. 1, 2). В сочетании с палицей горит здесь явно фигурирует в качестве атрибута Геракла, однако сам по себе – отнюдь не всегда (Терещенко, Шауб, 2026).

Несмотря на то, что ольвийские изображения Геракла имеют преимущественно греческую иконографию (что особенно показательно – даже монеты скифского правителя (?) Эминака), в ней иногда проглядывают варварские черты. Речь идет о свинцовых вотивных фигурках, среди которых есть изображение нагого Геракла во фригийском колпаке (см.: Шауб, 2025. Рис. 9).

Наибольшей популярностью Геракл пользовался в Херсонесе, который, что немаловажно, некогда назывался Гераклеей (Plin. HN. IV. 85). Причем здесь, как в ольвийской Гилее и на Тамани, он также выступал паредром верховной местной богини Девы (Шауб, 1999; 2007; 2011) и мог изображаться с чертами и атрибутами, чуждыми образу эллинского героя (см.: Шауб, 2025. Рис. 14).

С конца V в. до н. э., то есть с самого начала херсонесской эмиссионной деятельности, на его монетах изображается главный атрибут Геракла – палица (Туровский, 2018. С. 27, № 1 и далее; см. рис. 1, 4). Немного позднее (ок. 380–370 гг. до н. э.) на реверсе херсонесской чеканки появляется новый сюжет – бодающийся бык на палице (Туровский, 2018. С. 28, № 17; см. рис. 1, 5). Предполагается, что он был заимствован из монетной чеканки метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской (Зубарь, 2004. С. 131), причем, несомненно, вместе с ее семантикой. С нашей стороны хотим заметить,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

что в данном случае ни о каком «заимствовании» семантики не может быть и речи, поскольку, как можно видеть, общий характер херсонесской типологии изначально был ориентирован на Геракла, поэтому сюжет монет Гераклеи Понтийской, скорее всего, с учетом политических реалий, просто «пришелся ко двору».

Однако первым в Западном Крыму полисом, который начал чеканить монеты с изображением самого Геракла, стала Керкинитида (рис. 1, 3). На аверсе ее бронзовых дихалков, которые появились ок. 320 и продолжались выпускаться примерно до 310 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 98, № 605), представлена голова Геракла в львином шлеме вправо. Изображенный на реверсе орел, сидящий на молниях (символ Зевса), прозрачно указывает на религиозно-мифологическую связь обоих богов. Скорее всего, появление Геракла на монетах этого, основанного ионийцами, города связано с тем, что в конце IV в. до н. э. он попадает в зависимость к Херсонесскому государству.

Сам Херсонес начинает чеканить монеты с головой Геракла в львином шлеме с некоторой задержкой. Самые первые выпуски с изображением головы героя представлены серебряными дидрахмами, датирующимися 325–305 гг. до н. э. (Туровский, 2018. С. 35, № 98 и др.; см., напр., рис. 1, 6). Тот факт, что на реверсе представлена сидящая на троне богиня Дева, свидетельствует о культовой связи богини и ее паредра.

На Боспоре пока нет столь ранних археологических данных о почитании Геракла, как в Ольвии, тем не менее его культ явно существовал здесь на всем протяжении истории этого государства. О древности боспорского культа Геракла, а также о варварских чертах в его образе прежде всего свидетельствует тот факт, что в таманском культовом мифе герой выступал в качестве защитника местной Великой богини, которая почиталась преимущественно в образе Афродиты Урании, «владычицы Апатура» – святилища с негреческим названием. Характерно, что посвящение Санергу и Астаре – варварским божествам, явно аналогичным по своим функциям божественной паре Геракла и Афродиты, – сопровождали статуи, изваянные в сугубо греческой иконографии (Шауб, 2025).

Древнейшим нумизматическим свидетельством почитания Геракла на территории Боспора являются монеты синдов. На аверсах серебряных триоболов, датируемых периодом ок. 423–400 до н. э. (Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 89), помещена голова Геракла в львином шлеме вправо, с точечным ободком по краю. На оборотной стороне – вдавленный квадрат с головой коня (рис. 1, 7). Возможно, в этом изображении

содержится намек на скифскую этногоническую легенду (местная Великая богиня в облике змеедевы похищает у Геракла его коней).

Голова Геракла в львином шлеме появляется на аверсе бронзовых оболлов Пантикапея в последней трети III в. до н. э. (Молев, 1994. С. 22); на реверсе – палица, под которой лук тетивую вверх (рис. 1, 8). В сочетании с палицей лук явно фигурирует в качестве атрибута Геракла, однако само по себе изображение лука, очень часто встречающееся на различных номиналах бронзовых монет Пантикапея с середины IV по конец II в. до н. э. (напр., Анохин, 2011), с большей вероятностью может быть рассматриваемо как атрибут Аполлона (но едва ли других богов-лучников – Артемиды или Эроta) (Терещенко, Шауб, 2026).

Примерно в то же время (третья четверть III в. до н. э.) голова борода-того Геракла фигурирует на аверсе серебряных драхм Феодосии (Шелов, 1956. С. 221, № 111): на реверсе – палица вправо, снизу которой название города «ΘΕΥΔΟ» (рис. 1, 9). Сочетание на обеих сторонах данных монет изображения героя и его главного атрибута фиксирует существование официального культа этого героя в Феодосии.

По прошествии нескольких столетий образ Геракла вновь появляется на монетах Боспора. Прежде всего, речь идет о серии редких бронзовых двойных денариев царя Савромата II с изображением на реверсе восьми из двенадцати подвигов героя (скорее всего, образцы монетных типов, на которых были представлены остальные четыре подвига, до нас просто не дошли).

Итак, какие сюжеты нам известны: поимка Керинейской лани (рис. 2, 1); Геракл, несущий Эриманфского вепря (рис. 2, 2); очистка скотного двора царя Авгия (рис. 2, 3); Геракл, стреляющий из лука в Стимфалийских птиц (рис. 2, 4); укрощение Критского быка (рис. 2, 5); похищение кобылиц Диомеда (рис. 2, 6); Геракл, срывающий яблоки в саду Гесперид (рис. 2, 7); Геракл, борющийся с Лернейской гидрой (рис. 2, 8).

А. А. Масленников считает, что эти монеты, равно как и другие памятники культа Геракла на Боспоре, относящиеся ко 2-й половине II в. н. э., отражают влияние Рима, в частности императора Коммода, который ассоциировал себя с Геркулесом (Herodian. I. 14, 8) (Масленников, 1986. С. 178). Однако, не оспаривая этот факт, нужно отметить, что традиция почитания Геракла на Боспоре едва ли прерывалась с момента ее возникновения.

Отдельные подвиги Геракла находили отражение в чеканке Боспорского царства и ранее царя Савромата II, однако они не носили серийного характера. Например, на медных монетах царицы Боспора Динамии, период

правления которой приходится на рубеж христианской эры, присутствует подвиг похищения яблок из сада Гесперид (Тюрин, 2021. С. 28). Кроме того, известны двойные денарии с изображением отдыхающего Геракла с чашей и палицей (Фролова, 1977. С. 172, табл. 11, 26).

Версий относительно мотивации боспорского царя, решившего издать серию таких монет, существует немало (см., напр.: Черемисин, Абрамзон, 2018). Как бы то ни было, монеты Савромата II, среди которых, наряду с сочетанием его официального образа с сюжетами подвигов Геракла, фигурирует и изображение этого боспорского царя с атрибутами Геракла и Посейдона – мифических предков династии, наглядно иллюстрируют тезис В. Буркерта, отмечавшего, что Геракл, как «духовная фигура», в античном мире часто выступал как образец правителя (Буркерт, 2004. С. 371).

Анализ всех зафиксированных в греческих колониях Северного Причерноморья монетных типов с изображением Геракла и его атрибутов позволяет заключить, что в этих изображениях нашла отражение главная функция Геракла в его государственном культе – защита полиса и его граждан от внешних и внутренних угроз.

Список литературы

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 2011. 128 с.

Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.

Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. О монетном деле Синдики в конце V – начале IV вв. до н. э. // Записки ИИМК РАН. 2015. № 11. С. 77–96.

Зубарь В. М. О характере культа Геракла в Херсонесском государстве в эллинистический период // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2004. Ч. 2. С. 132–135.

Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1988. 167 с.

Кулланда С. В., Раевский Д. С. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. № 1. С. 79–95.

Масленников А. А. Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 175–179.

Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та 1994. 139 с.

Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. Об изображении оружия в нумизматике Северного Причерноморья. 2026 (в печати).

Туровский Е. Я. Монеты античного Херсонеса: каталог-определитель. Севастополь. 2018.

Тюрин С. С. Античные серии монет, посвященные двенадцати подвигам Геракла (II–III вв. н. э.) // Культурология, искусствознание и филология: от теории к практике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 28 мая 2021 г.) / редкол.: Н. И. Баскакова [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 7–49.

Фролова Н. А. О причинах реформы денежного обращения на Боспоре в правление Савромата II (174–210 гг. н. э.) // Труды ГИМ. 1977. Т. 49. С. 150–180.

Черемисин А. Л., Абрамзон М. Г. Серия двойных денариев Савромата II со сценами подвигов Геракла и официальная идеология Боспора и Рима конца II в. н. э. // Аллея Науки. 2018. № 7 (23), т. 3. С. 218–223.

Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–224.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.) СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 484 с.

Шауб И. Ю. Эллинистические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

Шауб И. Ю. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // МАИАСП. 2023. № 15. С. 701–735.

Шауб И. Ю. Культ Геракла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. 2025. № XVII, 3–4. С. 5–89.

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: изд-во АН СССР, 1956. 222 с.

Ivantchik A. L'idéologie royale des Scythes et son expression dans la littérature et l'iconographie grecques: l'apport de la numismatique // Dialogues d'Histoire Ancienne. 2016. Vol. 42, No. 1. P. 305–329.

Рис. 1. 1 – Ольвия. Статер, серебро. 440–437 гг. до н. э.; 2 – Ольвия. Тетрахалк, бронза. 230–220 гг. до н. э.; 3 – Керчинитида. Дихалк, бронза. 310–310 гг. до н. э.; 4 – Херсонес. Тетробол, серебро; 5 – Херсонес. Дидрахма, серебро. 380–370 гг. до н. э.; 6 – Херсонес. Дидрахма, серебро. 300–275 гг. до н. э.; 7 – Синды. Триобол, серебро. Ок. 423–400 до н. э.; 8 – Пантикапей. Обол, бронза. Последняя треть III в. до н. э.; 9 – Феодосия. Драхма, серебро

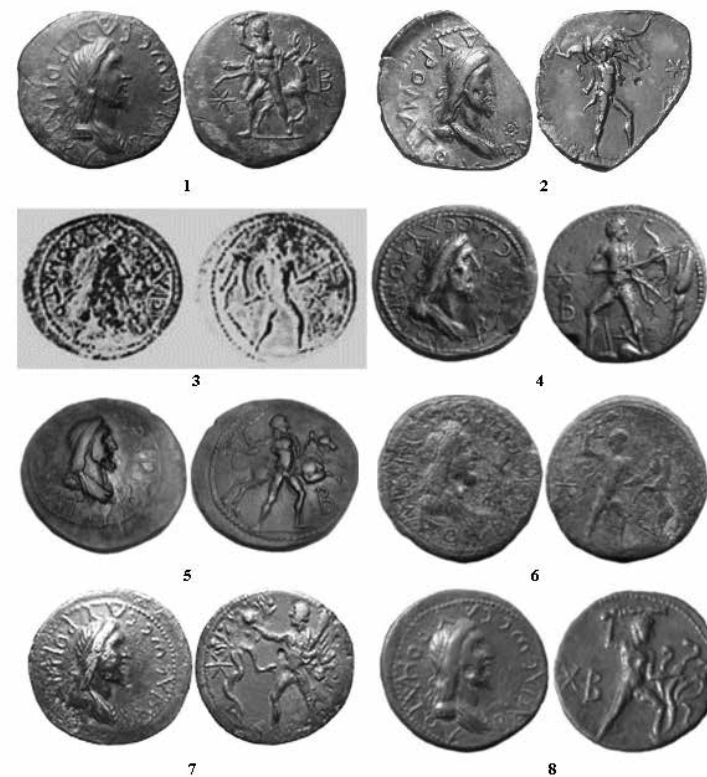

Рис. 2. 1 – Боспор (Геракл и Керинейская лань). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 2 – Боспор (Геракл и Эрманфский вепрь). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 3 – Боспор (Геракл и скотный двор Авгия). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 4 – Боспор (Геракл и Стимфалийские птицы). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 5 – Боспор (Геракл и Критский бык). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 6 – Боспор (Геракл и кони Диомеда). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 7 – Боспор (Геракл и яблоки в саду Гесперид). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.; 8 – Боспор (Геракл и Лернейская гидра). Двойной денарий, бронза. 180–192 гг.

В. П. Яйленко

Независимый исследователь, г. Москва

УСПЕХИ И ОГРЕХИ: О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ СВОЕЙ РАБОТЫ НАД НАДПИСЯМИ В КЕРЧЕНСКОМ МУЗЕЕ

В 1971 г., став научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР, я выбрал предметом исследований эпиграфику Северного Причерноморья: в частности, пересмотр текстологии изданных надписей Боспора и Ольвии. Дело в том, что В. В. Латышев был в музеях юга России, где хранились почти все надписи, лишь два раза, поэтому издавал их в основном по эстампам, присланным корреспондентами. В результате текстология большинства опубликованных им в IOSPE I² (1916, Ольвия, Херсонес), II (1890, Боспор), IV (1901, все вместе) надписей была не вполне точной. Он готовил переиздание этих текстов до своей смерти в 1921 г., по-прежнему не видев подлинников. Издатели «Корпуса боспорских надписей» (1965; далее КБН) использовали его архивную рукопись сполна: из 1328 надписей КБН ок. 1200 заимствовано оттуда (*Nadel, Oświecimski*, 1967. S. 244). Сверку надписей с камнями вела А. И. Болтунова, но ее уже в 1951 г. вывели из состава редколлегии (*Яйленко*, 2019а. С. 622–625). В результате множество документов КБН нуждалось в сверке с подлинниками.

Ввиду изложенного я в 1970-х гг. обследовал подлинники в лапидариях Керчи, Анапы, Одессы, Темрюка, Херсона, Новороссийска, т. е. основную часть боспорского эпиграфического архива, а также отдельные надписи в Эрмитаже и хранилищах Москвы. В целом это составило около шестисот «каменей», больше всего в Керчи (около 400). Надписи хранились в нескольких местах музея. Основная часть – в лапидарии, устроенном тогда в приделе церкви Иоанна Предтечи; немало их было на Царском кургане, а также во дворе музея и в его подвале. Дирекция оказывала всяческое содействие,

вплоть до бытового: тогда в городе была единственная гостиница, и в один мой приезд мест не было, так дирекция разрешила мне ночевать в лапидарии. Мифологические времена! Бывало всякое: и тьма грязи на камнях да около, и физический напряг – нередко приходилось ворочать плиты для осмотра да фотографирования, иные мыть, а одну – на Царском кургане – пришлось даже выкопать из земли. Раз приехал весной работать в подвале, а он оказался затоплен по колено; но в этом крылось и преимущество: ибо под водой, как под линзой, буквы были видны на редкость отчетливо. Это обстоятельство помогло мне прочесть весь сохранившийся на большой мраморной колонне текст надписи КБН 1099, оказавшейся списком гуннских личных имен. Все это, наряду с кабинетной работой, позволило уточнить текстологию сотен надписей – и из КБН, и изданных позднее. Тогда же пропустил через свои руки и сотни граффити из разных центров Северного Причерноморья. За несколько лет этой сверки я получил огромный опыт практической работы эпиграфиста, такой был лишь у В. В. Латышева, Э. И. Соломоник, А. И. Болтуновой – только они работали с массовым лапидарным материалом¹.

Результаты многолетней музейной и кабинетной текстологической работы я изложил сначала в статье «Материалы по боспорской эпиграфике» (*Яйленко*, 1987), затем при содействии А. А. Масленникова, нашедшего деньги на издание, – в книге «Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.» (М., 2010; далее – ТБР). Статья 1987 г., коренным образом переработанная и расширенная, составила содержание второго раздела ТБР «*Vademecum по Корпусу боспорских надписей*», основная тематика которого – текстология надписей: и КБН, и опубликованных после 1965 г. Названия глав этого раздела (С. 477–656) таковы: «Надписи V в. до н. э. Надписи IV–I вв. до н. э. Надписи времени Аспурга, Котиса I и Рескупорида II. Надписи времени Савромата I. Надписи времени от Котиса II до Рескупорида III. Эпиграфические источники о боспорско-херсонесских и боспоро-скифских отношениях при Савромате II и Рескупориде III. Надписи II–III вв. н.э. о землеустройстве и экономике. Частные почетные

¹ Этот опыт вполне позволял мне справляться со своими оппонентами. У моего «штатного» оппонента 1973–2000 гг. Ю. Г. Виноградова не было такого опыта, поэтому я выявлял бесконечные ошибки его публикаций новых надписей, главным образом ольвийских (*Яйленко*, 1996; 2017, *passim*). Объективности ради отмечу, что он хорошо знал как специальность, так и зарубежную литературу по эпиграфике, чего не скажу о следующих своих оппонентах С. Р. Тохтасьеве (разбор ошибок всего лишь в трех его статьях 2006–2007 гг. см.: ТБР. С. 120–192), А. И. Иванчике (о его эпиграфических красотах: ТБР. С. 120, 208–212, 528, 597–603; *Яйленко*, 2015; 2019б. С. 191–195; также ряд других; о его «рецензии» на ТБР скажу далее).

надписи. Надписи фиасов и списки имен. Эпитафии. Строительные надписи. Надписи III–IV вв. н. э. Надписи Танаиса и его окрестностей. *Varia*. Надписи Горгииппии».

Первый раздел ТБР «Очерки истории и эпиграфики» (С. 7–476) составили статьи по истории Боспора от VI в. до н. э. по V в. н. э., написанные по данным лапидарной эпиграфики, отчасти граффити. Большинство статей было издано ранее, но они дополнены новыми материалами и весьма доработаны; часть статей написана специально для ТБР. Вот главы этого раздела: «Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре. Вотив Левкона I из Лабриса. Надписи времени Левкона I, Перисада I и Евмела. Титулатура первых Спартокидов. Боспорские проксении. Мнимые проксения Ольвии боспорскому Сатиру I и договор с Левконом I. Эпиграфические данные об экономике и демографии Боспора IV–II вв. до н. э. Испражнение в храме как крайний способ материалистического отторжения религии. Превратное освещение антропонимики и эпиграфики Боспора V–III вв. до н. э. Вотив дочери Скилура. Надписи, относящиеся к Митридату Евпатору и Фарнаку. Династическая история Боспора. Титулатура боспорских царей I в. до н. э. – I в. н. э. Агриппия, Кесария и другие автономные полисы римского времени. Рескрипты боспорских царей и *fundamentum* I–II вв. н.э. Поход Савромата I против псеханов на азиатском Боспоре. Город Никея-Никополь на Тамани, основанный Савроматом I (КБН 44 и 1112). Рельеф вотива фиасотов бога Танаиса КБН 1259. Манумиссии и общие вопросы вольноотпущенничества на Боспоре. Аристопилиты царя Тираниса. “О бедном Устане замолвите слово...”. Гунно-булгары II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимии». Завершили книгу небольшой третий раздел «Новые мелкие надписи» (С. 657–677), список литературы, сокращений, указатель надписей, Content (С. 678–739). Читатель должен согласиться, что столь разнообразного исследования всевозможных вопросов тысячелетней истории Боспора, основанного на сильно уточненной текстологии эпиграфических источников, не было после обобщающей, но весьма устаревшей монографии В. Ф. Гайдукевича 1949 г. «Боспорское царство» (дополненное издание: *Gajdukevi*, 1971). Нет и поныне².

Далее мне, увы, приходится сменить литавры на заунывную флейту: название ТБР оказалось неудачным, чем вполне воспользовался мой оппонент А. И. Иванчик, слабый эпиграфист, но мастер диффамации (напомню,

что он всячески препятствовал изданию так необходимого нам «КБН-альбома», созданного А. К. Гавриловым сотоварищи)³. Сознаю, я сам дал ему карты в руки заголовком «Тысячелетний Боспорский рейх», да еще поместив на обложке фото фронтона танаисской надписи КБН 1260 с распростершим крылья орлом. На таком материале А. И. Иванчик искусно повел свой критический разнос (ВДИ. 2011. № 4. С. 277–279). Обычно критически настроенные рецензенты разносят содержание неугодной им книги. Но для него содержание ТБР – *terra incognita*, он просто не знает боспорскую эпиграфику, поэтому «разгулялся» на одной обложке! Название да орел дали ему повод обвинить меня в нацизме, а вырванные из контекста мои слова из полемики с И. А. Левинской о роли иудеев в отпуске рабов на волю (глава «Манумиссии и общие вопросы вольноотпущенничества на Боспоре») повлекли обвинение в антисемитизме. При реалиях современной России это серьезные обвинения, поэтому многие коллеги – антиковеды по Северному Причерноморью, учитывая к тому же его должность главного редактора ВДИ, поначалу предпочли воздерживаться от ссылок на ТБР. К сожалению, они не вполне вникли в действительный смысл выражения «тысячелетний рейх», посчитав его фашистским. На деле же его (это словосочетание) использовали немецкие историки уже в XIX в., говоря о тысячелетних империях. Фашистским же по сути оно было только со словом «третий» – «третий рейх», «тысячелетний третий рейх», и то лишь с 1934 по 1943 г. (*Меллер, Васильченко*, 2009. С. 69–83). «Тысячелетнее царство» – библеизм (Откр. Иоанна, 20), популярное со средневековья по XX в. О том, что никакой связи выражения «тысячелетний рейх» с фашизмом нет, говорит хотя бы название книги В. Фрэнгера о средневековом художнике Иерониме Босхе: *Fränger W. Das Tausendjährige Reich. Grundzüge einer Auslegung* (Koburg, 1947). Да и немецкое издание книги В. Ф. Гайдукевича (1971 г.) несет это слово в заголовке. Что до употребленного мною слова «рейх», то достаточно заглянуть в современный словарь иностранных слов, чтобы убедиться – это лексема **русского языка** (например: Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 425). Я люблю подпускать германизмы в нашу ученую лексику (так, с моих выступлений на Цхалтубских симпозиумах 1970-х по эллинизму среди коллег закрепилось слово «хинтерланд» как обозначение территорий к северу от причерноморских

³ Издан в Санкт-Петербурге в 2004 г. на немецкие деньги. А. И. Иванчик письмами убеждал «Фонд Круппа» не давать денег, понося КБН-альбом и его создателей, но немцы оказались упорными и издали книгу, нужную нам, но не им. См. обо всей этой истории: *Gavrilov et al.*, 2006; *Яйленко*, 2019а. С. 639.

² В сборнике статей Ю. Г. Виноградова (*Pontische Studien*. Mainz, 1997) Боспору уделено лишь 75 страниц.

полисов), отсюда и «рейх» в заголовке ТБР. Боспорское царство действительно существовало тысячу лет (VI в. до н. э. – V/VI вв. н. э.) подобно Римскому государству (710 г. до н. э. – 476 г. н. э.), Византии (IV в. – 1453 г.), Священной Римской империи (800–1805 гг.). У всех них государственный символ: распростерший крылья орел. Боспор был клиентской провинцией Рима, а в VI в. на какое-то время, естественно, стал частью Восточной Римской империи, сиречь Византии. На его монетах и рельефах, в том числе и на танаисском рельефе КБН 1260, орел символ Зевса / Юпитера. Поэтому, поместив его на обложке ТБР, я подчеркнул этим преемство Боспора от Рима до Византии. Всю историю с рецензией А. И. Иванчика на ТБР я подробно разъяснил (*Яйленко*, 2017. С. 655–660), в том числе показал, что книга – «кость в горле» курируемому им переизданию на деньги французов боспорского тома IOSPE. Надеюсь, после этих разъяснений отношение коллег к ТБР станет лояльней⁴.

Список литературы

Меллер ван ден Брук А., Васильченко А. В. Миф о вечной империи и Третий рейх. М.: Вече, 2009. 366 с.

Яйленко В. П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.: Институт всеобщей истории, 1987. С. 4–200.

Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура древнего мира. М.: Горный ун-т, 1996. С. 175–222.

Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф и К, 2010. 740 с.

Яйленко В. П. Слово и дело: о публикации ольвийского декрета в честь смирейца Стефана // АМА. 2015. Вып. 17. С. 195–208.

Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1023 с.

Яйленко В. П. Итоги развития и перспективные задачи эпиграфики античного Северного Причерноморья // ДБ. 2019а. Т. 24. С. 616–652.

Яйленко В. П. Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ // БИ. 2019б. Вып. 39. С. 117–209.

Яйленко В. П. Критика критики: о рецензиях на «Тысячелетний Боспорский рейх» и византийский раздел «Истории и эпиграфики Ольвии, Херсонеса и Боспора» // ДБ. 2021. Т. 26. С. 400–447.

Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag. 1971. 698 S.

Gavrilov A., Pavlichenko N., Keyer D. 2006. <Response to A. Ivantchik> // Bryn Mawr Classical Review, 2006-02-15 (электронный ресурс).

Nadel B., Oświecimski S. Nowe wydanie napisow bosporanskich // Archaeologia. 1967. Т. 18. S. 241–245.

⁴ О заказной критической рецензии А. Аврама на ТБР см: *Яйленко*, 2017. С. 663; 2021. С. 432–436.

С. В. Ярцев

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, г. Тула;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

г. Белгород

Е. В. Шушунова, Ц. Чжан

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого, г. Тула

НОВАЯ НАХОДКА СВИНЦОВОЙ ПЛАСТИНЫ НА ПОСЕЛЕНИИ «АДЖИЭЛЬ I» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В ходе археологических исследований поселения «Аджиэль I» (I в. до н. э. – начало II в. н. э.) в Крымском Приазовье в 2025 г. на юго-западном участке квадрата № 2, в слое светлого желто-коричневого суглинка на глубине 0,4 м, была найдена свинцовая пластина в свернутом виде (рис. 1). Исходя из многочисленного амфорного материала, среди которого доминируют фрагменты амфор типов С I и С III по С. Ю. Внукову, слой датирован I в. до н. э. – началом II в. н. э. Остатки оборонительных стен, выявленных до этого на памятнике в ходе шурфовок, позволяют предполагать, что «Аджиэль I» представляет собой небольшой укрепленный форт, связанный со вторым проходом в Узунларской оборонительной линии и стоящей в этом районе сторожевой башней (Шушунова и др., 2025). Особенности расположения поселения, специфика его населения, по большей части находящегося на царской службе и охраняющего этот участок границы, повышают наш интерес к найденному артефакту.

Надо сказать, что свинцовые изделия в античности не являлись большой редкостью. Из этого металла делали особые фигурки, отражающие религиозные воззрения населения (букрании, лабрисы, всадники и т. д.), а также гири, грузила, скрепы, амулеты и даже пращевые пули (Папанова, Ляшко, 2014). Нередко среди археологических находок встречаются

и свинцовые тессеры – особые предметы, связанные с земледельческой религией или даже играющие роль входных билетов для посещения театральных представлений либо спортивных состязаний (Абрамзон и др., 2017). Свинцом нередко закрепляли мраморные статуи на постаменте, соединяли детали глиняных скульптур (Кашкаров и др., 2021. С. 166) или даже делали из него некоторые детали деревянных якорей (штоки или рамы для скрепления рогов якоря) (Зинько, 2018. С. 60). Непосредственно же свинцовые пластины, как правило, использовали для письма (Тохтасьев, 2000; Сапрыкин, Зинько, 2003; Сапрыкин, Масленников, 2007; Сапрыкин, Федосеев, 2008). Однако на пластине из поселения «Аджиэль I» при развертывании ее в лаборатории Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника надписей обнаружено не было. Это обстоятельство сразу позволило предположить, что данную пластину могли использовать в качестве грузила, ведь, как известно, масштаб рыбного промысла в том же Азовском море в античности был довольно значительным (Зинько, 2018. С. 56; 2023. С. 92–93). При этом факт использования подобных свинцовых пластин в качестве грузил периодически отмечается учеными (Молев, 2011. С. 125; Зинько, 2023. С. 97, 100). Учитывая, что практически на всех боспорских приморских поселениях, особенно в первые века нашей эры, прослеживаются следы рыболовства (Кругликова, 1975. С. 212), можно предположить, что обнаруженная в «Аджиэль I» свинцовая пластина являлась грузилом для какого-то приспособления, которое использовалось для ловли рыбы. Это вполне могла быть специальная накидка (намет), представляющая собой особую снасть, напоминающую большой конусовидный мешок с обшитым грузилами краем. В таких грузилах специально проделывалось отверстие, через которое протягивалась веревка, затягивающая горловину. Именно для этого приспособления грузила специально отливали из свинца. Поэтому именно здесь нередко применяли свинцовые пластины в свернутом виде, так как у них уже имелось необходимое отверстие (Зинько, 2023. С. 99–100). Но вероятнее всего, с учетом единичности находки, свинцовая пластина из «Аджиэль I» могла иметь отношение к небольшой удочке, которую использовали для индивидуальной рыбалки. Считается, что грузила среднего веса (до 50 г.) идеально подходили для этой цели. Вот почему именно свинцовые пластины являлись оптимальными грузилами для таких рыболовных орудий. Они сочетали компактность и увесистость, предоставляя рыбаку возможность удобно регулировать их вес, особенно при ловле рыбы на различной глубине (Куликов, 1998. С. 189). К этому стоит еще добавить, что грузило в виде свинцовой пластины на «Аджиэль I» хорошо

сочетается также с предыдущими находками из этого памятника, в первую очередь, с другими керамическими грузилами, сделанными уже из ручек амфор. Не исключено, что производство таких предметов вторичного использования восходит к меотийской традиции местных варваров, давно проживающих на побережье Азовского моря и промысляющих рыбным промыслом (*Ярцев и др.*, 2023а. С. 120; 2023б. С. 335, 340, рис. 4).

Тем не менее, несмотря на такую, казалось бы, логичную интерпретацию найденной свинцовой пластины в контексте предыдущих находок на «Аджиэль I», не все с данным предметом выглядит так однозначно. Сильно смущает характер врезной полосы на одной из сторон находки, а также небольшое отверстие, явно пробитое ударом острым предметом (гвоздем?) сверху уже свернутой пластины. Проблема в том, что ровная врезная полоса должна была подтвердить нашу версию о вторичном использовании предмета в качестве грузила. Однако, как мы видим, эта полоса неровная (то есть она явно не предназначена под веревку), да еще и располагается не по центру, более напоминая удар острым ножом по уже свернутому предмету (рис. 2). Кроме того, помимо сквозного отверстия, на этой же стороне свернутой пластины виден еще ряд вмятин, которые были получены в результате внешнего воздействия, что могло произойти как уже после эксплуатации предмета, так и во время его использования по назначению.

В этой связи заметим, что при исследовании аналогичных свинцовых пластин античного времени отмечено наличие на некоторых из них надписей – заклятий и наговоров, что коррелирует с обнаружением их по большей части именно на сакральных участках памятников (*Добролюбский, Красножон*, 2007. С. 90). Как правило, тексты таких *defixionum tabellae* содержат имена людей, которые предавались проклятью, и слова наговоров для достижения этой цели (*Яйленко*, 2005. С. 471–482; *Сапрыкин, Федосеев*, 2008. С. 70–71). Учитывая, что в античной традиции свинец – это металл Кроноса, иногда его связывают с тяжестью, плотностью и «нездоровым» состоянием человека. Соответственно, принесение в жертву свинцовых предметов оздоравливало тех, кто совершал обряд (*Добролюбский, Красножон*, 2007. С. 90).

Однако не будем забывать, что тот же титан Кронос в конечном итоге был побежден Зевсом и другими своими детьми и сброшен в Тартар (*Hes. Theog.* 675–740). Это объясняет, почему свинец отождествляется в первую очередь именно со смертью и разрушением и может нести проклятому человеку только беду. Одним из главных критериев присутствия магии при использовании свинцовых пластин как раз и являются следы внешнего

воздействия на свернутую перед этим такую табличку. При этом данную пластину необходимо обязательно пробить гвоздем или повредить ножом, что должно было принести человеку, имя которого перед этим записывалось на табличке, болезнь и смерть. Более того, то обстоятельство, что многие пробитые пластины оказывались без текста, могло означать, что надписи здесь заменялись словами-проклятиями. Поэтому удары по пластинам без текста также достигали своего эффекта. Они не просто усиливали наговор (*Папанова, Ляшко*, 2015. С. 173–174), а ритуально «убивали» людей, чьи имена оказывались «запечатанными» в этих свернутых свинцовых предметах. Пробитое отверстие к тому же устанавливало связь между реальным и потусторонним мирами, открывая прямой путь для совершения божеством подземного мира мести недоброжелателям. Видимо, по этой причине такие пластины с наговорами и именами обидчиков необходимо было для большей эффективности закапывать на кладбище, что означало передачу последних под власть подземных богов (*Яйленко*, 2005. С. 471).

По нашему мнению, свинцовая пластина, найденная на поселении «Аджиэль I», скорее всего, отражает именно такой древний ритуал. Учитывая находку предмета в слоях разрушения античного форта, можно только догадываться о мотивах человека, совершившего именно здесь древний магический обряд с использованием свинцовой пластины.

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Гунчина О. Л., Остапенко С. Н.** Свинцовая тессера из Фанатории // ПИФК. 2017. № 3. С. 431–437.
- Добролюбский А. О., Красножон А. В.** Древнегреческое святилище на Живаховой горе в Одессе // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2 / под ред. В.Ю. Зуева. СПб.: изд-во ГЭ, 2007. С. 88–94.
- Зинько А. В.** К вопросу о локализации якорных стоянок древних судов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2018. Т. XXIII. С. 55–69.
- Зинько А. В.** Рыбный промысел на Боспоре Киммерийском // БИ. 2023. Вып. XLVI. С. 92–115.
- Кашкаров П. К., Ковальчук М. В., Макаров Н. А., Яцишина Е. Б., Грешников Э. А., Анциферова А. А., Волков П. А., Говор Л. И., Ольховский С. В., Преснякова Н. Н., Светогоров Р. Д.** Происхождение свинца в составе античной керамической скульптуры из Керченской бухты // Кристаллография. 2021. Т. 66. № 1. С. 159–168.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 186–201.

Молев Е. А. О рыболовстве в Китее // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 123–142.

Папанова В. А., Ляшко С. Н. Свинцовые фигурки из Ольвийской усадьбы IV в. до н. э. // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2014. Т. XVII. С. 207–229.

Папанова В. А., Ляшко С. Н. Свинцовые культовые изделия из пригородных усадеб Ольвии // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2015. Т. XVIII. С. 171–180.

Сапрыкин С. Ю., Зинько В. Н. *Defixio* из Пантикапея // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 266–275.

Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории // ВДИ. 2007. № 4. С. 50–61.

Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3. С. 64–80.

Тохтасьев С. Р. Новые *tabellae defixionum* из Ольвии // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. F. 2. С. 296–316.

Шушунова Е. В., Ярцев С. В., Филатов Р. И., Чжан Ц. Некоторые вопросы исследования нового памятника археологического наследия «Поселение «Аджиэль I» в Восточном Крыму // Классическая и византийская традиция. 2025: сборник материалов XIX Междунар. науч. конф. / под ред. Н. Н. Болгова. Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. С. 153–163.

Яйленко В. П. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 465–514.

Ярцев С. В., Шушунова Е. В., Внуков А. А. Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактной зоне Восточного Крыма во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалу новейших археологических исследований в Аджиэльской балке) // Исторический бюллетень. 2023а. Т. 6. № 4. С. 116–128.

Ярцев С. В., Шушунова Е. В., Внуков А. А., Смекалов С. Л. Предварительные итоги археологических исследований на объекте «Аджиэль I» в Ленинском районе Республики Крым // История и археология Крыма. 2023б. Вып. XIX. С. 335–341.

Рис. 1. Поселение «Аджиэль I». Слой светлого желто-коричневого суглинка I в. до н. э. – нач. II в. н. э. Свинцовая пластина в свернутом виде

Рис. 2. Поселение «Аджиэль I». Сквозное отверстие и другие повреждения свинцовой пластины в свернутом виде

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск/Екатеринбург
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АО – Археологические открытия. М.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БФ – Боспорский феномен. СПб.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВКИКМЗ – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
ГИМ – Государственный исторический музей
ГК – Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГОСНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора. М.
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЕГИСУ НИОКТР – Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАКр. – История и археология Крыма. Симферополь
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КБН – Корпус боспорских надписей / под ред. В. В. Струве и др. М.; Л., 1965.
КИАМ – Керченский историко-культурный музей
КМ – Краснодарский музей

КСИА – Краткие сообщения Института археологии СССР. М.
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛИ – личное имя
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
 МГПУ – Московский государственный педагогический университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МО ГАИМК – Московское Отделение Государственной Академии истории материальной культуры
 НА ВКИКМЗ – Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника
 НА КИКЗ – Научный архив Керченского историко-культурного заповедника
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
 ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск
 ПФНИ ГАН – Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук
 РА – Российская археология. М.
 РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
 РАН – Российская академия наук
 РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
 РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СибФУ – Сибирский федеральный университет
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 ТВР – температурно-влажностный режим
 УкрГІІНТІЗ – Украинский государственный институт инженерно-технических изысканий
 УСНРПИ – Украинский специальный научно-реставрационный проектный институт
 ФО НА ИИМК РАН – Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН
 ХС – Херсонесский сборник. Севастополь
 ΑΕΜΘ – Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη, Thessaloniki
 АСО – Acta Conciliorum Oecumenicorum
 ADerg – Arkeoloji Dergisi Ege Üniversitesi, İzmir
 AD Meletai – Archaialogikon Deltion, Athenes

AJA – American Journal of Archaeology
 ASCSA – American School of Classical Studies at Athens
 BAPD – Beazley Pottery Data Base
 BAR – British Archaeological Reports. Oxford
 DNP – Der Neue Pauly. Stuttgart
 EAD – Exploration archéologique de Délos. Paris
 HGC 3 – *Hoover O. D. (ed.). Handbook of Greek Coinage Series. Vol. 3.1: Macedon, Illyria, and Epeiros. Lancaster PA; London, 2016.*
 IAWA – International Association of Wood Anatomists
 IG – Inscriptiones Graecae
 IOSPE – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
 IGDOP – Inscriptions Grecques Dialectales D’Olbia du Pont. Genève, 1996
 KW – *Kieseritzky G. von, Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin: G. Reimer, 1909.*
 NNM – Numismatic Notes and Monographs. New York
 PATABS – Production and trade of amphorae in the Black Sea
 PG – Patrologiae cursus completus: Series Graeca
 PM – *Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Bd. I. Mainz: P. von Zabern, 1977.*
 RE – Pauly-Wissowa-Kroll, Reallexikon der Klassischen Altertumswissenschaften. Stuttgart
 Syll.³ – Syllogae inscriptionum graecarum. 3. ed.
 ZfN – Zeitschrift für Numismatik. Berlin
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
Л. Х. Алиева (Белгород). К вопросу о культе Вулкана у римских военнослужащих на территории Таврики	9
М. М. Ахмадеева, О. Ю. Соколова, Н. Ю. Новоселова (Санкт-Петербург). Новые данные о виноделии эллинистического Нимфея	13
Д. В. Бейлин (Симферополь), И. В. Рукавишникова (Москва). Новые археологические памятники ближайшей округи Мирмекия (к археологической карте г. Керчь)	21
А. П. Бехтер (Санкт-Петербург). Остраконы из раскопок ольвийского дикастерия в 1963–1964 гг.	31
А. В. Бонин, С. А. Буравлев, С. А. Ермолин (Москва). Усадьба на участке 111 хоры Херсонеса	38
Н. В. Быковская, Н. Л. Кучеревская (Керчь). К вопросу о спасении склепа Деметры	46
В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев (Санкт-Петербург). Формирование сакрального ландшафта южного пригорода Херсонеса Таврического в IV–III вв. до н. э.	55
А. А. Вахонеева (Севастополь – Симферополь). Бронзовый амулет-змеевик из предместья византийского Херсона	60
М. Ю. Вахтина (Санкт-Петербург). Елизавета Григорьевна Кастанаян и исследования античного городища Порфмий в Восточном Крыму	65
Н. И. Винокуров (Москва). Жертвоприношение расчлененного коня восточнее алтаря храма Зевса Генарха и Сотера – новый ритуальный комплекс хтоническим богам III– IV вв. н. э. на южном теменосе городища Артезиан	74

А. А. Внуков (Тула). Находки гуннского времени в Кизиярской балке и сообщение Аммиана Марцеллина о восстании Витимира	84
В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург). Римские бронзовые изделия из пантикапейского склепа Юлия Каллисфена (к дискуссии о датировке погребального комплекса)	92
А. Ю. Елизарова (Феодосия), Т. Н. Смекалова, С. К. Фридрихсон, А. С. Деваев (Симферополь). Металл акваманила из Феодосийского музея древностей	97
Н. В. Ефремов (Штральзунд), А. Б. Колесников (Москва), Е. В. Болонкина (Керчь). Керамические клейма Менды из Северного Причерноморья	104
Ю. П. Зайцев, Т. Н. Смекалова, С. К. Фридрихсон (Симферополь). Бронзовые детали убранства боевого коня из кургана у с. Чистенькое: рентгенофлуоресцентное исследование состава сплава	112
В. Г. Зубарев, К. О. Маркова (Тула). Стеклянные изделия из раскопок некрополя городища «Белинское» (раскопки 2005–2025 гг.)	120
А. К. Каспаров, Е. С. Кондрашова (Санкт-Петербург). Сходство и различие лошадей римского времени Тамани и Восточного Крыма на основе материалов могильника Ястребовско-Бережное 1 на Тамани и отдельных памятников Восточного Крыма	128
С. В. Кашаев (Санкт-Петербург), Н. И. Сударев (Москва). Чернофигурные сосуды из раскопок некрополя Артющенко-2	134
А. Е. Кислый (Симферополь). Поверженные античные надгробия у подножья Митридата. Barbari ante Panticaraeum	141
А. В. Ковальчук (Москва). Подготовка каталога IosPE III: работа Б. Н. Гракова в Керченском историко-археологическом музее в 1954 г.	150

П. В. Кузенков, Ю. М. Могаричев (Симферополь). К вопросу о представителях Воспорской епархии на Вселенских и поместных соборах IV–VIII вв.	153
А. В. Куликов (Керчь). «Скифские луки» и стрелы из Трехбратних курганов: к 60-летию открытия погребальных комплексов	160
Н. Л. Кучеревская, Т. В. Умрихина (Керчь). О создании комплекса «Лапидарий – Музей каменных древностей»	170
В. В. Майко (Симферополь). К вопросу о т. н. «скоплениях» железных предметов на салтово-маяцких памятниках Восточной Таврики VIII–IX вв.	178
А. А. Масленников (Москва), Т. Н. Смекалова, Л. Л. Леонов, А. Н. Гаврилюк (Симферополь). Рентгенофлуоресцентный анализ состава сплава наконечников стрел из могильника Стоячий Камень близ с. Золотое в Крымском Приазовье, VI–III вв. до н. э.	184
А. А. Михуткин, Э. А. Грешников, И. Н. Трунькин, С. В. Ольховский (Москва). Исследование древесины корабля I в. до н. э. из Фанагории методами конфокальной лазерной сканирующей микроскопии, растровой электронной микроскопии и комплементарными методами	196
Н. В. Молева (Нижний Новгород). Дисковидные алтари из святилищ боспорского города Китея	204
А. С. Намойлик (Севастополь). Магические граффити на пифосе из Херсонеса Таврического	208
А. М. Новичихин (Нальчик). Позднеантичное святилище на хоре Горгииппии (по материалам разведки 1994 г. и сборов 1995–2000 гг.)	218
В. Н. Парфенов (Саратов). Отражение характера римско-боспорских отношений в монетной чеканке первых лет правления Асандра	228

И. В. Рукавишникова (Москва), Д. В. Бейлин, Л. Ю. Пономарев (Симферополь). Жилой комплекс ранневизантийского периода в каменном склепе конца IV в. до н. э. кургана Госпитальный в Керчи	233
Е. А. Савостина (Москва). Керченские древности и визуализация истории	243
С. Л. Смекалов, А. А. Внуков, К. О. Маркова (Тула). Сакрально-погребальные объекты на карте конца XIX в. в сопоставлении с современными картами, космическими и аэроснимками для территории Керченского полуострова восточнее Узунларского вала, южнее трассы «Таврида»	252
Т. Н. Смекалова, А. С. Деваев, Д. О. Савельев, Л. Л. Леонов, А. Н. Гаврилюк, С. К. Фридрихсон (Симферополь). Новое античное поселение Бабчик Западный 3 в Крымском Приазовье: междисциплинарное исследование	259
Т. Н. Смекалова, Л. Л. Леонов (Симферополь). Состав сплава гирь античного Херсонеса: рентгенофлуоресцентное исследование	265
С. Л. Соловьев (Санкт-Петербург), Л. Г. Шепко (Донецк). Материалы поселения Заветное 5 в собрании Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника	272
Н. И. Сударев, А. В. Иванов (Москва). К вопросу о происхождении грунтовых склепов Боспора	277
А. А. Супренков (Симферополь). Вал Безкровного в Восточном Крыму. Общие результаты работ 2017–2021 гг.	284
А. Е. Терещенко (Санкт-Петербург). Лев и оружие (на примере пантикапейских статеров IV в. до н. э.)	294
Е. В. Фокеева (Москва). Эллинистические рельефы с изображениями герм	299

З. В. Ханутина (Санкт-Петербург), В. А. Хршановский (Москва). Фрагмент терракотовой статуэтки всадника из раскопок юго-западного зольника Илурата	307
В. А. Хршановский (Москва). Склепы, сложенные из блоков и плит, на некрополе Китаея (по результатам раскопок 1989–2005 гг.)	316
Е. В. Четверкина (Санкт-Петербург). Керамика во вторичном пользовании из Ольвии (по материалам ИИМК РАН)	329
И. Ю. Шауб, А. Е. Терещенко (Санкт-Петербург). Геракл и его атрибуты на монетах Северного Причерноморья	338
В. П. Яйленко (Москва). Успехи и огрехи: о некоторых результатах своей работы над надписями в Керченском музее	346
С. В. Ярцев (Тула – Белгород), Е. В. Шушунова, Ц. Чжан (Тула). Новая находка свинцовой пластины на поселении «Аджиэль I» в Восточном Крыму	352
Список сокращений	359

Научное издание

XXVII БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

К 200-летию Керченского музея древностей

Редакторы-составители: Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева

Научный редактор: А. А. Масленников

Редактор: А. В. Меньшиков

Верстка и подготовка иллюстраций: А. Старчеус

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
23,0 п. л. Тираж 100 экз.
Отпечатано с оригинал-макета